

Е.С.З(4/лет)6_2
1172
Гвидо Джакомо

ПРЕПАРАТА

ГИТЛЕР, Inc.

**КАК
БРИТАНИЯ
И
США
СОЗДАВАЛИ
ТРЕТИЙ
РЕЙХ**

■ **ПОКОЛЕНИЕ**

ГИТЛЕР, Inc.

**КАК
БРИТАНИЯ
И США
СОЗДАВАЛИ
ТРЕТИЙ
РЕЙХ**

Conjuring Hitler

How Britain and America
Made the Third Reich

Guido Giacomo
PREPARATA

Pluto Press
London. Ann Arbor, Mi

Гвидо Джакомо ПРЕПАРАТА

ГИТЛЕР, Inc.

КАК БРИТАНИЯ И США СОЗДАВАЛИ ТРЕТИЙ РЕЙХ

*Перевод с английского
А.Н. Анваера*

Москва

■ ПОКОЛЕНИЕ
2007

УДК 94(430)"1939/1945"
ББК 63.3(4Гем)62
П72

Препарата Гвидо Джакомо

П72 ГИТЛЕР, Инс. Как Британия и США создавали Третий рейх / Пер. с англ. А. Н. Анваера – М.: Поколение, 2007. – 448 с.

ISBN: 978-5-9763-0035-4 (рус.)

ISBN: 0-7453-2181-X (англ.)

Гвидо Джакомо Препарата ставит перед собой цель выяснить, какие силы привели к власти в Германии в 1930-е годы мракобесов во главе с Адольфом Гитлером и помогли ему развязать одну из самых страшных трагедий в истории человечества – Вторую мировую войну. Анализируя события, последовавшие за неожиданным расцветом объединенной Германии в конце XIX века, он приходит к выводу, что молодое амбициозное государство в первую очередь бросило вызов могуществу Британской империи. Настоящим кошмаром для Британии оказалось бы «братское слияние» Германии с Россией – подобное геополитическое образование неминуемо уничтожило бы ее мировую гегемонию. Чтобы не допустить подобного в будущем, английская правящая элита разработала план внедрения в России и Германии конфликтных режимов. Война и «железный занавес», разделивший центр Европы, явились успешным завершением этого плана.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей и экономикой.

УДК 94(430)"1939/1945"

ББК 63.3(4Гем)62

Copyright © Guido Giacomo Preparata
This edition of CONJURING HITLER first published
by Pluto Press, London 2005.

This translation is published by arrangement with Pluto
Press Ltd'.

The right of Guido Giacomo Preparata to be indenti-
fied as the author of this work has been asserted
by him in accordance with the Copyright,
Designs and Patents Act 1988.

© Перевод Анваера А.Н., 2007

© Художественное оформление Амитон Е.Л., 2007

© ООО Издательство «Поколение», 2007

ISBN: 978-5-9763-0035-4 (рус.)

ISBN: 0-7453-2181-X (англ.)

Сюзанне

Содержание

Хронология уничтожения Германии (1900–1945 годы)	9
Предисловие	13
1. Введение: Евразийская общность. Начало осады Германии и Первая мировая война; 1900–1918 годы	23
Второй рейх: трагедия имперского становления.....	23
Центральный регион, полумесяц и кошмар британской геополитики	32
Кровь Романовых и окружение Германии	43
«Полезные идиоты» из Сараево	49
Осада Германии	52
Призвание Ленина.....	58
Последние дни Америки: от республики к агрессивной империи.....	73
2. Вебленово пророчество. От Советов до Версаля по пути русского братоубийства; 1919–1920 годы	78
Невозможная революция	78
Вступление Гитлера в материнскую ложу	99
Предательство союзниками русского Белого движения	104
Мирный договор, оказавшийся слишком жестким	122
Сон про Гитлера и расшифровка версальских статей.....	131
3. «Таяние» Германии и геополитическая корректность «Майн Кампф». От Капповского до пивного путча; 1920–1923 годы	143
Эрцбергер: в одиночку против инфляции.....	143

Миссия Требиш-Линкольна и провал Капповского путча	155
Вальтер Ратенау — невольная жертва русско-германского пакта	176
Чистилище 1923 года: гиперинфляция	188
Первый натиск нацистских фундаменталистов	201
4. «Надоедливый план платежей». Каким образом управляющий Норман обрек Европу на проклятие; 1924–1933 годы	211
Банковская «сеть» и правила золотой игры.....	211
Монтегю Норман и «национализация банка».....	224
План Дауэса и гиеродул Шахт.....	241
«И. Г. Фарбен» и первая немецкая пятилетка	250
Великая британская шарада: крах нового золотого стандарта	258
Последняя интрига Курта фон Шлейхера и конец Веймара	279
5. Рейх на мраморных скалах. Огонь, ловкость рук и маскарад — путь к «Барбароссе» — 1933–1941 годы	300
Нацистский переворот	301
Магий денег, создание рабочих мест и иностранная помощь	312
Британский маскарад и повторный обман Германии	336
Советская легенда о безумии и самопожертвовании.....	358
Ложная война на Западе и истинный натиск на Восток	372
6. Заключение	383
Примечания.....	392
Избранная библиография	432
Благодарности.....	447

Хронология уничтожения Германии (1900–1945 годы)

- 1900 Ускоренными темпами начинается строительство германского военно-морского флота
- 1904 Заключение стратегического союза между Британией и Францией
- 1907 С целью стратегического окружения Германии заключается тройственный союз – Антанта – между Британией, Францией и Россией
- 1914 Начало Первой мировой войны
- 1916 Попытка России заключить сепаратный мир с Германией
Декабрь: убийство Распутина
- 1917 **Март:** отречение императора Николая II
Апрель: Соединенные Штаты вступают в войну
Октябрь: большевистский переворот в России
- 1918 **Март:** заключение мира между Германией и большевистской Россией
Ноябрь: капитуляция Германии
- 1919 **Январь—март:** гражданская смута в Германии; провозглашение Веймарской республики
Июнь: ратификация Версальского договора
Сентябрь: Гитлер становится действующим политиком
- 1920 Союзники саботировали контрреволюционную борьбу в России
Март: Кашировский путч
Сентябрь: Веблен публикует свои пророчества

- 1921 **Август:** убийство Эрцбергера
- 1922 **Апрель:** Заключение российско-германского договора
Июнь: убийство Ратенау
- 1923 Инфляционный кризис в Германии
Январь: французские войска оккупируют Рур
Ноябрь: гитлеровский пивной путч
- 1924 **Апрель—сентябрь:** разработка и осуществление неотложного плана Дауэса
Декабрь: Гитлер досрочно освобожден из тюрьмы
- 1925 **Апрель:** Британия возвращается к золотому стандарту
- 1927 **Июль:** крупная банковская конференция на Лонг-Айленде
- 1928 **Май:** на общенациональных выборах нацисты получают 2,6 процента голосов
- 1929 **Сентябрь:** Лондон провоцирует крах на Нью-Йоркской бирже. Прекращение устойчивого финансового потока из Америки в Германию
- 1930 **Сентябрь:** ужасающий рост безработицы; нацистский прорыв — партия Гитлера получает на выборах 18,7 процента голосов
- 1931 **Март:** неудачная попытка создания австро-германского союза
Май: крах австрийского системообразующего банка «Кредитанштальт»
Июль: банковский кризис в Германии
Июль—сентябрь: Британия отказывается от золотого стандарта
Октябрь: Гитлер встречается с Гинденбургом

- 1932** **Май:** баронский кабинет фон Папена
Июнь: отмена репараций
Июль: нацисты набирают на выборах 37,3 процента
Ноябрь: нацисты теряют два миллиона голосов; Гинденбург отказывается назначить Гитлера рейхсканцлером
Декабрь: рейхсканцлером становится Шлейхер; безработица в Германии достигает 40 процентов
- 1933** **Январь:** встреча на вилле Шредера 4 числа; 30 января Гитлер приведен к присяге как рейхсканцлер Германии
Февраль: поджог рейхстага
Март—август: нацисты консолидируют власть; Шахт проводит политику создания рабочих мест
- 1934** **Июнь:** чистка штурмовых отрядов Рема («ночь длинных ножей»)
Июль: англо-германское финансовое соглашение
Август: Гитлер провозглашается вождем империи; все-речь начинается вооружение Германии; массивные англо-американские инвестиции в германскую экономику
- 1935** **Июнь:** англо-германское морское соглашение
- 1936** Британское попустительство достигает своего пика
Март: ремилитаризация Рейнской области
Сентябрь: Ллойд Джордж наносит визит Гитлеру
Декабрь: отречение «пронацистского» короля Эдуарда VIII
- 1937** **Октябрь:** Виндзоры совершают поездку по Германии
Ноябрь: лорд Галифакс летит в Германию — Гитлеру зажигают зеленый свет
- 1938** Кульминация нацистского бума: ликвидация безработицы
Март: аннексия Австрии
Сентябрь: ослабление Чехословакии — Мюнхенское соглашение

- 1939** **Март:** нацисты оккупируют Чехословакию; официально оформляется раскол правящих кругов Британии в связи с отношением к Германии; односторонние гарантии Британии Польше
Август: заключение советско-германского пакта; раздел Польши
Сентябрь: начало «странной войны»
- 1940** **Апрель—июнь:** нацистское наступление на западе и капитуляция Франции
Июль: секретные переговоры с Виндзорами в Испании
Август—сентябрь: провал воздушной войны с Британией
Декабрь: в Германии закончены приготовления к вторжению в Россию (план «Барбаросса»)
- 1941** **Март—май:** успехи немцев в Средиземноморье
Май: исчезновение Гесса
Июнь: начало нацистского вторжения в СССР
- 1943** **Январь:** поражение немцев под Сталинградом
Май: войска оси капитулируют в Северной Африке
Июль: высадка союзников на Сицилии
- 1944** **Июнь:** высадка союзников в Нормандии (открытие второго фронта)
- 1945** **Март:** американцы форсируют Рейн
Май: окончательный разгром Германии

Предисловие

Нацизм. Для многих это явление стало навязчивой идеей, в особенности для тех, кто жил при нацизме, вкусил горечь страшного поражения и получил моральную травму, уродливо искажившую все представления о нравственности. Будучи итальянцем, я отчетливо помню бесконечные воспоминания моего деда по отцовской линии о фашизме, как и поддакивания бабушки. Дед так и не смог до конца своих дней развязать узел сложных чувств по отношению к Муссолини, немцам, войне и всему связанному с ними ужасу. Временами он жалел о том, что ось потерпела поражение, но в другие моменты он в своих фантазиях воображал, что Франция не испытала столь скорого и сокрушительного поражения, ввергнувшего Италию в неисчислимы бедствия. Дед участвовал в сражениях на Балканах, уцелел и остался навеки привязанным к старому миру — до самой смерти, которая постигла его много лет спустя после сорок пятого года. Мой отец и я — представители нового поколения — слушали его тирады, изумленно округлив глаза, будучи не в силах даже в воображении допустить победы нацизма, каковая вполне укладывалась в серьезное, но «вывернутое» мировоззрение деда. Мы с отцом полагали, что именно такое мировоззрение навлекло на Европу проклятие и оправдало американизацию побежденных.

Но последовавшее за поражением нацизма воцарение *Rex Americana* («Мир американский» (*лат.*) — *Примеч. ред.*) имело само по себе весьма сомнительную ценность: американский мир начался с ядерного холокоста; это мироустройство привнесло, конечно, новую струю в экономику Запада, но весьма мало способствовало установлению мира в остальных частях света. Впрочем, и чувства побежденного Запада тоже были весьма тягостными: немцы и итальянцы превратились в два опустошенных, лишенных собственной идентичности племени.

Сейчас в коллективном представлении Запада не существует ничего худшего, нежели нацизм. Не было больших святотатств, большей жестокости, бесчеловечности, большего обмана, чем

те, которые совершил невиданный режим, властвовавший в Центральной Европе на протяжении двенадцати лет. Нацисты совершали невероятные до тех пор акты насилия над живыми людьми, и список их злодеяний и зверств был так велик и ужасен, что после военного поражения Германия, кроме того, подверглась моральному уничтожению со стороны победителей, и это отношение существует и по сей день. До сих пор не иссякает мощный поток книг, статей, руководств и фильмов, создаваемых англоамериканцами и распространяемыми их наемными «шестерками» в Европе. Этот поток наполнил все споры и дебаты на тему нацизма, исключив все взгляды, противоречившие «правде» истеблишмента. Эта правда заключается в том, что Европа пошла на компромисс с агрессивным отродьем, чем опозорила себя: проклятые немцы ввергли в жестокую войну своих европейских братьев, и после поражения — все без исключения — заслуженно впали в благодетельное подчинение своим «американским дядюшкам».

Мне всегда страстно хотелось понять, как такое вообще могло произойти. Мне было непонятно, как могла Европа совершить такое чудовищное самоубийство, отдавшись во власть чужеземного правителя, обладавшего мировоззрением, хотя и отличным от такового древних времен, но оттого не менее жестоким и варварским. Было очевидно, что для того, чтобы ответить на этот мучивший меня вопрос, надо было обратиться к источникам новейшей истории, то есть к истории самого нацизма. Как мог он явиться на свет?

Будучи профессиональным экономистом, я сосредоточил свое внимание на периоде бума нацистского режима, наступившего в тридцатые годы, и на финансовых хитросплетениях, обеспечивших экономическое выздоровление Германии. Это исследование стало темой моей докторской диссертации. Оно явилось ядром, которое впоследствии, в течение без малого десяти лет, обросло множеством дополнительных исследований.

В настоящей работе я не ставил себе целью переоценку немецких зверств и жестокостей: они освещены достаточно полно, хотя — по большей части — с анатомической точки зрения, то есть не без сладострастного вожделения. Напротив, я решил направить острие атаки назад, к периоду, предшествовавшему расцвету нацизма на несколько лет; тем более что официальные

«повествования» на эту тему в значительной части искажены раскаянием и извинениями (если их пишут немцы)* или более или менее замаскированными проклятиями и ругательствами (если их пишут англо-американцы)** и касаются зарождения нацизма только лишь для того, чтобы отмахнуться от него, как от путающей все карты досадной интерлюдии, отмеченной бешеной мстительностью старонемецкого духа, так же как пресловутыми «великими историческими силами» и «иррациональностью», — двумя весьма поверхностными и, по сути, лишенными какого-либо содержания идеями.

Недостаточность освещения зарождения и созревания нацизма обусловлена двумя факторами: во-первых, исторический период зарождения гитлеризма — как всем известно — невероятно сложен, это отнюдь не сюжет для развлекательного кинофильма: например, разразившийся на Западе великий кризис и ошеломляющие успехи нацистов на выборах, — либеральные историки стали искать объяснения этого феномена у таких же либеральных экономистов, которые и сами ровным счетом ничего не поняли в причинах кризиса и благополучно вернули сюжет историкам. Эти последние оказались обремененными необходимостью сказать свое веское слово, но в результате дали разочаровывающее, жалкое и невразумительное объяснение прихода нацистов к власти.

Во-вторых, исследователи сознательно избегают детального описания периода возникновения нацизма, так как это может вскрыть массу неприятных вещей; действительно, такое исследование наверняка бы показало, что нацисты ни при каких

* Книга Эрнста Нольте «Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus» («Гражданская война в Европе 1917–1945 годов: Национал-социализм и большевизм») являет собой типичный пример такого умиротворяющего подхода.

** Типичными примерами стереотипных произведений такого рода являются, например, книги Вильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха» (Rise and Fall of the Third Reich; New York: Simon & Schuster, 1960), Майкла Берли «Третий рейх — новая история» (The Their New History; New York; Hill and Wang, 2000) или недавно вышедшая двухтомная биография Гитлера, написанная Йеном Кершоу, — «Надменность» (Hubris, 1998), и «Возмездие» (Nemesis, 2000; New York: W.W. Norton & Company).

обстоятельствах не могли стать порождением слепого случая. Целью моей книги как раз и является продемонстрировать, что на протяжении 15 лет (1919–1933) англо-саксонская элита активно вмешивалась в германскую политику, имея осознанное намерение создать мракобесное движение, каковое можно было бы впоследствии использовать как пешку в большой геополитической интриге. Когда непосредственно после окончания Первой мировой войны такое движение возникло в форме религиозной антисемитской секты, замаскированной под политическую партию (то есть НСДАП), элитные британские политические клубы начали пристально наблюдать за ней: они поддерживали эту партию полуофициально в 1931 году, когда Веймарская республика трещала по швам под бременем кризиса, и, наконец, лживо приняли нацистов в свои объятия, помогая им в течение тридцатых годов. Этим я хочу сказать, что, хотя не Англия создала гитлеризм, именно она создала условия, в которых только и мог появиться этот феномен, и потратила массу усилий на оказание финансовой помощи нацистам и вооружила их до зубов, с тем чтобы впоследствии манипулировать ими. Без этого методичного и беспощадного «прикрытия» и без соучастия в этой поддержке Советской России не было бы никакого фюрера и никакого нацизма. Политический динамизм нацистского движения имел успех только и исключительно благодаря общей нестабильности в Германии, а нестабильность эта была на сто процентов искусственной, то было бедствие, спланированное, разработанное и исполненное самими элитными англо-американскими клубами.

Под «клубами» и «элитами» я подразумеваю укоренившиеся и самовоспроизводящиеся братства, правившие англосаксонскими государствами: они были (и есть) образованы конгломератом династий, происходящих из банкирских домов, дипломатического корпуса, офицерской касты и правящей аристократии. Этот конгломерат и по сей день прочно вплетен в ткань современных «демократий». Такие «клубы» действуют, управляют, воспитывают и мыслят как компактная, тесно спаянная олигархия, привлекающая к сотрудничеству средний класс, который она использует как фильтр между собой и пушечным мясом — простолюдинами. Действительно, в так называемом демократическом выборе, который в насто-

ящее время представляет собой наиболее хитроумную модель олигархического правления, электорат по-прежнему не имеет никакого влияния, а политическая способность есть не что иное, как иное название силы убеждения, необходимой для построения «консенсуса» вокруг жизненно важных решений, которые принимаются отнюдь не избирателями*.

История, рассказанная в этой книге,— это, по сути, история Британской империи, которая к 1900 году, напуганная ростом могущества юного германского рейха, начала разрабатывать и приводить в исполнение секретный план стратегического окружения Евразийского массива. Главная цель этого масштабного окружения — не допустить создания стратегического союза между Германией и Россией: если эти две державы сольются в «братском объятии», то, как не без оснований полагали британские правящие круги, они обеспечат себя такими неисчерпаемыми источниками ресурсов, людей, знаний и военной мощи, что смогут угрожать самому существованию Британской империи в наступающем столетии. Придя к этому пониманию, Британия начала кампанию, имевшую целью расчленение Евразии,

* Так называемая демократия есть фальшивка, ложная выборность и поддельное голосование. В современных бюрократических системах, зарождение которых произошло в середине девятнадцатого века, феодальная организация, если можно так выразиться, была поднята на более высокий уровень. Главной целью того, что Фукидид в свое время называл синомосией (букв.: обмен клятвами), то есть целью невидимых братств, действующих за спиной правящих кланов, всегда было сделать процесс изъятия средств у населения («свободные доходы» в форме ренты, финансовые сборы и тому подобное воровство) настолько темным и непроницаемым, насколько это возможно. Невероятное усложнение и пропагандистский вал искусно внедряемых в массы неверных представлений, окруживших непроходимым туманом всю банковскую систему (мы вернемся к этой теме в главе 4), каковые являются главным орудием, с помощью которых их иерархи экспроприируют и контролируют богатство поддерживающего их сообщества, являются самым явным и убедительным свидетельством той глубокой трансформации, происшедшей с феодально-олигархической организацией в новую эру. Запад перешел от малоразвитой в техническом отношении аграрной организации, стоявшей на спинах лишенных гражданских прав рабов, к высокомеханизованному постиндустриальному улью, который высасывает все силы и соки из чужих таких же бесправных

для чего к борьбе с Германией следовало привлечь Францию и Россию, а позже и Америку. Превратности первой половины двадцатого века во всем своем эпическом величии явили собой картину британской осады Европы.

Как будет показано в главе 1, Первая мировая война завершила начальный этап атаки, которая увенчалась появлением у всемирной шахматной доски нового великого игрока — Соединенных Штатов. Германия проиграла войну, но избежала разгрома на своей собственной территории; германские элиты, ее политические и экономические учреждения остались нетронутыми. Таким образом, после 1918 года начался второй этап осады: по воле союзников был выполнен ошеломляющий политический маневр, в результате которого в Германии поднялся мракобесный режим, возникший из рядов побежденных милитаристов. Британия умело управляла брожением этой закваски, имея в виду создание агрессивной политической общности, которую можно будет подтолкнуть на войну с Россией. Продуманной целью было заманить новый германский режим в войну на два фронта (Вторую мировую войну) и, воспользовавшись этой возможностью, раз и навсегда уничтожить Германию. Для того чтобы воплотить в жизнь эти глубокие, далеко идущие и рискованные планы, были необходимы два условия: (1) в России следовало установить мощный антигерманский режим, тайно связанный с Британией, и (2) в Германии следовало посеять ха-

«белых и синих воротничков», закладывающих свои жизни ради возможности купить безделушки и приманки современного общества потребления. Теперь не видно прежних, сидевших в замках лордов, требующих дани, — теперь для достижения той же цели лорды полагаются на банковские счета, в то время как лизоблюды из среднего класса — ученые и публицисты — остаются верны своей синомосии. Другая конкретная разница между вчерашним и сегодняшним днем заключается в невероятном увеличении производства промышленных товаров (уровень которого потенциально может быть еще выше, но искусственно тормозится для поддержания более высоких цен). Что же касается «демократического участия» простых граждан, то в глубине души они прекрасно осознают, что не принимают никаких мало-мальски значимых решений, что политика состоит в управлении толпами, направляемыми туда, куда требуют желания и предвкушения тех немногих, кто обладает ключами к информации, разведывательным данным и финансам.

ос, чтобы подготовить почву для взращивания реакционного режима «национального освобождения». Первой цели достигли тем, что в 1917 году нанесли удар в спину русского царя и способствовали утверждению у власти большевиков. Второй цели достигли тем, что составили статьи мирного договора так, чтобы сохранить в неприкосновенности династические кланы Германии: действительно, ведь именно из этой среды, как рассчитывали в Британии, должно было возникнуть реваншистское движение (глава 2).

После окончания Великой войны (Первой мировой.— *Примеч. ред.*) на германской политической сцене поверхностному наблюдателю открывалась лишь жизнь Веймарской республики, марионеточного государственного образования, созданного по воле Запада и ставшего питательной средой взращивания нацизма, каковое было осуществлено в три этапа: период хаоса, закончившийся гиперинфляцией и появлением на политической сцене Гитлера (1918–1923; этот период подробно проанализирован в главе 3); период дутого процветания, в течение которого нацисты вели себя очень тихо, но происходила (на американские заимствования) незаметная для глаз сборка будущей немецкой военной машины (1924–1929); и период распада (1930–1932), ускоренного финансовым гением двадцатого века Монтегю Норманом, управляющим Английского банка (глава 4).

Эти немногие времена могут делиться на враждующие фракции; и чем глубже такой раскол, тем более кровавым становится социальный конфликт. Результаты западных выборов в прошлом веке являются блестящим монументом полной непоследовательности «демократии»: невзирая на две катастрофические войны и позднейшую систему пропорционального представительства, породившую множество партий, Западная Европа так и не сдвинулась в своем общественно-экономическом состоянии, в то время как Америка постепенно стала и внешне идентична своей олигархической сути, сведя демократическую ширму к противостоянию и соперничеству двух крыльев идеологически компактной однопартийной структуры, в которой лоббируют свои интересы более или менее скрытые от посторонних глаз «клубы». Степень общественного участия в этом ужасном и смехотворном надувательстве, как и следовало ожидать, является наиболее низкой — треть имеющих право голоса.

После окончания этого инкубационного периода и после того как гитлеровцы — при англо-американском финансовом содействии — захватили кресло рейхсканцлера (январь 1933), началось впечатляющее выздоровление Германии — под крылом нацистов, на британские займы и с помощью финансового гения главного банкира рейха — Яльмара Шахта, протеже Монтегю Нормана. Затем последовал невероятный, неправдоподобный период «танца» Британии и нацистской Германии (1933–1943), в ходе которого первая толкнула вторую на войну против России. [...] Англия продемонстрировала всему миру магнетическое шоу, представляя дело так, будто ее правящий класс расколот на две группировки — сторонников и противников нацизма, и что именно этот раскол препятствует полноценным боевым действиям против Гитлера на Западном фронте после немецкого вторжения в Польшу и развязывания Второй мировой войны. Истина же заключалась совсем в другом: за сценой была заключена сделка. Британия расчетливо мешала американцам открыть Западный фронт в Европе в течение трех лет, позволив нацистам углубиться в Россию и без помех опустошить ее в обмен на эвакуацию немецких войск из Средиземноморского бассейна, зоны жизненно важных британских интересов. В конце концов, покончив с этой впечатляющей симуляцией, Британия сбросила маску и обрушилась на одуряченных нацистов, которые были неотвратимо раздавлены наступавшими навстречу друг другу советскими и англо-американскими армиями (глава 5).

Для того чтобы ликвидировать германскую угрозу, британские правящие элиты рискнули сделать неслыханно высокие ставки; за тридцать лет (с 1914 по 1945 год) они сплели паутину финансовых махинаций, международного бандитизма, тайных заговоров, дипломатического коварства, военного мастерства и нечеловеческого лицемерия — и в конце концов добились успеха. Эта игра на англо-американское превосходство обошлась народам в 70 миллионов жизней (потерянных в двух мировых войнах): то был холокост, чудовищную суть которого невозможно выразить никакими словами. Оба конфликта были сознательно задуманы и проведены Британией. В первом из этих конфликтов только политические уступки привели к потере Германии, во втором же цель была достигну-

та — Германия, о которой стоило бы говорить, просто исчезла. Все, что мы видим на ее территории,— это парализованное, оцепеневшее и отупевшее население, загнанное в упряжку пригнанной к местным условиям автоматизации, вооружаемое и направляемое британцами (и Советами)*.

* Лейтмотивом этой книги является осознанный характер усилий, принятых британскими клубами во имя сохранения империи, при полном понимании того, что эти усилия стоили затраченных средств, даже если сохранение господства означало передачу лидерства американским братьям, коих Лондон пестовал как своих духовных наследников. Суть и смысл книги заключается в том, чтобы показать, что британский имперский стиль был, вероятно, самым отвратительным проявлением макиавеллизма в новейшей истории, ибо Британия не остановилась ни перед чем ради защиты и сохранения своих господствующих позиций; не было таких средств, которые не оправдывала бы конечная цель. Для того чтобы упрочить свою мировую гегемонию, Британия не колебалась свергла Германию в омут бесконечных страданий и хаоса только лишь для того, чтобы выпестовать и вырастить зловещую автохтонную силу, каковой были намерены манипулировать в ходе второго всемирного конфликта — который также был чисто британской идеей. Все это — начиная 1919-го и заканчивая 1945 годом — было хладнокровным и хорошо рассчитанным заговором. Излишне говорить, что я прекрасно отдаю себе отчет в том, что отстаиваемый мною тезис будет подвергнут осмеянию и освистанию со стороны настроенных «экспертов» из числа западных ученых патриотов, которые усмотрят в нем еще одну гротескную теорию заговора; в действительности же мое утверждение является не чем иным, как нитью, позволяющей связать воедино запутанный клубок неясных намерений и твердо установленные факты, известные, кстати, уже много лет и дающие пищу для размышлений всем инакомыслящим, то есть историкам и экономистам, обладающим трезвой способностью честно признать, что главным принципом международных отношений всегда была и остается секретность. Стоит только вспомнить о миллиардных бюджетных вложениях, которые в наши дни делаются в так называемую разведку. Этими вложениями распоряжаются никем не избранные «чиновники», и тратятся эти суммы на скрытые акты саботажа и дезинформации, творимые как дома, так и за границей, на смутные, не ведомые никому «исследования», на миссии наемников и бог знает на что еще, о чем налогоплательщики, естественно, не имеют ни малейшего понятия. Демократической общественности не дают никакого права голоса, но предписывают исправно платить за то, чтобы не известные никому лица за закрытыми дверями плели свои заговоры.

Итак, Запад должен снова задуматься — действительно задуматься — о том, что существует нечто много худшее, нежели нацизм, и это нечто — высокомерие англо-американских братств, в обычае которых подстрекать к войнам иноплеменных чудовищ, а затем управлять этим адским скопищем демонов ради достижения своих имперских целей.

Да, действительно, не все заговоры оказываются успешными — как говорится, «каждому овощу свое время» — бывает так, что одни заговоры оказываются более зрелыми для данного периода, нежели другие, но все великие исторические перемены — добродетельные или злодейские — неизменно вдохновляются, противоборствуют и терпят сопротивление с исключительным участием посвященных членов нескольких антагонистических «обществ», за которыми — хочет оно того или нет — следует послушное стадо. В двадцатом и в начале двадцать первого века победу празднуют англо-американские клубы, и власть их не имеет ничего общего с правами человека, свободными рынками и демократией, независимо от того, что они могут бесстыдно проповедовать. Далее в этой книге следует история битвы, в которой эти клубы одержали победу и пока наслаждаются ее плодами: история кампании по устрашению Германии.

Часть 1

Введение: Евразийская общность. Начало осады Германии и Первая мировая война; 1900–1918 годы

Малый королевский военный флот из трех или больше десятков высоких кораблей, но подчас и меньше... представляется почти математической демонстрацией – следующей под милостивым и могущественным Божьим покровительством – реальной политики, способной вознести и сохранить эту победоносную Британскую монархию в полной безопасности. На этой политике будут увеличиваться и расцветать доходы английской короны и богатство народа; по достижении же большего благосостояния... следует пропорционально увеличивать и силу военного флота. И таким образом будут по всему великому миру скоро и надежно утверждены Слава, Известность, Почтение, Любовь и Страх Британского микрокосма.

Джон Ди. «Британская монархия» [1577] (1)

Второй рейх: трагедия имперского становления

Неожиданный и быстрый рост Германской империи во второй половине девятнадцатого века заставил Британское государство искать способы очищения огромного массива континентальной суши от вероятных противников. Главной целью стало недопущение прочного союза между Россией и Германией. Британия постаралась воспрепятствовать такому союзу, подписав тройственное соглашение с Францией и Россией (1907) и приступив, таким образом, к стратегическому окружению Германии. После того как война разразилась, операцию углубили привлечением помощи со стороны Соединенных Штатов

в тот момент, когда казалось, что русское звено союзнической цепи готово треснуть (1917). Когда на Востоке образовалась опасная брешь, Британия поспешила заделать ее, поощряя в России либеральный эксперимент под руководством марионеточного правителя, адвоката Керенского, который, правда, всего через несколько месяцев канул в небытие. На фоне этих событий в качестве возможной альтернативы в Россию, по хитроумно сплетенной тайной сети и с участием таких тайных агентов, как русский подданный Парвус Гельфанд, были доставлены революционные нигилисты — так называемые большевики, руководимые радикальным интеллектуалом Лениным, — в надежде на то, что их появление приведет к установлению деспотического режима, полярность которого (материалистическая, антиклерикальная и антифеодальная) явится противовесом германскому рейху. Вовлечение в войну Соединенных Штатов стало частью более широкого замысла в диапазоне от военного усиления на Западном фронте до сионистской пропаганды совместной (с Британией) оккупации Палестины, представлявшей собой важнейшую геополитическую зону раздела Востока и Запада. Первая стадия уничтожения Германии завершилась капитуляцией Германии в исходе Первой мировой войны.

Если мы хотим понять природу возникновения и подъема нацизма и суть конфликта между Британией и германским рейхом, то нам вначале следует ознакомиться с международными отношениями новой германской нации начиная с 1870 года.

* * *

Все стало окончательно ясно к 1900 году.

Каким бы парадоксальным ни казалось такое утверждение, но верно то, что Германская империя возникла из постнаполеоновской трясины: нация, собранная из беспорядочного скопления воинственных княжеств, была наконец консолидирована «железом и кровью» вокруг самого воинственного из германских государств — Прусского королевства. Вот так в семидесятые годы девятнадцатого века перед глазами изумленного Запада восстал из ничего Второй германский рейх.

Это было весьма неустойчивое сооружение: соединение феодальной алчности и впечатляющих научных достижений. В конечном итоге получилось весьма причудливое сочетание несгибаемой прусской армии с лучшими на всем Западе музыкой, физикой, химией, политической экономией, историографией, философией и филологией. Начало было поистине устрашающим и величественным.

Достаточно скоро это новое династическое германское государство, вполне сознававшее свой могучий потенциал и преисполненное самоуверенности, привлекло самое пристальное внимание великой британской державы (2). В те первые дни Англия мало интересовалась германской политикой, занятая колониальным соперничеством с Францией и «большой игрой» в Центральной Азии, куда были отвлечены большие массы войск для противостояния с царской Россией (3). Германия же в силу своей раздробленности ускользала от пристального внимания британских генералов. Дело не в том, что германская торговля не имела для Британии никакого значения, — справедливо как раз противоположное. Но когда, под руководством блестящего стратега и имперского канцлера (1870–1890) Отто Бисмарка, постепенно изменилась природа торговых отношений между Британией и Германией, то есть когда последняя перестала в этих отношениях быть поставщиком продовольствия и покупателем промышленных товаров, а, напротив, стала самостоятельной промышленной державой, тогда британское министерство иностранных дел и теневые клубы, проникнутые мрачными предчувствиями, принялись обдумывать складывавшуюся ситуацию (4).

Было очевидно, что Германия извлекает немалые выгоды от простого заимствования: немцы имели возможность в готовом виде получать технологии от своих европейских партнеров и значительно их усовершенствовать, что позволяло избежать бремени больших расходов на предварительные исследования. Но даже развивающееся без ограничений промышленное производство остается проблематичным: если предприятия хотят иметь прибыль, то национальная буржуазия редко может положиться на местные, внутренние рынки — они, как правило, оказываются слишком узкими и быстро насыщаются. Куда можно сбыть излишки произведенной продукции, чтобы получить

доход? Куда сбрасывает свои излишки Британия? В свои колонии. Исходя из этого Германия тоже ринулась добывать себе «место под солнцем».

Национальные расходы на снаряжение военных кораблей, создание и содержание заморской колониальной администрации, как правило, намного превосходят денежную прибыль от защищаемых таким образом интересов и, естественно, подвергались и подвергаются обоснованной и резкой публичной критике. Но в действительности колонии также служили удобным плацдармом для осуществления имперских интриг. Несмотря на то что имперский канцлер Бисмарк хотел, прежде всего, консолидировать Германию на континенте, то есть в ее естественном, центральноевропейском положении, путем плетения прочной, укрепленной дипломатическими связями сети, в которой Германия должна была отстоять свое место среди других «крупных игроков» (Британии, России, Австро-Венгрии и Франции), правомерные интересы коммерческих предприятий стали настолько убедительными, что железный канцлер изменил свое отношение к делу и благословил колониальные амбиции рейха. Этот поворот произошел в первой половине восьмидесятых годов девятнадцатого века.

Как и следовало ожидать, издержки Германии, связанные с проникновением рейха в Африку (Юго-Западная Африка, Того, Камерун, отдельные территории в Танганьике), тихоокеанский бассейн (часть Новой Гвинеи, Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова) и на Дальний Восток (поселения и представительства в бухте Цяочао с солидной колониальной архитектурой, чудесами гражданского строительства и фешенебельным морским курортом в Циндао), оказались непропорционально велики в сравнении с доходами от добычи сырья и продовольствия. Германия приобрела «колонии, которые по территории в четыре раза превосходили площадь метрополии». Несмотря на (1) добровольные общественные затраты на защиту государственным флагом коммерческих интересов, (2) серьезное намерение Deutschkolonialer Frauenbund (Женский союз немецких колоний) отправить тевтонских женщин в колонии к скудному мужскому их населению (6) (в то время в колониях насчитывалось 25 тысяч человек, включая солдат) и (3) большие обороты германских вложений в производство пеньки,

фосфатов, какао и каучука, германские правящие круги рассматривали территориальные приобретения как «печальное и досадное разочарование» (7). Слишком дорого, слишком трудно: немцы были начисто лишены имперской непринужденности, *desinvolture* в обращении с туземным населением, они ничего не смыслили в спокойном и непоколебимо уравновешенном превосходстве, убежденностью, с которым британские сахибы пропитали «туземные головы», с тем чтобы еще более мощной хваткой взять колониальных туземцев за горло.

Естественно, немцы столкнулись в колониях с восстаниями местного населения — но они не смогли ничего им противопоставить, кроме жесточайших репрессий. Бисмарк начал проявлять нетерпение, крупные берлинские банки не выказывали интереса к этим экзотическим экспериментам, не говоря уже о том, что вторжение Германии на периферию вызывало растущее недовольство Британской империи: ибо, невзирая на всю свою напыщенную *Kultur*, рейх — и это было очевидно — так и остался выскочкой, великодержавным мировым парвеню. Герберт Бисмарк, сын канцлера, будучи непосредственным участником и свидетелем событий, говорил, что продолжение колониальной политики «было популярным и весьма удобным средством вызвать конфликт с Англией в любой момент» (8).

Итак, немцы жаждали всеобщего внимания; они остро желали разделить мир со своими британскими кузенами. Со временем это могло привести к столкновению, но Германия молчаливо предполагала, что такой конфликт не станет слишком затяжным. Со своей стороны Германия стремилась к соперничеству — соперничеству, каковое в воображении германских правителей, равно как и интеллектуальных националистов, должно было теоретически привести к своеобразной «смене караула», подобной той, которая произошла между Испанией и Британией в семнадцатом веке.

Хотя Бисмарк-младший не думал скрывать своих имперских амбиций, бывший в то время канцлером (1900–1909) Бернгард фон Бюлов много лет спустя с горечью писал в своих мемуарах, что германский народ оказался лишенным каких бы то ни было политических способностей (9). Вероятно, так оно и было, но эти амбиции не предвещали ничего хорошего для безопасности Германии. Один из самых проницательных исследователей

той эпохи, норвежско-американский социолог Торстейн Веблен, в 1915 году по этому поводу заметил: «Несомненно, склонность к основательности и глубоким размышлениям составляет суть привычек тех людей, которые взрастили немецкую культуру. Но ничто не может быть более основательным, взвешенным и обдуманым, нежели размеренные шаги человека, который, продолжая свой путь, перестал понимать, куда, собственно, он направляется» (10).

Так как германская имперская политика не знала, куда идет, то ее, конечно, можно осуждать и считать любительской, но сторонние наблюдатели, не закрывшие глаза на упрямые факты, продолжали настаивать на своем: мы имеем дело с просвещенным «муравейником», насыщенным техникой и самоуверенностью, стремившейся к экспансии. И эта экспансия осуществлялась: несмотря на свою наивность в искусстве плетения имперских интриг, рейх прокладывал всюду, где только мог, железные дороги — самые совершенные в мире, основывал завидную сеть торговых центров, вводил безупречную администрацию и надеялся со временем увенчать все это непревзойденными искусствами и науками. Политически менее искушенный, нежели британцы, этот новый их соперник отличался тем не менее тревожащим блеском. Остановить, вызвать на конфликт и победить Германию было отнюдь не простой задачей.

В 1890 году даже такой искушенный и блестящий стратег, как сам Бисмарк, который к тому времени был смещен с поста новым императором Вильгельмом II, был, вероятно, не способен определить «новый курс» Германии. Он, как будет подчеркнуто дальше, отчетливо понимал недопустимость враждебных отношений с Россией, хотя избежать конфронтации было безумно трудно, ибо ближайший союзник Германии — Австрийская империя была в течение многих лет «на ножах» с Россией из-за экспансии последней в Восточной Европе. Поэтому вынашиваемая Бисмарком цель, а именно прочный союз трех континентальных монархов (Союз трех императоров), так никогда и не была достигнута. Кроме того, посланцев Бисмарка, которых тот с «дружественными» намерениями отправлял в Англию, в Лондоне неизменно встречали с подозрением, так как рейх в течение довольно долгого времени открыто выказывал себя соперником Британии — оставалось лишь определить степень враждебности Германии.

Окончательная определенность существовала только в отношении Франции, которая в круговороте сменявших друг друга союзов оставалась для Германии абсолютно «безнадежной». В 1871 году, после Франко-прусской войны, новообразованная Германская империя аннексировала у Франции промышленно развитые Эльзас и Лотарингию, и с тех пор две державы стали заклятыми врагами. Коротко говоря, к моменту своей отставки Бисмарк сделал удручающе мало для устранения британского недовольства.

Если обобщить, то можно сказать, что суть всей этой нескончаемой дипломатической эквилибристики заключалась в неразрешенном немецком комплексе политической неполноценности по отношению к Британии: император Вильгельм, внук королевы Виктории, Бисмарк, адмирал Тирпиц, будущий отец германского военно-морского флота, и масса других германских аристократов бегло говорили по-английски и имели такое же образование, как английские джентльмены: тяга немцев к Британии, очарование ее умением властвовать были весьма и весьма сильны. Но Германская империя была тем не менее вылеплена из совершенно другого теста: она желала владеть такой же политической мудростью лишь для того, чтобы быть услышанной. И она пыталась это сделать — всеми доступными ей средствами, которых оказалось много, как в этом убедились союзники два десятилетия спустя, но все же недостаточно для победы.

После Бисмарка, вместе с восшествием на престол Вильгельма II, в Германии был провозглашен *neuer Kurs*, и этот новый курс, который в действительности был не чем иным, как продолжением старого, рельефно очертил старую ориентацию и раскрыл смутную среднесрочную цель: коротко говоря — антагонизм с Британией, противостояние, разрешаемое мелкими морскими столкновениями, смелая дипломатия, а также неприкрытая торговая и технологическая война.

В мощном потоке научной и учебной литературы, посвященной Второму рейху и *Gründerzeit* (эпохе основания германской имперской гегемонии в конце девятнадцатого века), ощущается стремление представить Вильгельма II инфантильным фигляром и мелким капризным деспотом; многие его катастрофические решения и поступки приписывали невротическому стыду

кайзера за высохшую и атрофированную левую руку. Оставив в стороне эти дешевые квазипсихологические объяснения, которые, слава богу, выходят ныне из моды, стоит по этому поводу заметить, что разрушительные тенденции германского нового курса были не чем иным, как тревожным признаком сползания к распаду. Как сказал недавно один немецкий историк, Вильгельм II не был творцом германского высокомерия, но лишь самым заметным его носителем (11).

Таким образом, к концу девятнадцатого века в том, что касалось экономики, Германия и Америка буквально дышали в затылок Британии. Но понимание этого факта британцами отнюдь не исчерпывало дела. Америка говорила на вполне сносном английском, могла быть «либеральной» и, что самое важное, была, как и сама Британия, островом. Америка не могла представлять угрозы. Немецкий язык настолько же далек от английского, насколько близок Вильгельмсхафен к Дувру. Германия была рядом, на континенте. Но было кое-что еще.

Морские столкновения...

К концу девятнадцатого века стало совершенно очевидно, что Вильгельм II изо всех сил стремится создать мощный имперский военный флот. В самой Германии несколько насторожились космополиты — социалисты и либералы, — и это было естественно, так как такие действия вели к прямой конфронтации с Британией. Но недовольны были и консервативные аграрии: мощный флот означал открытую торговлю и усиление налогового пресса. Империя успокоила класс землевладельцев — так называемых юнкеров* — протекционистскими тарифами и принялась наращивать свои военно-морские усилия, восторженно встреченные подавляющим большинством общества — либералами, католиками, пангерманистами, богатыми собственниками и не столь богатыми социалистами из низших слоев общества, короче говоря, всеми, кто в той или иной форме был «националистом»: в то время считалось просто неприличным не испытывать частицы коллективной гордости за столь поразительные достижения молодой империи.

* Имеется в виду земельная аристократия, которая правит, опираясь на бастион земледельческого класса. Слово «юнкер» происходит от древневерхнемецкого слова *Junchetto* — «молодой господин».

Пропаганда, массовые уличные собрания в ответ на германский ура-патриотизм, взвинчивание патриотической лихорадки среди простых британцев, скармливание им порций священной ненависти стали обычным делом для британского правительства и зависимых от него печатных органов: при необходимости этой лихорадкой можно было воспользоваться без всяких дополнительных усилий (12). Но проникновение Германии в воды Северного моря, а оттуда легкопредсказуемый выход немецкого флота на мировые морские коммуникации — все это вызвало в Британии, мягко говоря, серьезную озабоченность. На этот раз рейх зашел слишком далеко. Он замахнулся на святая святых британского имперского правления, на священный военно-морской флот Британии, на королевский флот, который был инструментом всех завоеваний Великобритании с профетических елизаветинских времен, с дней Джона Ди — астролога, картографа, оккультиста и придворного разведчика королевы.

Немцы интуитивно чувствовали: если им удастся дополнить свои сухопутные силы — обладая прусскими дивизиями, самыми лучшими в мире и расквартированными в самом сердце Европы — мощным военно-морским флотом, то ударная сила германских вооруженных сил превзойдет силы Британии.

Затем на первый план выступал вопрос о союзниках. С эпохи Бисмарка немцы осознавали, что, оказавшись зажатыми между «безнадежными» французами и непредсказуемыми противоречивыми русскими, они попадут в весьма неприятное положение. При этом всеми силами следовало избегать длительной войны — если ее придется вести — на два фронта. Именно поэтому Бисмарк никогда не желал полного отчуждения от России. Но помехой на пути к русско-германскому сближению стояли неуклюжие антиславянские интриги австрийского партнера на Балканах: Австро-Венгерская империя оказалась слабым довеском рейха, и германский генеральный штаб хорошо сознавал тяжесть этого бремени — и весьма сожалел о нем. «Мы намертво прикованы к трупу» — таков был крик души немецких генералов всего через несколько месяцев после начала войны (13). Но в то же время Австрия оставалась естественным союзником, поскольку с ее помощью германский контроль простирался до юго-восточных окраин Европы, не говоря о том, что австрийцы говорили на превосходном немецком языке. Та декадентская

Вена конца девятнадцатого века, хотя на ее лице уже проступали явственные признаки углублявшегося упадка, была одним из авангардов, если не единственным авангардом «немецкого» художественного гения — тиглем изобретательности и мастерства, едва ли не равным Парижу, — и это тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

Австрийцы говорили по-немецки, и пруссаки были убеждены, что в любом случае смогут успешно выиграть великую европейскую гонку. Они воображали, что смогут с лихвой восполнить военную слабость Габсбургской монархии. Эти надежды были полным заблуждением. Но пока рейх топтался на месте в своей нерешительности, Британия не теряла время.

К 1900 году британцам стало ясно, что рейх действительно сможет выдавить их из мировой политики. Германия может превзойти и подавить Британию и, воспользовавшись благоприятным (для рейха) — пусть даже и временным — параличом в европейских делах, обрушиться на Францию и вывести ее из игры раз и навсегда, после чего взор Германского рейха обратится к России... Здесь было два варианта: Германия могла заманить Россию в тесный союз, в котором собиралась, естественно, играть доминирующую роль, либо Россию можно было постепенно подчинить мощью прусских армий. В любом из этих случаев британский кошмар становился не менее страшной явью. Если Россия и Германия объединяются в той или иной форме, то евразийское объятие становится реальностью: то есть в самом центре огромного материка возникнет монолитная евразийская империя, опирающаяся на огромную по численности славянскую армию и германский технический гений. Британская элита решила всеми силами не допустить такого развития событий, ибо такое потенциальное государственное образование создало бы смертельную угрозу превосходству Британской империи.

Центральный регион, полумесяц и кошмар британской геополитики

«Центральный регион» — это гипотетическая, находящаяся в центре Евразии область, которую благодаря ее географическому положению, ресурсам и численности населения можно

рассматривать как неприступную крепость и державу устрашающей мощи; что же касается «полумесяца», то под этим наименованием имеют в виду воображаемую полулунную дугу, охватывающую цепь островов — Америку, Британию, Австралию, Новую Зеландию и Японию, которые, будучи «морскими державами», наблюдают за Евразией, стремясь не допустить образования в Евразии даже тенденций к образованию мощного государства в ее центральном регионе.

Вся эта фразеология была изобретена пионерами геополитики, новоявленной науки, возникшей в самом начале двадцатого века: при поверхностном взгляде можно подумать, что она представляет собой систематическую и не слишком глубокую компиляцию географии, теории тылового обеспечения, экономических знаний и таинственного макиавеллизма, соединенных вместе *ad usum Delphini*. Но невидимым мотивом создания этой науки было преобразование индивидуального человеческого поведения в динамику общественных агрегатов путем политического уподобления наций живым, обладающим волей организмам (14). По этой причине геополитика была в состоянии вскрыть и изложить в четких понятиях те политические намерения, которые та или иная держава могла иметь в определенный момент времени. Разоблачительное и весьма авторитетное свидетельство было — в то время составления антинемецкого заговора — представлено сэром Гэлфордом Макиндером (1867–1947), профессором Лондонской школы экономики и одним из британских отцов основателей геополитики в статье «Географический рычаг истории», опубликованной в «Географическом журнале» Королевского общества в 1904 году. В статье недвусмысленно и очень четко освещена природа назревающего конфликта.

Макиндер рисовал альтернативы и перечислял ставки в игре. Это был публичный документ для всеобщего пользования, содержавший весьма простую историю. Смысл статьи — наглядная демонстрация политики Британского государства и политики его духовной наследницы — Американской империи: действительно, вплоть до настоящего времени международная политика администрации США непрерывно и вполне последовательно проводится в духе предвидений Макиндера.

К 1900 году письма уже появились на стене Валтасарова дворца...

Концепция Евро-Азии, к которой мы, таким образом, переходим, заключается в следующем: под Евро-Азией мы понимаем протяженную часть суши, окаймленную на севере льдами, а в остальных частях света водой. Площадь этой суши составляет двадцать один миллион квадратных миль, то есть в три раза больше Северной Америки; центр и север Евро-Азии составляет по площади девять миллионов квадратных миль, то есть в два раза превосходит Европу. В этой части суши отсутствуют водные выходы к океану, но, с другой стороны, за исключением пояса субарктических лесов, эти регионы весьма благоприятны для перемещения больших масс всадников — будь то на лошадях или на верблюдах. На востоке, юге и западе этого центрального региона расположены растянувшиеся длинной дугой маргинальные области, доступные для моряков. Если бросить взгляд на физическую карту, то можно убедиться, что таких пунктов четыре, и не менее примечательно то, что каждый из них соответствует области распространения одной из четырех основных религий — буддизма, брахманизма, мусульманства и христианства... Британия, Канада, Соединенные Штаты, Южная Африка и Япония представляют в настоящее время кольцо внешних островных баз для морских флотов и торговых центров, недоступных для сухопутных держав Европы. Пространства внутри Российской империи и Монголии столь обширны, а их людские ресурсы и запасы пшеницы, хлопка, нефти и металлов столь неисчислимо велики, что неизбежным является то обстоятельство, что такой огромный экономический мир — более или менее раздробленный — останется недоступным для океанической торговли... В этом регионе, по большей части, Россия занимает такую же центральную стратегическую позицию, какую Германия занимает в Европе. Россия может направлять свои удары во все стороны, за исключением севера. Развитие в ней сети современных железных дорог — это всего лишь вопрос времени. Перемещение центра равновесия сил в область стержневой державы, что проявится ее экспансией в маргинальные области Евро-Азии, позволит использовать гигантские континентальные ресурсы для строительства флота, и тогда взору явится империя мирового значения. Это может случиться, если Германия свяжет себя союзом с Россией. Угроза такого события, следовательно, заставит Францию искать союза с заморскими государ-

ствами, и, таким образом, Франция, Италия, Египет, Индия и Корея станут множеством мостов, куда иностранные военные флоты доставят армии, чтобы заставить стержневые страны-союзницы развернуть свои сухопутные войска, что помешает им сосредоточить все свои силы на флотах (15).

Вышеизложенное означало, что отныне современная борьба за мировое господство будет развиваться по сценарию, написанному в соответствии с картинами британского кошмара, а картины эти были поистине устрашающими:

1. Больше всего Британия опасалась возможного появления «центральной» или «стержневой» державы как оплота огромного населенного участка суши, прикрытого непроходимыми ледяными бастионами и скрывающегося за негостеприимными берегами, возвышающегося посреди континентальных пространств, пересеченных множеством транспортных путей, — в мозгу возникали вызывающие озноб картины казачьих лав, длинных воинских эшелонов и мрачные гунны, жгущие свои костры на обочинах дорог Центральной Азии. Самая первая формулировка плана Макиндера была скорее результатом укоренившейся враждебности Британии по отношению к России, чем предостережением, направленным прямо против Германии: поначалу центральный регион отождествляли исключительно с русскими равнинами.

После Первой мировой войны, когда Германия стала главным объектом пристального надзора, проиграв войну, Макиндер в переработанной версии оригинала 1904 года дополнил свою теорию новыми положениями в полном согласии с британскими имперскими замыслами, сдвинув стержневую державу на юго-запад, из сибирских степей в не вполне определенную точку, расположенную на линии раздела Востока и Запада, линии, которая впоследствии совпала с линией черчиллевского «железного занавеса», отделившего Восточную Европу от Западной. Эту виртуальную границу можно представить себе в виде меридиана, начинающегося от берегов Красного моря, продолжающегося к северу через Палестину, Балканы и Балтику и заканчивающегося на севере у Мурманска в России (рис. 1.1). Концептуально эта линия

Рисунок 1.1. Евразия и линия раздела

представляет собой великий барьер, отделяющий мусульманских арабов на юге и православных русских на севере от современных европейцев на западе.

Линия раздела идеально делит пополам центральный массив расположенного в Евразии центрального региона. Этот центральный регион является островом острова; таким образом, становится ясным истинный девиз Макиндера: «Кто правит центральным регионом, тот правит островом мира; кто правит островом мира, тот правит и самим миром» (16). В отношении северо-запада разделительной линии это означало, что если Германия найдет способ перебросить мост через линию раздела, скрепив с помощью России техническую мощь европейского Запада с географической необъятностью Востока, то она (Германия) станет непобедимой главой страшной крепости, господствующей над евразийским стержнем.

2. Непосредственным результатом открытия такого кошмара стало понимание того, что нельзя жалеть сил для того, чтобы воспрепятствовать образованию каких бы то ни было политических, не говоря уже о военных, коалиций в центральном регионе Евразии, начиная, естественно, с вполне возможного русско-германского союза. Легче всего этой цели можно было достигнуть формированием лиги родственных по духу островов, которые можно было противопоставить Евразии в виде осадной дуги морских держав. За исключением японского козыря, все морские державы являются англосаксонскими; все острова, которые, по Макиндеру, могут бросить вызов Евразии, являются плодами Британии: от Америки вкупе с Канадой вплоть до Австралии с Новой Зеландией — то есть все белые имперские доминионы.
3. В случае если Европа, Ближний Восток и Центральная Азия смогут когда-либо образовать устойчивую конфедерацию, их объединенные минеральные, водные и естественные ресурсы (нефть, зерновые, вода, древесина и т. д.) предоставят этой гигантской евразийской лиге такие оборонительные преимущества, которые сведут к нулю всякую морскую блокаду со стороны морских держав. Евразия сможет до бесконечности противостоять любому британскому эмбарго.

4. Из этого следует, что такое обилие ресурсов центрального региона может быть – перед лицом открытой военно-морской агрессии – направлено на создание оборонительного евразийского военного флота. Объединенный щит сухопутных и военно-морских сил континента, выставленный против полумесяца морских врагов, способен не только легко отразить нападение с моря, но, более того, такая мощная оборона может с большой вероятностью закончиться полным поражением морских держав и их подчинением гипотетическому объединенному командованию держав центрального региона.
5. Внезапное появление на мировой арене прусского рейха сделало эту евразийскую химеру вполне ощутимой и вероятной: на этот раз угроза была реальной, во весь рост встала тень могучего врага, обладающего гениальным сплавом русской жизненной силы и немецкой изощренности. Евразийское объятие явится кульминацией русско-германского политического, военного и духовного слияния. Макиндер полагал, что в долгосрочной перспективе Британия окажется бессильной перед лицом такого слияния.
6. Исходя из этого предположения, британская стратегия становится предельно ясной: для того чтобы отвести угрозу вероятного появления смертельно опасного соперника в центральном регионе, остается только одна альтернатива – обложить центральный регион долговременной осадой. Осуществить ее можно, вбив клинья в жизненно важные узлы континентального массива. На этих плацдармах армии противника будут втянуты в нескончаемые войны, и вражеские генералы будут так сильно заняты отражением нападений, что не смогут уделить должного внимания организации флота и удара по базам заморских агрессоров.

Примечательной особенностью приведенного отрывка – если оставить в стороне доскональное предвидение – является его неприкрыто агрессивный тон. Хотя в документе содержится прозрачный намек на русскую угрозу, анализ показывает, что Британии следует выбрать путь наименьшего сопротивления и выбрать в качестве главного вероятного противника Германию, так как (1) рейх предположительно явился бы динамичес-

кой, движущей частью русско-германской угрозы и (2) Германию можно достаточно легко окружить и блокировать с помощью союза соседних с ней государств, но для этого надо было установить дружественные отношения с Россией, традиционным британским антагонистом.

Естественно, такое потепление англо-русских отношений не вело к окончательному решению евразийской проблемы и не оно было главной целью. Задачу — непомерно сложную с британской точки зрения — надо было решать в несколько этапов; улучшение отношений с Россией служило не более чем предюдией к выполнению более общего замысла — сокрушения Германии. Британия не могла и, возможно, не желала предвидеть, какую огромную цену придется платить ей, да и всему миру ради воплощения столь грандиозного замысла, но тем не менее империя решила рискнуть.

Свидетельством того, что к 1900 году сокрушение Германии стало главной целью Британии, служит активная и тщательно продуманная дипломатическая активность, направленная на развязывание мировой войны, о чем будет подробно рассказано в следующих разделах этой главы.

В самом деле, одним из нерушимых догматов англо-американского историографического катехизиса является утверждение о неисправимой агрессивности Германии в отношении *Rax Britannica* («Мир по-британски»).

В первое десятилетие двадцатого века в Германии можно было слышать обильную риторику относительно *Einkreisung* (окружения), раздавались популярные призывы к развязыванию «справедливой оборонительной войны» для прорыва «окружения»; все это сопровождалось безответственными велеречивыми заявлениями военно-промышленных и имперских клик, возглавляемых Вильгельмом II; были в ходу и не вполне трезвые лозунги националистов об «исторической миссии Германии» и о ее «долге вести войну» (17). Все эти вопли были взяты на вооружение как неопровержимые доказательства вины и ответственности Германии за развязывание первого общемирового конфликта. Но сама по себе эта довольно бессодержательная риторика не доказывает ничего, кроме того, что в Германии дурным влиянием пользовался архаичный национализм и что среди правящего класса царил растерянность в отношении

непосредственных стратегических целей государства. Если сравнить этот бессвязный лепет с четким анализом Макиндера, который уже в 1904 году говорил о массивном превентивном ударе по Евразии, то немецкая напыщенная риторика меркнет и съезживается до совершенно жалких размеров: затяжной мировой конфликт никогда не мог стать идеей находившегося в международной изоляции и к тому же неопытного германского правительства. В докладе Макиндера практически нет никаких указаний на то, что Германия собирается напасть первой.

Германское неистовство скорее было лишь криком немецкой души перед лицом страшной неопределенности. Рейх, скорее нервничавший, нежели дерзкий, готовился к войне, объятый страхом, подбадривая себя националистическими криками, заклиная милостивую судьбу и проклиная все остальное, включая тот день и час, когда Германия поставила свое будущее на шахматную доску мировой политики. Несомненно, если бы Германию предоставили самой себе, то она никогда первой не начала войну: в случае неудачи она теряла слишком многое. Германию надо было принудить к войне. На самом же деле единственная конкретная и реальная цель Германии в тот период — при условии, что Британия не вмешивалась бы в континентальные дела, — не выходила за пределы консолидации «Центральноевропейской империи германской нации», то есть возрождения достопамятного, возглавляемого Германией Европейского таможенного союза, отделенного от России, и с таким положением вещей Британия вполне могла бы смириться (18).

Спустя пять лет после окончания Первой мировой войны американский сенатор Роберт Оуэн предпринял глубокое и беспристрастное исследование причин возникновения войны и 18 декабря 1923 года представил свой доклад американскому народу: несколько основополагающих утверждений союзнической пропаганды, а именно то, что Антанта была вынуждена сражаться (1) для того, чтобы расстроить кайзеровские планы установления мирового господства, (2) для того, чтобы обеспечить надежный демократический мир, и (3) для того, чтобы отстоять американские идеалы, Оуэн назвал, соответственно, «фальшивыми», «нелепыми» и «лживыми». В своем исследовании он пришел к следующим выводам: «Ни русское, ни французское правительство в действительности не верили в то, что

германское правительство намеревалось начать агрессивную войну против них, но военная подготовка Германии и надменность и высокомерие некоторых немецких шовинистов создало удобный, хотя и насквозь фальшивый повод для британской и французской пропаганды обвинить германских лидеров в заговоре с целью военного покорения всего мира... В 1914 году у Германии не было никаких объективных причин начинать войну, у Германии не было нерешенных территориальных проблем, не было причин для мести и было понимание того, что большая европейская война сможет легко разрушить ее торговый флот, нарушить торговлю, которая в то время бурно развивалась, и кроме того, война могла привести к потере колоний» (20).

Мировой успех вскружил голову неискушенным немцам — привычка к имперскому положению должна была созреть и закалиться, — и британские враги Германии сделали все, чтобы этого не случилось.

Меньше всего на этой ранней стадии Британия желала выдать обществу, врагу и потенциальным союзникам свои истинные намерения относительно удушения Германии долговременной осадой. Публично Британия представила свой зарождающийся антагонизм в виде чисто коммерческих, деловых противоречий; британцы прикинулись раздраженными ревностными собственниками, бросившимися отстаивать свои торговые интересы перед лицом нарастающей германской мощи.

Такое оправдание было чистой воды маскарадом, но это объяснение до сих пор остается излюбленной версией историков победоносного Запада (21).

Однако в действительности тревога и беспокойство, вызванные в правящих кругах Британии появлением в политическом уравнении германского неизвестного, определили резкий поворот в британской стратегии. К 1904 году — насколько можно судить по формируемым Британией союзам — она всерьез и решительно приступила к стратегическому окружению центрального региона, а видимым поводом и удобным предлогом стал феноменальный, хотя и не вполне осознанный рост могущества Германии в последние два десятилетия девятнадцатого века, данный судьбой.

С самого начала агрессором была Британия, а не Германия.

Много лет спустя, в 1916 году, когда Вильгельм мучительно размышлял о неслыханной бойне, происходившей на фронтах, он с горечью писал в письме матери одного погибшего офицера, что никогда не желал этой войны, имея в виду, что он не хотел кровопролития глобального масштаба. «Это совершенно верно,— согласился британский премьер Ллойд Джордж в своем публичном ответе на стенания кайзера.— Император Вильгельм не желал этой войны. Он хотел иной войны, которая позволила бы ему в течение двух месяцев расправиться с Францией и Россией. Этой войны хотели мы, мы хотели ее именно в том виде, в каком она ведется, и мы доведем ее до победного конца» (22).

Британское — а позже и американское — стремление к завоеванию было безошибочно предначертано в кратком, но почти пророческом упоминании Макиндера о нескольких клиньях, которые морские державы должны вбить в центральный регион, чтобы втянуть сухопутные армии противника в последовательность локальных конфликтов. Чтобы локализовать каждый конфликт, следовало отделить искомый участок от прилегающих регионов и обескровить их в бесконечной череде войн, ведущихся под политическими, религиозными или этническими лозунгами. Так англоамериканцы поступали всегда: в Европе — натравив всех на Германию (1904–1945); на Ближнем Востоке — втиснув Израиль в самое сердце арабского мира (1917 — по настоящее время); на Дальнем Востоке — всадив несколько шипов в бок Китаю — Вьетнам, Корея и Тайвань (1950 — по настоящее время); в Центральной Азии — дестабилизировав весь этот регион межплеменными столкновениями, опираясь на помощь Пакистана, для того чтобы предотвратить переход стран Каспийского побережья в сферу влияния России (1979 — по настоящее время).

Самое важное заключается в том, что результаты этих игр в завоевания никогда не становятся очевидными сразу — для этого требуются недели, месяцы, а иногда и десятилетия. Имперские стратегические планы не терпят спешки. Капитаны мировой агрессии измеряют свои достижения и неудачи временными шкалами, ценой деления которых являются поколения. Именно в такой временной шкале следует рассматривать вопрос о зарождении и инкубации нацизма: это был долгосроч-

ный и тщательно продуманный план ликвидации даже воображаемой гегемонии Германии на континенте. И правители Британской империи дождались своего часа.

Кровь Романовых и окружение Германии

Германия и Англия готовились к войне: первая готовилась к молниеносной схватке, вторая — к долговременной осаде. В 1898 году германский рейх начал всерьез наращивать свою военно-морскую мощь; к 1906 году по тоннажу судов Германия вышла на второе место в мире. В 1900–1902 годах Британия отвлеклась от потерявших актуальность антирусских интриг в Центральной Азии и от мелких африканских противоречий с Францией, сосредоточив все свои стратегические усилия на окружении Германии, имея в виду в подходящий момент направить первый удар полномасштабного нападения с северо-западного плацдарма.

В 1904 году британским дипломатам удастся привлечь на свою сторону Францию — стороны заключают договор, известный под названием «сердечного согласия», *Entente Cordiale*: над Марокко был поднят триколор, а над Египтом — Юнион-Джек (23) (британский флаг.— *Примеч. ред.*).

В марте Гельмут фон Мольтке, главнокомандующий германской армии, которого позже обвинили в проигрыше войны, предприняв после неудачи на Марне в сентябре 1914 года (о чем будет подробно сказано ниже), опасавшийся надвигающейся бури, заметил: «Никто не имеет ни малейшего понятия, какие грозовые тучи сгущаются над нашей головой; вместо того чтобы со всей возможной серьезностью готовиться к трудным временам, нация занимается тем, что рвет себя на куски» (24).

В июле 1904 года, после четырех девочек, у августейшей четы Романовых — Николая и Александры, — родился мальчик, цесаревич Алексей. Врачи обратили внимание на затянувшееся кровотечение из перерезанной пуповины, но вскоре кровь остановилась, и о мрачных подозрениях на время забыли. Год спустя у Алексея случился первый приступ болезни, которая, к ужасу отца и матери, оказалась гемофилией. Так как при этой

болезни кровь теряет способность свертываться, малейший порез может стать угрозой для жизни (25). Медицина того времени была бессильна перед гемофилией.

За шесть месяцев до первого кровотечения у цесаревича, в январе 1905 года, Россия стала свидетельницей первого и единственного в ее истории спонтанного народного возмущения: этим восстанием руководили не самозваные «непримиримые атеисты», подобные Троцкому, которые вскоре присоединились к бурлящему потоку (26), а священник, поп Гапон. Процессия из тысяч людей, протестовавших против нехватки продовольствия, низкой заработной платы и тирании, возглавляемая священником, двинулась на площадь Зимнего дворца, где была расстреляна и рассеяна казаками и полицией: тот день вошел в историю как Кровавое воскресенье. За расстрелом последовали массовые забастовки, напряженность нарастала. Царь пошел на уступки: Санкт-Петербургский совет возник спонтанно, как институциональное учреждение местного самоуправления, наряду с неохотно созданным по указу царя совещательным органом — Думой.

В течение этого года, в период противоречивого перемирия и иллюзорных реформ, многие будущие революционные вожди примкнули к только что образованному Совету, но их агитация была беспощадно подавлена: царь не собирался идти на действительные реформы и блефовал; многие возмутители имперского спокойствия были арестованы и отправлены в Сибирь, откуда они постепенно, один за другим, сумели бежать. Россия находилась в состоянии внутреннего потрясения. Во внешней политике страна также пережила катастрофу. Через несколько месяцев после начала народного бунта Россия была разбита в Корее и Маньчжурии японцами в отдаленном колониальном споре. Поражение было неслыханным.

В самый разгар российской смуты Вильгельм наконец принимает первую попытку организовать евразийское сближение; в июле 1905 года он приглашает царя в Бьёркё в Финском заливе и успешно склоняет Николая к подписанию договора, согласно которому (1) две державы обязываются помогать друг другу в случае войны и (2) Россия обязывается сообщить Франции о своем решении, с тем чтобы впоследствии вовлечь в союз и ее (27).

Но поскольку Германия так до самого конца и не поняла, что Великобритания готовит беспрецедентную осаду,— эта политическая близорукость привела к краху Германии,— постольку союз с Россией был уже невозможен. Вероятно, в 1905 году было уже поздно. Действительно, в тот момент, когда Германия могла привязать к себе Россию, приняв ее ценные бумаги (то есть осуществив широкие заимствования),— а такая возможность возникла в 1887 году,— она отказалась это сделать, уязвленная экономическим антагонизмом России. Немедленно оживившиеся финансовые интересы Франции и в меньшей степени Британии привели к тому, что именно эти страны дали России необходимые ссуды и, таким образом, решительно связали дальнейшую судьбу Российской империи со своей имперской политикой.

Бисмарк просто играл с Россией: он не привязал ее к Германии, хотя был, по логике вещей, обязан это сделать. Евразийское объятие могло стать реальностью только в том случае, если бы Германия примирила австрийские и российские амбиции в Mitteleuropa (Центральной Европе), с Францией или без нее. Такова была главная геополитическая миссия центральных держав, противовес надвигавшейся осаде со стороны морских держав; в исполнении этой миссии все германские канцлеры, начиная с Бисмарка и кончая Бетман-Гольвегом, потерпели полное фиаско. Так были посеяны семена прошлого и настоящего распада Европы.

Договор, подписанный в Бьёркё, так и не был ратифицирован. По возвращении Николая домой его министры быстро отрезвили царя, напомнив ему о финансовых обязательствах перед Францией, которая между тем, получив сведения о тревожной выходке русского императора, заявила о категорическом несогласии вступать в какие бы то ни было союзы с рейхом. Видимо, Вильгельм забыл о том, что французы «безнадежны». Итак, Николай дал задний ход, кайзер энергично протестовал, но все было напрасно. В сентябре с вопросом о союзе с Германией было покончено. Если англо-французские деньги и германская глупость помешали России достигнуть взаимопонимания с рейхом, то эти же причины определенно придали новый импульс старому, проверенному временем франко-русскому военному сотрудничеству, а немцы теперь с опозданием пытались

лечить уже ставшую неизлечимой болезнь. Немцы упустили свой шанс задолго до Бьёркё (28).

В октябре 1905 года царь впервые упомянул в своем дневнике о «божьем человеке». В Петербурге появился Распутин. Обстоятельства его проникновения в придворные круги остаются невыясненными, но в период между октябрем 1905-го и 1907 годом Распутина, должно быть, позвали ко двору во время одного из приступов болезни царевича, и Распутину удалось чудесным образом прекратить этот приступ (29). Своими прикосновениями и молитвами только этот сибирский целитель оказался способным сохранить жизнь романовскому наследнику. Александра, возблагодарив небо за своевременное появление этого странствующего монаха, сделала его своим духовным наставником, вознеся его к вершинам власти. Царица стала рабыней Распутина, как царь был, в какой-то степени, ее рабом. Так судьба Российской империи попала в руки деревенского колдуна.

Британия продолжала выполнять свою повестку дня: после Франции наступила очередь России: «сердечное согласие» (Антанта) из двух членов превратилось в Антанту с тремя членами — Британией, Францией и Россией. В 1907 году вдохновитель втягивания Германии в первый мировой конфликт, лорд Грей, британский министр иностранных дел, провел с Россией переговоры о разделе Ирана в обмен на Афганистан и о передаче Тибета. «Большая игра [на Востоке] была, по видимости, доведена до конца» (29), Германия была обречена на войну на два фронта.

Военно-морская гонка между тем продолжалась. Между 1907-м и 1909 годами Британия дважды предлагала Германии заключить соглашение об ограничении строительства кораблей при сохранении численного превосходства английского флота, и оба раза Германия отклоняла предложение. Точно так же Россия и Франция могли бы предложить рейху сократить численность его сухопутных вооруженных сил, саркастически заметил по этому поводу Вильгельм (31), добавив:

Мы сами и есть Центральная Европа, и вполне естественно, что более мелкие нации тяготеют к нам. Этому препятствует Британия, так как такое тяготение разбивает вдребезги ее теорию баланса сил, то есть ее стремление стравить друг с дру-

гом европейские народы, к своей выгоде, и неизбежно приводит к созданию объединенного континента (32).

Со стороны Германии это было совершенно верное предположение, но из него снова были сделаны неверные выводы; немцы опять фатально недооценили Британию. В 1909 году Германия выступила с двумя контрпредложениями: сначала, в апреле, дипломаты с Вильгельмштрассе* предложили, чтобы стороны заключили военно-морскую конвенцию на том условии, что Британия сохранит «дружественный нейтралитет» в случае, если Германия окажется в состоянии войны на континенте. Другими словами, рейх потребовал, чтобы в случае войны Британия играла роль пассивного наблюдателя. Вторая попытка последовала в декабре. Немцы снова предложили ограничить тоннаж в обмен на британский нейтралитет и соглашение о фиксированном соотношении сил флотов. Британия ответила отказом на оба предложения. Больше того, британское правительство решило строить по два дредноута на каждый новый немецкий военный корабль.

Еще одно, на этот раз последнее предложение было сделано и России в 1911 году во время переговоров в Потсдаме. Эти переговоры официально были посвящены урегулированию проникновения немецкого капитала на Средний Восток и продолжались несколько месяцев: Германия заявила, что прекратит австрийские интриги в Восточной Европе, если Россия откажется от поддержки британской политики, враждебной Германии.

Кайзер получил отрезок железной дороги в Месопотамии; другие участки разделенной, построенной по дальновидному и величественному немецкому плану дороги были по дешевке уступлены Британии и Франции. Но Вильгельм так и не сумел добиться от России гарантий нейтралитета.

Таким образом, еще одна, последняя возможность дипломатического маневра была исчерпана. С этого момента Европа вступила на тропу войны. Чем лихорадочнее кайзер искал способы ослабить тройственную Антанту, тем больше Британия

* На этой улице расположена рейхсканцелярия и министерские здания; в переносном смысле Вильгельмштрассе – министерство иностранных дел.

укрепляла ее: в 1912 году Британия подписала секретную военно-морскую конвенцию с Францией, а последняя заключила такое же соглашение с Россией. Втайне, без ведома обеих палат парламента и большинства министров, министр иностранных дел лорд Грей обменялся серией писем с французским послом Камбоном, в которых — на основании военных соглашений, разработанных генеральными штабами обеих стран, — Британия в случае войны брала на себя обязательство выступить на стороне Франции (33).

В это же время германский генеральный штаб усиленно занимался усовершенствованием и доводкой плана Шлиффена*. План был разработан в 1905 году, а затем, после 1906 года, доработан преемником Шлиффена Гельмутом фон Мольтке-младшим, племянником генерала, одержавшего славную победу под Седаном в 1871 году.

Согласно плану, войну следовало начать одним мощным ударом. Шлиффен исходил из предположения, что Германии придется воевать на двух фронтах: на Западе с Францией, а на Востоке — с Россией; первую надо было сокрушить до того, как Россия завершит мобилизацию. Необходимо было избежать любого затяжного конфликта, который истощил бы и без того ограниченные ресурсы воюющего рейха; вместо затяжной войны следовало — оказывая упорное сопротивление на Востоке — держать основные силы против Франции для того, чтобы осуществить жемчужину стратегического плана: «правое крыло армии полукруглой дугой проходит через Голландию и Бельгию и западнее Парижа выходит во фланг и тыл французских армий» (34).

Британская разведка получила в свое распоряжение этот план в его мельчайших подробностях. «Никто в Берлине не знал, что план Шлиффена стал достоянием штаба французской армии еще в 1906 году благодаря изменнику, нанятому за шестьдесят тысяч франков» (35). Действительно, Бельгия должна была стать краеугольным камнем дипломатического предлога для вступления Британии в войну.

Британия рассчитывала на то, что Германия неминуемо нарушит бельгийский нейтралитет, как только фон Мольтке запус-

* План был назван по имени графа фон Шлиффена, начальника генерального штаба с 1891 по 1905 годы.

тит машину своего блицкрига. Уже в 1906 году чины британского генерального штаба осуществляли полномасштабное тайное сотрудничество со своими бельгийскими коллегами. Проводились штабные игры с имитацией развертывания британского экспедиционного корпуса на континенте — действительно, был план направления на континент такого корпуса под командованием сэра Джона Френча для помощи французским армиям, которым придется отражать наступление немцев на Париж. Обществу никогда не ставилось в известность об этих планах (36).

С тех пор (с 1911 по 1914 год) кризисы следовали друг за другом непрерывной чередой (37); инциденты в Северной Африке, политические интриги и перетягивание каната на Балканах, предупреждения, вызывающие ноты и ответные заявления сыпались со всех сторон.

К весне 1914 года Антанта была готова захлопнуть германскую мышеловку. 29 мая 1914 года техасец Эдвард Хауз, главный советник президента Вильсона, «серый кардинал» и тайный вдохновитель англо-американского пакта, сообщал из Европы: «Как только будет получено согласие Англии, Франция и Россия выйдут к границам Германии и Австрии» (38).

«Полезные идиоты» из Сараево

Теперь было достаточно какого-либо повода или «инцидента», чтобы зажечь великий костер давно сдерживаемой враждебности в самом сердце Европы. Для того чтобы высечь искру, от которой займется пламя войны, требовался вовремя совершенный «террористический акт». Кроме того, надо было найти подходящего террориста. Последнего легко отыскивали в неприметной фигуре сербского студента Гаврило Принципа. Повод? Сараево.

28 июня 1914 года законный наследник австрийского престола эрцгерцог Фердинанд и его супруга София прибыли с официальным визитом в столицу новой провинции.

Совершив акт возмездия за одностороннюю аннексию Австрией Боснии и Герцеговины, на которую претендовала и Сербия, некий Габринович и помогавший ему Грабец (бойцы тайной сербской организации с предположительным названием «Черная рука», чьим девизом было «Единство или смерть!»)

бросили бомбу в экипаж, в котором находились их высочества, но промахнулись.

Бомба взорвалась, ранив нескольких прохожих, а кортеж проследовал своим запланированным маршрутом (39). Когда прием в городской ратуше подошел к концу и эрцгерцог с супругой садились в автомобиль, к его правой стороне без помех приблизился третий участник акции Гаврило Принцип; подойдя вплотную к машине, он выстрелил из пистолета в эрцгерцога и его супругу, убив обоих на месте.

Всем трем «террористам» не было в тот момент и двадцати лет.

Инцидент, который должен был пустить в ход сложную систему союзов, ввергнув их участников в кровопролитную бойню, наконец случился.

Это действительно типичный случай терроризма: а именно акт насилия, в лучшем случае лишенный какой-либо внятной политической цели или мотива, а в худшем, поскольку вызывает куда более кровавые репрессии, приносит большой вред самим террористам. Террористический акт обычно принимает форму картинного подвига, способного поднять волну общественного возмущения и, соответственно, дать противоборствующим сторонам повод начать войну. Отыскание террористов никогда не было проблемой: потенциальные террористы всегда присутствуют в низах общества, представляя собой рыхлое сборище отчаявшихся людей, которых можно легко обучить, снабдить и должным образом сориентировать, чем, как правило, занимаются тайные службы родных стран террористов.

Таким образом, при поверхностном взгляде мы имеем бессмысленное преступление; но по сути это политический гамбит, хорошо где-то спланированный. Где? Хотя считается, что на убийство эрцгерцога этих юных студентов тайно толкнула сербская разведка, «реальным организатором заговора стал русский военный атташе полковник Виктор Артамонов, который еще раньше говорил чинам сербской военной разведки: «Действуйте. Если на вас нападут, в беде вас не бросят» (40).

В целом искусство террора заключается в подпольном (государственном) создании и поддержке фракционных группировок: скажем, «этнической армии освобождения» или радикальных полувоенных формирований, авангард которых —

переменный состав — насчитывает столько Принципов, сколько находится людей, готовых отправиться в тюрьму или на виселицу. В то же время более высокий, привилегированный уровень этих организаций состоит из офицеров разведки, занимающихся дезинформацией, организацией операций и их прикрытием, и из наемных «консультантов» — тоже офицеров спецслужб, находящихся «на жалованье» других государственных учреждений (иностранных или отечественных), или бывших солдат удачи, имеющих опыт в таких делах, как набор новых рекрутов, финансовые махинации, подрывная деятельность и подобные методы дестабилизации.

В своей простейшей форме подпольное обучение террористической «ячейки» людьми из государственных секретных служб является частью маневра, направленного на вовлечение такой фантомной «организации» в более или менее зрелищный диверсионный акт. Диверсия эта направлена либо против самого государства, либо против избранного целью противника, например нации, правящие кланы которой являются врагами террористов по причине этнической или религиозной неприязни или соперничества. В первом случае уязвленное правительство с жаром принимается осуществлять меры возмездия и «обрушивается на террористов», одновременно быстро вводя законы, направленные на усиление контроля и подавления общества*.

* Представляется, что такова стандартная схема террористической деятельности на протяжении всего двадцатого века, начиная от заговора «Черной руки» в Сараево, до политических убийств, которыми занимались революционные ячейки в Европе в семидесятые годы (например, банда Майнхоф или «Красные бригады» и близкие им по методам группировки праворадикального толка в Италии). Сея панику среди населения, итальянские террористические группы порождали нарастающий коллективный психоз, который в народе воспринимался как «стратегия напряжения», разработанная «свихнувшимися итальянскими спецслужбами» и который в конечном счете помог удержаться у власти шатавшейся в то время, но поддерживаемой Соединенными Штатами христианско-демократической мафии до бойни, устроенной Исламистским Фронтом в Алжире (1992 год), и недавно замаячившей на горизонте «угрозы» со стороны Аль-Каиды бен Ладена — истинного «божьего дара» для американского имперского истеблишмента (как известно, что никому не известный ранее бен Ладен и его соратники с самого начала были крестуррами ЦРУ).

Сараевский пример демонстрирует «стандартный террористический акт» второго рода: в самом деле, здесь удалось добиться всех поставленных перед совершенным действием целей, а именно: (1) втянуть Германию в войну на стороне Австрии — врага России, которая вступилась за Сербию; (2) извлечь выгоду из Сербии, привязав ее к колеснице тройственной Антанты; (3) принести в жертву исполнителей, которых приговорили к тюремному заключению и к смертной казни; и (4) стереть из исторической памяти имена и личности истинных организаторов заговора.

Гаврило Принцип стал первым в длинном списке «козлов отпущения», «пешек» или «полезных идиотов» (41), чьей нелестной, но политически оправданной задачей было приведение в исполнение решений, вызревших задолго до террористического акта в кабинетах больших государственных начальников. В нашем повествовании мы — в связи со многими важными событиями — встретимся с множеством таких «полезных идиотов»: Феликс Юсупов* (убийство Распутина, 1916 год); Антон фон Арко-Валлей** (расстрел Курта Эйснера, 1919 год), Ольгвиг фон Гиршфельд, Генрих Тиллезен и Генрих Шульц (попытка покушения на Эрцбергера в 1920 году и его убийство в 1921 году***), Эрвин Керн, Герман Фишер и Эрнст фон Саломон (эта троица несет ответственность за смерть Ратенау, 1922 год****), Мартин ван дер Люббе***** (поджог Рейхстага, 1933 год) и Алексей Николаев***** (убийство Кирова, послужившее сигналом к началу антитроцкистской чистки, 1934 год).

Осада Германии

Летом 1914 года Германия поддержала Австрию, Россия — Сербию. Британская дипломатия могла теперь заманить в ловушку обоих — противника и союзника одновременно.

* См. ниже.

** Глава 2, стр. 57.

*** Глава 3, стр. 95.

**** Глава 3, стр. 151, 173.

***** Глава 5, стр. 182–183, 307.

***** Глава 5, стр. 357–350.

Наконец 6 июля британский министр иностранных дел лорд Грей проинформировал германского посла о том, что Россия пока не готова вмешаться и что Британия не имеет никаких обязательств ни по отношению к России, ни по отношению к Франции: это была намеренная ложь.

Два дня спустя британский министр иностранных дел уверил русских в том, что, согласно «сообщениям из весьма надежных источников», немцы в спешном порядке перебрасывают на восток дивизии и в целом ситуация, с точки зрения рейха, складывается весьма неблагоприятная: это была еще большая ложь (43).

Все эти обманные трюки и лживые сообщения, передававшиеся точно по адресам за плотно закрытыми дверями, сопровождалась в Британии настоящим, мастерски разыгранным публичным шоу – притворными попытками посредничать между враждующими сторонами во имя сохранения мира, – попытками, предпринятыми для обмана народных масс (44). Британия всегда весьма тщательно раскручивала клубки международных конфликтов так, чтобы поставить противника в положение нападающей стороны, оставляя за собой роль миролюбивой, справедливо обороняющейся жертвы. Это была психологическая уловка, предназначенная для введения собственных народных масс в заблуждение, а вот немцы не имели опыта в таких трюках и не понимали их пользы.

Австрия предъявила Сербии ультиматум: категорическое требование прекратить в Сербии антиавстрийскую пропаганду в любой форме и начать формальное расследование убийства, причем в этом расследовании должны принять участие представители Австрии (45). Сербия приняла все пункты ультиматума, кроме последнего, в связи с чем она сделала театральный дипломатический жест, предложив передать расследование в руки Международного суда в Гааге. Ясно, что Сербия отклонила ультиматум по инструкции, полученной от своих патронов, которые уже давно ждали этого момента: уже 25 июля британское казначейство приступило к выпуску специальных банкнот, не подлежащих обмену на золото и предназначенных для использования в военное время (46).

Война с Сербией, в которую Австрию сознательно втягивали сербскими интригами, инспирированными Россией, была ловушкой, в которую австрийское правительство попало,

не понимая, что создает для России повод объявить всеобщую мобилизацию и вступить в войну, представив, таким образом, Австрию и Германию злонамеренными поджигателями большого мирового конфликта (47).

Армия Франца-Иосифа изготовилась к атаке на Сербию, Вильгельм был вне себя от радости — не думая о возможных последствиях. После еще одного раунда чисто формальных дипломатических телодвижений между Лондоном, Берлином, Парижем и Санкт-Петербургом австро-венгерская армия 28 июля подвергла бомбардировке Белград. Война началась.

Россия, тайно подстрекаемая Францией, обещавшей всестороннюю помощь и поддержку (48), начала мобилизацию, подтягивая войска к западной границе, а германские генералы ждали лишь зеленого света от кайзера, чтобы начать наступление по плану Шлиффена. Пурталес, германский посол в Санкт-Петербурге, сломя голову примчался в министерство иностранных дел и попросил министра Сазонова отменить мобилизацию. Он повторил свою просьбу трижды. Когда русский министр в третий раз отклонил эту просьбу, Пурталес дрожащей рукой протянул Сазонову ноту германского правительства об объявлении войны. Это случилось 1 августа.

Получив из России известие о концентрации войск на границе, Вильгельм в какой-то степени пробудился от спячки и признал серьезность сложившейся ситуации:

Таким образом, тупость и неуклюжесть союзника превратились в капкан. Итак, пресловутое окружение Германии стало наконец свершившимся фактом... Ловушка неожиданно хлопнулась над нашими головами, а чисто антигерманская политика, каковую Англия столь издевательски проводила по всему миру, одержала весьма убедительную победу, которую мы оказались неспособными и бессильными предотвратить, ибо Англия, невзирая на все наши усилия, заманила нас в расставленные сети, пользуясь нашей верностью союзу с Австрией, решив удушить наше политическое и экономическое существование. Великолепное, блистательное достижение, которым склонны восхищаться даже те, для кого оно означает катастрофу (49).

Это действительно была катастрофа, и винить в ней Германия могла только саму себя.

Когда разразилась война, Распутин бормотал: «Нет звезд на небе... океан слез... наша отчизна никогда не переживала такого мученичества, какое ожидает нас теперь... Россия захлебнется в своей собственной крови» (50).

Совершив еще один театральный жест, Британия — пока Германия готовилась к наступлению на Западном фронте — прибегла к последней уловке, обратившись к противникам с мирными предложениями, объявив, что готова гарантировать свой нейтралитет и удержать Францию от помощи России в назревающем русско-германском конфликте, если Германия воздержится от нападения на Францию. Этот хитрый подвох, который Вильгельм с дьявольским упорством старался считать английским одобрением своего вторжения в Россию, едва не заставил и без того потрясенного Гельмута фон Мольтке прекратить наступление: германская мобилизация была завершена, армии готовы к броску, настаивал начальник генерального штаба.

Поддавшись давлению генерала, германское правительство выдвинуло к Франции ответное требование: ни много ни мало, как передать Германии две французские крепости — Туль и Верден — в качестве гарантии французского нейтралитета. Естественно, Франция отвергла такое предложение. 3 августа Германия объявила войну Франции. Попадая из одной волчьей ямы в другую, Германия предстала перед всем миром в обличье кровавого агрессора. Абель Ферри, заместитель министра иностранных дел Франции, писал в своем дневнике: «Паутина сплетена, и Германия запутывается в ней, как большая жужжащая муха» (51).

Наконец, так как наступил ее черед, Британия завершила круг: понимая, что фон Мольтке готов бросить стрелков Людендорфа в Бельгию, британское правительство торжественно объявило, что не может допустить нарушения бельгийского нейтралитета; после этого последовали заклинания о безусловной приверженности миру и публике было бесстыдно объявлено, что у Британии нет и не было никаких секретных договоров ни с Францией, ни с Россией (52).

Когда план Шлиффена был приведен в исполнение и армии рейха вступили во Фландрию, Британия направила Германии

ультиматум, который, как прекрасно понимали в Лондоне, немцы просто проигнорируют; но чтобы избежать сюрпризов (срок ультиматума истекал в полночь), британский кабинет, пользуясь разницей во времени между Лондоном и Берлином, сократил ожидание на один час.

Сидя вокруг большого круглого стола, покрытого зеленой скатертью, министры украдкой с нетерпением поглядывали на часы, ожидая, когда стрелки покажут 11.00. Двадцать минут спустя в кабинет вошел Уинстон Черчилль, первый лорд адмиралтейства, и объявил коллегам, что телеграмма, в которой королевскому флоту предписывается начать операции, направлена во все военные порты империи (53).

А где застало лето 1914 года Адольфа Гитлера? Бывший в свои двадцать пять лет ветераном венских ночлежек, один из многих буржуазных неудачников, молодой Гитлер — с глубоким чувством освобождения и надежды — вступил в баварский полк в чине рядового. Человек, идущий добровольно в армию, — несчастливый человек, сказал Пастернак:

Через несколько дней я надел мундир, который не снимал потом в течение почти шести лет. Для меня, как и для каждого немца, начиналось величайшее и незабываемое время моей молодости. В сравнении с событиями этой титанической борьбы прошлое представлялось мне мелким и ничемным (54).

Гитлеру пришлось воевать на Западном фронте, где он заслужил несколько наград за храбрость.

Германский марш через Бельгию и первые столкновения с французами, потерявшими менее чем за две недели 300 тысяч человек, были чрезвычайно успешными для немцев. Победа казалась обеспеченной. До Парижа оставалось тридцать миль. Но потом план Шлиффена начал давать сбои. Мольтке, полагая, что победа у него в руках, отправил на Восточный фронт два корпуса, так как «русские, — объяснял он в своих мемуарах годом позже, — оказались способными вторгнуться в Восточную Пруссию скорее, чем мы рассчитывали, и до того, как мы успеем одержать решительную победу над англо-французскими армиями». В заключение фон Мольтке написал: «Я признаю, что

это было ошибкой, за которую нам пришлось расплачиваться на Марне» (55).

Что в действительности произошло во время наступления на реке Марне, в ходе которого, как утверждали, фон Мольтке потерял разум и было нарушено сообщение и согласованность действий между несколькими корпусами безупречной во всем остальном немецкой военной машины, остается тайной. Но по той или иной причине Германия встретила ошеломляющее, оказавшееся неожиданно очень сильным сопротивление противника, столкнувшись с невозможностью — в условиях современной индустриальной войны — выполнить план Шлиффена так быстро, как рассчитывали.

Германское продвижение на Западе остановилось, и в течение следующих нескольких месяцев французы пытались вытеснить немцев с их позиций. Ни одна сторона не могла сдвинуться с места из-за встречного огня противника. Череда бесплодных попыток обойти фронт с флангов привела лишь к его растягиванию от Ла-Манша до Швейцарии. Несмотря на миллионные потери, эта линия, протянувшаяся от моря до гор по прекрасному лицу Франции, оставалась почти неизменной на протяжении более трех лет (56).

Зажатая между клином окопной войны на Западе и удушающей морской блокадой — которой Британия окружила рейх, включая в нарушение международных конвенций даже выходы в нейтральные воды — Германия тем не менее изо всех сил пыталась вырваться. Но ни германское сопротивление на сухопутном фронте, ни неограниченная подводная война не смогли ослабить осаду.

Что же касается Восточного фронта, то в конце лета 1914 года дела здесь шли не блестяще — фронт был прорван.

Генерал Гинденбург был «отставным офицером, чьим основным занятием было сидение за мраморным столиком уличного кафе в Гамбурге, где он брызгал пивом на стол и любовался образовавшимися лужицами». «К удивлению молодых немецких офицеров, считавших его выжившим из ума стариком, он объяснил им, что лужицы — это Мазурские болота, в которых он намерен утопить врага, если ему посчастливится командовать в том районе армией» (57). Когда началась война, он изъявил желание служить в армии, но получил отказ. Но все же ему повезло, когда

ставка верховного командования внезапно призвала его на службу, учитывая его глубокое знание территории, на которой сейчас шли бои с русскими.

Гинденбург быстро изменил ход военных действий в пользу немцев; вместе с Людендорфом, которого Мольтке отправил из Бельгии в Восточную Пруссию (ныне северо-восточная Польша), чтобы способствовать немецкому контрнаступлению, он 8–15 сентября перенес сражение в район Мазурских болот, и последние этапы битвы происходили уже на русской территории.

Каким генералам — немецким или русским (первым в связи с их прозорливостью, вторым в связи с их некомпетентностью) — следует приписать честь этой победы (56), совершенно не важно, в свете несомненных немецких успехов на Восточном фронте в течение всего 1915 года. Хотя фронт окончательно не рухнул, немецкое наступление так сильно встревожило русских, что царь Николай II принял на себя обязанности верховного главнокомандующего вооруженными силами.

Немцы были весьма польщены таким паническим решением.

В июне 1916 года русский генерал Брусилов, ставший героем после разгрома австро-венгерских армий в Галиции в начале войны, предпринял наступление на запад от румынской границы. На этот раз это тоже было массированное наступление на австро-германские силы. После трех месяцев жестоких боев исход сражения окончательно решен не был, однако потери были неслыханными: австрийцы и немцы потеряли 600 тыс. человек, русские — больше 1 миллиона.

Призвание Ленина

В 1916 году русские правители, внезапно опомнившись, задали себе простой вопрос: какую выгоду они от всего этого получают? Какая польза от вражды с Германией? Не в том ли только она состоит, что России удастся преподать Австро-Венгрии урок, вытеснив ее с восточноевропейских и балканских рубежей, контроль над которыми Австрия и Россия издавна оспаривали друг у друга? Стоило ли добиваться этого такой ценой?

Британия могла утверждать, что сражается за империю, Франция — за свою честь, Германия — за выживание, но что мо-

жет сказать Россия в оправдание такого немыслимого холокоста? В Лондоне уже давно предвидели и опасались, что эти мрачные мысли начнут обуревать русских довольно скоро; в качестве приманки британцы пообещали царю отдать России после войны Константинополь и проливы (которые, впрочем, для этого надо было отобрать у Турции) — правда, в Петербурге также быстро заподозрили, что это не более чем пустые посулы, как оно в действительности и оказалось.

1916 год — несмотря на людские потери и возобновившиеся волнения и беспорядки в тылу (на фоне голода и усилившейся политической агитации) — не стал годом катастрофических неудач русской армии; по этой причине Россия — с позиции своей пока сохраненной силы — могла начать с Германией переговоры о сепаратном мире. Распутин явно хотел мира, а раз так, то мира хотела и царица, которая в отсутствие супруга, находившегося на фронте, занималась внутренними делами России.

По стране начали циркулировать упорные слухи, что Александра, будучи «немкой» (ее мать Алиса была дочерью королевы Виктории и супругой герцога гессенского Людвига IV), ведет тайные переговоры с немцами, чтобы сдать Россию врагу. «Долой немку! — кричали толпы (59). Но царица была втянута в совершенно иные дела. «Вполне вероятно, что она [Александра] стала послушным орудием в руках людей, которые желали бы заключить с Германией сепаратный мир» (60), и Британия надежно позаботилась о том, чтобы такие «люди» немедленно прекратили свою деятельность.

В декабре 1916 года группа заговорщиков — повесы голубых кровей и бюрократы с сомнительной репутацией — заманила Распутина на пирушку с танцами, песнями и увеселениями. В самый разгар веселья целитель хлебнул отравленного питья, яда в котором хватило бы на то, чтобы отравить насмерть целый полк. Прежде чем оставшийся невредимым Распутин успел вернуться к развлечениям, отпрыск одного из самых влиятельных аристократических семейств князь Феликс Юсупов принялся стрелять в целителя из револьвера, резать ножом и бить. Он делал это с яростью, приведшей в оцепенение даже его сообщников. После этого тело еще дышащего Распутина бросили в ледяную воду канала. Юсупов — трансвестит с двенадцатилетнего возраста, завсегдагой публичных домов, дерзкий

и неразборчивый развратник — к 1916 году убедился в том, что своими магнетическими способностями Распутин оказывает пагубное влияние на царицу, что может привести Россию к гибели.

1 февраля 1916 года «Дэйли мейл» присоединила свой голос к ликующим воплям российской толпы, радовавшейся смерти колдуна (61).

Незадолго до смерти Распутин пророчествовал Романовым: «Если я умру или вы меня оставите, то потеряете за полгода и сына и трон» (62).

Теперь о военных долгах: в 1916–1917 годах Россия была должна Британии сумму, равнявшуюся приблизительно трети годового дохода Российской империи (63), и это было больше того, что Британия была должна Соединенным Штатам. Франции Россия была должна приблизительно в два раза меньше, чем Британии. Нетрудно понять, какая сторона гре-ла руки на русских бедствиях — такой стороной была Британия. Но к тому времени вопрос об участии России в войне решал не царь и даже не Распутин: приказы исходили из британского казначейства (64). В России тогда говорили, что «Англия и Франция готовы воевать до последнего русского солдата» (65).

12 января 1917 года лорд Джордж Бьюкенен, британский посол в Петербурге, был принят царем, который проинформировал дипломата о том, что вскоре ожидаются «последние, решающие мирные переговоры». Бьюкенен на это возразил, что России следует действовать в унисон с британским правительством и ввести в состав кабинета министров «умеренных левых», чтобы убить этим сразу двух зайцев: сгладить народное недовольство и усмирить волнения и продолжить наступление на Германию. Царь, очевидно, не понял намека и продолжал упорствовать в своем намерении искать мира с Вильгельмом. Скрывая угрозу, Бьюкенен вскользь упомянул о возможности революции, а также намекнул на то, что за неделю знал о готовившемся на Распутина покушении. Николай не внял предупреждению (66). Подобно своим германским коллегам, он не представлял себе, насколько велика решимость Британии ни под каким видом не допустить диалога между Россией и Германией.

Британский посол в России оказался ключевой фигурой в комбинации, предусматривавшей свержение царя, если у него не хватит решимости продолжать борьбу с Германией... Для этой цели он собрал группу из преуспевающих банкиров, либеральных капиталистов и недовольных аристократов (67).

Спустя месяц после беседы царя с Бьюкененом российскую столицу потрясла волна стачек: возмущение переросло в знаменитую Февральскую революцию. Когда она разразилась, Бьюкенена не было в посольстве, он был в отпуске. Вдали от беспорядков, к разжиганию которых имел самое непосредственное отношение.

Британский военный кабинет не был ни в малейшей степени напуган возможной перспективой переброски семидесяти немецких дивизий на Западный фронт; напротив, британцы с глубоким удовлетворением восприняли весть о революции: Ллойд Джордж, премьер-министр, воскликнул: «Одна из целей Англии достигнута!» Подобным же образом, вполне разделяя радужные ожидания англичан, президент США Вудро Вильсон, выступая 2 апреля 1917 года с обращением к конгрессу, говоря об отречении царя, объявил о «тех удивительных и благоприятных событиях в России», где наконец была свергнута автократия (68).

Это был настоящий абсурд: в самый разгар беспрецедентной невиданной мировой войны, общества союзных стран должны были поверить в то, что их правители беспокоятся о степени демократизации России больше, чем о риске потерять русского союзника! Публике, однако, следовало бы понять, что англо-американские клубы больше всего на свете боялись русско-германского мира и что именно происшедшее способно предотвратить пагубное перемирие и обеспечить продолжение войны. Но либеральная пресса не собиралась просвещать публику на этот счет. На счастье клубов, в 1917 году евразийское объятие так и не родилось, Россия и Германия остались противниками.

Свержение царя было немалым достижением. Но в действительности это должно было стать лишь частью куда более широкого плана, ради выполнения которого по ту сторону русско-германской границы (точнее было бы сказать, «линии раздела») проводилась параллельная миссия, опиравшаяся на

сеть, связывавшую Берлин со скандинавскими столицами. Нашлись и другие исключительно способные и старательные люди, которые не покладая рук действовали против евразийской общности. Руководитель этих людей, Александр Израилевич Гельфанд (1867–1924), больше известный по кличке Парвус, начал свои авантюрные похождения с того, что вступил в ряды революционеров. Из Одессы, его родного русского города, Парвуса, естественно, потянуло туда, где говорили по-немецки. Получив степень доктора экономики в Базельском университете, Парвус начал активно заниматься политикой на стороне немецких социалистов. Приблизительно к 1910 году у Парвуса окончательно исчезли последние иллюзии относительно организованного бессилия социализма, и, поссорившись с элитой немецких левых, он исчезает из общественной жизни. Скромно и незаметно он покидает Берлин... и выныривает из небытия в Стамбуле, превратившись в богатого экстравагантного коммерсанта с большими склонностями и способностями к международным интригам.

Едва ли стоит сомневаться в том, что Гельфанд — этот энергичный, но разочарованный в прежних идеалах полиглот, отлично знакомый со всем спектром социалистической агитации и к тому же обладающий бойким пером и экономическим чутьем — мог остаться в стороне от какой-нибудь «сети». Но кроме краткого упоминания о германском министре Брокдорф-Ранцау как о какой-то, впрочем, неопределенной «силе, стоявшей за спиной Гельфанда» (см. ниже), мы не располагаем никакими историческими документами, которые позволили бы нам точно определить контуры такой организации.

Когда началась война, Гельфанд приступил к активной работе. В Стамбуле он сумел гарантировать поставки вооружения и военных материалов правительству младотурок, чем немало способствовал вступлению Турции в войну на стороне Германии. После этого, когда у России начались неудачи на фронте и державы Антанты стали опасаться, что царь откажется от продолжения войны, Гельфанд был выбран для секретной и в высшей степени ответственной миссии в Германии.

Без больших усилий он сумел завязать знакомства среди высшего руководства германского министерства иностранных дел. Вот что Гельфанд предложил немцам: пусть джентльмены

с Вильгельмштрассе финансируют и обеспечивают создание дестабилизирующего движения в России, которое сможет свергнуть царский режим и заключить сепаратный мир с рейхом. При поверхностном взгляде может показаться, что это была еще одна вариация на тему евразийского сотрудничества. Но мотивы и намерения были совершенно иными, если не противоположными.

Позже Парвус утверждал, что целью его махинаций в Германии было раздувание революционного пожара в России, который, как многие рассчитывали, перекинется на Германию, а затем и на всю Европу ради того, чтобы сбылась давно вынашиваемая левыми мечта — образование всемирного социалистического союза. Трудно сказать, насколько искренними были эти высказывания Парвуса. С другой стороны, германские дипломаты были убеждены, что именно они определяют правила и исход игры; естественно, им не было никакого дела до революционных экспериментов — они желали лишь «использовать» «красную» парвусовскую сеть коммунистического агитпропа в качестве «средства оказания давления на царя и для того, чтобы ускорить дипломатические переговоры» (69).

Но именно эти ожидаемые переговоры между Германской и Российской империями и должен был саботировать Парвус. До самого последнего этапа борьбы большевиков за власть в России главной задачей Гельфанда было так направлять поведение немцев, чтобы рухнули последние шансы на прямые контакты с царской империей. Пока наемные убийцы Распутина и британский посол Бьюкенен, поддержанные командой профессиональных разведчиков, сжигали мосты, наводимые из России в Германию, Парвус и другие занимались тем же в отношении мостов, которые немцы пытались навести между Берлином и Петербургом. Стоявшая перед Парвусом задача облегчалась граничившей с беспомощностью наивностью его германского контрагента из министерства иностранных дел — германского посла в Копенгагене графа Брокдорф-Ранцау.

Датская столица наряду со Стокгольмом была избрана Парвусом в качестве промежуточной базы, откуда плелась завязавшаяся между Берлином и Россией интрига. Отсюда Гельфанд управлял активной и весьма доходной экспортно-импортной компанией, возглавлял научно-исследовательский институт

и издавал информационные бюллетени — все это было надежным прикрытием его шпионской деятельности. Подобно большинству олддерменов рейха, граф Брокдорф-Ранцау воплощал в себе смесь покровительственного добродушия и провинциальной самонадеянности — короче, он являл собой превосходный образец просто-таки отчаянной немецкой политической близорукости. Он оставил потомству запись тех мыслей, что обуревали его, когда он попал в силки, расставленные для него Парвусом:

Вероятно, это может показаться рискованным — использовать силы, стоящие за Гельфандом, но определенно было признанием нашей слабости отказаться от их услуг из страха, что мы окажемся неспособными управлять ими... Те, кто не понимает знамений нашего времени, никогда не поймет пути, по которому мы идем, и не сможет оценить, что поставлено на карту этим движением (70).

Но, как видно, сам он меньше других понимал знамения времени. Из приведенного важного отрывка видно, что ни Брокдорф, ни германское министерство иностранных дел не обладали способностью понять, что это за «силы, стоящие за спиной Гельфанда», и этот факт, естественно, вызывал тревогу у Брокдорфа. Учитывая ставки этой грандиозной игры, глубина такого пробела была, с немецкой точки зрения, абсолютно недопустимой. Но, упрямо не желая оценить степень опасности и поощряемый своим начальством, Брокдорф упорствовал, убежденный, что именно он определяет правила и исход игры. Немецкий дипломат, видимо, плохо сознавал, что, поддавшись соблазнительным чарам неутомимого Парвуса, он — объективно — развязал руки загадочным «силам», на которые опирался Гельфанд, позволив им сорвать спасительные (для Германии) мирные переговоры с Россией и тем самым ускорить падение и развал имперских учреждений Германии.

Смысл составленного в 1915 году Парвусом меморандума, направленного Брокдорфу и министерству иностранных дел, был однозначным и недвусмысленным: царская Россия является непримиримым врагом рейха. Парвус убеждал немцев в том, что

если они подпишут договор с Николаем, то это, скорее всего, приведет к формированию в России реакционного правительства, которое, опираясь на силу освобожденной от ведения боевых действий армии, сможет снова обратиться против рейха, обойдя достигнутые соглашения. Единственная партия, на которую могут ставить сейчас немцы, настаивал Парвус, это партия большевиков, решительно настроенная, хотя и немногочисленная группа, искренне стремящаяся к миру и непримиримо враждебная царю Николаю. Имя лидера этой группы — Ленин. Брокдорф попался на крючок правдоподобия этой насквозь лживой аргументации (71).

Германия начала платить в 1915 году. За два года рейх, как полагают, потратил девять тонн золота на подрывную деятельность против царя (72). Парвус обеспечивал деловое прикрытие финансовых операций и банковские связи для передачи сумм, которые шли на создание революционных вооруженных отрядов и создание мощного пропагандистского аппарата. «Правда» была печатным органом, созданным на немецкие деньги. Жертвуя столь щедрые дары, немцы с нетерпением ожидали результатов, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Парвус успокаивал господ, уверяя их, что вложения не пропадут даром. Он обещал, что великие потрясения начнутся 9 января 1916 года; «организация», клятвенно уверял немцев Парвус, планирует проведение всеобщей забастовки в одиннадцатую годовщину Кровавого воскресенья.

9 января чиновники царского режима без особой тревоги зарегистрировали несколько актов саботажа, небольшие беспорядки, потопление военного корабля и мелкий ущерб, вызванный немногочисленными рабочими демонстрациями. Все эти выступления были без особого труда подавлены силами полиции. Германский министр иностранных дел фон Ягов не скрывал своего раздражения, у некоторых других, наиболее бдительных чиновников министерства стали крепнуть подозрения в надувательстве, и они просили своего шефа прекратить интриги с Парвусом. Но Брокдорф с жаром возражал, свидетельствуя в его пользу, и высшие чины армии решили пока не сбрасывать со счетов большевистский козырь: германские генералы, несмотря ни на что, продолжали грезить насильственным миром с крупными аннексиями на Востоке —

житницами Украины, морским побережьем Прибалтики, не говоря уже о возмещении убытков золотом.

В то время было, однако, очевидно, что вопреки тенденциозным утверждениям Парвуса царская Россия, невзирая на бесчисленные слабости — крупный внешний долг, промышленная отсталость, нищее сельское хозяйство и неслыханное моральное и физическое убожество городских низов, — пока еще не была банкротом, гнилым яблоком, готовым разложиться и упасть. Напротив, это был достаточно мощный экономически организм с огромным валовым промышленным потенциалом и страной, вывоз пшеницы из России составлял треть всего мирового экспорта зерновых (73).

Тем не менее немцы, ослепленные своей алчностью, решили ждать и ждали до тех пор, пока на Востоке не прозвучал февральский сигнал — всего через два месяца после убийства Распутина.

Февральская революция 1917 года не имела никакого отношения к немецким проискам и еще меньше того была делом рук большевиков. Ленин, когда разразилась революция, словно лев, запертый в клетке, безвыездно сидел в Швейцарии, а Троцкий — еще одно действующее лицо описываемых нами событий и один из творцов ноябрьского переворота, занимался в это время пламенной пропагандой на Манхэттене. Этот последний — согласно нескольким свидетельствам — в своей обширной истории революции много места уделил якобы спонтанности (безымянности) февральского восстания, каковое он в своей трактовке представил как истинно пролетарскую прелюдию грядущего прихода большевиков (74). На деле же все было совершенно по-иному.

В феврале 1917 года, когда на улицы снова вышли протестующие толпы, семь ведущих генералов и часть войск столичного гарнизона отказались подчиняться царю, который, лишившись военной власти, был *de facto* принужден к отречению (75). После этого, возглавив протестующие массы, мятежные офицеры направились в Думу — суррогатный российский государственный совет, где они формально передали «революционную» волю народных масс буржуазным депутатам, то есть, иными словами, либеральным заговорщикам (агентам Бьюкенена), с которыми они (мятежные военные) тайно сговорились.

Либералы, в свою очередь, были готовы передать власть брату Николая, великому князю Михаилу. Но великий князь не пожелал участвовать в этой низкопробной коронации и отказался от власти. Таким образом, либералы были вынуждены взять на себя бремя власти и командования. Не было никакого парадокса (вопреки утверждениям Троцкого) в таком вырождении одряхлевшей власти — когда власть ускользнула от масс и вернулась к аристократам с помощью военщины и попустительствующей ей буржуазии. В действительности Февральская революция была всего лишь противозаконным путем, призванным удержать русские армии на Восточном фронте под эгидой конституционного регента. Но поскольку великий князь отказался поддержать заговорщиков, то все их дело повисло над расширявшейся трещиной весьма неудобного спаривания буржуазии с социалистическими лидерами. Равновесие было, мягко выражаясь, весьма непрочным.

По прошествии короткого времени из мятежной Думы было образовано ядро новой российской исполнительной власти — Временное правительство. Этому правительству весьма странным образом противостоял как бы дополнявший его воскресший Совет, к которому примкнуло разношерстное братство русских революционеров: у большевиков чесались руки — они стремились возглавить Совет и поставить его под свой контроль.

И вот наконец настал момент нанести последний, мастерский штрих плана Парвуса: в апреле 1917 года, по соглашению с германским правительством, он обеспечивает проезд Ленина в запломбированном вагоне через Германию из Швейцарии в Финляндию, а оттуда в Петербург.

Едва успев сойти с поезда, Ленин провозгласил «Апрельские тезисы» (программу большевиков): мир без аннексий; никакой парламентской республики; республика Советов; конфискация всех частных земельных владений и организация «образцовых ферм»; учреждение единого и единственного государственного банка, подконтрольного Советам.

Ленин вернулся с немецкой помощью и на немецкие деньги — то есть совершил акт государственной измены. Вернулся в Россию и меньшевик Плеханов — этот под охраной британских миноносцев (76). Троцкий, имевший на руках американский

паспорт, был схвачен на борту норвежского морского лайнера и задержан в Галифаксе канадскими военно-морскими властями по вполне оправданному подозрению в измене и подрывной деятельности (то есть в участии в заговоре против нового Временного правительства России, воюющего члена Антанты). Неожиданно, по приказу из Лондона, Троцкого освобождают и в мае позволяют присоединиться к его товарищам в российской столице (77).

Можно допустить, что это была самая деликатная часть исполнения британского плана великой осады и удушения Германии. С 1914 года царский режим оказался ненадежным и слишком слабым партнером для того, чтобы выполнять британские директивы. Перед лицом страшной (для Британии) перспективы сепаратного мира России с Германией царь был успешно устранил со сцены. Таковы были движущие силы Февральской революции. Устранив царя, Британия разработала три возможных сценария развития событий и соответственно своих действий:

1. Продолжение февральского сценария. Согласно его первоначальной архитектуре, план предусматривал создание либерального кабинета, поддержанного Советом (своего рода парламентом) и связанного формальным подчинением царствующему дому. Февральский эксперимент был задуман для введения в России такого же института власти, как в Британии, — то есть конституционной монархии. Очевидно, что такая искусственная трансплантация была нереалистичной, но сам ход, предусматривавший привоз в Россию таких настроенных продолжать войну марксистов, как Плеханов и другие меньшевики, которые могли узаконить в Совете и придать в его глазах легитимность военным усилиям кабинета и сохранение царствующего идола в фигуре Романова, не был лишен блеска и привлекательности. Действительно, союзные державы, начиная с Соединенных Штатов, уже 9 марта быстро укрепили авторитет Временного правительства его официальным дипломатическим признанием. Теперь оставалось посмотреть, сможет ли Временное правительство, даже лишенное имперских галунов из-за отказа великого князя Михаила взойти на трон, консолидировать народ и заставить его продолжать войну.

2. Если же Временное правительство потерпит неудачу, то можно будет разыграть большевистскую карту, за которую Британия могла равным образом благодарить как Парвуса, так и алчность и самовлюбленность германских правителей; возникла возможность наблюдать попытку социального эксперимента на неизведанной почве, ибо никто, несмотря на обнародование «Апрельских тезисов», не мог точно предвидеть, какой режим в реальности установят Ленин и его соратники, если придут к власти.

Этот второй вариант развития событий таил в себе большую степень риска; так как большевики клялись вывести Россию из войны. Однако преимуществом захвата ими власти была врожденная ненависть к немецкому династическому духу — насквозь капиталистическому и империалистическому.

Полковник Хауз, личный советник президента США Вильсона, всегда из прагматических соображений поддерживавший большевизм, в конце 1917 года весьма рационально обосновал необходимость тайной поддержки Западом этого во всех отношениях отвратительного (для западного либерализма) большевистского коммунизма:

Очень часто упускают из вида тот факт, что русская революция, вдохновляемая якобы ненавистью к автократии, несет с собой... серьезную угрозу для немецкого господства: [например], антикапиталистическая направленность революции с равной — а скорее с большей — силой коснется именно германского капитализма... (78)

Несмотря на то что ленинцы собирались заключить мир с Германией для того, чтобы получить с фронта массу крестьян и рабочих — так, во всяком случае, рассуждали британцы, — имперская Германия и большевистская Россия едва ли сольются в тесном союзе. «Договор ничего не значит, — скажет своим соратникам Ленин после заключения мира с немцами в марте 1918 года, — так как не может быть никакого права и справедливости в отношениях с классовым врагом» (79).

В ближайшие годы можно было надеяться путем финансовых манипуляций — особенно в плане военной помощи —

и дипломатическими маневрами натравить огромное коммунистическое государство на германский рейх; этот путь был чреват смертельной опасностью, но риск был в целом оправданным.

3. Можно было также ожидать, что в случае падения Временного правительства коалиция белых — монархисты и контрреволюционные генералы — развяжут в стране гражданскую войну и усмирят страну. Облегченное духовным и классовым родством сближение одинаково настроенных белых генералов и генералов рейхсвера со временем должно было вылиться в тесный союз.

Из трех возможных вариантов последний был для Британии наименее желательным. Если бы он осуществился на деле, то у морских держав не оставалось бы иного выхода, кроме попытки подкупить белых, удержав их от сближения с немцами, а это было чревато гораздо большим риском, чем приход к власти большевиков.

В течение восьми месяцев своего существования Временное правительство издало множество законов, но успехов добилось весьма скромных. Роль первого министра взял на себя Керенский — популист, в прошлом адвокат. Став во главе кабинета, он ринулся на фронт воодушевлять дрогнувшую духом армию. В июне русская армия, словно очнувшись от спячки, совершила последнее наступление на австрийские войска, которые немедленно получили подкрепление в виде нескольких немецких дивизий. При виде немецкой серой формы русские обратились в бегство. В июле большевики подняли путч. Временное правительство отреагировало на него весьма жестко. Ленину пришлось бежать в Финляндию (имеется в виду шалаш в Разливе.— *Примеч. ред.*), а Троцкий и другие коммунистические главари оказались за решеткой. Осведомленный о махинациях Парвуса, Керенский собирался привлечь ленинскую клику к суду по обвинению в государственной измене и заговоре как «немецких агентов», но поскольку во многих местах России зашевелились белые контрреволюционеры (оставшиеся верными царю монархисты), он удержался от преследования большевиков и выпустил их из тюрем. Логика отчаяния заставила Керенского во-

образить, что он сможет использовать красных агитаторов как союзников в борьбе с монархической контрреволюцией.

Между тем морские державы решили, что настало время сместить программу действий и перейти ко второму (большевистскому) варианту.

Германия и «силы, стоявшие за Гельфандом», платили им на Западе, и есть убедительные доказательства того, что Уолл-стрит им платил на Востоке: скрываясь за гуманитарным фасадом «Военного Совета Красного Креста», американские капиталисты переводили значительные суммы на поддержку русской революции. Организация Дж. П. Моргана и круги, связанные с Федеральным резервным комитетом Нью-Йорка, представляли Совет, плативший Керенскому после мая 1917 года, а потом, если верить статье в газете «Вашингтон пост» (2 февраля 1918 года), начали платить большевикам (80). В сентябре 1917 года британский посол в России Бьюкенен доложил своему правительству, что одни только большевики «выступают с отчетливо определенной политической программой и представляют собой компактное и хорошо организованное меньшинство... Если у правительства не хватит сил подавить большевиков и оно лишится поддержки в Советах, то единственной альтернативой станет большевистское правительство» (81).

Месяцем позже большевики — маргинальное движение, не пользовавшееся никакой народной поддержкой и составлявшие «какую-то треть социалистических партий» (82), — без единого выстрела захватили власть.

В тот день, когда произошла революция, по Невскому проспекту, как обычно, гуляли хорошо одетые люди и, смеясь, говорили, что власть большевиков не продержится и трех дней. Богатые люди, проезжая в экипажах, брали солдат, а те, «вяло оправдываясь, смущенно улыбались в ответ» (83).

Впереди были пять лет опустошительной гражданской войны.

В марте 1918 года большевистская Россия подписала в Бресте тяжелый и унижительный мир с германскими генералами. Уступая жадности немцев, Россия пожертвовала Украиной и Прибалтикой, а также согласилась выплачивать репарации

золотом. На Восточном фронте наступило затишье, и дивизии рейха можно было теперь без помех перебрасывать обратно во Францию... но морские державы не дремали.

Британцы, трезво взвешивая вероятности перечисленных выше сценариев, ждали развязки, непуская течение событий на самотек. Бреша на Западном фронте были заткнуты американской пехотой. Не было случайным совпадением, что Америка вступила в войну в апреле 1917 года, когда русский фронт дал трещину. «Важный факт заключается в том, что в апреле 1917 года Британия была близка к поражению, и на этом основании в войну вступили Соединенные Штаты» (84).

Американская интервенция на стороне британцев была произведена весьма умело. Американцы отказались выполнить требования немцев оказать давление на Британию, с тем чтобы последняя прекратила противоправную блокаду рейха. Своим отказом Америка не оставила Германии выбора — началась подводная война, официально объявленная 31 января 1917 года. Предполагаемые нападения подводных лодок на американские грузовые корабли, шедшие мощным потоком к берегам Европы и поставлявшие огромные количества оружия и военного снаряжения воюющим союзникам, явились подходящим предлогом для разрыва дипломатических отношений с германским рейхом и в конце концов к объявлению войны. Задолго до этого был преднамеренно создан предлог, *casus belli* (для возбуждения массового патриотизма) — потопление британского лайнера «Лузитания», который попросту подставили под удар немецкой субмарины в мае 1915 года (85).

Германии удалось в течение двух лет (с 1915-го по 1917 год) оттягивать вступление Америки в войну. Подводные лодки прекратили бесчинствовать, были выплачены репарации и принесены извинения, но (к 1917 году) время уже истекло (86).

Последовательность событий вкратце такова: 22 февраля в России начинается революция, царь отрекся от престола 2 марта, приезд Ленина намечается на 27 марта, Троцкого арестовывают 1 апреля, 6 апреля президент Вильсон объявляет войну Германии, а 9 апреля Ленин прибывает в Россию; Троцкий появляется в Петербурге 18 мая; командующий американскими экспеди-

ционными силами генерал Першинг отплывает в Европу 29 мая 1917 года. 3 марта Россия и Германия подписывают перемирие, после чего подготовленные и укомплектованные американские воинские соединения начинают волнами (по 330 тысяч человек ежемесячно) высаживаться в Европе (87). К ноябрю 1918 года их численность превысила 2 миллиона солдат и офицеров (88).

Последние дни Америки: от республики к агрессивной империи

В последней четверти 1916 года союзники стали нуждаться не только в американских поставках, но и в американских финансах.

И наконец, в 1917 году произошло решающее событие — Британия, которая стояла на грани банкротства после первого натиска на центральный регион, начала постепенно передавать права верховного военного командования великой осадой более выносливому и более свежему — в военном и экономическом отношении — исполину, Соединенным Штатам Америки. Это было сделано с полным пониманием того, что Британия, как более опытный игрок, навсегда сохранит за собой исключительное право на участие в стратегическом руководстве осадой.

Приняв на себя эту ответственность и отправив войска на европейский театр военных действий, Америка вполне сознательно взяла на себя обязанности имперской державы. То была знаменательная и зловещая передача эстафеты от одной англоязычной островной державы к другой. Это решение кардинальным образом изменило лицо Америки, а со временем и лицо всего мира в целом.

Соединенные Штаты не были готовы взять на себя единоличную власть над морями, а следовательно, не могли допустить поражения Британии — притом что Америка ни в малейшей степени не доверяла Германии. Американская элита сплошь состояла из англофилов, а американское общество, ссудившее Британию миллионами долларов, смотрело на мир сквозь очки британской пропаганды: если бум инфляции и процветания, обусловленный огромными закупками Антантой военных материалов, обрушится из-за поражения союзников, то деньги,

одоленные на Уолл-стрит, можно будет считать навсегда потерянными. Все эти факторы требовали, чтобы США — под влиянием Британии — бросили вес своей имперской мощи на поля сражений в центральном регионе (89).

Дни великой конфедерации свободных городов в свободном государстве, почтения к образованным виргинским джентльменам, примирения с природой и пионерского духа общин, то есть всех американских ценностей, в большой мере предоставленных старой Европой и целым светом этой обители мира и покоя, безвозвратно остались в прошлом. Старые принципы были беспощадно и без всяких сожалений отброшены. Преднамеренная и показная жадность к обладанию избытком времени и пространства, безответственная тяга к агрессивному тщеславию — поздним признакам Британской империи — были усвоены Америкой, куплены ею ценой ее юности. Настроение в Соединенных Штатах разительно и быстро переменялось.

В 1914 году 90 процентов американского народа было против вступления в войну (90); теперь же эта сдержанность уступила место неумеренной агрессивности: появились солдаты и восторженно встречавшая их толпа — вот что теперь нужно было Америке. Клубы позаботились о том, чтобы этот сдвиг в массовом сознании был скорым, и вызвать его можно было только одним орудием — страхом. Производство вооружений нарастало, а карательная экспедиция за океан готовилась на волне «народного страха перед внешней агрессией» (91). Пропитанная «духом партикуляризма... и враждебностью противоборствующих политических группировок», Америка стала патриотичной (92). Теперь царил дух безусловной, горячей и простодушной любви «к своей стране», хотя это была не любовь, а заготовленный заранее призыв поражать «врага», где бы он ни находился и как бы ни прятался, любыми средствами и в любое время. Оказавшись на гребне искусственно созданного коллективного помешательства, гражданин теперь видел себя и своих соотечественников жертвами заговоров, слухи о которых питали его доверчивость и воспитывали поклонение красно-бело-синему флагу «американской гордости» и «сияющему звездами знамени» (93).

Начиная с 1917 года публику кормили фантастическими измышлениями, подаваемыми в форме газетных новостей.

Например, писали о том, что у немцев есть секретные оружейные батареи в США, готовые обстреливать Нью-Йорк и Вашингтон. Эти тревожные «новости» были инспирированы союзниками, начавшими фабриковать их в октябре 1914 года, и сообщения подобного рода начали фигурировать в разведывательных сводках, попадавших на стол президента... (94)

Помимо заклинаний о совпадении геополитических интересов, культурном родстве и угрозе немецкой подводной войны, помимо гигантских займов странам Антанты, было еще одно средство заманить США в войну и заставить их нести часть ее бремени в осуществлении великой осады. Этим средством стала Палестина.

Ведущие члены британского военного кабинета – премьер-министр Герберт Эсквит и военный министр граф Китченер не желали распылять наступательные силы на европейском театре ради военной авантюры на Среднем Востоке. Однако стойкие поборники имперского величия, воплощенные харизматической фигурой лорда Альфреда Милнера, бывшего колониального чиновника, сумели заставить коллективный олигархический разум изменить это решение, правда, иным способом (95).

В ноябре 1915 года члены так называемого «Детского сада» (клуба Милнера, известного также под названием «Круглый стол») поделились своими соображениями со страниц газеты «Манчестер гардиан». Речь шла о том, что «будущее Британии как «морской империи» целиком зависит от Палестины, каковая должна стать буферным государством, населенным патриотично настроенным народом» (96). Действительно, Палестина была «ключевым недостающим звеном», соединявшим разъединенные части Британской империи в единый континуум, протянувшийся от Атлантического до Тихого океана (97).

Если и поскольку Первая мировая война действительно представляла собой начало осады центрального региона, то группа Милнера решила, что будет вполне уместно воспользоваться представленной возможностью и вбить сразу два клина – по одному на каждом конце разделительной линии. Для этого Америка должна быть вовлечена в конфликт двояко –

направить войска на евразийский север (против Германии) и развязать политическую кампанию своего сионистского лобби на средневосточном юге (против арабов; см. карту на рис. 1). Несмотря на то что Эсквит и Китченер так далеко не смотрели, «Детский сад» отнюдь не был намерен упускать такую возможность.

Рука Провидения не заставила себя ждать. 6 июня 1916 года судно, на котором Китченер направлялся в Россию, подорвалось на mine (98). Уличенный в закулисных махинациях глава либеральной партии Эсквит был вынужден уйти в отставку, и 7 декабря 1916 года премьер-министром стал Дэвид Ллойд-Джордж. Участники «Круглого стола» немедленно получили в правительстве несколько высоких постов, а «мастер ложи» Милнер стал главным стратегом военного кабинета. Вскоре после этого британские войска высадились на Среднем Востоке, выступив против турок.

11 декабря 1917 года генерал сэра Эдмунд Алленби и его офицеры пешком вошли в Святой город Иерусалим через Яффские ворота (99).

В августе 1918 года первый акт великой северо-западной осады приблизился к развязке. После того как было отражено последнее большое наступление генерала Людендорфа, начатое весной 1918 года, союзникам, при поддержке прибывших американских дивизий, удалось отеснить потрепанных испанкой немцев назад, к «линии Гинденбурга». Германия поняла, что не может больше держаться. Она капитулировала, и в ноябре было подписано перемирие.

К августу 1918 года стало ясно, что Германия сделала все возможное, но для победы этого оказалось мало. Блокада и высадка на континенте американских войск поставили германское руководство перед альтернативой: сдаться или ввергнуть страну в полный экономический и социальный хаос. Все без исключения, во главе с аристократами из военного командования, выбрали капитуляцию... Оглядываясь назад и оценивая историю военных операций Первой мировой войны, трудно отделаться от впечатления, что весь этот конфликт был большой осадной операцией, направленной против Германии (100).

Десяти миллионов убитых оказалось недостаточно для того, чтобы сломить страну и сделать ее сателлитом морских держав. Германия не была разбита на своей территории. Для того чтобы Германия пережила окончательный крах и потерпела поражение внутри своих границ — то есть для осуществления второго, заключительного акта северо-западной осады (то есть Второй мировой войны) — британские правящие круги посвятили следующие двадцать лет проведению двойственной политики по отношению к поверженному рейху, политики, представлявшей собой смесь санкций и прямых зарубежных инвестиций. В действительности за лицевой стороной этой коварной политики пряталось намерение клубов восстановить военный и экономический потенциал Германии, а за это время выявить и идентифицировать «нужный» тип политического руководства, способного «использовать» возрожденный и восстановленный германский рейх к выгоде Британии. Коротко говоря, схема предусматривала вооружение вчерашнего врага и его вовлечение в следующий конфликт, который должен был создать (1) повод к окончательному уничтожению Германии и (2) возможность захвата геополитических позиций Германии. Этому сложному клубку провокаций, состряпанных для инкубации нацистского фюрера Адольфа Гитлера, этого уникального «барабанщика» неузнаваемой, превращенной в восточную деспотию Германии, посвящена остальная часть настоящего повествования.

Часть 2

Вебленово пророчество.
От Советов до Версаля по пути
русского братоубийства; 1919–1920 годы

МЕФИСТОФЕЛЬ: Фауст, наберись мужества и уколи себя в руку. Свяжи свою душу с тем, чтобы однажды Великий Люцифер смог назвать ее своей.

ФАУСТ: Смотри, Мефистофель, из любви к тебе (колает себя в руку) я порезал руку и ценой моей собственной крови предаю свою душу великому Люциферу.

МЕФИСТОФЕЛЬ: Но, Фауст, ты должен написать здесь, что это акт дарения.

ФАУСТ: Да, я сделаю это. (Пишет.) Но, Мефистофель, моя кровь свернулась – я больше не могу писать.

МЕФИСТОФЕЛЬ: Я принесу тебе огня, чтоб растворить ее сей же час.

ФАУСТ: Что может предвещать свернувшаяся кровь? Она не хочет, чтоб подписал я бумагу эту? (Возвращается Мефистофель, неся жаровню с углями.)

МЕФИСТОФЕЛЬ: Вот и огонь; пиши же, Фауст.

Кристофер Марло. «Доктор Фауст», сцена V (58–91) (1)

Невозможная революция

Германия капитулировала в ноябре 1918 года, кайзер Вильгельм II отрекся от престола, и империя взорвалась. Внутри расстроенного немецкого общества немедленно возникло, требуя «перемен», диффузное и насквозь пацифистское движение низших слоев общества и его богемной фаланги – анархистов, интеллектуалов и деятелей искусства. Это движение было мгновенно подавлено хотя и ослабленной, но духовно оставшейся

нетронутой милитаристской частью германской элиты при молчаливом одобрении обладавшего собственностью среднего класса. «Стальные люди» возглавляли и представляли собой вернувшиеся домой и подавившие возмущение германские армии. То были молодые и безжалостные солдаты и офицеры, выкованные и закаленные войной, соединившиеся с призрачными пока объединениями негибавших ветеранов в союз, благословленный неизвестными доселе и поэтому безымянными божествами. Страна стала свидетельницей зарождения так называемой консервативной революции — движения, возникшего из неизмеримых глубин германского духа, опьяненного военным экстазом, но смертельно враждебного современному стяжательству, так же как и архаизму императорской власти и наследственной аристократии. Нацизм стал весьма специфическим ответвлением этого возрождения из бездны, представляя собой сложное переплетение ассоциаций, партий и тайных орденов,— прославленным трубадуром этого возрождения стал писатель и ветеран войны Эрнст Юнгер. В конце 1919 года в один из таких орденов был принят и ефрейтор Гитлер. В это время союзники очищали Россию от последних остатков царизма, активно поддерживая нигилистическую диктатуру большевиков. Именно союзники позволили большевикам перекупить ядро старой николаевской армии и нанести поражение белым генералам в ходе кровавой Гражданской войны 1918–1922 годов. Одновременно в Версале англо-американцы заложили фундамент инкубатора, в котором они намеревались вывести будущего врага России: наложенные на Германию репарации всерьез не затрагивали доходы привилегированных классов Германии, кроме того, союзники начали процесс реабилитации реакционных немецких кланов с тайным намерением выпестовать радикальную антибольшевистскую силу, каковую можно будет впоследствии бросить на штурм русского бастиона и уже окончательно уничтожить, повторив сокрушительную для Германии войну на два фронта. Единственным мыслителем той эпохи, который с провиденциальной ясностью и пониманием оценил происходящие трансформации, был американец Торстейн Веблен: изучив развитие событий в Германской империи, он предсказал дальнейший ход этого развития, и, что еще более важно, он оказался единственным, кто обратил самое живое внимание на очевидно пробужденную

войной и прокатившуюся по всей Германии волну окрашенной своеобразной религиозностью страсти к разрушению. Еще в 1915 году он в общих чертах предсказал появление на политической сцене исступленного, произносящего зажигательные речи фюрера; более того, в 1920 году, когда стало ясно, что ратифицированный в Версале позорный мирный договор окажется не в силах создать условия, которые Веблен считал необходимыми для разоружения Германии и ее превращения в послушного и кроткого партнера англосаксонских государств, он предсказал, что через двадцать лет, то есть в 1941 году, начнется смертельная, невиданная схватка между большевистской Россией и реакционной Германией. Это пророчество, приведенное в книге Дж. М. Кейнса, посвященной парижскому мирному договору, является, вероятно, величайшим достижением политико-экономической мысли — свидетельством величайшего гения — и кричащим обвинением в ужасающем заговоре, составленном Британией в течение полугодовой мирной конференции, состоявшейся после окончания Первой мировой войны.

В Германии никогда не было подлинной революции. Раздуваемый в литературе миф о расколе между левыми и правыми представляется явным преувеличением, хотя многие считают этот раскол главной причиной успеха Гитлера. Однако пропасть, разделявшая имущих от пролетарского класса, была скорее мнимой, нежели реальной: будущие столкновения между нацистскими коричневорубашечниками и красными отрядами коммунистической партии были скорее следствием иностранного вмешательства в германскую политику, чем результатом внутреннего антагонизма, разъедавшего немецкий порядок. Это утверждение я постараюсь доказать в главе 4. По этому поводу надо сказать, что, так же как и в большинстве стран «демократического» Запада, в имперской Германии было стабильное и относительно крепко спаянное общество, и какими бы ни были классовые противоречия и классовое неравенство, они никогда не находили отчетливого выражения в подлинно революционном движении. До Первой мировой войны в Германии ни у кого не было истинной воли к восстанию; не было ее и после войны. В течение шести странных месяцев, прошедших от капитуляции в ноябре 1918-го, до провозглашения Веймарской республики в июне 1919 года, Германия горела в лихорадке, кото-

рая, как правило, сопровождает смену режима,— это был период относительно мягких протестов, протестов неорганизованных и вскоре искаженных вмешательством независимых интеллектуалов, частных военизированных отрядов, иностранными интригами и вскоре подавленными вернувшейся с фронта армией, утопившей в крови отдельные очаги вооруженных выступлений. Таким был промежуточный период существования немецких Советов, период, после окончания которого на политическую авансцену выступил Гитлер.

Теперь мы перейдем к рассказу о германской революции, если ее можно так назвать,— такой революции просто не могло быть — по тем причинам, которые ясно изложил Веблен после тщательного анализа природы европейского рабочего движения конца девятнадцатого века: на основании этих ранних наблюдений, каковые он соединил с внимательным изучением состояния обреченного рейха и позже оказался в состоянии в 1920 году выдать свое поразительное пророчество.

* * *

К началу двадцатого века социалисты промышленно развитых стран Запада, за исключением немногочисленных закоснелых воинствующих ортодоксов, отказались от самой идеи «революции».

Массы рабочего класса стали проявлять меньше недовольства по поводу жилищных условий и питания, которыми их обеспечивал правящий и господствующий класс: бесплатные квартиры стали несколько больше, а меню с каждым годом становилось разнообразнее. Воплощение принципа «хлеба и зрелищ» (еды и кинематографа) внесло свою лепту в успех тех мер, какие приняли капиталисты для укрощения недовольства масс.

В Германии к 1912 году, когда SPD (Sozialistische Partei Deutschlands) — Социалистическая партия Германии, самая массовая и самая организованная из соцпартий мира,— стала ведущей политической силой в стране, набрав 34,8 процента голосов на всеобщих выборах 1912 года (2), приобретенное рабочими отвращение к ветрам перемен нашло свое концентрированное выражение в высказывании Августа Бебеля, этого

немецкого социалистического Наполеона, который характеризовал революцию как «величайший тарарам» (der grosse Kladde-ratatsch) (3).

Коротко говоря, рабочие муравьи немецкого муравейника не испытывали острого желания бунтовать, как не имели его их братья по классу во Франции и Британии, также не желавшие рубить сук, на котором сидели. Рабочие желали компромисса подобно членам экипажа китобойного судна, которые не заходят дальше споров с капитаном относительно своей доли.

Но в принципе, по самой своей сути, все социалисты были интернационалистами — братьями, невзирая на разделявшие их границы, — и пацифистами. Потом разразилась война, и великое космополитическое единство мирового сообщества социалистов, так называемый II Интернационал, который претендовал ни больше ни меньше как на Нобелевскую премию мира, разлетелся вдребезги под действием центробежных сил шовинистического угара (4).

В августе 1914 года парламентская фракция SPD единодушно проголосовала за предоставление военных кредитов. В Англии и Франции пролетарии точно таким же образом дружно построились под знаменами и изъявили готовность стрелять в своих братьев по ту сторону линии фронта. Кайзер прибегнул к весьма удачному риторическому приему, провозгласив, что отныне не признает никаких партий, за исключением немцев.

«Это предательство!» — провозгласили немногочисленные вожди непримиримых левых, возложив на обуржуазившихся лидеров Социал-демократической партии Германии ответственность за отход от интернациональных и гуманистических идеалов партии. Революция, утверждали левые, была принесена в жертву компанией цеховых мастеров, превратившихся в обычных буржуа, чья роль состояла в трансформации силы рабочего класса в самодовольную подпорку капиталистической цитадели.

И это обвинение было недалеко от истины. Более точно этот союз элиты и пролетариата, заключенный во имя патриотического предрассудка, можно назвать наивысшим достижением консерватизма. Правящий класс, возглавляемый германским императором, бюрократической и деловой элитой, объединенными в рамках либерального государства и в большой мере «защищенных от экономических трудностей, господствующих во

всех современных высокоорганизованных обществах», был (и до сих пор остается) по самой своей природе носителем стандартов таких видов социально незрелой (то есть варварской) деятельности, которая вызревает в скрытых от глаз недрах незаслуженной или наследственной праздности,— например, спорт, финансовые махинации и война (5).

Люди, униженные жалкой бедностью, и все те, чья энергия целиком и полностью поглощается каждодневной борьбой за выживание, являются консерваторами, ибо не могут позволить себе усилия попытаться заглянуть в будущее дальше завтрашнего дня; точно так же консерваторами являются богатые и преуспевающие, так как у них нет повода для недовольства сложившимся положением (6).

Загнанные в городские трущобы, где умы формируются изворотливостью и жестокостью, страдающие от лишений и духовной деградации, низшие слои общества быстро и легко приучаются пользоваться языком оскорбительного соперничества и дикой клановой жестокости.

Юнкерам не понадобилось много времени, чтобы переодеть массы в Feldgrau, серую полевую военную форму рейха. Таким же выдающимся был их пыл, с каким стремились на фронт французы, британцы, американцы и японцы,— этот пыл был несколько меньше у славян, чья патриотическая готовность, не говоря уже о практической сметке, никогда не соответствовала страстям и наклонностям правящего класса того времени.

Испытывающие на себе с самого рождения ужасы и насилия гетто представители низших слоев населения Германии в дальнейшем подвергались «стерилизации» практикой профсоюзов, благодаря торгашескому духу которых, то есть исключительности членства, иначе говоря, «дефицитности мест» (7), у членов профсоюзов воспитывалось чувство привилегированности по отношению к другим рабочим,— из таких смысленых «синих воротничков» всегда выходили «добрые» рядовые шовинистических армий.

Такая длительная дрессура в условиях казарменной стимуляции инстинктов и профсоюзного крючкотворства превратила

трудящегося в надежный инструмент западной иерархии, а великие надежды революционеров в скорбное разочарование. В 1907 году Веблен писал:

Та часть населения, которая была привержена социалистическим идеалам, тоже стала более патриотичной и лояльной, а вожди и люди, формировавшие мнения социалистов, тоже внесли свой вклад в рост шовинизма совместно с остальными группами немецкого народа... [Лидеры СДПГ] утверждают, что они, во-первых, стоят за национальное величие, а за уважение иностранцев — только во-вторых... В настоящее время социалисты исповедуют скорее идеи английского либерализма, нежели революционного марксизма (8).

Если не считать нескольких вспышек, причиненных отдельными зарвавшимися анархистами, в Германии не было мятежного ядра, способного вырваться на поверхность и целиком пожрать империю. Конечно, СДПГ испытывала определенные трудности и во время войны претерпела глубокий раскол: в 1917 году группировка раскольников, так называемые независимые, отделились от партии и учредили НСДПГ (Независимую социал-демократическую партию Германии); и конечно же вспыхивали забастовки, нарушавшие слаженную работу социал-демократического электората на военных предприятиях рейха. Несомненно, в стране были и недовольные и несогласные. Но в целом, так же как невозделанное русское поле, заколдованный германский лес, по большей части населенный послушными рабочими, высокомерной буржуазией и слепыми аристократами, был территорией, весьма легко поддающейся управлению — как изнутри, так и извне. Человеческий материал был податлив, несмотря на общепризнанную приверженность страны к войне, каковая, впрочем, и сама по себе была чисто сомнамбулическим предприятием.

29 сентября 1918 года стало решающим днем в осуществлении на германской почве сценария так называемой революции 1918–1919 годов (9).

13 сентября Австрия издала предсмертный крик о помощи; два дня спустя фронт центральноевропейских держав рухнул:

союзники прорвались на Балканы и принудили Болгарию к капитуляции. В тот же день на западе союзники широким фронтом развернули наступление на линию Гинденбурга. Эта последняя укрепленная линия обороны немцев начала трещать по швам.

В течение трех лет Германией *de facto* управляли генералы; одного из них надо выделить особо. Это Эрих Людендорф. Именно он изобретал и воплощал в жизнь впечатляющие попытки вырвать Германию из кольца осады во время войны: Людендорф развязал неограниченную подводную войну, отправил Ленина в Россию, навязал большевикам «грабительский» мир и организовал последнее большое наступление весной 1918 года. Теперь, в последние минуты Второго рейха, он был готов на прощанье громко хлопнуть дверью, в очередной раз совершив нечто «колоссальное» (10).

Поняв, что рейх находится в смертельной опасности, Людендорф сделал реальностью абсолютно немыслимую вещь — приказом учредил в Германии парламентскую демократию и ввел социалистов в правительство. Проводя это неслыханное мероприятие, он поспешил проинформировать кайзера и кабинет, что дни рейха сочтены и что следует немедленно заключать перемирие с союзниками. «Значит, все три года нам бессовестно лгали!» — взвыли министры. Сам император отнесся к этой идее довольно скептически, хотя никто не собирался лелеять сентиментальную ностальгию по утраченным мечтам, и уж меньше всех Людендорф, который одним выстрелом ухитрился поразить сразу три цели: (1) умиротворить народ и общество внутри страны и успокоить союзников фасадом парламентаризма перед началом мирных переговоров; (2) повесить социалистам на шею позор поражения («отравленный дар» руководства), и, самое важное, (3) спасти армию.

5 октября изумленная германская публика узнала, что отныне у нее есть парламентская демократия во главе с либерально настроенным принцем Максом Баденским и что самым первым действием нового правительства стало экстренное обращение к американскому президенту с предложением мира и прекращения огня.

8 января 1918 года президент Вильсон уже разработал предварительную и не слишком четкую платформу нового миро-

устройства, так называемые «четырнадцать пунктов», основанных на прозрачности дипломатии, свободной торговле и мореплавании и самоопределении.

За время с 3 по 23 октября Вильсон по телеграфу направил ведомству германского канцлера три ноты, в которых потребовал, чтобы рейх (1) вывел войска с оккупированных территорий; (2) прекратил подводную войну и (3) принудил кайзера к отречению. Внезапно произошла следующая неожиданность: 25 октября генерал Людендорф, основываясь на путаной информации с фронтов, отменил все свои решения; он принялся настойчиво убеждать кайзера прервать переговоры с Вильсоном и возобновить сражение. Вильгельм и Германия были сыты генералом по горло — его сместили и назначили вместо него генерала Гренера, тыловика из министерства обороны. В самом основании рейха разверзлась зияющая трещина.

С этого момента на Германию посыпались беды, одна страшнее другой.

На верфи Шиллинга близ Вильгельмсхафена, группа морских офицеров, отказавшись подчиниться новым правительственным распоряжениям, решила направить в море немецкую флотилию, которая всю войну, ржавея в ничегонеделании, простояла на якоре, и совершить безрассудное по дерзости нападения на заклятого врага — королевский флот; короче говоря, офицеры подняли мятеж.

30 октября 1918 года экипажи «Тюрингии» и «Гельгоlanda» взбунтовались против своих мятежных офицеров, потребовав, ни больше ни меньше, изъявления верности военных моряков новому правительству. Неповиновение матросов сделало вылазку невозможной. Пока нарушившие приказ (непосредственных начальников), но оставшиеся верными закону моряки сидели в карцере, их товарищи из Третьей эскадры устроили в Киле манифестацию, протестуя против этого наказания. На разгон манифестации послали лейтенанта по фамилии Штейнхойзер; столкнувшись с отказом подчиниться приказу разойтись, он приказал своему отряду открыть огонь по манифестантам — двадцать девять моряков были убиты. Но прежде чем остальные рассеялись, один из матросов, отбежав в сторону, выхватил пистолет, прицелился и убил Штейнхойзера. 3 ноября 1918 года в Германии началась революция.

Утром в понедельник, 4 ноября, моряки избрали солдатские Советы*, разоружили своих офицеров, вооружились сами и подняли на кораблях красные флаги. Моряки гарнизона заявили о своей солидарности с этим движением, а докеры объявили всеобщую забастовку.

Начиная с третьего дня морякам не надо было прилагать никаких усилий для того, чтобы поддерживать революцию; она распространялась теперь сама, бушуя как лесной пожар. Словно по молчаливому соглашению, цепь событий всюду была одинаковой: гарнизон выбирал солдатские Советы, рабочие выбирали рабочие Советы, военные власти капитулировали – либо сдавались, либо бежали; гражданские власти проявляли смирение и трусость, признавая верховенство рабочих и солдатских Советов (11).

После того как офицерская каста, которой Германия вверила управление государством еще до начала войны, с отставкой Людендорфа в мгновение ока утратила свое господствующее положение, страна – на какое-то время – оказалась в руках армейских и рабочих низов, которым ничего не оставалось, как создать в неуправляемой массе импровизированное подобие административной системы, таковая неизбежно принимала форму «совета» – форму спонтанной, почти анархической жизни народа, ревностно желавшего самоуправления; нервные узлы этого самоуправления питали связующие звенья общественного тела: сельское хозяйство и ремесленничество.

Они были «дикими» – хаотичными и едва ли представительными – советы, свидетелем которых стала Германия тех дней; они явились раскрепощенными внезапностью восстания и непреодолимым упорством низших слоев общества, которые, платя за годы возмутительных притеснений, жадно искали способа ликвидировать старые несправедливости и заявить свои права на власть.

Аристократы моментально попрытались по подвалам своих поместий, а буржуа бросали опасливые взгляды из-за занавесок

* Так называемые Räte (ед. число Rat), немецкий эквивалент русского слова «Советы».

окон своих домов. Фон Бюлов, бывший канцлером в то время, когда рейх переживал свой апогей, тоже смотрел на происходящее:

В Берлине 9 ноября я наблюдал революцию... Она оказалась похожей на старую ведьму — беззубую и плешивую... Никогда в жизни я не видел ничего более отвратительного и отталкивающего, более вульгарного, чем эти нестройные ряды танков и грузовиков, набитых пьяными матросами и дезертирами... Мне редко приходилось созерцать что-либо более тошнотворное, более противное и низменное, чем зрелище этих недозрелых чурбанов, украшенных красными нарукавными повязками — символами социал-демократии. Я видел, как они группами по несколько человек, крадучись, подходили к офицерам с железными крестами или орденами *Pour le mérite* на груди, хватали их под руки и срывали эполеты... [Цитата из Наполеона] *Avec un bataillon on baleyerait toute cette canaille**.

Менее чем через две недели в Германии насчитывалось уже 15 тысяч таких советов: они отличались простой иерархической структурой; во главе этой структуры находилось исполнительное правление в составе шести человек — Совет народных комиссаров, возглавляемый лидером SPD Фридрихом Эбертом. Поскольку все решения принимались солидным большинством отнюдь не революционно настроенных социалистов, то и восстание — по крайней мере на первых порах — было относительно мирным. Судьба «революции» целиком и полностью находилась в руках СДПГ.

«Беспорядки» не могли продолжаться долго. Но боль ноябрьского раскола 1918 года была непритворной: ее не могли уменьшить темные заговоры и агитация большевиков, чьи сторонники сгруппировались в так называемую спартаковскую лигу, представлявшую, впрочем, ничтожную часть движения. Но тем не менее повстанцы-социалисты, большая часть которых рекрутировалась из пролетариата, интеллигенции среднего класса и унтер-офицеров (13), не извлекли никакой выгоды из

* С одним батальоном можно легко разогнать весь этот сброд (*фр.*).

этой воодушевляющей передышки от юнкерской барщины. Так же как и его собрат в совете Санкт-Петербурга в 1905 году, простой человек германской Räterepublik (Советской республики) в 1918 году покорно просил благодетельного управления сверху.

Мятежный дух не мог длиться долго, потому что рабочий контроль уступал руководящей роли солдат и сводился к нулю, а те, у кого были ключи от финансовых сетей, очевидно, уклонились от участия в этом судорожном деревенском балагане, разыгравшемся к тому же под весьма неприветливым небом. Прежде чем тучи успели стугнуться до такой степени, чтобы разразилась нешуточная гроза, на Вильгельмштрассе было совершено двойное предательство: аристократия в лице армии и чиновничества согласилась выбросить за борт кайзера, если социалисты — во имя сохранения «порядка» — тотчас же испепелят «революцию», то есть совершат предательство, пролив кровь своих же братьев.

Немецкая революция столкнулась с невежественным народом и чиновничеством, являвшим образчик бюрократического мещанства. Народ с пеной у рта ратовал за социализм, но не имел ни малейшего понятия о том, каким должен быть этот социализм. Люди знали своих угнетателей; люди отчетливо знали, чего они не хотели, но не имели отчетливого представления о том, чего они, наоборот, хотели. Социал-демократические и профсоюзные лидеры были повязаны кровью и дружбой с монархией и капиталистическим классом, имея с ними общие грехи. Они были удовлетворены буржуазным уровнем своей жизни; они не верили в доктрины, которые провозглашали, они не верили людям, которые полагались на них... Они ненавидели революцию. Эберт нашел в себе мужество заявить об этом прямо (14).

9 ноября, хотя растерянный кайзер еще противился расставанию с тронem, канцлер Макс Баденский уже опубликовал, можно сказать, лживое сообщение об отречении Вильгельма. Император какое-то время колебался, потом пришел в ярость, сел в поезд и уехал в Голландию, откуда только спустя три недели прислал по почте официальное отречение от престола и исчез из дальнейших исторических хроник. Сразу же после отъезда кайзера, утомившись начинающейся новой интригой,

принц Макс умыл руки, назначив — противозаконно, ибо это была прерогатива еще не отрекшегося императора — социалиста Фрица Эберта рейхсканцлером, и бежал в свое имение на берегу Констанцкого озера, канув, подобно кайзеру, в Лету политического небытия.

Как раз в это время, не зная, что он, собственно, представляет — республику или империю, Матиас Эрцбергер, неутомимый и печально известный политический деятель из Вюртемберга, был послан — в сопровождении двух офицеров и немецкого посла в Болгарии графа Обендорфа — в качестве представителя германского правительства на комиссию по перемирию в Компьенский лес*, для того чтобы официально предложить союзникам принять капитуляцию Германии. Посредник, ведший переговоры с Эрцбергером, маршал Фош, начал перечислять немецким представителям требования, которые скорее можно было назвать приказом, нежели условиями перемирия: эвакуация войск из района военных действий; передача союзникам портов, военных материалов, военного снаряжения и оборудования, возврат пленных (без взаимного обмена пленными), сдача тоннажа судов и транспортных средств и аннулирование Брестского мира с Советами. Генерал Гинденбург телеграфировал Эрцбергеру, что перемирие надо подписать любой ценой, чтобы избежать удушения блокадой. Виртуозный дипломат Эрцбергер сумел выторговать у Фоша уступки по объему оружия, которое предстояло сдать, и по срокам вывода войск с занятых территорий. 11 ноября 1918 года немцы поставили свои подписи под документом о перемирии. На следующий день, по возвращении Эрцбергера в Германию, Гинденбург и Гренер поздравили его с успешным завершением нелегкой миссии (15). Формально под Первой мировой войной была подведена черта.

Новость о перемирии дошла до Гитлера, когда он выздоравливал в одном из военных госпиталей Померании от временной слепоты. После четырех лет непрерывной службы на Западном фронте — Гитлер был связным и исползал на брюхе ничейную землю вдоль и поперек — он в самом конце войны был во Фландрии накрыт ослепляющим облаком горчичного га-

* В пятидесяти милях к северу от Парижа.

за. Узнав от госпитального капеллана о капитуляции, подписанной Эрцбергером, Гитлер пришел в отчаяние, которое позже описал так:

Мои глаза снова заволокло черной пеленой; едва ли не ошупью я добрался до своей палаты и рухнул на койку, зарывшись лицом в подушку и накрыв одеялом плававшую голову... Значит, все было напрасно. Напрасны были жертвы и лишения; напрасны были голод и жажда нескончаемых военных месяцев... напрасной была гибель двух миллионов человек... Последовали ужасные дни и еще худшие ночи — я понял, что все погибло безвозвратно. Только глупцы, лжецы и преступники могли питать надежду на милость врага. В эти ночи во мне родилась и окрепла ненависть, ненависть к тем, кто нес ответственность за это злодеяние (16).

Теперь Фрицу Эберту, новому канцлеру-социалисту, предстояло выполнить свою часть сделки, заключенной с Гренером и армией: надо было усмирить миротворческое движение и повести его участников, как ни о чем не подозревающих баранов, на бойню. Тем временем импровизированные советы развернули бурную деятельность, явно недооценивая силу реакции: первый же первый национальный съезд рабочих и солдатских советов решил заняться реформой армии: отныне верховное командование могло осуществляться только народными комиссарами, дисциплинарная власть переходила к советам, знаки различия упразднились, а командиры теперь должны были назначаться с одобрения большинства солдат.

Генералы больше не желали терпеть этот цирк. Эберту и его сподвижникам нужен был лишь повод, для того чтобы разогнать этот балаган. В канун Рождества 1918 года этот повод был найден: последовало ложное обвинение в адрес преторианской гвардии революции — народной морской дивизии — разношерстного и плохо управляемого конгломерата неплохо, впрочем, вооруженных рабочих. Их обвинили в насильственных преступлениях, нечестной игре и в подрывной деятельности и естественно перестали платить им жалованье. Между социалистическими лидерами и матросами возник серьезный, чреватый насилием конфликт. После того как Эберт отказался принять командира

дивизии, она заняла здание рейхсканцелярии. Генералы получили давно ожидаемый повод вмешаться и применить военную силу. Одним из высших военных чинов, помимо Гренера, обещавших оказать Эберту немедленную поддержку, был генерал Курт фон Шлейхер, державшийся до тех пор в тени деятель, который отныне и до прихода нацистов к власти становится активным участником мучительно хромавшей немецкой политики; против своей воли воплотив в себе несчастную судьбу Германии, именно Шлейхер стал последним канцлером Веймарской республики*.

В первом столкновении между регулярными войсками и красными последние были спасены от неминуемого разгрома решительной народной поддержкой — люди вышли на улицы, помешав солдатам рейхсвера нанести удар по революционным матросам и рабочим. Повстанцы продержались день и получили свою плату; число погибших не установлено.

Но то была лишь прелюдия к жесточайшим репрессиям, которым было суждено обрушиться на германскую столицу и которые решили судьбу революции в течение одной недели — с 5 по 12 января 1919 года.

30 декабря 1918 года, в ходе дальнейшего дробления германского левого движения, из отпочковавшихся в 1917 году от СДПГ «независимых» возникло ядро радикальной партии — КПГ (КРД**), Коммунистическая партия Германии, которая с самого начала строилась не по образу и подобию диктаторской большевистской партии ленинского типа. Карл Либкнехт и Роза Люксембург, написавшие манифест партии, стали ее идолами (17). До самого конца парламентского правления в Германии, то есть до 1933 года, коммунисты упорно боролись со своей материнской партией, СДПГ, называя ее продажной девкой капиталистического класса. Последовательно направляемая в своей деятельности из России, КПГ, проводя промосковскую политику, окончательно оторвалась от реальности, а своей фракционной борьбой навлекла на себя подозрения в том, что была скорее орудием дестабилизации обстановки, нежели органом пролетарского представительства в парламенте. КПГ не играла заметной роли в событиях 1919 года.

* См. главу 4.

** Kommunistische Partei Deutschlands.

В январе правительство наконец начало действовать: Эберт назначил своего сподвижника, социалиста Носке, командующим элитными ударными отрядами, давно вернувшимися с фронта, разрозненными группами вечных ландскнехтов, не изъявлявших никакого желания складывать оружие, — так называемым добровольческим корпусом. Для социал-демократического «народного» трибуна командование такого рода людьми было достаточно тревожным назначением, но Носке лишь пожимал плечами. «Меня оно совершенно не беспокоит, — говорил он. — Должен же кто-то стать кровавой собакой».

Внутренний фронт кишел теперь разбойничавшими призраками Тридцатилетней войны и возродившимися кланами тацитовской *Germaniae* — разношерстными бандами небритых убийц, членами единого тела, беспрекословно исполняющего приказы своего бесстрашного командира, готовыми захватить и взять под контроль крупные города. «*Principes pro victoria pugnant, comites pro principe* (Командиры сражаются за победу, подчиненные — за командира)» (18). Имена многих из таких наводивших ужас командиров были кровью вписаны в хроники контрреволюции: Эрхард (Консул), фон Эпп, Рейнгардт, фон Стефани, Меркер, Пабст...

Добровольческий корпус, сколоченный на скорую руку в конце войны и насчитывавший в 1919 году около 400 тысяч человек, был, словно свора собак, натравлен на охваченные беспорядками германские города, руководимые советами. Так называемые белые (то есть контрреволюционеры) подавили революцию с беспощадной жестокостью. В Берлине в ночь на 15 января были зверски избиты прикладами и убиты выстрелами в голову Карл Либкнехт и Роза Люксембург; они не принимали участия в «революции», но с их разоблачительными статьями, которые регулярно печатались в органе КПГ «*Die rote Fahne*» («Красное знамя») и раскрывали зловещий сговор между Эбертом и квартирмейстером генерального штаба Гренером, надо было немедленно покончить. Это убийство было на руку и Москве, желавшей «взять под контроль [новообразованную коммунистическую] партию» (19) и очистить ее от независимых руководителей.

То была новая порода людей, «стройных, поджарых... выкованных из стали», которые, пылая жаждой мести, маршировали

с фронта (20). Это были не безутешные монархисты и не нищие пролетарии, коим было не к чему возвращаться,— в отличие от всех них, эти *Geächteten*, отверженные стервятники, бывшие некогда частью образованной немецкой буржуазии, пали жертвой совершенно иных чувств. Было такое впечатление, что распад германского аристократизма, распятого в Компьене в ноябре 1918 года, выпустил на волю более древних богов из неизмеримых глубин германской идеи.

Все они искали чего-то совершенно иного... Пока они не услышали заветного пароля. Они предчувствовали произнесение его; им самим было суждено его выговорить, стыдясь его звучания, с немим страхом вывернуть его наизнанку, и хотя они до поры избегали этого слова в своих дискуссиях, они всегда чувствовали, что оно витает над их головами. Изуродованное эпохой, таинственное, чарующее, ощущаемое интуитивно, но непризнаваемое вслух, возлюбленное, но неподчинившее, это слово излучало таинственную силу из глубин непроницаемого мрака. Это слово было: Германия (21).

Война, «закалка стали» и разрыв с имперской ложью и претенциозностью вильгельмовской эпохи пробудили во многих ветеранах понимание острой необходимости созидания нового порядка. Они были убеждены, что следует навсегда покончить с прусским унижением остальной Германии, но одновременно интеллектуальные сливки Добровольческого корпуса, стыдившиеся своего мелкобуржуазного происхождения, высоко ценя интеллектуальные традиции своего класса, ненавидели его за мещанство и филистерскую мораль. В ходе бесчисленных карательных рейдов по трущобам крупных городов белые бригады Добровольческого корпуса наблюдали пролетариев, скученных в темных жилищах на жалких лежанках, испытывали смешанное чувство расслабляющей жалости и мгновенно возникавшего отвращения. Страна была расколота; но им был чужд гуманизм гетто.

Мы вошли в пригород. Вокруг стояли тихие уютные дома, увитые плющом, откуда нас весело приветствовали и бросали нам цветы. Многие горожане выходили на улицы, приветственно махали нам руками, а во многих окнах были даже вывешены флаги. Но что пряталось за теми закрытыми ставнями, за равно-

душными оконными стеклами, под которыми проходили мы — измученные, утомленные, но полные решимости и заслужившие, как нам казалось, наш высокий жребий. Здесь, в пригороде, жизнь текла по-другому и пребывала на ином уровне; напряженный пульс ее выдавал изошренность и изысканность, резко выделявшиеся на фоне наших грубых солдатских сапог и грязных рук. Наша алчность не простиралась на эти дома, но они скрывали — и мы знали это — плоды культуры, принадлежавшей начавшемуся столетию, которое безмятежно шло своим чередом. Этот мир был буржуазен, его идеи были насквозь буржуазны — светское обучение, личная свобода, гордость за свое дело, живость и энергия духа, — все это теперь было подставлено под удар озверевших масс, и мы выступили на защиту этого мира, ибо он был незаменим... Именно мы, сражаясь под старыми знаменами, спасли отечество от хаоса. Пусть простит нас Бог, ведь мы погрешили против духа. Мы хотели спасти граждан, но спасали и сохраняли буржуазию.

Однажды даже я вошел в пролетарскую казарму. Моим глазам открылось зрелище крохотной, не более десяти квадратных футов комнаты, уставленной кроватями. В этой тесноте спали семь человек — мужчин, женщин и детей. Две женщины лежали в кровати с детьми. Когда мы вошли, одна из женщин сдавленно засмеялась, и тогда те, кто топтались у входа, хлынули в комнату. К женщинам подошел унтер-офицер; она стремительно отбросила одеяло, задрала рубашку и, повернувшись к нему белыми ягодицами, издала громкий неприличный звук. Мы отпрянули, в то время как остальные обитатели комнаты буквально сложились пополам от грубого хохота, они хлопали себя по ляжкам и давились от смеха. Смеялись даже дети; они вместе с женщинами кричали нам: «Свины!»; теперь вся комната была полна хохочущими телами. Мы медленно отступили и продолжали пятиться, пока снова не оказались в коридоре (22).

Воспользовавшись апатией среднего класса, новоявленные ландскнехты усмирили низший класс и утопили в крови скоротечную вспышку гражданской войны, которую — совершенно парадоксальным образом — социал-демократы вели против своих детей — рабочего класса — с помощью белогвардейских контрреволюционных бригад (23).

В Мюнхене тем временем произошло еще одно выходящее из ряда вон событие. 7 ноября 1918 года, еще до того, как Эрцбергер подписал перемирие, на Терезиенвизе собралась стопятидесяти тысячная толпа мужчин, женщин и детей, ведомая слепым крестьянином по фамилии Гандорфер, и провозгласила вождем Баварской республики Курта Эйснера, бывшего берлинского драматурга еврейского происхождения, бывшего в свое время радикальным деятелем независимой СДПГ.

В своих пылких речах, обращенных к толпам солдат и гражданского населения, Эйснер страстно говорил о «диктатуре свободных людей», обрушиваясь на ядовитую алхимическую химеру либерализма. «Как могут сочетаться между собой, — гремел он с трибун, — братская любовь и жажда наживы? Это то же самое, что добавить ртуть к свинцу... Какой вздор!» (24) Едва ли являясь представителем южнонемецкого духа, Эйснер был скорее «одним из тех химерических гибридных персонажей, коих в изобилии порождают времена хаоса, призрак, вызванный из недр сатанинского политического шабаша, дабы предать анафеме труп Второго рейха» (25).

Желая манипулировать страстными утопистами, этими новыми миллениариями, этими новыми мюнхенскими апостолами радикализма в их стремлении очистить имперское прошлое Германии, вытравить его их коллективной памяти, администрация США предложила Эйснеру участвовать в избирательной кампании, которая должна была — посредством обнаружения секретных государственных документов — вылиться в полное и безоговорочное признание ответственности Германии за развязывание войны. Эйснер подчинился, опубликовав должным образом отредактированные — для усиления их зловещей тенденциозности — фрагменты документов, извлеченных из архивов баварского министерства иностранных дел.

Вероятно, Эйснером двигали самые лучшие побуждения, но *de facto* это угодничество перед американцами привело лишь к взрыву возмущения в массах, настроенных, несмотря ни на что, патриотично. Произошло отчуждение Эйснера от избирателей.

Тем не менее бунт Мюнхенского совета продолжался. В конце ноября под лозунгом «*Los von Berlin!*» («Прочь из Берлина!») Баварская республика разорвала отношения с берлинским министерством иностранных дел.

Средний класс начал проявлять растущее беспокойство; опасались белого террора. Выборы в Баварии прошли 15 января 1919 года. Во всех 32 округах, где баллотировался Эйснер, он потерпел сокрушительное поражение — его маргинальная бахромчатая партия собрала менее двух процентов голосов. На политической карьере можно было ставить крест.

21 февраля, когда Эйснер, мысленно репетируя свою прощальную речь, направлялся в ландтаг*, граф Антон фон Арко-Валлей, молодой человек двадцати четырех лет, разрядил в него свой револьвер. Эйснер, пораженный несколькими пулями в голову, бездыханный рухнул в лужу крови. Телохранитель Эйснера оглушил Арко-Валлея дубинкой, после чего преступника сдали властям. В ходе расследования граф признался, что совершил преступление для того, чтобы доказать свое право быть принятым в секретную лужу, в так называемое общество Туле, куда графа не приняли из-за его расовой неполноценности — мать молодого Арко была еврейкой. Еще один полезный идиот? Это вполне вероятно.

Возможно, тулисты, вдохновив Арко на «подвиг», рассчитывали на последующий захват совета красными (большевиками), что дало бы им повод совершить белый переворот, для которого в таком случае было бы готово, так сказать, логическое объяснение и тыловое обеспечение (26).

После убийства Центральный комитет Мюнхенского совета ввел комендантский час и объявил в Баварии всеобщую забастовку. В марте наследство Эйснера оспаривали две враждующие группировки: социалисты, руководимые местным лидером Гофманом, и анархо-коммунистические революционеры. В течение пятидневной интерлюдии — с 7 апреля (дня провозглашения первой мюнхенской Räterepublik) по 12 апреля 1919 года, — когда кабинет Гофмана, не выдержав натиска объединившихся революционеров, переехал в близлежащий город Бамберг, анархистские арлекины принялись с большой помпой изгонять скуку из заново провозглашенного Баварского Совета. Наивысшими достижениями этого балаганного представления стало введенное на государственном уровне обязательное знание поэзии Уолта Уитмена всеми школьниками старше десяти лет,

* Здание земельного парламента.

отмена преподавания в школах истории и выпуск специальных денежных купюр с указанием истечения срока действия (27).

В результате последовательности до сих пор неизвестных маневров и манипуляций триумвират русских социалистов-революционеров* — Левина, Левине и Аксельрода, которые действовали, как полагают, не имея на это мандата из Москвы (28), — вытеснил местных мятежников и сумел утвердиться во главе движения, которому было суждено стать вторым и последним опытом умиротворения в Мюнхене. Этот опыт начался 12 апреля 1919 года. Анархисты быстро и бесследно исчезли с политической сцены, а трое «русских», как стали впоследствии называть этих революционных агентов, установили с помощью местной Красной Армии режим террора и безудержного распутства.

«...Слава тем, от кого отвернулась удача...» (Уолт Уитмен) (29)

Этой власти было суждено продержаться всего пару недель, так как белогвардейцы Носке, загодя вызванные бежавшим во Франконию правительством Гофмана, были уже готовы окружить Мюнхен. В последней склоке, до того как белогвардейский гнев обрушился на баварскую столицу, Левин и Левине были — как «еврейские подстрекатели рабочих масс» — изгнаны со съезда Советов, хотя связи их с Красной Армией остались достаточно прочными.

Полные решимости остановить поток антисемитских подстрекательств, каковые, как они верно полагали, обращают против них народное недовольство, «русские» распорядились ликвидировать «общество Туле», чье авторство и распространение неиссякаемого потока антиеврейских памфлетов было установлено без труда (30). Двести членов общества были объявлены в розыск; в конце апреля семеро из них — мужчины и женщины, выходцы из весьма высокопоставленных семейств — были арестованы и помещены в гимназии. До того как белые вошли в го-

* Одна из соперничавших революционных фракций, которая в принципе — в отличие от большевиков — отстаивала интересы крестьянства, но в конечном итоге до того, как была уничтожена Лениным и его соратниками, стала гнездом начинающих политических убийц.

род, их поставили к стенке и расстреляли — так они стали мучениками Туле.

Расправа белых с красной анархией и ее безумными русскими организаторами была куда более кровавой, чем в Берлине. Среди белых «освободителей» Мюнхена особо отличились капитан Эрнст Рем, начальник тыла в бригаде фон Эппа и ветеран войны, тулист Рудольф Гесс, незадолго до этого вступивший в регенсбургский Добровольческий корпус.

В мае порядок в Баварии был восстановлен.

Вступление Гитлера в материнскую ложу

Такой была ситуация, когда Гитлер, как выздоравливающий солдат, вернулся в Мюнхен в декабре 1918 года. Полагают, что его первые шаги на политическом поприще — поручение распространять «просветительские» материалы в войсках — были сделаны в революционной администрации Совета рабочих и солдатских депутатов (в феврале — марте 1919 года) под руководством социалистов.

Фюрер неохотно высказывался об этой главе своей жизни*. Выписавшись из госпиталя, Гитлер не стал вступать в Добровольческий корпус, чтобы драться с левыми радикалами; не стал он и участником кровавых уличных боев весной 1919 года (31). С тех самых пор ветераны нацистской партии постоянно задавались вопросом: «Какого черта делал Адольф в Мюнхене в марте — апреле 1919 года?» (32)

* Действительно, сведения о раннем периоде деятельности Гитлера чреватые для него обвинениями — пусть даже и пустяковыми, если принять во внимание полный список гитлеровских грехов, — в непоследовательности и оппортунизме. Правда, эта непоследовательность является скорее мнимой, нежели реальной: так, например, Гитлер был последовательным противником монархии, так же как и Geächteten, что всегда оставалось его отличительной чертой; он всегда тяготел к корпоративной экономике — то были две черты, которыми одинаково отличались как левые, так и правые. То удивительное отступничество в эволюции Гитлера как политика только укрепляет уверенность в том, что в 1919 году Гитлер был в куда большей степени творением, чем творцом; он был учеником, ищущим наставника, но не наоборот.

Гитлер в это время ждал своей огранки.

Когда в мае в армии снова была восстановлена железная дисциплина, Гитлер познакомился с программой антибольшевистской пропаганды, выдвинутой капитаном Майром, который после разгрома и ликвидации Красной Армии искал способных прозелитов, служивших в армии. Майр стал первой политической «повитухой» Гитлера.

После того как Гитлер некоторое время посещал Мюнхенский университет, слушая там курсы политики и экономики (последнюю читал Готфрид Федер, инженер по профессии), он спустя короткое время открыл в себе незаурядный ораторский талант. В августе ему — в должности *Bildungsoffizier* (офицера-инструктора) — поручают читать тенденциозно составленные пропагандистские лекции. Он с энтузиазмом взялся за эту задачу и в скором времени привлек на свою сторону множество солдат и слушателей, признавших его самым талантливым из пропагандистов Майра.

Ранней осенью Гитлеру была поручена роль информатора. Он должен был собирать сведения о нескольких из новых политических объединений, которые в то время политической неразберихи росли словно грибы после дождя.

В пятницу 12 сентября 1919 года его отправили на митинг Германской рабочей партии (*Deutsche Arbeiterpartei, DAP*). Когда он вошел в жалкую таверну, где сидело немногочисленное собрание апатичных завсегдатаев, Готфрид Федер как раз произносил тираду о ростовщичестве, не раз уже им слышанную. Когда он уже собирался уходить, слово взял профессор Бауман, который начал разглагольствовать о сепаратизме. Действительно, в то время Франция интриговала на этом поприще, стараясь подкупом склонить на свою сторону местных деятелей и побудить их к отделению от общего немецкого отечества, чем могла быть создана буферная зона между Германией и Францией.

Внезапно Гитлер бросился к трибуне и своим пылким националистическим красноречием вынудил Баумана покинуть зал. Антон Дрекслер, железнодорожный слесарь и председатель партии, не стал скрывать своей радости по поводу такой риторической виртуозности; он вручил Гитлеру памфлет собственного сочинения и пригласил его обязательно вернуться. Сразу

же после того, как Гитлер ушел, Дрекслер сказал своим сподвижникам: «У него есть дух, его можно использовать» (33).

Спустя несколько дней Гитлер по почте получил добровольно предоставленный членский билет DAP с номером 555. Он вернулся.

16 октября 1919 года, в переполненном зале одного из самых больших пивных заведений Мюнхена, в «Хофбройкеллере» (35), где проводили первое крупное публичное мероприятие партии Дрекслера, Гитлер произнес страстную обличительную речь перед аудиторией в 111 человек, в которой находились молодой студент-социолог из Прибалтики Альфред Розенберг и его наставник Дитрих Эккарт.

Хлебнув пива, эти двое, которые все последнее время тщетно искали в Баварии подходящего «барабанщика», хлопнули друг друга по плечу и обменялись взглядами, полными приятно-го потрясения: «Он пришел» (36).

В каждом поколении случаются духовные эпидемии, распространяющиеся с быстротой молнии... поражая души живущих ради какой-то скрытой от нас цели и вызывая появление своего рода миража, принимающего характерную для данного места форму, которая, вероятно, жила в недрах общества в течение сотен лет, томясь в ожидании подходящей физической оболочки... Точно так же никто не может различить ноту, издаваемую камертоном до тех пор, пока он не коснется деревянного резонатора, который и заставит его зазвучать. Возможно, здесь мы имеем дело с духовным ростом, до поры неосознаваемым, со структурой, кристаллизующейся из бесформенного хаоса, повинуюсь неизменному закону (37).

Какое-то время Гитлер служил двум господам, будучи одновременно армейским информатором и партийным оратором. С 31 марта, когда он уволился из армии, Гитлер целиком посвятил себя политической деятельности.

По распоряжению оккультиста фон Зеботтендорфа спортивный журналист Карл Харрер совместно с Антоном Дрекслером основали в октябре 1918 года Политический рабочий кружок, который должен был стать политическим лицом общества Туле.

В августе 1918 года Зеботтендорф — на правах филиала — включил «Thule Gesellschaft» в «много более важное секретное общество, известное под названием Germanenorden — «Германский орден» (38), каковой был основан еще в 1912-м. О его роли и месте в контрреволюционном движении в Мюнхене было упомянуто выше.

Окончательно поставленная цель — «переход масс на сторону правых националистов» — была достигнута созданием в 1919 году Германской рабочей партии (DAP), полноценной политической единицы со всеми внешними атрибутами таковой (39). От «Германского ордена» общество Туле унаследовало эмблему в виде свастики (40), орла и кинжала, а также расовое самосознание, достигавшее степени маниакальной навязчивости и требовавшее от участников движения безупречно чистой крови.

Nakenkreuz, или Г-образный крест, является эмблемой солнца и полярным знаком: «Он подразумевает круговое движение вокруг оси или фиксированной точки, символизируя, в отличие от статичного креста, динамизм» (41). Согласно германской мифологии «Германского ордена», свастика вращается вокруг полярной оси, проходящей через священный гиперборейский (то есть находящийся на Крайнем Севере) остров Туле, колыбель белой расы предков.

Когда орден — сначала неуверенно — начал свой поход, особенно в период разрыва между двумя эпохами, из подземного мрака их глубин и потайных закоулков поднялись [специфические] силы; вполне вероятно, что они образовались из элементов распада упомянутых эпох. Конечной целью приложения этих сил является деспотизм, более или менее разумный, но всегда организованный по образу и подобию животного царства. Поэтому представители этих сил в своих речах и писаниях имели обыкновение приписывать зверские черты жертвам, которых они стремились уничтожить (42).

В июне 1918 года фон Зеботтендорф укрепил зарождающуюся организацию, добившись неограниченного доступа на страницы газеты «Völkischer Beobachter». Поэт и независимый журна-

лист Дитрих Эккарт, один из «светочей» общества, бывший активным участником митинга 16 октября, смог позже добыть сумму денег, необходимую для приобретения газеты, которая с декабря 1920 года стала официальным органом общества (43).

Эккарт неумоимо пользовался и собственным периодическим изданием «Auf gut deutsch» («На хорошем немецком») — форумом консервативно-революционных литераторов — для яростных нападок на «еврейство», каковое, как он провозглашал, по сути своей является формой земного, материалистического поклонения. Такому упорному «утверждению жизни» со стороны евреев, добавлял он, должно противопоставить ощущение бессмертия, чувство, присущее только и исключительно тевтонам, — идею вечного возрождения перед лицом неумолимой смерти и жертвенности. Это было приблизительно то же самое, что Эрнст Юнгер, бард, взгляды которого не слишком сильно отличались от таковых «общества Туле», называл «двойной бухгалтерией жизни» — *die doppelte Buchführung des Lebens* (44).

Медитации Эккарта заканчивались мрачными размышлениями о грядущем непримиримом, но необходимом сосуществовании евреев и немцев, причем первые будут выполнять роль расползающихся по телу живого организма — немецкой нации — жизненно важных «бактерий», которые помогут нации исполнить в конце времен ее эсхатологическое томление (45).

Фон Зеботтендорф также изливал душу со страниц «*Völkischer Beobachter*» в день революции — 9 ноября 1918 года, возвещая, что «все царство живых обречено на вымирание, чтобы оставшиеся смогли жить; более того, мы должны приготовиться к страданиям и смерти ради того, чтобы смогли жить наши дети и дети наших детей. Унизительные муки Германии — это порог, за которым начнется обновление самой жизни» (46).

После вступления в общество на правах почетного члена — поскольку он был членом DAP (47) — Гитлер прошел обряд инициации и посвящения в таинства материнской ложи, став ее полноправным членом (48).

Среди других членов «*Thule Gesellschaft*», имевших впоследствии непосредственное отношение к нацизму, можно назвать наставника Гитлера по экономическим вопросам Готфрида Федера, Ганса Франка, гауляйтера оккупированной Польши во

время Второй мировой войны, будущего заместителя фюрера Рудольфа Гесса и расового идеолога Третьего рейха Альфреда Розенберга.

В больших орденах возникают непроницаемые секреты и тайные лабиринты, в которых неизбежно запутывается историк (49).

Предательство союзниками русского Белого движения

Но в России братоубийство происходило несколько иначе.

Многие критики современной историографии довольно давно потребовали пересмотра учебников, посвященных русской главе новейшей всемирной истории, и это справедливо. Если вкратце суммировать эту критику, то надо подчеркнуть, что «большевистская угроза с Востока» была — с самого начала и до конца — фальшивым призраком, вызванным к жизни исключительно только ложью западных правящих кругов. Коммунистическое присутствие в Евразии всего лишь добавило сложности к «стратегии напряженности», выработанной на Западе; в действительности оно позволило держать Евразию под контролем, удерживая мир на грани идеологического, скорее всего мнимого конфликта — конфликта с безликим, деспотическим «азиатским врагом». О том, как Западную Россию отдали Ленину и его соратникам, было рассказано в главе 1. После этого союзникам оставалось лишь защитить свои «революционные активы» и проследить за тем, чтобы власть большевиков консолидировалась на всем протяжении евразийской суши — от Москвы до Владивостока. Для того чтобы этого добиться, надо было стереть с лица земли армии сохранивших верность монархии белых генералов, для чего в Британии был разработан весьма странный, если не сказать эксцентричный план. Странный, так как сценарий отличался неуклюжестью: красные, которые при поддержке иностранного капитала устанавливали из Москвы начиная с конца 1917 года свою деспотическую власть по всей России, были окружены белыми монархистами с севера (Мурманск), с юга (Кавказ) и с востока

(Сибирь). Белые — традиционные приверженцы царской власти — провозглашали себя друзьями союзников, и были в этом абсолютно искренни, в то время как красные коммунисты не жалели словесной грязи, которую они лили на голову американских и европейских «либеральных демократов»; на словах, только и исключительно на словах их идеологическая ненависть к западному капитализму не знала границ. Трудность такого сценария заключалась в том, что Западу надо было своим поведением ввести в заблуждение как собственное общество, так и белых, и заставить всех поверить в то, что Запад активно поддерживает последних, хотя в действительности конечной целью плана было полное уничтожение белых сторонников царской власти, хотя на бумаге те и числились союзниками Британии. Все это делалось с одной целью — укрепить на Востоке власть коммунистического врага, против которого со временем «поднимется новая реакционная Германия»*. Итак, проблема, с которой столкнулись британские клубы, заключалась в том, чтобы, по возможности не запачкав рук, нанести удар в спину белым, призывавшим Британию оказать им помощь ради сокрушения «богопротивных красных чудовищ». То, что впоследствии сделала Британия с помощью Америки при гнусном соучастии Франции и Японии, которым вообще не следовало участвовать в этом антиевропейском заговоре, было имитацией вступления в войну на стороне белых против красных, потребовавшей весьма ограниченных материальных и людских ресурсов. Так, операция саботажа путем отказа от помощи — но лишь притворного участия в сражениях — была замаскирована под военную интервенцию ради помощи белым; тайной и истинной целью этой фальшивой интервенции было заставить белых драться в невыгодных для них условиях, предательски сводить на нет их преимущества, готовить пути отступления и, наконец, эвакуировать союзнические контингенты, взвалив вину за поражение на мнимую военную несостоятельность белых армий. Всему этому было суждено обернуться еще одной неопишуемой катастрофой, устроенной западными элитами и вылившейся не только в ужасающие

* Схема конкретного воплощения в жизнь этой части плана подробно обсуждается в последних разделах настоящей главы.

потери русских жизней, но и в демонстрацию убийственной лживости и двуличности западных правительств, спровоцировавших это неслыханное бедствие и сумевших оправдать его в глазах своего электората.

Согласно пожеланиям морских держав большевики теперь овладели регионом, охватывавшим сердцевину евразийской «суши», то есть Западной Россией с ее семидесятимиллионным населением — половиной всего населения страны. Теперь оставалось только следить за первыми шагами этого новорожденного государства и направлять его первые шаги. Как и было им обещано, Ленин заключил мир с Германией (Брестский мирный договор от марта 1918 года), и перемирие на Востоке несколько осложнило игру.

1. Германия, как мы видим, оказалась в состоянии «мира» с большевистской Россией в марте 1918 года; теперь она могла перебросить расположенные на востоке дивизии на Западный фронт. Для того чтобы парировать эту неприятность, Британия вовлекла в войну Соединенные Штаты и таким образом закрыла бреши Западного фронта массой американского подкрепления.
2. В июне 1918 года главной угрозой в глазах союзников стала возможность нарушения Германией Брестского мира, после чего немцы могли обрушиться на ненавистных большевиков, заключив союз с бывшими своими противниками — но родственными им по духу царскими генералами, — создав контрреволюционный белый интернационал на просторах евразийского центрального региона. Немцы действительно стали продвигаться в этом направлении, направив войска в Финляндию, в Прибалтийские государства и на Украину, чтобы поддержать белых в борьбе с красными армиями (50).
3. Предстояло преодолеть большие трудности, чтобы объяснить обществам либеральных демократий, чьей *raison d'être* была священная защита частной собственности, что большевизм, целью которого было полное уничтожение этой собственности, представлял собой меньшее зло по сравнению с Белым движением. Это было сделано с помощью надуманного тезиса о «белой автократии» — отвлекающего маневра, который один раз уже использовали при низложении царя

Николая в марте 1917 года*. Элита надеялась, что средний западный человек куда больше устрашит своих мнимых представлений о хорошо ему знакомом пугале в виде дикого боярина, чем совершенно неведомой ему фигуры «обобществляющего имущество комиссара».

4. В действительности морские державы с нетерпением ожидали усиления ленинского режима, с тем чтобы он со временем стал непреодолимым препятствием на пути распространения германского влияния.
5. Для противодействия угрозе, указанной в пункте 2, то есть в случае возобновления германского наступления в России, предполагалось немедленно вновь открыть Восточный фронт.
6. Белых надо было любой ценой заманить в объятия союзников, дабы избежать любого соблазна сближения белых генералов с немцами, и затянуть в первых в бои с красными, чтобы перемолоть в длительной гражданской войне. Другими словами, от союзников требовалось осуществить легкую военную интервенцию в узловых точках евразийского центрального региона. Заняв эти ограниченные, но выгодные плацдармы, союзники получали выгодную возможность следить за поведением белых.
7. Если бы не удалось ослабить белых — лучше подготовленных солдат — настолько, чтобы те потерпели поражение в борьбе с красными, то есть если бы возникла угроза победы белых в гражданской войне, то следовало всеми силами расколоть Россию на столько враждующих между собой регионов, сколько было белых командующих (51).

План был труден, но в целом выполним.

Значительная его часть была выполнена еще в 1917 году в ходе интриг, когда союзники помогали обеим враждующим сторонам, но помогали не одинаково. Осенью 1919 года, когда разыгались решающие сражения Гражданской войны, в Красной Армии под ружьем было 3 миллиона человек. К весне 1920 года численность вооруженных сил была большевиками доведена до 5 миллионов (52), в то время как общая численность белых

* См. главу 1, стр. 59.

армий никогда не превышала 250 тысяч солдат и офицеров. Красные могли опираться на территорию с населением более 70 миллионов человек, в то время как в распоряжении белых было население, не превышавшее 9 миллионов человек. Хотя белые были превосходными бойцами, их можно было сравнительно легко удушить. То была игра, исход которой был предре-шен разложением Белой армии и терпением союзников.

Еще до заключения мира с Германией Ленин и Троцкий показали себя покорными получателями «картошки и боеприпасов от англо-французских империалистических грабителей»; теперь же они наивно недоумевали, что мешает всем империалистическим державам, включая Германию, забыть старые распри, объединиться и совместными усилиями обрушиться на своего коммунистического врага (54); пока же они удивлялись, союзники приступили к выполнению второй фазы плана.

Дальневосточная Россия. Как своего «восточного стороже-вого пса» Япония, Франция и Британия в феврале 1918 года наняли Семенова, печально известного казачьего атамана, главаря банды палачей, насильников и убийц (55), предписав ему не осуществлять террор за пределами его основной территории, ограниченной Монголией (56). По видимости Семенов дрался за дело Белого движения, но в действительности был всего лишь пешкой. В апреле 1918 года, по сигналу из Вашингтона, Токио высадил в Восточной Сибири большую группу разведчиков, для того чтобы следить за белыми из Маньчжурии, западную окраину которой охраняли казачьи сатрапы.

Северо-Западная Россия. Одновременно на северо-западе России, в Мурманске, в районе, граничащем с Финляндией, был высажен британский корпус. Официальной целью этой высадки было объявлено развертывание локальных сил против ввода немецких войск в Финляндию. Здесь, на северо-западной окраине центрального региона, вопреки громким антиимпериалистическим директивам из Москвы, советы работали рука об руку с союзниками, чтобы обуздать финских белогвардейцев и помешать немцам создать базу подводного флота в Белом море. К 11 ноября 1918 года, к перемирию на Западе, эта цель была достигнута (57).

Сибирь и Урал. В мае 1918 года здесь, в эшелонах, растянувшихся по Транссибирской магистрали, находились 40 тысяч че-

хословацких солдат, направлявшихся во Владивосток, дальневосточный российский морской порт. Отсюда этот корпус легионеров, сформированный перед войной на Украине и присягнувший на верность русскому царю, должен был через полмира отправиться на Западный фронт как подкрепление для союзников. Идея принадлежала Франции: в ответ на потребность морских держав заново открыть Восточный фронт она взяла под свою опеку судьбу чехов, подстрекая своих новых протеже под любым предлогом выступить против красных. Все было сделано просто и изящно: когда советские власти потребовали разоружения чехословацкого корпуса, командиры его отказались это сделать. Напряженность вылилась в открытое столкновение. 25 мая 1918 года чехи разгромили красный гарнизон Челябинска. В течение последующего месяца они захватили еще несколько сибирских городов, обеспечив, таким образом, захват ключевых постов в тамошних советах представителями буржуазии. Играя роль ландскнехтов Франции и ее морских союзников, чехи открыли новый фронт на востоке. Так, по приказу из Франции чехи окопались в самом сердце Евразии, создав еще один наблюдательный пункт, откуда союзники могли следить за развитием событий в России.

В июле чехословацкий корпус захватил Екатеринбург. Тела членов императорского семейства были найдены в подвале купеческого дома, где Совет держал императора под арестом. Перед тем как чехи вошли в город, большевики расстреляли всех Романовых, чтобы исключить их реставрацию на троне: в 1917 году правительство Керенского умоляло британцев предоставить убежище царю и его семье, но ему не удалось тронуть чувства лейбористов, этих вечных британских врагов «автократии». Ходатайство было отклонено (58). Очевидно, Британия не смогла простить царю попыток предательства в 1916 году.

В ходе молниеносного захвата чехами волжского города Казани в августе 1918 года золотой запас красного правительства — бывший золотой запас царской России — попал в руки союзников.

Тронутый дерзкими действиями чехословацкого корпуса, президент США Вильсон 17 июля 1918 года опубликовал несколько противоречивую памятную записку о помощи, «Aide Memoir», в которой оценивал возможный масштаб американского

военного вмешательства в гиблые русские дела, считая военную помощь допустимой только для «помощи чехословакам в консолидации их сил...» (59). Американская вспомогательная военная операция — порученная в конце августа генералу Вильяму Грейвсу, которому перед отъездом сам президент наказывал «поступать осмотрительно» (60), — была задумана вовсе не для того, чтобы противостоять большевизму, но опять-таки для слежения за действиями белых. Наконец, в августе 1918 года войска всех трех морских держав — Британии, Америки и Японии, а также их французского миньона — высадились во Владивостоке. После развертывания экспедиционных сил все эти державы публично заверили Россию в том, что пришли исключительно с мирными намерениями, дабы воспрепятствовать «расчленению и разрушению России, к выгоде Германии» (61). Но в Сибири никогда не видели германских солдат, намеревающихся поработить местное население или обуздать чехов. В словах союзников не было ни одного слова правды. К осени японский военный контингент достиг 72 тысяч солдат, что приблизительно в десять раз превышало численность американского экспедиционного корпуса (62).

К середине 1918 года Сибирь потребовала белого командующего.

Прежде чем местное общество определилось с кандидатурой, британцы поспешили поставить у руля свою марионетку. На эту роль британская разведка определила бывшего царского адмирала Александра Колчака, состоявшего у нее на жалованье с ноября 1917 года.

Поддерживаемый и направляемый генералом Ноксом, резидентом британской военной разведки в Сибири, Колчак в сотрудничестве с сибирскими белыми и со здравого согласия чехов узурпировал командование сибирскими контрреволюционными силами всего через неделю после капитуляции Германии и подписания перемирия на Западе — то есть 18 ноября 1918 года — и сделал Омск столицей своей диктатуры. На какое-то время в его руки попало и золото, захваченное в Казани. Слухи о богатствах, оказавшихся в распоряжении верховного правителя, начали циркулировать по всему миру (63).

Прага. В качестве благодарственного жеста за устроенный на Урале мятеж 18 октября 1918 года на развалинах Австро-Вен-

герской империи союзники возродили Богемию, назвав ее Чехословацкой Республикой. Как и следовало ожидать, первой новообразованную республику 15 октября 1919 года признала Франция; вскоре за ней последовали другие страны.

Лондон. В конце войны каждый был готов держать пари за то, что белые наверняка победят красных (64). В январе 1919 года положение красных на карте, висевшей в кабинете Черчилля в Уайтхолле, представлялось отчаянно тяжелым и безнадежным (65).

Париж. В этом же месяце представители великих держав съехались в Версаль на мирную конференцию, перекроившую карту мира после Великой войны. Бросалось в глаза отсутствие России на конференции: действительно, страна, расколота надвое продолжавшимся противоборством красных и белых, не могла выставить законных представителей на конференцию. Для союзников, однако, настало время склонить чашу весов в пользу своих красных креатур. Действуя против монархистов, союзники выработали сложную тактику разложения белых, прибегнув к нарочитой медлительности и не брезгуя обманом. При этом белые понуждались исчезающими с театра событий союзными подстрекателями к продолжению схваток с намного превосходящими силами красных на огромном, расколоте на несколько участков фронте, удержать который у белых не было ни малейшей надежды.

Первым шагом этой экстравагантной англо-американской уловки стала нарастающая изоляция белых с помощью откровенной дипломатической грубости: из Версаля западные державы с нарочитой надменностью и отчужденностью обратились к своим белым «союзникам» и большевистским рабочим лошадям с предложением встречи в Турции для обсуждения сложившейся ситуации. Находившиеся в Париже и других местах белые почувствовали себя тяжело оскорбленными: таким образом, возмущались они, союзники придают большевикам официальный статус и обращаются с ними как с равной стороной. Красные ответили на версальское предложение согласием, но белые не сочли возможным садиться за стол переговоров с безбожными самозванцами.

Не только белые, но и растерянная таким поворотом дела западная общественность не могла понять, почему ее правительства

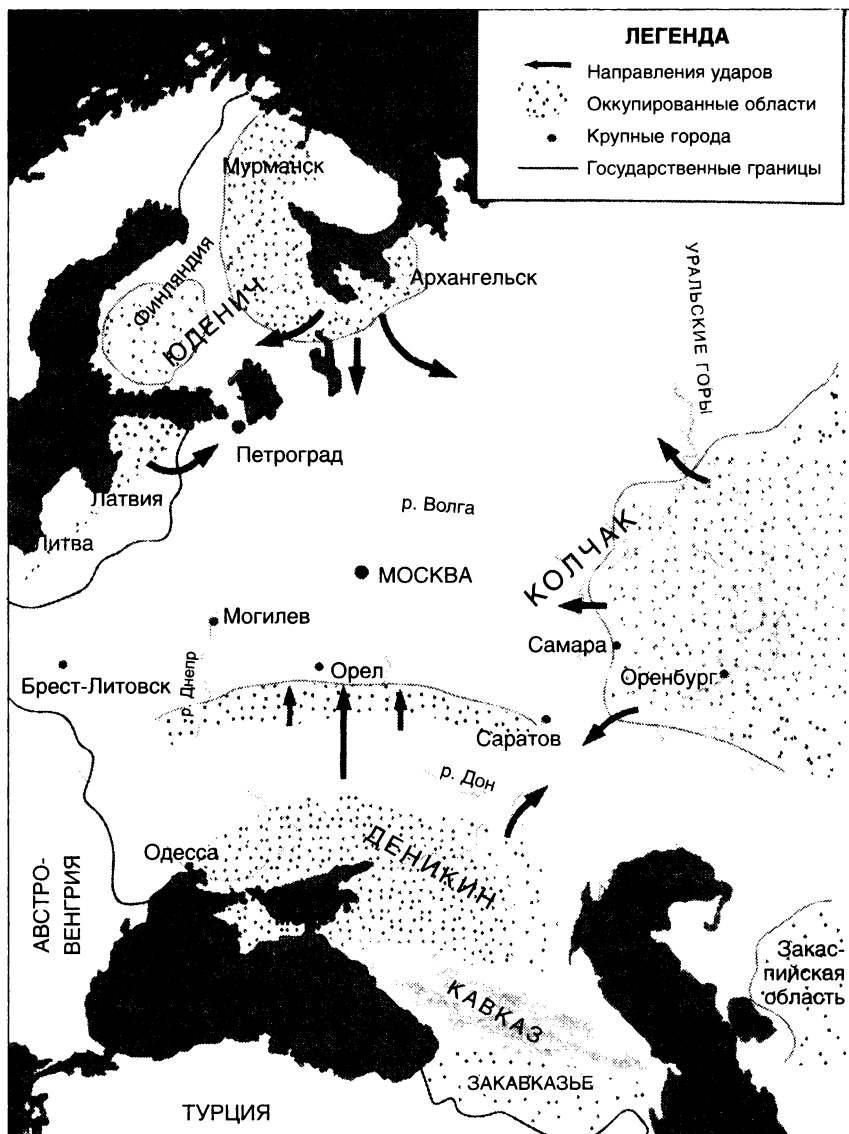
так медлят с расправой над отвратительными большевиками. Разве красные — это не чума для всего капиталистического западного мира? — вопрошали они.

Традиционно лживые, искушенные в интригах западные политики привели в свое оправдание затасканные предлоги: блокада России, говорили политики, будет проявлением чрезмерной жестокости, а серьезная интервенция потребует отправки в Россию не менее 400 тысяч солдат — это недопустимая роскошь, воскликнул по этому поводу британский премьер Ллойд Джордж, который, подобно своему американскому коллеге, согласился вместо этого на план «ограниченного вмешательства» — таково было кодовое наименование страховочной операции союзников, призванной саботировать усилия белых (67).

В действительности же никакие соображения — будь то этические или какие-либо иные — не удержали британцев (1) от убийства в результате проведенной в 1914–1919 годах блокады 800 тысяч ни в чем не повинных немцев (68) и (2) от отправки армии численностью 900 тысяч солдат в ближневосточную экспедицию в самый разгар Первой мировой войны: необходимость применения жестокости и большие расходы никогда не мешали Британии преследовать жизненно важные имперские цели. Ясно, что западные политики снова лгали, а у общества не хватило воображения, чтобы понять, что его собственные лидеры поставили у власти большевиков и без усталости занимались тем, чтобы сделать последних неограниченными властителями всей Евразии.

Юго-Западная Россия. Белый генерал Деникин занимал территорию, протянувшуюся на юге от северных берегов Черного и Каспийского морей (рис. 2.1) (69). Британия и Франция умело позаботятся о том, чтобы развеять как дым мечты Деникина о «единой и неделимой России».

С ноября 1918 года Британия завязала интригу с поиском всех возможных сателлитов, которых она подкупила в тылу белых армий: в Закаспийской области, где были открыты запасы нефти, и в Закавказье — в Азербайджане и Грузии, чем одним выстрелом убила двух зайцев — обеспечила себя импортным хлопком и пресекла все попытки Деникина восстановить Каспийскую военную флотилию (70). Точно так же и Франция, которую царская Россия спасла от разгрома летом 1914 года, ударив по

Составители карты: Сергей Домашенко и Джессика Грейбилл

Рисунок 2.1.
Очаги Белого движения в России
во время Гражданской войны.

германскому рейху, не испытывая за это ни малейшей признательности, объявила, что «не верит в белую Россию». Но Франция одновременно заверяла всех, что не испытывает никакой симпатии к красным кремлевским правителям, — и что же она стала делать? Она сосредоточила свои усилия на отделении России от Германии путем создания «колючей проволоки» из буферных дружественных государств, тяготеющих к Польше (71). Британия отнеслась к такой политике более чем одобрительно.

Британский истеблишмент, как обычно, прельстил французских политиков своей схемой оккупации России. [Премьер-министру] Клемансо предложили подписать сверхсекретное соглашение, по которому Британия обязывалась включить Францию в раздел самых лакомых кусков русской территории. 23 декабря 1917 года, через два месяца после ленинского переворота, договор был подписан Клемансо и британцами. Французские дивизии будут посланы для оккупации Украины, в обмен на что Клемансо были обещаны концессии в Бессарабии и в Крыму, а также и на Украине — на площади, превосходящей площадь самой Франции. Британцы затеяли эту щедрую аферу с единственной целью — отвлечь внимание от своих монопольных притязаний на нефтяные месторождения Кавказа и Персидского залива (72).

Так в декабре 1918 года, привезя с собой греческие и польские полки, французы бросили якорь в одесском порту. Однако после того, как они были крепко биты отрядами украинских партизан, французы в апреле 1919 года ретировались, не забыв предварительно потопить весь русский Черноморский флот, чтобы, как они утверждали, «он не достался большевикам» (73), и оголив при этом левый фланг Деникина (74).

В течение всей этой досадной паузы, получив удар в спину от французов на Черном море и от британцев на Каспийском, генерал Деникин продолжал упорно слать просьбы о помощи тем же самым державам, которые так и не удосужились ответить, так как были «поглощены» интригующими сюжетами мирной конференции (75). Но несмотря на неудачу, Деникин смог в июне провести на юге мобилизацию — настолько успешную, что ради объединения России был готов перейти под командо-

вание Колчака. Он предложил этот план адмиралу, чем растрогал последнего до слез.

Белогвардейская Сибирь. Теперь обратимся к Колчаку. К маю 1919 года его наступление на запад через Уральский хребет стало почти триумфальным.

Белые, воодушевленные своими успехами, настоятельно требовали от англоамериканцев официального признания. Последнее, с трудом маскируя свое разочарование и недовольство, прибегли к следующей шараде из своего богатого арсенала, чтобы выиграть время: словно недоумевающие школьные учителя, они вскинули брови и обусловили официальное дипломатическое признание установлением в Сибири либерально-демократических порядков а-ля Керенский. Другими словами, для того, чтобы Британия поставила свою печать на документе об официальном признании его режима, белым было приказано провести земельную реформу, реформу избирательного права и т. д.— то есть весь тот набор институциональных актов, который удовлетворил бы британцев (76). Колчак естественно согласился, и союзники вежливо пообещали «рассмотреть этот вопрос», что означало: никакого признания не будет.

Но пока союзники не могли позволить себе роскошь пожертвовать Колчаком: золотой запас, находившийся в руках Колчака, превосходил 52,7 процента всего золотого резерва Банка Англии (77). Летом 1919 года более трети этих сокровищ была поездом доставлена во Владивосток, где восемнадцать иностранных банков, жаждавших получить свою долю в русских делах, учредили свои филиалы. После этого золото было либо продано на международных торгах в обмен на иностранную наличную валюту, либо исчезло в подвалах банков Иокогамы, Осаки, Шанхая, Гонконга и Сан-Франциско как обеспечение займов (79).

Колчак транжирил средства с королевской щедростью, но распутать сибирский клубок было «практически невозможно» (79). Почему?

1. Казаки, подкармливаемые японцами на Дальнем Востоке, были истинной занозой в боку Колчака, так как парализовали перевозку жизненно важных товаров и продовольствия, следовавших по Транссибирской железной дороге из Владивостока в Омск.

2. Сразу же после того, как Колчак захватил власть, чехи внешне начали проявлять признаки усталости и изъявили желание выйти из конфликта. Руководимые генералом Жаненом, присланным из Франции специально для того, чтобы с помощью чехов нанести удар в спину белым колчаковским армиям, чехи всем корпусом снялись с позиций на Урале и отступили к западной границе оккупированной японцами области. Теперь чехи всеми силами уклонялись от участия в боях в центральной части России, чем довели Колчака до отчаяния, «границившего с безумием» (80).
3. Что касается американского генерала Вильяма Грейвса, то по Сибири циркулировали упорные слухи о том, что, не поддерживая Колчака, он фактически оказывает помощь большевикам (81). Слухи эти целиком и полностью соответствовали истине. Точно так же бездействовали и британцы.

К августу Колчак начал терпеть поражения.

После этого разгром белых проходил по старому знакомому сценарию: они начали с победоносного наступления, растягивая фронт и коммуникации, а потом были разбиты наголову Красной Армией, которая, имея большое численное преимущество, всегда имела возможность перегруппироваться и отразить наступление, неизменно обращая белых в бегство. Численность и еще раз численность решила исход этой войны.

К ноябрю с Колчаком было покончено; он продержался ровно один год.

Последовал эпический двухмесячный исход. Шесть конвоев Колчака следовали за другими поездами, направлявшимися во Владивосток, чтобы ускользнуть от наступавших им на пятки красных орд. В одном из конвоев находился золотой запас. В передних поездах следовали генерал Жанен и чехи, которые двигались таким черепашьям шагом, словно хотели, чтобы красные захватили арьергард каравана. В этом долгом пути длиной более полутора тысяч миль погибло более одного миллиона мужчин, женщин и детей.

В январе 1920 года британское военное ведомство, не скрывая гордости, объявило, что Колчак перестал быть решающим фактором русских военных дел (82). Миссия была выполнена: американские и британские войска покинули Сибирь. 31 янва-

ря два чешских офицера вошли в вагон Колчака и объявили командующему, что он должен сдаться местным властям. «Значит, союзники меня предали?» — спокойным будничным тоном поинтересовался белый адмирал. В феврале 1920 года Колчак, этот обманутый король, на одном из допросов у красного следователя в минуту охватившего его отчаяния признал: «Значение и смысл этой [союзнической] интервенции так и остались мне непонятными» (83). Вскоре после этого Колчака расстреляли, а тело утопили подо льдом речки Ушаковки. Вместе с головой Колчака большевики получили две трети царского золота; оставшаяся часть находилась уже в сейфах западных банков.

Единственным местом, где союзники понесли ощутимые потери, был север. Там, перед лицом пошатнувшегося белого сопротивления, союзники, возглавляемые англо-американскими силами, были, против своей воли, втянуты в конфликт с красными, вылившийся в несколько стычек местного значения, что позволило союзникам выиграть время в игре на выживание, когда надо было позаботиться о золотом запасе Колчака. Отвод англо-американских войск начался в марте и был закончен к исходу 1919 года, когда адмирала уже можно было списывать со счета. Оставив какое-то количество военного снаряжения и боеприпасов, союзники предоставили белых генералов их (отнюдь не завидной) судьбе. После овладения Архангельском в феврале 1920 года большевики немедленно казнили 500 белых офицеров.

В России общие потери англоамериканцев в мероприятии, каковое, по сути, было лишь игрой и имитацией, составили приблизительно 500 человек из общей численности экспедиционных сил в 18 тысяч человек. Напротив, на Западе Соединенные Штаты не задумываясь пожертвовали жизнью 114 тысяч солдат из общей численности посланной во Францию армии в 2 миллиона человек, в кампании, стойвшей американской казне 36,2 миллиарда долларов (84). Когда речь шла об убийстве немцев, Америка была готова пожертвовать 2 миллионами своих солдат, но когда настало время сразиться с 3–5 миллионами «коммунистических злодеев», Лондон и Вашингтон выставили корпус, численность которого составляла едва ли один процент от численности американского воинского контингента во Франции. Англоамериканцы были даже готовы принести на

алтарь своих интересов горстку солдат из этого ничтожного количества только лишь для того, чтобы сохранить видимость, — «показать», что поскольку их солдаты погибли от красных пуль, постольку британцы и американцы и в самом деле «помогали белым». Но правда была иной. «Официально» сражавшиеся на стороне белых 500 англо-американских солдат действительно были убиты в стычках с красными на заполярном севере, но это было частью надувательского плана, поставившего белых генералов в трудное положение и послужившего к выгоде красных: такова была извращенная красота имперской британской стратегии.

В Прибалтике привычная схема была несколько изменена, так как там — как это ни парадоксально — присутствовали регулярные германские войска и подразделения Добровольческого корпуса под общим командованием генерала фон дер Гольца. Одна из статей соглашения о перемирии допускала оставление немецких армий в Курляндии* в качестве временной профилактической меры — для недопущения русского вторжения в этот регион (85), который союзники желали сделать буферной зоной между Россией и Германией.

Когда в июне 1919 года Гольц был готов протянуть руку помощи белому командующему генералу Юденичу, начавшему широкомасштабное наступление на Петербург, от германского правительства поступил приказ, безапелляционно продиктованный союзниками, потребовавшими немедленного отвода войск. Армии фон дер Гольца были расформированы и эвакуированы на родину. Позже фон дер Гольц с горечью вспоминал, как северная армия Юденича — это скопище голодных оборванцев — была поголовно уничтожена после того, как [британцы] спровоцировали ее на выступление, а потом самым бессовестным образом обманули (86).

На юге положение большевиков облегчила Франция, принудив другого своего протеже на востоке, Польшу, у которой были территориальные споры с Россией, заключить два последовавших друг за другом перемирия с русскими. После этого Красная Армия под командованием молодого генерала Михаила Тухачев-

* Старинная историческая область, расположенная по обе стороны границы между Латвией и Литвой.

ского, получив необходимые подкрепления, нанесла поражение Деникину осенью 1919 года и Врангелю, второму после Деникина главнокомандующему сил белых, в следующем, 1920 году, раз и навсегда покончив с южным очагом антибольшевистского сопротивления. Командиры белых полков и эскадронов спешно эвакуировались морем на судах союзников, а кони белых командиров, брошенные на крымском берегу, бросались в воду иплыли вслед за своими хозяевами (87).

Япония, единственная морская держава, державшая в России значительный военный контингент численностью 70 тысяч солдат, способных нанести удар большевикам, но так и не сделавших этого (88), наконец отступила в 1922 году, успев предварительно обескровить Колчака, допустить неопишуемые насилия, чинимые казачьими головорезами, и, самое главное, окончательно поставить под свой контроль Маньчжурию. В 1922 году царская империя стала называться СССР, Союзом Советских Социалистических Республик. Таким образом, «великий воображаемый враг» Запада был — на довольно дальнюю историческую перспективу — создан (89).

Президент США Вильсон выразил глубокое удовлетворение тем, что «русским самим была предоставлена возможность решать свои внутренние дела» (90). Государственный секретарь Лэнсинг, официальный американский антикоммунист того времени, покорно вторил своему шефу в начале 1920 года: «Мы сделали все, что было в наших силах в этой невозможной ситуации, вызванной неумением Колчака создать боеспособную армию» (91).

Внешне лидеры морских держав были помешаны сложившейся в результате весьма своеобразной геополитической ситуацией, так как перспектива столкновения с антизападной коммунистической диктатурой, утвердившейся на территории, в шестьдесят раз превосходящей территорию германского рейха, вызывала у союзников меньшую тревогу, чем притязания немцев в Центральной Европе. Действительно, в декабре 1918 года Ллойд Джордж уверял кабинет министров в том, что большевистская Россия ни в коем случае не представляет [для Англии] такой угрозы, «как старая Российская империя с ее агрессивными лидерами и многомиллионными армиями» (92), а годом позже он снова, совершенно откровенно, разбил последние

надежды сопротивлявшихся белых, заявив, что воссоздание греzivшейся Колчаку и Деникину «единой и неделимой России» отнюдь не соответствует «высшим интересам» Британии (93).

Для того чтобы их не обвинили в циничном равнодушии, союзники оправдывались тем, что поставили белым тонны и тонны военного снаряжения и потратили на Белое движение миллионы и миллионы долларов, хотя общеизвестно, что сам Черчилль находил такие заявления «большим преувеличением, поскольку британская помощь состояла главным образом из излишков, оставшихся после Первой мировой войны, бесполезных для Британии и не имевших практически никакой денежной ценности» (94).

Можно с большой долей вероятности предположить, что получателями настоящей помощи союзников, как подозревали многие, были вовсе не белые, но, вопреки всем геополитическим выкладкам, именно красные.

Объем западной помощи большевикам точно неизвестен, хотя, например, в начале 1918 года было достаточно ясно, что Соединенные Штаты выделяли фонды для большевистской России на приобретение вооружения и военного снаряжения через дельца с Уолл-стрит Рэймонда Робинса, для которого Троцкий был «величайшим евреем после Иисуса» (95).

Значительное количество контрактов, концессий и лицензий, выданных ленинской империей американским фирмам во время Гражданской войны и непосредственно после ее окончания, служит неопровержимой уликой, свидетельствующей о финансовой поддержке большевизма западными союзниками с самого начала: 25 миллионов долларов советских комиссионных американским промышленникам за период с июля 1919-го по январь 1920-го (96), не говоря о концессии на добычу асбеста, выданную Арманду Хаммеру в 1921 году (97), и о договоре аренды, заключенном на шестидесятилетний срок (начиная с 1920 года) с Фрэнком Вандерлипом* и его консорциумом, предусматривавшем эксплуатацию месторождений угля и нефти, а также осуществление рыболовства в северосибирском регионе площадью 600 тысяч квадратных километров («Frankfurter Zeitung», 21 ноября 1920 года) (98).

* Председатель правления нью-йоркского «Нэшнл сити бэнк».

Наконец, в 1933 году советское правительство, после внимательного «прочтения американских документов», отказалось от «любых и всяких претензий... на возмещение ущерба, якобы причиненного Соединенными Штатами Советскому Союзу их участием в [сибирской] военной интервенции» (99); по не вполне понятным причинам красным потребовалось целых тринадцать лет, чтобы официально признать, что генерал Грейвс явился в Сибирь за тем, чтобы помогать, а не мешать им.

Никогда эти страны не показывали себя с худшей стороны, чем это сделали союзники в России в период между 1917 и 1920 годами. Среди прочего их усилия всегда были направлены на то, чтобы скомпрометировать врагов большевизма и укрепить позиции коммунистов. Этот фактор настолько важен, что, я думаю, большевики едва ли смогли бы победить в России, если бы западные правительства не привели их к этому своим злонамеренным вмешательством... Все военные экспедиции были не чем иным, как отвлекающим политическим шоу, имевшим сложное и темное происхождение... в том, что касалось их мотиваций и множества соображений, не имевших ничего общего с желанием свергнуть советскую власть по идеологическим причинам (100).

Американский историк и дипломат Джордж Ф. Кеннан, подобно многим своим соотечественникам, оказался в некоторой степени не в состоянии осознать, что явилось заранее спланированным методом решения первого уравнения евразийской проблемы: то есть создание в России фантомного режима, враждебного Германии. Современники оказались в большинстве своем не в силах понять, что белые мастодонты были самым естественным образом обречены — этого требовало недопущение евразийского объятия, и все пресловутые союзнические отвлекающие шоу были лишь следствием заранее обдуманной и тщательно подготовленной мировой бойни. Разыгрывая осторожную политику интервенции, правительства Британии, Франции и Соединенных Штатов вводили в заблуждение общественность своих стран, внушая ей, что они действительно навлекли на себя ненависть коммунистов, выступив на стороне врагов своих врагов (то есть на стороне белых), тогда как в действительности они занимались

исключительно тем, что все это время обманывали белых. Таким образом, упрек в том, что союзники «показали себя с наихудшей стороны», вылился в неучтивый отказ признать великолепно исполненный маневр, обошедшийся всего в пятьсот жизней, но позволивший избавиться в центральном регионе от мощной силы потенциальных русских союзников юнкерской Германии с восточной стороны евразийской разделительной линии. Если не считать отвратительной мясорубки братоубийственной Гражданской войны в России, стоившей около 10 миллионов душ, операция западных союзников увенчалась блестящим успехом — так что в этом отношении западные державы скорее показали себя с наилучшей стороны.

Мирный договор, оказавшийся слишком жестким

«Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона, опубликованные в заключительном периоде войны, в январе 1918 года, были лишь предварительным наброском послевоенного устройства мира; в этом проекте рассматривалось «восстановление» подвергшихся вторжениям территорий и содержались уверения воевавших сторон в том, что не будет «аннексий, контрибуций и карательных мер».

5 ноября 1918 года американская позиция была более подробно разъяснена в ноте, направленной германскому правительству государственным секретарем США Лэнсингом, согласно которой Германия должна была уплатить «компенсацию за ущерб, причиненный гражданскому населению... союзных государств и его собственности... агрессивными действиями на суше, в море и в воздухе» (101). На этих условиях немцы подписали соглашение о перемирии.

Тем временем 6 февраля 1919 года в Веймаре, вдали от временных берлинских неурядиц, собралась Национальная ассамблея, и пять дней спустя новорожденная республиканская Германия получила своего первого президента — социалиста Фридриха Эберта.

~

Вскоре начались ожесточенные споры о «репарациях». Если под «ущербом» понимать только порчу имущества и собст-

венности, то Франция, на территории которой имели место наиболее сильные опустошения и разрушения, имела право заявить претензии на большую часть возмещений и компенсаций. Для того чтобы хоть немного склонить чашу весов в пользу Британии, Ян Сметс, питомец милнеровского «Детского сада»* и представитель Южной Африки на парижских переговорах, нашел лазейку в ноте Лэнсинга: цитируя слова статьи, согласно которой «Германия признавалась ответственной за весь ущерб, причиненный гражданским лицам», он умело склонил Вильсона к тому, чтобы включить в счет репараций денежные пособия и выплаты семьям солдат, а также пенсии для вдов и сирот.

Экономист Джон Мэйнард Кейнс, представлявший в Версале Британское казначейство, подсчитал, что назначение этих выплат не только нарушило переговорные пункты Вильсона, но и в два с половиной раза превосходило денежное выражение общего ущерба, причиненного на Западном фронте. Добавив к первоначальному переводу наличных средств в сумме 5 миллиардов долларов, ожидавшемуся к маю 1921 года, дополнительные выплаты (25 миллиардов долларов) и компенсации за вызванные войной разрушения (10 миллиардов долларов), Кейнс оценил репарационную нагрузку в 40 миллиардов долларов: эта сумма в три раза превосходила весь предвоенный годовой доход германского рейха и находилась за всякими пределами платежеспособности побежденной Германии (102). Кейнс не скрывал своего негодования — представленные суммы были откровенно абсурдными.

Но победоносная публика питала надежды совершенно иного рода: британцы оценивали свои притязания в 120 миллиардов долларов, а французы мечтали о фантастической мзде в 220 миллиардов (103). Перед такой разгоряченной аудиторией, мстительно жаждавшей карающей дани, Ллойд Джордж и французский премьер-министр Клемансо, главные представители Британии и Франции на переговорах, едва ли могли показаться дома с добычей «всего» в 40 миллионов долларов без риска политического линчевания. Тогда Ллойд Джордж придумал очень мудрый выход — оставить сумму не-

* См. выше.

названной и предоставить ее окончательное определение комиссии экспертов, которая должна будет выдать результат через два года, к маю 1921 года. Эту взрывчатую смесь в текст договора ловко вставил Джон Фостер Даллес — нью-йоркский адвокат, вращавшийся в высших сферах, — в форме печально известной 231-й статьи, вошедшей в историю под названием «вопроса о виновниках войны» (Kriegsschuldfrage). Согласно этой статье Германия была принуждена принять на себя всю ответственность и, таким образом, подписать «чек на предъявителя» «за причинение всех потерь и ущерба, понесенных союзными державами и их народами, вследствие войны, навязанной им агрессией со стороны Германии».

Общая сумма добычи, которую предполагали отнять у Германии, была победителями эмпирически разделена следующим образом: 50 процентов Франции, 30 процентов Британии и 20 процентов остальным, менее пострадавшим и менее значимым союзникам (104).

Послужив своей цели, приманка из четырнадцати пунктов была разорвана и выброшена в мусорную корзину. Глашатай и автор изложенных в них принципов Вильсон, словно дешевые часы, которые однажды слишком сильно завели, а потом выбросили, судорожно «потикал» и сломался: в Париже президент серьезно заболел. Он клялся, что не будет никаких аннексий, однако молча согласился на оккупацию Германии союзниками; он обещал, что не будет никаких компенсаций, но согласился на односторонние репарации. Он клялся выкорчевать «тайную дипломатию» и спокойно наблюдал, как его союзники именно таким способом цементируют договор: когда германская делегация в конце апреля прибыла в Париж, чтобы 7 мая 1919 года ознакомиться с содержанием, Ллойд Джордж, спотыкаясь, зачитал текст, который ни он, ни другие полномочные представители союзников до этого ни разу не видели в законченном виде (105). Все они яростно спорили и торговались, но рука, компактно записавшая итог этой склоки, так и осталась скрытой.

Когда до немцев дошла суть представленного им договора, они буквально онемели. Потом, в какой-то степени собравшись с духом, они пригласили своего шефа, министра иностранных дел графа Ульриха фон Брокдорф-Ранцау — того самого, которо-

го в 1917 году одурачил Парвус Гельфанд*, — с тем чтобы он выступил с дипломатическим официальным протестом: в своей длинной речи Брокдорф пожаловался на «нарушение договоренностей, подписанных в условиях перемирия. Желая оскорбить своих слушателей, Брокдорф говорил сидя» (106).

В Берлине депутаты рейхстага (парламента) встретили весть о договоре ревом страшного недовольства. В самом же Версале германские дипломатические представители выступили с контрпредложением: в мастерски составленном ответе объемом 443 страницы, отредактированном в соответствии с первоначальным вильсоновским проектом, один за другим отвергались все статьи договора: Германия предложила ограничить размер репарации 25 миллиардами долларов, «а большая часть территориальных изменений была отвергнута, за исключением тех, необходимость которых основана на самоопределении» (чем была подтверждена точка зрения Вильсона) (107). Германская сторона привлекла для обоснования своей позиции даже старейшину социологии Макса Вебера, так же как сделал это Ленин несколько лет назад, заявив, что война была грехом всех держав (108).

Но союзники были непоколебимы: Германии, как единственной виновнице всех жестокостей войны, был предъявлен пятидневный ультиматум, коим предписывалось принять условия договора под угрозой военного вторжения. Для того чтобы не ставить свою подпись под таким Schandefrieden (позорным миром), первое веймарское правительство, руководимое социалистом Шейдеманом, в полном составе подало в отставку, не просуществовав и четырех месяцев. В отчаянном порыве оскорбленных патриотических чувств 21 июня экипажи германского флота, запертого в бухте Скапа-Флоу у Оркнейских островов, начали топить 400 тысяч тонн ценного груза и потеряли десять моряков от открытого в ответ на эти действия огня британцев (109). В Берлине основную тяжесть непопулярного решения принял на себя все тот же Матиас Эрцбергер: в ноябре он подписал унизительное перемирие, теперь же в качестве министра финансов нового кабинета он взял на себя обязанность завернуть последнюю гайку в этой конструкции. Он с вы-

* См. главу 1.

зовом предложил своим твердолобым парламентским оппонентам — противникам ратификации договора — возглавить правительство и снова вступить в войну. Оппоненты мгновенно ретировались перед такой перспективой, а генерал Гренер уверил рейхспрезидента Эберта, что успокоит (взбешенную) армию. Таким парламентским маневром, призванным спасти честь патриотов и дать возможность прагматикам ратифицировать договор, этот последний 23 июня был принят, и Германия избежала оккупации союзниками (110).

Что же касается территориальных изменений, то здесь в договоре содержались два важных указания. Первое касалось польского коридора: Франция хотела отдать Восточную Пруссию Польше, но составители договора остановились на более хитром решении, согласно которому Восточную Пруссию должен был пересекать коридор, связывающий Польшу с Северным морем через порт вольного города Данцига, а образовавшийся германский анклав предполагалось передать под международную опеку. Таким образом, коридор отделил от немецкого отечества значительный кусок территории Германии. Как хитроумное приспособление для постоянного разжигания тлеющих этнических, территориальных и политических конфликтов, это решение оказалось весьма и весьма эффективным: действительно, именно здесь был спущен курок следующей войны*.

Второе положение о территориях касалось положения Рейнской области: Рейнская область и пятидесятикилометровая зона вдоль правого берега реки подлежали постоянной демилитаризации, и любое нарушение этого положения могло рассматриваться как враждебный акт со стороны государства, подписавшего договор. Данным условием определялось, что все германские войска должны быть навечно выведены из Рейнской области. А все фортификационные сооружения демонтированы. «Это было самое важное положение Версальского договора, ибо оно подставляло становой хребет немецкой способности вести войну под неминуемый и скорый удар французов» (111). Французским войскам было дано право оккупировать зону в течение пятнадцати лет.

* См. главу 5.

Нависая, подобно двум тюремщикам, на флангах скованного по рукам и ногам гиганта (112), новоявленные «творения» Версаля — Польша и Чехословакия — внимательно надзирали над Германией, которая к тому же лишилась своих вооруженных сил, так как численность кадровой армии по условиям договора не должна была превышать ста тысяч человек. Страна была также лишена большинства своих шахт; население сократилось на 6,5 миллиона человек (10 процентов от общей численности) (113), а 2,4 миллиона погибли во время войны; Германия осталась без торгового флота и колоний; территория страны уменьшилась на 13 процентов; запасы железной руды сократились на 75 процентов, добыча угля упала на 26 процентов, производство чугуна и стали уменьшилось на 44 и 38 процентов соответственно (114); помимо этого, Германию «обязали выделять часть производственных мощностей на строительство кораблей для союзников и на добычу угля для Франции» (115).

К тому времени, когда Германия согласилась ратифицировать договор, Кейнс уже в сильнейшем негодовании покинул конференцию, огорченный положением о пенсионных выплатах — «одним из серьезнейших проявлений политической глупости, — жаловался он, — за какую когда-либо несли ответственность наши государственные деятели» (116). Это было положение, источник которого Кейнс не мог разгласить, ибо то была хитрость его близкого друга Сматса (117).

Когда наконец в мае 1921 года был определен счет, Германию попросили уплатить в виде регулярных взносов в течение 37 лет 34 миллиарда долларов: это в два с половиной раза превышало годовой доход Германии за 1913 год и в десять раз превышало размер контрибуции, наложенной Германией на Францию в 1871 году. Кейнс осудил предположение о том, что такую сумму можно, пользуясь торговыми излишками, получить от ослабленного рейха в условиях окружения конкурентами. После тщательного подсчета стоимости всех германских активов он предложил ограничить размер репараций 10 миллиардами долларов (то есть 75 процентами чистого годового дохода Германии за 1913 год) с рассрочкой на несколько десятилетий (118).

Притом что союзники в ходе блокады уже убили 800 тысяч мирных жителей Германии и погубили 1 миллион голов скота, Британия, шантажируя Веймарскую республику возобновлением

убийств, заставила Германию подписать унижительный мирный договор. 28 июня 1919 года, ровно через пять лет после того, как Гаврило Принцип убил эрцгерцога Фердинанда, доктор Иоганнес Белль, министр транспорта во втором правительстве Веймарской республики, сопровождаемый министром иностранных дел Мюллером, склонился над договором, чтобы подписать его, но чернила в ручке застыли и свернулись, словно кровь доктора Фауста. Стоявший рядом молчаливый американский представитель Эдвард Хауз протянул Беллю свою ручку (119).

Только после этого была снята блокада и союзники разрешили судам, везущим продовольствие, войти в германские порты.

Хотя, вероятно, виртуозность и «доброе сердце» Кейнса пропали даром, он все же был исполнен решимости не лишать своих буржуазных почитателей очередного «классического труда», навеянного свежими парижскими событиями. Такой труд он торопливо написал зимой 1919 года, озаглавив его «Экономические последствия мира». Эта книга, мгновенно разошедшаяся стотысячным тиражом и переведенная на одиннадцать языков, поведала о беспощадной и самодовольной слабости к техническим и процедурным деталям, представила читателю едкие психологические портреты, попеременно рисующие то пряжку на ботинке Клемансо, то дергающую шею Вильсона, то козлиную бесцельность Ллойда Джорджа. Договор, вывел свое нелицеприятное заключение Кейнс, будучи грубым, жестоким и несправедливым, непременно породит ужасные возмущения.

Книга стала рождественским подарком, от которого ни за что не смогли бы отказаться представители образованного среднего класса в своем периодически возникающем и добросовестном рвении быть в курсе международных дел. В то же самое время это была такая книга, которая сладко нашептывала то, что эти образованные, но вечно загоняемые в тупик люди хотели услышать: то были истории о достойной сожаления близорукости, омраченной способности к суждению и злонамеренных просчетах стареющих драчунов, вынужденных решать задачи более величественные, чем они сами; истории, мораль которых заключалась в том, что отвратительные деяния всегда совершаются в результате пагубных ошибок. Нет нужды говорить, что опус Кейнса, как, впрочем, и все проявления так называемого

просвещенного консерватизма, ни в коем случае не бросил вызов текущему состоянию общественных и политических дел, — лучшим выходом, по мнению Кейнса, стала бы поддержка Веймарской республики, которая, в конце концов, сама была порождением Версаля. Кейнс призвал все стороны и партии к умеренности. Итак, он сыграл безопасную игру и выбрал «промежуточную дорогу», перечислив в заключении книги альтернативы Версальскому договору, каждая из которых неизменно оказывалась хуже существующего положения. Интересно, что это «умиротворяющее» напутствие предвосхитило вкус той игры, которую британцы затеяли в тридцатые годы против всего остального мирового сообщества, подталкивая Гитлера к войне*. Согласно схеме этой игры, Советскую Россию изображали как «гибельного врага на Востоке», на которого Британия неожиданно натравит ошеломленную Германию, с одной стороны, гонимую вечным страхом перед коммунистической Россией, а с другой — непомерным презрением к своим европейским соседям.

Нынешнее правительство Германии выступает за германское единство больше чем кто бы то ни было... Победа [коммунизма] в Германии вполне могла бы стать прелюдией к мировой революции; она... привела бы к заключению страшного союза Германии и России; она перечеркнет все надежды, питаемые финансовыми и экономическими статьями мирного договора... Но с другой стороны, победа реакции в Германии... возродившейся из пепла космополитического милитаризма... будет рассматриваться всеми как угроза безопасности в Европе и большая опасность для плодов победы, скрепленной мирным договором... Так давайте же поощрим Германию и поможем ей занять достойное место в Европе, чтобы страна эта могла стать соиздателем и организатором процветания и богатства... (120)

Немцам книга Кейнса в целом пришлось по вкусу.

Внешне честное и откровенное самообвинение, прозвучавшее из уст видного представителя британского лагеря, не могло

* См. главу 5.

в какой-то степени не усмирить задетую германскую гордость; большие надежды были возложены на книгу, которая своим воодушевляющим оптимизмом должна была привести в движение «силы воображения», столь необходимые для преодоления «мертвого сезона в западных делах» (121).

На самом-то деле «мертвый сезон», однако, не помешал Кейнсу сразу же беззаботно заняться спекуляциями на рейхсмарке бедной «поверженной» Германии: играя на понижение, он продавал марки и скупал доллары, внося свой посильный вклад в совершавшееся убийство. Правда, в мае 1920 года падение курса немецкой валюты временно приостановилось: на этом Кейнс потерял 13 тысяч фунтов стерлингов. Авторского гонорара и аванса, выданного издательством «Макмиллан» в сумме 1500 фунтов, оказалось недостаточно для возмещения проигрыша; поставив на карту свое доброе имя и репутацию, Кейнс сумел добиться отсрочки платежа по кредитам, так как директор банка знал его как весьма известную личность (122).

Мяч был теперь на поле Соединенных Штатов, которые выдали союзникам кредиты на общую сумму 10 миллиардов долларов, 40 процентов которых приходилось на долю британцев. Хотя Британия и сама была военным кредитором, но основная часть ее ссуд, выданных Франции, России и Италии (суммарно около 90 процентов), была весьма низкого качества; само собой понятно, что на мирной конференции Кейнс предложил в качестве радикального средства исцеления финансового недуга полное списание этих межсоюзнических долгов (123). Но Америка, решив не отказываться от своих законных требований, решила вытащить ноги из европейского болота. В ходе двух последовавших друг за другом голосований в американском сенате (ноябрь 1919-го и март 1920 года) инспирированный сенатором Генри Кэботом Лоджем заговор принес свои плоды — США саботировали мирный договор, предоставив Франции и Британии самим улаживать дела со своим немецким соседом. 25 августа 1921 года Америка заключила с Германией отдельный договор, подтвердивший гарантии выплаты Соединенным Штатам косвенных репараций.

Торпедировав договор, Америка не только преднамеренно сбросила на плечи Британии и Франции тяжкое бремя улаживания деликатных репарационных вопросов, но и также осознан-

но аннулировала de facto заключенный в 1919 году трехсторонний договор между Америкой, Британией и Францией, призванный защитить последнюю «в случае неспровоцированной агрессии со стороны Германии» (124).

Вильсон, этот старый заржавленный рупор столь многих пустых обещаний, Вильсон, который в 1916 году клялся, что не допустит вступления Америки в войну, перенес тромбоз во время своей предвыборной поездки по штатам от Канзас-Сити до Такомы в начале 1920 года, которую он предпринял для того, чтобы собрать голоса в пользу активного участия Америки в послевоенном устройстве Европы. Президентского кресла Вильсон лишился в 1921 году. Выступая в Омахе, Вильсон, как и многие другие «умеренные», говорил о том, что парижский договор посеял семена «следующей, куда более ужасной войны» (125).

Но «четырнадцать пунктов», которыми Германию заманили в ловушку и соблазнили на капитуляцию, не пропали даром.

Сон про Гитлера и расшифровка версальских статей

Торстейн Веблен (1857–1929) был не просто социологом (гениальнейшим на Западе), он был, кроме того, отважным первооткрывателем.

Незадолго до наступления нового столетия он отправился в дальнюю экспедицию, имевшую целью познание эволюционных законов, управляющих жизнью человеческих муравейников. Своими исследованиями он занимался с холодной отчужденной тщательностью настоящего энтомолога. Но поскольку человеческие существа в некоторых критически важных аспектах отличаются от насекомых, у Веблена возникли значительные методические трудности: как сделать поправку на несколько форм человеческого стремления к объединению в агрегаты? Подобно разнообразным членистоногим, люди прибегают к обману, ведут войны, усердно трудятся на благо своего «дома» и с благоговейным трепетом служат своей «матке» — до этого момента уподобление людей муравьям представляется вполне оправданным. Но есть такие вещи, к которым это уподобление неприменимо, — люди делают то, чего никогда

не делают насекомые: люди молятся и морально деградируют, а муравьи — нет. Почему?

Веблен отчетливо осознал, что существует целый ряд проявлений человеческой деятельности, которые не имеют соответствий в животном царстве, ограниченном потребностями выживания, умения и организации. Но эти проявления суть настолько уникальные и поразительно человеческие, что их необходимо в той или иной форме принимать в расчет. Что, например, можно сказать об охоте на ведьм, религиозном поклонении, массовом самопожертвовании и пышных имперских церемониях? Кто первым все это придумал и зачем? Веблен рассудил, что истоки всех этих коллективных ритуалов прячутся в каких-то затерянных лагунах общественного бытия и вот эти-то лагуны и следовало открыть. И корабль Веблена, пока он сидел в тиши своего кабинета и каллиграфическим почерком описывал свое путешествие яркими фиолетовыми чернилами, упорно плыл вперед. Наконец бушприт уперся во что-то твердое и основательное. Веблен добрался до рифа «окультурной деятельности». Не имея ни сил, ни возможности пройти сквозь это препятствие, он тем не менее в одиночку с какой-то одержимостью обходил его, держась близко к рифу, — слишком напуганный, чтобы ступить на него, но слишком зачарованный, чтобы потерять его из виду.

Нельзя призывать к недооценке оккультной деятельности [явный рок, национальный гений или рука providения]... но, учитывая, что оккультные и подобные им действия всегда являются скрытыми пружинами, надо также иметь в виду, что они по самой своей природе и должны быть скрытыми, а осязаемые виды деятельности, посредством которых проявляется движущая сила скрытых пружин, должны быть, следовательно, достаточными для самостоятельной активности без реальной помощи со стороны скрытых сил; действие последних проявляется только силой магического влияния (126).

В 1915 году Веблен вернулся из виртуального путешествия в германский муравейник. Знаменитая культура фатерланда, на языке которой он бегло читал, не была ему чужда. Несмотря на то что он, как американец иностранного происхождения, был сыном трех миров — сердце его принадлежало Норвегии, разум Амери-

ке, а дух морю, — по стилю, образованию, методу и эрудиции Веблен был «немцем», типичным солидным германским ученым.

Но возрождение в империи Вильгельма II «феодального идеала», «надменная напыщенность» и «хищническое правление тевтонских завоевателей» вызвали у Веблена такое острое неудобство, что к концу исследования этот дискомфорт превратился в чувство полного отвращения (127). Как я уже говорил выше, Веблен был уверен, что западному сообществу следует опасаться смеси немецкой воинственной чванливости и высочайшего уровня технического развития (128). Но помимо высказанной политической озабоченности Веблен открыл в складках одежд германского общества глубоко спрятанные под тонким покровом пруссачества тайные пружины коллективного движения. Нечто, чье независимое смещение в определенных условиях и под влиянием «одаренной личности» могло набрать достаточно сил для того, чтобы охватить весь социальный организм Германии и превратить его в нечто совершенно иное, преобразив до неузнаваемости. Возможно вспомнив о поразительном феномене анабаптизма, отважный капитан Веблен дал следующее описание уникальных категорий «отдаренных» типов, а также описание их возможных деяний под влиянием этого скрытого источника:

В успешном уходе от действительности в царство веры... будет возможно увидеть, что любое такое новшество или абберрантная схема обычаев, привычек и стиля мышления, касающегося сверхъестественного, неизбежно начинает возвышаться как своего рода аффект небольшой группы индивидов, каковые — и это можно допустить с большой долей уверенности — оказываются в психологических рамках, благоприятствующих новому стилю мышления; к этому упомянутые индивиды принуждаются дисциплиной — физической или духовной, а скорее, и той и другой, причем дисциплина эта не укладывается в рамки ранее принятых взглядов на такие вещи. Обычно все, кроме самих новообращенных, считают таких пионеров царства сверхъестественного исключительными или чудакославными людьми, особо одаренными личностями или даже личностями, пораженными патологическими идиосинক্রазиями и подверженными противоестественным влияниям... Получающийся в результате вариант культа со временем будет

находить все больше последователей, особенно в случае, если внешняя дисциплина общества такова, что предрасполагает изменение стиля мышления значительного числа людей в направлении, определенным новым религиозным представлением. И если этот новый вариант веры окажется достаточно удачливым в том смысле, что совпадет по духу с текущими изменениями обыденной жизни, то узкая группа прозелитов разрастется до масштабов устрашающего всенародного религиозного движения, обретет всеобщее доверие и станет оракулом, изрекающим истинный символ веры. *Quid ab omnibus, quid unique creditur, credendum est.* Именно так многие встанут в ряды последователей новых религиозных представлений, это будут те, кто никогда не смог бы ни при каких обстоятельствах спрясть ту же пряжу из собственной шерсти; более того, этот новый вариант слепой веры может со временем вытеснить первых прозелитов родительского культа, из которого произойдет народная вера (129).

Заклячая свой труд, Веблен не смог обойтись без того, чтобы набросать физиогномический портрет такого немецкого аберрантного типа, каковые периодически возвещали «из бездн» о подобных религиозных пробуждениях.

Нравственно изуродованные личности... а в особенности те из них, кто прошел школу особых классовых традиций и предрасположен воспитанием в духе особых классовых интересов, легко увидят достоинства и выгоды воинственных мероприятий и будут всячески оживлять традиции национальной вражды. Патриотизм, право силы и привилегированность сходятся, становясь тривиальными привычными истинами. Там, где случается, что индивид, одаренный непомерно раздутой врожденной основой такого характера, оказывается в то же время в ситуации, благоприятствующей развитию свирепой мегаломании, и, кроме того, обретает неограниченную безответственную власть и истинные привилегии, потворствующие его врожденным идиосинкразиям, то его склонности могут приобрести популярность, стать модными и при надлежащем упорстве и умелом управлении пронизать все сферы обыденной жизни до такой степени,

что все население будет брошено в сети восторженно-агрессивных настроений (130).

На дворе стоял 1915 год, но Веблену уже грезилась Добровольческий корпус, Юнгер и многое другое, им подобное.

Бывший до 1914 года убежденным пацифистом, Веблен, к полному недоумению всех его коллег и друзей, резко изменил свои взгляды в 1917 году, когда Америка вступила в войну. Прикрывая свое одобрение действий администрации США завесой молчания и множества оговорок (131), он в заключительных главах вышедшего в 1917 году сочинения «The Nature of Peace and the Terms of its Perpetuation» («Природа мира и условия его длительного сохранения») выдвинул предложения, касающиеся длительного и устойчивого поддержания послевоенного мира.

По Веблену, Великая война дала Западу возможность избавиться от своего застарелого недуга — династического духа, каковым — из всех прочих стран, по словам Веблена, — Германия была поражена в патологической степени.

Веблен убежденно настаивал на том, что с германским династическим духом, вредоносность которого обусловлена его непомерным, фанатичным и непредсказуемым раздуванием, невозможен никакой компромисс. Этот дух следовало вырвать целиком — с корнями и всеми побегами. Немецкий народ, добавлял Веблен, склонен к доброте отнюдь не меньше, чем его остальные европейские соседи, но длительное и прискорбное приучение его к общепринятой схеме феодальной верности старшему, придало его коллективному разуму склонность к звериному патриотизму, каковой «несовместим с сущностью человеческого бытия» (132). После окончания войны Германии предстоит отучиться от столь архаичных предубеждений. Средством, которое, по его мнению, могло сцементировать мирный союз западных народов, могло стать, как он сам выражался, «слияние путем нейтрализации». Это означало создание Лиги Наций, деятельность которой должны будут направлять Британия и Америка, — Веблен признавал только эти две страны на долгие времена столпами поддержания мира во всем мире, несмотря на серьезные недостатки их несправедливо устроенных денежных систем. Допущенная в Лигу Наций «на правах равного» Германия должна сама отвергнуть монархию

и воспитать из своих граждан «равных перед законом и не поставленных по ступеням жесткой иерархии людей» (133).

Веблен заклинал государственных деятелей Запада, в случае если они одержат победу, не подвергать Германию торговому бойкоту — не запускать традиционный механизм возбуждения национальной вражды. «Народ, подчинявшийся потерпевшим поражение правителям,— писал он,— должен рассматриваться не как побежденный враг, но как сотоварищ, переживающий незаслуженные несчастья, обрушенные на его голову истинными виновниками — его бывшими правителями» (134). Далее следовал список директивных указаний на случай поражения Германии: (1) уничтожение имперских государственных учреждений, (2) уничтожение всего военного снаряжения и вооружений, (3) списание всех внешних долгов Германии, (4) признание Лигой Наций всех долгов и равное и справедливое их распределение среди всех членов Лиги, как победителей, так и побежденных, и (5) выплата индивидуального единовременного возмещения ущерба всем гражданским лицам, находившимся на территориях, подвергшихся вторжению. Он надеялся, что Британия, в чьих руках «лучше всего оставить» контроль над морскими коммуникациями (135), и Америка, «около которой все миролюбивые народы должны собраться, как вокруг пчелиной матки» (136), смогут точно соблюсти эти условия. В 1917 году Веблен, как кажется, верил в добрые намерения и миссионерское призвание морских держав.

Однако последний отрывок, несмотря на предложенный в нем безупречный механизм реализации, был скорее плодом благих пожеланий, нежели бесстрастных размышлений.

Англосаксонских финансовых воротил и ту несправедливость, на которой зиждилось их процветание, Веблен ненавидел не меньше, чем немецких бездельничающих юнкеров. И когда русские коммунисты штурмовали Зимний дворец в Петербурге, сердце Веблена воспламенилось — он с восторгом воспринял большевистский переворот в ноябре 1917 года.

Казалось, что в ленинской России надежды Веблена смогут найти свое конкретное выражение, свое окончательное лицо: обетованная земля без помещиков и офицерской касты, где машины будут работать на полную мощность под грамотным наблюдением строго разграниченных «советов инженеров» (137).

Короче, это будет рай на земле. Несмотря на то что Веблен был неутомимым путешественником, он так и не посетил Россию и не увидел воочию советскую утопию; он больше полагался на чтение легенд, рассказываемых красными энтузиастами, восхищенными тысячами чудес мифического евразийского царства социального равенства.

«Большевизм,— писал Веблен в 1919 году,— является революционным по своей сути. Его цель — перенесение демократии и власти большинства в область промышленности и индустрии. Следовательно, большевизм — это угроза установившемуся порядку. Поэтому его обвиняют в угрозе по отношению к частной собственности, бизнесу, промышленности, государству и Церкви, закону и нравственности, цивилизации и вообще всему человечеству» (138).

Этого было достаточно для того, чтобы отправить еретика и иконоборца такого калибра в лагерь красных. К концу войны Веблен выбрал свою сторону баррикады и свои знамена.

В 1920 году журнал «Political Science Quarterly» обратился к нему с просьбой прокомментировать новую библию либералов — бестселлер Кейнса о мирной конференции.

Едва ли кто-нибудь заметил, что этот комментарий капитана Веблена был подлинным шедевром вылепленной им политической экономии.

Отбросив формальности, Веблен буквально стер в порошок трактат Кейнса *in toto*. «Широкая популярность книги,— писал Веблен,— является в действительности коммерческим эхом преобладающего отношения мыслящих людей к тому же диапазону проблем. Отношения людей, привыкших принимать политические документы по их номинальной стоимости... Кейнс воспринимает договор как... окончательное установление, а не как стратегический исходный пункт дальнейшего политического торга и продолжения войны» (139).

Совершенно непростительно, утверждал Веблен, для такого занимавшего столь высокое положение специалиста, как Кейнс, оказаться так явно неспособным распознать до очевидности ясную природу жалкой пантомимы, разыгранной в Версале. Прикрываясь «ширмой дипломатического пустословия»,

государственные мужи возвели весьма расчетливо сконструированное здание, упоминания об опорных точках которого Кейнс, превыше всего стремившийся, подобно другим уважаемым публицистам, отразить «банальное отношение мыслящих граждан», довольно успешно избегает.

Главный аргумент, который Веблен теперь готов представить, состоит из трех утверждений: (1) тезиса, (2) предсказания и (3) заключительного рассуждения.

1. Тезис Веблена. «Центральным и основополагающим содержанием Договора является не записанная в нем статья, согласно которой правительства западных держав объединяются ради одной цели — подавления и удушения Советской России... Можно сказать, что это та главная канва, на которой был затем написан текст договора» (140). Веблен разрывает свое временное интеллектуальное перемирие с западным истеблишментом и возвращается к неизменной своей оппозиции капиталистической олигархии, решив на этот раз драться до конца. Все еще находясь в это время на гребне своего романтического отношения к большевизму, он вновь заявляет, что коммунистическая Россия является угрозой праздно-частной собственности, то есть опасным противником, в чьи намерения входит уничтожение непропорционально высоких рент, основанных на частной собственности и финансах. Следовательно, продолжал Веблен, только скорое и полное уничтожение большевизма может гарантировать мирную жизнь деловым (плутократическим) демократиям Запада.
2. Предсказание. Пессимизм, потрясение и моральное негодование по поводу статей и положений Версальского договора, которые, со времени выхода в свет книги Кейнса, стали нравственным долгом каждого, кто стремился сохранить «либеральную позу», составили в итоге весьма избыточную аффектацию, говорил Веблен, ибо «условия, касающиеся германских компенсационных выплат», выдавали скорее «заметную снисходительность, достигающую степени заранее обдуманной и обсужденной небрежности». Другими словами, вся эта репарационная фальсификация была в действительности «дипломатическим блефом, рассчитанным на то, чтобы выиграть время, отвлечь внимание и заставить всех потен-

циально недовольных проявлять терпение на тот период, который потребует для восстановления Германии и создания в ней реакционного режима, то есть для воздвижения бастиона против большевизма» (141). Хитроумный план не фиксировать условия германских выплат, предложенный британскими представителями на Версальской конференции, должен был, по мысли его авторов, вызвать целый водоворот «базарной торговли, взаимных контрпретензий и бесконечных переговоров по улаживанию возникших противоречий», в хаосе этого водоворота «Германия не будет ослаблена до такой степени, что не сможет помогать имперскому истеблишменту бороться с большевизмом в внешней политике и с радикализмом у себя дома» (142). Итак, Версальский договор по самой своей сути был не чем иным, как превосходно сконструированной ловушкой, которая оставляла в неприкосновенности правящий класс Германии — хранителя реакции, — не исцелив его от феодальной болезни, в то время как страдания и возмущение низших слоев общества — непосредственной жертвы репарационного кровопускания — поставят столько «радикально настроенного» пушечного мяса, сколько потребуется оставшимся неприкосновенными юнкерам для восстановления реакционного антибольшевистского режима.

3. Заключительное рассуждение. Что дало возможность разоблачить заговор союзников? Основываясь на своих рекомендациях 1917 года, Веблен вывел, что «условия договора умело позволили обойти любые меры, которые предусматривали бы конфискацию частной собственности». «Нет никакого разумного объяснения, за исключением интересов праздных собственников, — продолжал он, — того, почему договор не мог быть обеспечен полным отказом от возмещения германского военного долга, имперского, государственного и муниципального, с тем чтобы направить эту большую часть германских доходов на благо тех, кто действительно пострадал от немецкой агрессии. Точно так же ничто, кроме вышеупомянутых интересов, не мешало полной конфискации германской собственности, в том размере, в каком эта собственность была обеспечена гарантиями и удерживалась праздными собственниками, чья вина в развязывании войны не подлежит никакому сомнению» (143).

Рычаги управления современными демократиями приводят-ся в движение не министерствами, а воротилами финансовой сети. Финансовая мощь капиталистического режима рухнет ровно в тот момент, когда портфель инструментов ее обеспечения — облигации, государственные ценные бумаги, дебетуры, наличные средства и все подобные титулы собственности — переходит в иностранные руки... Такая тотальная конфискация, которая подорвала бы власть и могущество германских праздных собственников, условиями Версальского договора не предусматривалась, и это было неслучайно. Таким образом, природа версальских дипломатических ухищрений выявила, что «государственные деятели победивших держав приняли сторону германских праздных собственников и выступили против подчиненного им населения» (144).

Отсюда следует, что все положения договора, касавшиеся разоружения и компенсаций, будут саботироваться под прикрытием дипломатического суесловия и пустопорожних перепалок, которые должны будут стать столь длительными и невразумительными, чтобы вызвать отвращение ни о чем не подозревающей публики, каковая неизбежно должна потерять всякий интерес к этому предмету. Действительно, скоро мы увидим*, как Германия начала всерьез перевооружаться с тайной помощью России уже в начале двадцатых годов, в то время как уже к 1932 году бремя репараций станет «очень незначительным» (145). «В действительности,— заключает Веблен,— меры, которые были до сих пор приняты во исполнение временных условий этого мирного договора, придают налет фантастичности картине, нарисованной господином Кейнсом по этому поводу» (146).

В целом тезис Веблена был, конечно, неверен: чего либеральные режимы Запада всегда опасались меньше всего, так это именно большевизма, который они втайне вскармливали и пестовали с его первых младенческих шагов, то есть с весны 1917 года. Веблен до конца твердо верил, что именно Германия была виновна в развязывании войны, когда в действительности, как было показано в предыдущей главе, прусский рейх был одурманенной жертвой мощнейшей осады, целиком и полностью режиссированной в Англии.

* См. главы 3 и 4.

Что же касается заключительного рассуждения, то судьба германского финансового капитала, хитроумно включенного в международную валютную систему, обернулась катастрофической гиперинфляцией 1923 года*, оказалась куда более извилистой, нежели мог предвидеть Веблен в 1920 году, хотя окончательный вывод и попал точно в цель.

Но в том, что касалось заговорщической сути Версальского договора, Веблен оказался истинным провидцем: он высказал три мнения: (1) духовно Германия склонна к периодическим рецидивам зловещего сверхъестественного фанатизма; (2) мошеннические репарации были придуманы только лишь для того, чтобы как можно больше ударить простых немцев; (3) династические германские бездельники, то есть истинные правители страны, были союзниками полностью избавлены от каких бы то ни было карательных санкций. Отсюда Веблен мог вывести, что Версальский договор заключал в себе сложную манипуляцию положением Германии — манипуляцию, в результате выполнения которой следовало ожидать движения, воодушевленного «свирепой мегаломанией», движения, призванного (1) использовать народное недовольство, провоцируя и разжигая внутри страны радикализм, и (2) достигнуть под знаком военных приготовлений и развязывания войны взаимопонимания с капиталистическими и военными элитами. Острые атаки будет очень удобно направлено против заранее избранного врага — против большевизма. В обзоре Веблена предсказан приход нацизма как вылепленного по заранее подготовленному сценарию избавителя обездоленных и униженных немецких народных масс и как созданного Европой антикоммунистического бастиона. Версаль был неопишуемой фальшивкой, жуткой фальсификацией. Таким образом, Веблен пророчил (ни больше ни меньше) (1) религиозную природу нацизма, (2) реакционное появление гитлеризма и (3) операцию «Барбаросса», германское вторжение в Россию 22 июня 1941 года (выражаясь его словами: «подавление Советской России», «Германия... как оплот против большевизма»), более чем за двадцать лет до того, как эти события произошли в действительности.

* См. главу 3.

Версальский договор отнюдь не был жалкой невнятицей или, скажем, «катастрофой наивысшего разряда» (137), во что не переставая, изо всех сил старались уверить поклонников Кейнса; Версальский договор не был случайной прелюдией Второй мировой войны, он был ее осознанным планом.

Если бы все эти романтические истории о большевизме не затуманивали взор Веблена, то этот благородный северный Дон Кихот разглядел бы, что Версаль нацелен не на Москву, а на саму Германию; нацелен, говоря другими словами, на разжигание колоссального пожара, в огне которого Германия, снова зажатая с двух сторон фронтами, будет выжжена дотла и разделена надвое как раз по разделительной линии — что и случилось в итоге Второй мировой войны.

«Таяние» Германии и геополитическая
корректность «Майн Кампф».
От Капповского до пивного путча;
1920–1923 годы

С незапамятных времен варвары становились таковыми в еще большей степени под влиянием прилежных занятий наукой и даже усиления религиозности... Очень трудно это выговорить, но я обязан так поступить, ибо это правда. Я не могу представить себе народ, более разорванный изнутри, чем немцы. Вы видите ремесленников, но не людей; мыслителей, но не людей; священников, но не людей; хозяев и слуг, молодых и семейных, но не людей. Не напоминает ли это вам поле битвы, на котором в полном беспорядке разбросаны отрубленные руки и ноги, а песок равнодушно впитывает живую кровь?..

Фридрих Гёльдерлин. «Гиперион» (1)

Но однако, я тоскую по Кавказу!.. Давным-давно мне сказали, что народ наших праотцев, – германские племена безмятежно спускались по берегам полуденного Дуная и достигли Черного моря, встретившись там с детьми Солнца, искавшими тени... Некоторое время они стояли молча, а потом в знак дружбы протянули друг другу руки.

Фридрих Гёльдерлин. «Переселение» (2)

Эрцбергер: в одиночку против инфляции

Выращивание нацизма началось после ратификации Версальского договора. За бутафорским республиканским фасадом Веймара происходила медленная реорганизация правых реакционных сил: они открыто высказывались на страницах националистической прессы, устрашая левую оппозицию яростью безработных

хулиганов, которым консерваторы потворствовали и покровительствовали. Приняв веймарский режим, каковой на деле был игрушечным правительством, посаженным в кресло союзниками, за вполне пригодный к делу политический эксперимент, католический политик Матиас Эрцбергер относился к дутой республике как к очень хрупкому организму, который, как он верил, можно и должно оздоровить, не подозревая, насколько тяжела и опасна эта задача. Оказавшись в кресле марионеточного министра финансов, он попытался в 1919 году обложить элиту большими налогами, надеясь таким способом уменьшить риск надвигавшегося инфляционного взрыва, обусловленного громадным государственным долгом, накопленным Германией в результате непомерных военных расходов предшествующих лет. Эрцбергера сначала оклеветали, потом предостерегли и в конце концов в 1921 году убили. Выращиванию гитлеризма на первых порах угрожали решительные сторонники старого порядка — армейские генералы и бывшие высокопоставленные правительственные чиновники рейха, — которые желали реанимировать монархический союз Центральной Европы и России (1920 год). Нацизм находился тогда в эмбриональной стадии своего развития, и такого поворота событий он бы не пережил: раздраженные роялисты в армии мечтали вернуться к былым временам; для монархистов были характерны взгляды, не имевшие ничего общего с нацистскими. Англия отрядила Игнаца Требич-Линкольна, прожженного спеца по противодействию мятежам и дезинформации, на то, чтобы выявить, расстроить и выжечь все монархические заговоры против Веймарской республики. В это время, в 1921 году, в политику с головой окунается влиятельный промышленник Вальтер Ратенау, обуреваемый все той же идеей до предела обложить налогами богатых, чтобы тем самым спастись от положений Версальского договора, но его точно так же (как Эрцбергера) опорочили дома, а во внешней политике склонили к ратификации «секретного» и на первый взгляд странного пакта о русско-германском сотрудничестве (1922), пакта, согласно которому два «европейских изгоя» начали серьезно сотрудничать в военной области, и сотрудничали до тех пор, пока в 1941 году не вцепились друг другу в глотку. Еще до того, как Матиас Эрцбергер успел всего лишь пощупать финансовые держания германских частных собственников, эти по-

следние обналичили свои сертификаты военных займов и перевели выручку в заграничные банки, уменьшив тем самым финансовое богатство страны. Пока богачи погашали свои казначейские векселя, а правительство покупало иностранную валюту для выплаты репараций, рейхсмарка стала быстро обесцениваться,— так произошла «внешняя дискредитация» германской валюты. Исходя из этого положения, для того чтобы поддержать на плаву платежную систему, рейх принялся в ускоренном темпе одалживаться у самого себя, продавая внутри страны разбухающую массу правительственных облигаций (1921 год). Краткосрочные государственные заимствования росли до тех пор, пока в буквальном смысле слова не взорвались в 1923 году под давлением прекращения покупки и массового погашения облигаций бывшими подписчиками. Оба эти непредвиденные правительством обстоятельства вынуждали Центральный банк превращать облигации в море ничего не стоивших банкнот. В результате 1923 год едва не ознаменовался распадом германского общества: в этих бедственных обстоятельствах новорожденная нацистская партия сделала первую попытку захвата власти в ходе пивного путча в начале ноября. Путч провалился, но нацистская тварь, хотя пока и незрелая, оказалась многообещающей: на поверхности политической жизни явилось — отмеченное бурным англофильством и охваченное фанатичной, беспредельной ненавистью к СССР, который Гитлер воспринимал как порождение еврейской подрывной деятельности,— новое движение, которое могло оказаться не чем иным, как британским кандидатом на роль поджигателя русско-германского конфликта, предсказанного Вебленом в 1920 году.

Историю Матиаса Эрцбергера легче всего понять, если иметь в виду, что Версальский договор не имел цели ослабить германскую элиту, несмотря на то что дипломатическая и официальная риторика того времени убеждала общество в обратном. Как образно выразился один историк, германская Вторая империя представляла собой неразделимый одноглавый квартал. Головой была монархия, передние административные ноги были представлены бюрократией и армией, а задние ноги — аграриями и промышленниками. Все остальное — связующие хрящи и сухожилия. «Суть германской истории с 1918-го по 1933 год можно выразить одной фразой: в 1918 году не было никакой

революции... Единственным видимым изменением стало обезглавливание монархии, происшедшее в ноябре» (3). На деле это означало следующее: любой политик, который попытался бы именем демократии и с помощью новоприобретенного парламентского инструмента провести какие бы то ни было реформы, неизбежно рисковал столкнуться с сопротивлением сил старого порядка, стоявших за спиной созданных ad hoc националистических партий, и с их (то есть сил старого порядка) буквально и в полной мере сохранившейся промышленной и финансовой мощью. Коль скоро это было действительно так, то любая атака, предпринятая на высшие классы, грозила обернуться завесой угроз и оскорблений в прессе, угрозами физической расправы со стороны головорезов, коим тайно потворствовала элита, враждебностью судебных органов и, что самое важное, полным равнодушием со стороны Британии и ее союзников, которые наблюдали эти дикарские сцены с отчужденным вниманием, словно сидящие в амфитеатре зрители.

* * *

С тех самых пор, как была провозглашена недееспособная с самого начала Веймарская республика, у историков возникла склонность рассматривать эпоху Веймара как эру упущенных возможностей.

В действительности было две Германии... Германия пыталась идти по пути Бисмарка... теперь же она была готова испытать путь Гёте... Республика родилась из поражения, жила в смятении и погибла в катастрофе. Тем не менее республиканский выбор не был донкихотской утопией, не был он и произвольным; какое-то время у республики был реальный шанс (4).

У нее никогда не было никаких шансов.

Республика — и это отчетливо понимал Веблен — была обречена с самого начала. Метания лихорадочной пятнадцатилетней Веймарской республики, приведшие к провозглашению Третьего рейха, были не чем иным, как родовыми муками, предшествовавшими появлению на свет нацизма. Бесконечная парламентская чехарда; появление и исчезновение тридцати двух

партий, двадцать кабинетов и девять выборов; 224 900 самоубийств (5) и триста политических убийств (6); лихорадочный поиск бесконечно сменявших друг друга экономических проектов, не имевших будущего; две финансовые шоковые терапии (1923 и 1931 годов); буквальное отсутствие умения управлять парламентской республикой и откровенное манипулирование со стороны англо-американских клубов; насилие; делано бесильный цинизм союзников; свинцовый пессимизм народных масс; «мелочные и уродливые компромиссы по поводу [якобы репарационных] миллионов и миллиардов, эти склоки, которые сегодня едва ли стоят того, чтобы о них вспоминать» (7),— все это куски хроники возвышения гитлеризма.

Жизненный цикл бутафорской германской республики можно разделить на три периода:

1. Период беспорядка, 1918–1923 годы.
2. Период исполнения, 1924–1930 годы.
3. Период разрушения, 1930–1933 год*.

Веймарская республика была лабораторией проведения социального эксперимента: статьями Версальского договора Британия готовилась возродить из руин империи Вильгельма II политическую структуру, насквозь пропитанную неким подобием прусского милитаристского консерватизма, однако «чистого» в своей враждебности,— то есть породить немецкое реакционное движение, не прикрытое царственно-аристократическими одеждами. Того, что операция закончится формированием воинственных банд со свастикой, большинство государственных мужей Запада, возможно, и не предвидели. Но надежду увидеть в послевоенной Германии возрождение народного, почвенного фронта, пылающего гневом и мстью, правящие элиты Запада питали с самого начала. Вебленово пророчество является доказательством истинности существования таких предвкушений. Союзники затеяли весьма опасную игру.

В суматохе последствий неудачной революции немцы, уже расколотые провалом начатой Бисмарком три десятилетия назад политики социальных гарантий, призванной умиротворить

* Второй и третий периоды подробно обсуждаются в главе 4.

пролетариат, немедленно принялись пожирать друг друга. Ноябрь 1918 года показал, что Германия не способна к революции: беспорядки не привели к появлению харизматического вождя народных масс (9). После того как социалисты в 1919 году дали генералам *carte blanche* на подавление разрозненных и едва ли представлявших серьезную угрозу беспорядков, очень немногие сомневались в том, что вояки не станут долго ждать и вскоре выступят против республики.

Еще до окончания войны силы реакции начали разжигать в Германии непримиримый антагонизм. После войны генерал Малкольм, глава британской военной миссии в Германии, нанес визит генералу Людендорфу — доблестному солдату, фактически правившему Германией последние три года войны вместе со своим престарелым дуумвиром генералом Гинденбургом, до того, как кайзер перед самой капитуляцией отправил его в отставку*. Пока они пили чай, немец старался передать своему гостю, насколько глубоко обманутым и преданным чувствовал себя в 1918 году генеральный штаб слабостью внутреннего фронта и мятежами моряков; Малкольм, который хотел ясности, прямо спросил бывшего начальника генерального штаба: «Генерал, вы хотите этим сказать, что вас ударили в спину?» Выразительные синие глаза Людендорфа вспыхнули. «Именно так, — торжественно воскликнул он. — Меня ударили в спину! Меня действительно ударили в спину!» (10)

В ноябре 1919 года, давая показания комиссии Конституционной ассамблеи по расследованию военных событий, второй член военно-политического дуумвирата генерал Гинденбург, герой Восточного фронта, уничтоживший русские армии в Мазурских болотах*, отчеканил эту мысль, превратив удар в спину в лозунг политической реакции: «Из-за преднамеренного разложения флота и армии... наши военные операции неизменно заканчивались неудачами; крах был неизбежен... Английский генерал был прав, когда сказал: «Германскую армию ударили ножом в спину» (11).

«Удар в спину»: в то время это выглядело вполне правдоподобно — в конце концов, германская армия не потеряла ни од-

* См. главу 2, стр. 83.

** См. главу 1, стр. 55.

ного сокрушительного военного поражения. Красная пропаганда была реальной и весьма осязаемой; республика была идеей Вильсона, а Версальский договор стал для всех немцев отвратительным бесчестьем и унижением. Поэтому многие не без основания считали, что Веймар был не чем иным, как пародией, одиозной карикатурой, достойной презрения или, в лучшем случае, полного безразличия; Веймарская республика не могла требовать от Германии большего. Республика с самого начала превратилась в арену жульнического политиканства — серого, скучного и бесцельного. Бесконечная череда веймарских правителей являет собой апофеоз анонимности — все эти забытые фигуры, эти *brasseurs d'affaires*, по очереди занимавшие на короткое время место на капитанском мостике тонущего корабля, несущегося по воле волн, силе которых они не могли сопротивляться. История, однако, запомнила два имени: Матиас Эрцбергер и Вальтер Ратенау.

Оба эти человека, хотя и разительно непохожие друг на друга, явились воплощением искусства возможного: многогранные личности, одаренные и гибкие — в интеллектуальном и светском плане — настолько, что впали в грех тщеславия, вообразив, что могут направить мир в любое нужное им русло. Каждый из них воображал, что способен изменить трагическую судьбу Германии; если говорить более конкретно, то они думали, что смогут перехитрить Британию и обыграть ее в этой игре, превратив Веймар в работоспособный инструмент политики, — именно поэтому история их и запомнила. Их самопожертвование оказалось неоправданным и ненужным, но весьма показательным в том, что касается зарождения и созревания нацизма.

Матиас Эрцбергер, депутат рейхстага от католического центра, обладавший неукротимой энергией, начал политическую карьеру в первом десятилетии двадцатого века с расследования скандалов, связанных с имперской колониальной политикой (хищения, жестокое обращение с туземцами, раздутые счета за правительственные заказы и т. д.); обнародованные Эрцбергером факты привели к отставке директора колониальной администрации и его молодого секретаря Карла Гельфрейха. Этот последний тем не менее впоследствии стал играть не последнюю роль в германской политической жизни, питая смертельную ненависть к Эрцбергеру (12). Подобно большинству своих

современников, Эрцбергер был воплощением диссонирующей немецкой двойственности, открытой в свое время Вебленом, а именно смеси шовинизма и прогрессивных чаяний. Во имя «возможного» Эрцбергер смирился с невозможностью выиграть войну: в 1914 году он выступал в ее поддержку и требовал аннексий; всего два года спустя он активно участвует в бесчисленных зарубежных миссиях, пропагандируя мирные предложения, инициированные Ватиканом. Когда все попытки такого рода закончились неудачей, ничуть не напуганный этим Эрцбергер, всегда бывший прагматиком, добровольно согласился на роль генеральского козла отпущения и, как уже было сказано, принял непосредственное и решающее участие в заключении перемирия (ноябрь 1918 года) и Версальского мирного договора (июнь 1919 года). Пока консерваторам приходилось считаться с тщеславием Эрцбергера, чтобы пользоваться его изумительным искусством достижения паллиативных решений, однако в душе они с презрением относились к его растущим аппетитам к решению насущных практических задач, тем более что теперь эти решения покушались на «национальную честь». Так Эрцбергер, не желая видеть последствий, добровольно и не без коварного политического расчета стал символической фигурой, воплощением всей массы так называемых ноябрьских преступников, которых немецкие реакционеры обвинили в нанесении Германии предательского удара в спину. После Версаля один из демократов предупредил его: «Сегодня мы еще нуждаемся в вас, но через несколько месяцев... мы от вас избавимся» (13). Это было зловещее предостережение, но Эрцбергер самоуверенно его проигнорировал.

В июне 1919 года Эрцбергер стал министром финансов во втором правительстве Веймарской республики. В своей первой речи, произнесенной им в этом качестве в следующем месяце на заседании Национальной ассамблеи, он обрисовал текущие финансовые проблемы Германии. К концу войны расходы Германии составили 160 миллиардов марок; эта сумма почти вдвое превосходила годовой доход к концу 1918 года. Эти расходы были покрыты долгосрочными долговыми обязательствами на сумму более 98 миллиардов марок — это была основная часть государственного долга, военный заем (*die Kriegsanleihe*), — а 47 миллиардов марок правительство получило за счет кратко-

срочных государственных облигаций; ничтожный остаток собрали в виде налогов (14).

Военный долг являет собой превосходный образчик безумия современной монетарной системы: в данном случае немецкое общество задолжало «самому себе» сумму, вдвое превышавшую его доход и растраченную на мероприятия, не дающие никакой отдачи. Частные лица стали обладателями прав собственности, уже распыленной в проигранных сражениях; люди упрямо называли это богатством, надеясь выгадать свой интерес хотя бы в течение многих следующих лет.

Мало того, Эрцбергер детально разобрался и в том, кто кому и сколько должен. Более 90 процентов взносов по облигациям военного займа* поступили в казну от «маленьких людей» и были весьма скромны: они составили четверть общего объема займа. Это означало, что на долю оставшихся 10 процентов подписчиков (четырёх миллионов из тридцати девяти), то есть на долю богатых и очень богатых людей, приходились оставшиеся 75 миллиардов марок — не говоря о квоте богачей в краткосрочных заимствованиях (15). Из этих четырех миллионов богатых инвесторов приблизительно половина обеспечила четверть объема *Kriegsanleihe*. Такое разделение инвесторов позволило выделить в самостоятельную группу самых богатых людей Германии, праздных собственников. Выходило, что 5 процентов подписчиков обеспечили поступление половины всей суммы займа. Таким образом, анализ военного долга подтвердил, что до и после войны в Германии существовала элита численностью около трех миллионов человек, распоряжавшаяся более чем половиной всех ресурсов страны (16). Это был высший, невидимый глазу класс Германии, прикрытый и защищенный архитекторами Версальского договора от всяческого убытка и ущерба в надежде, что в нужное время этот класс будет финансировать и поддерживать антибольшевистское движение.

Для защиты интересов мелких инвесторов Эрцбергер поначалу клялся объявить финансовый крестовый поход, имевший целью обеспечение регулярного возмещения доли, то есть дохода с ценных бумаг для их законных владельцев. В сумме

* Общее число подписчиков военного займа составило 39 миллионов человек.

стоимость этих ценных бумаг оценивалась в 160 миллиардов марок, а это означало, что на государственный бюджет ежегодно ложится дополнительная нагрузка в 10 миллиардов марок. Следовательно, теперь возникал следующий вопрос: кто будет оплачивать эту долю? Как это обычно случается, деньги было решено взять из зарплат рабочих и отчасти из доходов среднего класса, на которых — на рабочий и средний класс — правительство возложило основную часть налогов, из коих государственные рантье — специалисты по стрижке купонов — получали неограниченный поток незаслуженных и незаработанных доходов, их еще называют рентой (то есть деньги, получаемые ни за что)*. Тяжелый удар, который такое обложение наносило низшим слоям немецкого общества, побудил Веблена рекомендовать безусловное списание военного долга в целом, чтобы тем самым сократить доходы германской элиты, а сэкономленные таким образом деньги направить на реконструкцию опустошенных войной областей.

Но союзники — с заранее обдуманном намерением — даже не коснулись вопроса военных долгов, и Эрцбергер решил прибегнуть к нестандартным мерам. Он объявил о своем намерении решительно пересмотреть основы фискальной системы, централизовать ее, и вместо того, чтобы заставлять низшие классы потеть ради прибылей элиты, он оставил их в покое и гарантировал представителям *Mittelstand* (среднего класса) бесперебойный поток ренты за счет праздных элитарных собственников, которых он предлагал обложить высокими налогами. По сути, план был очень простым: одним ударом он смог бы резко увеличить налогообложение больших состояний и вынудить богатых оплачивать эти налоги векселями военного займа, если бы они того пожелали. Получив эти векселя и сертификаты, правительство рейха могло бы немедленно их уничтожить. Это был, конечно, круговой путь, который, по мысли автора, должен был заставить абсентеистов продать векселя за бесценок. Таким способом Эрцбергер надеялся понемногу выпустить пар раздутого долга — то есть отлить из кувшина воду, пока она не затопила рынок...

В те дни ни такой образцовый поборник достижимого, как Эрцбергер, ни кто-либо другой не обладали достаточным вооб-

* Эта система продолжает функционировать и по сей день.

ражением для изыскания способа, каким Веймарская республика могла бы обслужить долг в 160 миллиардов марок при одновременном трансфере репараций и обеспечении выплат по новым социальным обязательствам республики.

Сидя в берлинском министерстве финансов, штаб-квартире стремительно обновленной и максимально эффективной сети фискальных сборов, Эрцбергер обрушил на голову элиты лавину новых сборов. Абсентеисты стали мишенью финансовых взысканий пяти типов: двойной налог на военные прибыли, то есть на собственность и доход; большой налог на наследство; налог на роскошь (на потребление); и, наконец, самый главный сбор — печально известный *Reichsnotopfer* («пожертвования на экстренные нужды рейха»). Новые директивы были подкреплены подзаконными актами, призванными блокировать бегство капиталов, и современными инновациями налоговых «платежей из этого источника при введении налоговых скидок для зарплат наемных работников» (17). Министр финансов объявил, что «в будущем Германия будет избавлена от богатых» (18). Короче говоря, Эрцбергер совершил политическое самоубийство.

Сбор новых налогов только начался, когда Карл Гельфрейх, один из столпов консерватизма, бывший имперский вице-канцлер и министр финансов в годы войны, — по сути, изобретатель и создатель гигантского мыльного пузыря военного долга, — начал клеветническую кампанию против своего заклятого врага Эрцбергера, обвинив последнего в коррупции, обмане и незаконном вмешательстве в политику и в дела частного бизнеса. Пока правые газеты пылко поддерживали эти обвинения, а левоцентристская пресса хранила подозрительное молчание, Гельфрейх издал памфлет, где суммировал все свои тирады под броским заголовком: «Fort mit Erzberger!» («Долой Эрцбергера!») Эрцбергер проглотил наживку и пошел в суд, выдвинув встречное обвинение в клевете. Всеми покинутому Эрцбергеру пришлось сражаться с врагами в одиночку. Судебный процесс начался в январе 1920 года. Он едва не закончился преждевременно, так как спустя буквально неделю после начала слушаний демобилизованный вольноопределяющийся Ольтвиг фон Гиршфельд (двадцати одного года от роду) попытался убить Эрцбергера, когда тот выходил из зала судебного заседания.

Первая пуля поразила министра в плечо, но вторая, потенциально смертельная, направленная в грудь, рикошетировала от цепочки золотых часов. Через несколько дней Эрцбергер был уже готов снова принимать участие в судебном процессе. На суде Гиршфельд заявил, «что страдания Германии становится все тяжелее с каждым днем пребывания у власти Эрцбергера». Он не выразил ни малейшего сожаления по поводу своего преступления, но по совету адвоката заявил, что хотел только ранить, а не убить политика. Женская часть аудитории была растрогана, и «полезный идиот» был приговорен к восемнадцати месяцам тюрьмы (19). Тем временем правые продолжали, не жалея сил, раздувать клевету на Эрцбергера. Не отставали и оперившиеся нацисты, нашедшие свое место в этом реакционном хоре и визжавшие в своих пивных, что «толстяк» Эрцбергер изменник, так как он в ноябре восемнадцатого продал отечество победителям в Компьене, а потом навязал Германии и ее народу Версальский договор. Однако не нашлось никого, кто осмелился бы по этому поводу заметить, что оба эти акта были инициированы военной элитой. Гугенберг, бывший директор компании Круппа, стального гиганта Германии, ставший в то время одним из вождей националистов и главой мощного газетного консорциума, тоже вмешался, пригвоздив «предателя Эрцбергера» к позорному столбу и объявив «социальные мероприятия» министра «экспроприацией» — возмущался Гугенберг — «среднего класса» (20). Обвинение не осталось незамеченным, хотя Гугенберг явно оговорился, ибо класс, на который было направлено острие экспроприации, был отнюдь не средним, а высшим.

Действительно, абсентеисты почувствовали, что запахло жареным, и принялись спешно вывозить свою ликвидность в марках за рубеж, где конвертировали их в иностранную валюту. В конце 1919 года газета «Neue Zürcher Zeitung» опубликовала сведения о том, что к июню из страны «сбежало» 35 миллиардов марок (21). В период между 1914-м и 1918 годом из-за массивных вливаний бумажных денег, необходимых для финансирования ведения войны и практически не облагавшихся налогами, марка потеряла половину своей покупательной способности; это означает, что инфляция началась уже давно, но к началу 1920 года она резко ускорилась. Надежда Эрцбергера погасить инфляционную вспышку оказалась «дурным пророчеством».

Reichsnotopfer не только не помог обуздать и остановить инфляцию, но на деле только лишь усугубил ее (22).

Суд был подтасован, но обвинению так и не удалось найти никакого криминала в действиях Эрцбергера, он был кристально чист. Его оппонент, послушное орудие элит, Гельфрейх был найден «виновным в клевете и предъявлении фальшивых обвинений». Он был приговорен к уплате довольно значительных судебных издержек (23) и смехотворно низкого штрафа, малость которого судьи объяснили тем, что «Гельфрейх сумел доказать истинность своих обвинений» (24). Другими словами, клеветнические измышления Гельфрейха были признаны не беспочвенными, но лишь чрезмерными. Истец уплатил символический штраф и отправился праздновать победу. Решение суда покончило с политической карьерой ответчика: Эрцбергер бросил вызов абсентеистам и попытался, проложив плодотворную дорогу политического взаимопонимания между социалистами и прогрессивным крылом германской буржуазии, достичь возможного в условиях Веймарской республики (25). Именно поэтому, подобно самой республике, он и был обречен. После суда Эрцбергер ушел в отставку, покинув министерский пост и пообещав вернуться, когда буря уляжется.

Суд вынес свой вердикт 12 марта 1920 года. На следующий день республика пережила первый преторианский мятеж, так называемый путч Каппа—Лютвица.

Миссия Требич-Линкольна и провал Капповского путча

После того как были оговорены условия мира, высшее командование германской армии в лице Гинденбурга и Гренера сошло со сцены. Утратив звено, связывавшее армию с правительством, армия, по существу, оставалась без командования с июня по ноябрь 1919 года.

В образовавшемся вакууме реакционные партии, проявив нехарактерную для них гибкость, сразу же объединили свои усилия, чтобы захватить то, что представлялось им их законной собственностью (26). Естественно, Британия предусмотрела и такое развитие событий. То, что британцы наблюдали

в 1919 году, когда вместе с союзниками вели невидимую войну против русских белогвардейцев, было движением сопротивления значительных обломков германской армии, пытавшейся самостоятельно реорганизоваться, чтобы удержать захваченные в Центральной Европе территории. Это хотя и несколько сумбурное, но угрожающее шевеление немецкого воинства приобрело отчетливую форму и окраску в Восточной Пруссии и части Прибалтийских стран, где на несколько месяцев после окончания войны окопалась пестрая смесь Добровольческого корпуса и одетых в форму дезертиров, которые упорно сражались с поляками на одном фронте и с большевиками на другом, одновременно братаясь с руководством русского Белого движения.

Послевоенная ситуация стабилизировалась после того, как были обозначены демаркационные линии между Германией и Россией; эти линии были созданы для того, чтобы образовать кордон из новоиспеченных стран — от Чехословакии до Эстонии через Польшу. По условиям версальского эксперимента следовало надежно разделить Германию и Россию. После этого, по настоятельному требованию союзников, самые непокорные из немецких генералов были отозваны на родину. Фон дер Гольц, герой латвийской кампании* и яростный противник большевизма, вернулся в Германию в августе 1919 года, но его войска остались на месте, сгруппировавшись вокруг белого авантюриста Авалова-Бермондта. Получая поддержку со стороны крупных немецких промышленников, желавших опрокинуть красных, авангард Авалова стоял наготове, служа зимой 1919 года мостом, по которому немецкий капитал собирался проникнуть на российские рынки (27). Перейдя в наступление и сломив сопротивление красных, Авалов и немецкие дивизии рассчитывали соединиться с Колчаком, Деникиным, Врангелем и другими белыми военачальниками.

В декабре 1919 года британский представитель международной комиссии, учрежденной для умирения этого мятежа, генерал Тернер, сообщал из Тильзита** в Восточной Пруссии:

* Глава 2, стр. 116.

** Ныне город Советск Калининградской области, порт российского анклава на Балтийском море.

Создается впечатление, что в Восточной Пруссии до сих пор не знают, что Германия проиграла войну. Военная партия здесь всемогуща, а милитаризм цветет во всех своих формах и проявлениях. Лично я не сомневаюсь в том, что существует заговор, имеющий целью свержение правительства, так же как и не сомневаюсь в том, что у армии достаточно сил для совершения переворота (28).

После недолгого периода изгнания в Швеции Людендорф в феврале 1919 года вернулся в Германию. В октябре он становится во главе «Nationale Vereinigung» («Национального единства»), вобравшего в себя сливки реакционной Германии — офицеров, бюрократов и промышленников, которые после вызванных перемирием восстаний и их кровавого подавления весной 1919 года были готовы теперь низвергнуть и Веймарскую республику.

Немцы действительно не были разгромлены: они до сих пор могли рассчитывать — присоединив к армии членов разрозненных, но многочисленных полувоенных подпольных организаций — на создание укомплектованных и полностью оснащенных ударных сил численностью около двух миллионов человек (29). Если бы переворот оказался успешным, то с учетом неопределенности обстановки в России вся стратегия морских держав, направленная на окружение Германии, потерпела бы сокрушительное поражение. Если бы мятеж увенчался успехом, а это было более чем вероятно, то консолидированный фронт белых — немцев, русских и венгров, — выгнувшись в сторону Европейской части России, неизбежно подорвал бы, если бы не уничтожил на корню власть русских большевиков, бывших предметом особой заботы союзников, и составил бы ядро евразийского партнерства, что немедленно привело бы к выходу Германии из Версальского договора и сделало ее неуязвимой по отношению к британской блокаде. Люди из «Nationale Vereinigung», прусские монархисты старой школы, бывшие не только ярыми антикоммунистами, но и не менее ярыми англофобами, представляли явную угрозу британским планам, и поэтому их надо было остановить. Или, что еще лучше, выжечь каленным железом.

То, как удалось Британии расстроить грядущий мятеж немецких «белогвардейцев», — еще один показательный образец

интриги в истории двадцатого века,— остается загадкой и по сей день. Однако тщательный отбор и просмотр некоторых видимых нитей, которые можно отыскать в хрониках и документах, отчасти проливают свет на механику этого дела.

5 июля 1919 года Людендорф посылает своего бывшего адъютанта, полковника Бауэра прозондировать возможную реакцию британцев. Представляется, что Бауэр выложил карты на стол, прямо спросив начальника главного британского штаба в Кельне полковника Райана, признает ли Британия «более сильное» германское правительство. Это будет не диктатура, уточнил Бауэр, а последовательная республика, которая не станет терпеть социалистические беспорядки, заставит страну «работать» и, таким образом, со всем тщанием и пунктуальностью честно выполнит свои международные обязательства. Это будет такая республика, заключил он, подмигнув своему британскому коллеге, которая сможет найти свое гармоничное развитие в конституционной монархии британского типа (30).

Райан понял, что полковник блефует; англичанин принял Бауэра за того, кем тот был в действительности,— за эмиссара непреклонных монархистов, не имевших ни малейшего намерения смириться с Версальским договором и поклявшихся отомстить британцам, заключив союз с белогвардейской Россией (31). Но Райан принял условия игры и посоветовал Бауэру продолжать усилия в выбранном направлении; он гарантировал лояльное отношение союзников при условии, что шеф Бауэра, одиозный и заметный генерал Людендорф, который в глазах англо-французской публики до сих пор оставался «военным преступником», будет держаться в тени (32).

В тот же день «путеводный светоч» реакционного заговора, Вольфганг Капп, бывший чиновник сельскохозяйственного министерства Восточной Пруссии, а ныне один из вождей националистов (33), прощупал настроение в *Armeekommando Nord* (северном отделении штаба рейхсвера), высказав его начальнику, генералу фон Секту, идею разрыва Версальского договора и насильственного изгнания поляков из познанского анклава*. Генерал Сект не был другом поляков, но не имел никакого жела-

* Часть германской территории, отданная новообразованному польскому государству согласно решениям, принятым в Версале.

ния затевать направленный против Британии заговор и на этот раз выставил Каппа прочь (34).

Тем временем, в августе 1919 года, в Берлин прибыл месяц назад выпущенный из британской тюрьмы Требич-Линкольн.

Если на небесах и под ними, на нашей грешной земле, есть самые уродливые порождения нашей прискорбной и жалкой материалистической философии, то Игнац Требич-Линкольн, без сомнения, был одним из них. Родился в Венгрии в 1879 году, в городке Пакше на Дунае, в конце века стал свидетелем разорения своего отца — мелкого торговца (35). Украв золотые часы, он сбежал из семьи и укрылся от полиции в Барбиканской миссии для новообращенных иудеев в Лондоне. Там он украл часы у своего англиканского покровителя и вернулся в Венгрию, которую ему пришлось тотчас и навсегда покинуть, так как его продолжали разыскивать за первую кражу. Было тогда Требичу всего девятнадцать лет.

Совершенно отощав, он добрался до Гамбурга, где принял христианство пресвитерианского толка. Не выдержав строгой дисциплины семинаристской жизни и не найдя себе достойного применения, он вместе с женой-немкой отправился в еврейскую миссию Монреаля. В Канаде он переметнулся в англиканский лагерь — оставшись равнодушным к религиозным вопросам в глубине души, он тем не менее был посвящен в духовный сан, став дьяконом. Для того чтобы англазировать свою фамилию, он добавил к ней слово «Линкольн». Через два года финансовые затруднения вынудили его вернуться в Европу — в Лондон через Гамбург. В 1903 году он нашел место викария, совмещающего должность священника в Эпплдоре (графство Кент), но полномочным священником стать не смог. Говорят, что на нескольких его проповедях присутствовал и Ллойд Джордж (36).

Когда тесть Требича умер, оставив небольшое состояние, он немедленно оставил духовное поприще и бросился искать путей в политику. Сначала он претендовал на место пропагандиста в одном обществе трезвости, но не прошел собеседования. Потом он наконец наткнулся на шоколадного короля, крупного предпринимателя Бенджамина Раунтри, который был просто очарован Требичем и предложил ему должность своего личного секретаря. С 1909-го по 1916 год, в качестве члена свиты Раунтри, он проводил эмпирические социологические исследования

в сельских районах Северной Европы. Возможно, что именно в то время он и стал членом ложи (37). Поддержанный, как говорят, Ллойд Джорджем, он баллотировался от либеральной партии в Дарлингтоне, районе Йорка; Уинстон Черчилль направил ему письмо с пожеланиями успеха; то же самое сделал и Ллойд Джордж. Частые поездки Требича на Балканы привлекли к нему любопытство консулов и атташе министерства иностранных дел. Сделав главным содержанием своей предвыборной программы пункт о беспошлинной торговле, Требич сенсационно победил своего уверенного в себе консервативного соперника. Этот новоявленный, совершенно немислимый член парламента не продержался там и пары речей, так как его темный бизнес оставил его без средств и без поддержки либералов.

Так же как и Парвус Гельфанд десятилетием раньше, Требич отправился на Балканы в поисках легких денег, но, в отличие от своего собрата по темным делишкам Гельфанда, Требич не сумел нажить состояние. К началу Первой мировой войны он вернулся в Лондон и предложил свои услуги британской разведке в качестве «цензора венгерской и румынской корреспонденции в военном и почтовом ведомствах» (39). С этого момента все письменные источники, касающиеся дальнейшей судьбы Требича, становятся туманными и невразумительными: с одной стороны, это осторожные и к тому же весьма лаконичные архивные донесения, а с другой — волнующие повествования ослепленных и ошеломленных рассказчиков. Историки старой школы отмечают эти измышления как «развлекательный абсурд» (40).

С декабря 1914-го по январь 1915 года Требич находится в Роттердаме, жарком горниле военного шпионажа. Нигде не говорится ни слова о том, что он готовил там в течение двух недель своего пребывания в этом городе. Мастера преувеличений и приукрашиваний клялись, что он работал двойным агентом, передавая британцам сведения о позициях немецких войск, с одной стороны, и изучая совместно с немецкими спецслужбами возможности блокировать Суэцкий канал — английские ворота в Индию — затоплением в нем одного-двух океанских лайнеров с заполненными цементом трюмами (41). По возвращении в Лондон он передал офицерам разведки конверт с немецким планом неограниченной подводной войны и секретными кодами резидентов немецкой разведки в Соединенных Штатах (42).

Подарок, как сказал сам Требич. Дело его было передано затем капитану Реджинальду Холлу, начальнику разведывательного отдела военно-морского флота. Холл дал Требичу три дня на то, чтобы исчезнуть. Не ясно, позволила ли британская разведка Требичу таким образом расплатиться ценными документами и избежать смертного приговора за государственную измену, или он просто получил некое следующее задание.

В феврале Требич всплывает в Нью-Йорке, где пробавляется публикацией статей о своей шпионской деятельности в Англии и Голландии. По настоянию британского консула его арестовали по обвинению в мошенничестве: перед войной, находясь в затруднительном финансовом положении, Требич подделал подпись Раунтри на нескольких простых векселях. Ожидая, когда в Нью-Йорк придут офицеры Скотленд-Ярда и отвезут его в Британию, он сумел отчасти загладить свою вину, предложив ФБР свои услуги в дешифровке сложных и запутанных немецких телеграмм. Бюро приняло это предложение. Требичу был предоставлен полусвободный режим, из-под которого он сумел ускользнуть, сбежав на какую-то ферму в Нью-Джерси, где его наконец обнаружили, задержали и препроводили в Британию, где он и предстал перед судом. В июле 1916 года он был «приговорен к трем годам каторжных работ» в исправительных учреждениях Британии (43). Другими словами, он исчез из всех официальных отчетов и донесений на целых три года — трудно поверить, что все это время он безвыходно пробыл за решеткой (44). Есть свидетельства, что за это время он успел побывать даже в России (45).

11 августа 1919 года он пароходом прибыл из Британии в Голландию. Из Голландии он приехал в Германию.

«Ступивший на берлинские мостовые... безработный, одинокий и голодный... не имевший ни гроша за душой беглец» (46), «иностранец, еврей по рождению, только что отбывший срок» (47), Требич уже через пару недель сумел завести знакомство с тяготевшими к правым кругам журналистами и опубликовать в их тенденциозных листках антианглийские статьи, в жанре, в каком он сильно поднаторел еще в Манхэттене в 1915 году.

К середине сентября он уже чувствовал себя настолько уютно и надежно в святой святых «Национального единства» Людендорфа, что изъявил готовность возглавить миссию в Голландию,

чтобы — ни больше ни меньше — склонить и обязать бывшего кайзера к участию в грядущем заговоре и мятеже.

Трезвые и здравомыслящие биографы Требича, стремящиеся развеять любые «заговорщические фантазии», могущие возникнуть из созерцания столь диковинных происшествий, не жалеют усилий, чтобы охарактеризовать жизненный путь Требича просто как «пустой фейерверк... маниакально-депрессивного негодяя» (48), что, очевидно, является самым забавным абсурдом из всех высказанных на этот счет мнений.

Не будучи ни профессиональным шпионом, ни самозванцем (49), Требич, что наиболее вероятно, был, как и Парвус, одним из тех «специалистов», набивших руку в искусстве подрывной деятельности, которые стали частью более обширной сети наемников, зачарованных в той или иной форме своей мнимой причастностью к власти.

Представляется очевидным, что в 1919 году Требич, проведя какое-то время под замком, откупился на свободу от Британии, подписав свое последнее обязательство перед английской короной. С самого начала в германских правых кругах раздавались отдельные отчаянные голоса, прямо называвшие Требича агентом-provокатором Британии, присланным в Берлин специально для того, чтобы сорвать направленный против республики мятеж. Например, заклятый враг Эрцбергера Гельфрейх и, как говорят, адмирал Тирпиц, отец неограниченной подводной войны («топить все, что движется»), вышли из игры, как только узнали об участии в ней Требича (50). Но к началу октября полковник Бауэр был уже в сетях Требича — этот последний стал ближайшим сотрудником полковника.

Две поездки в Голландию, имевшие целью склонить к участию в мятеже бывшего кайзера и кронпринца, провалились. Вильгельм и его сын, возможно по рекомендации советников, отклонили все предложения, вероятно решив не компрометировать свою и без того не вполне безупречную репутацию, увлекшись предложениями неведомо откуда взявшегося проходимца, который предлагает возглавить монархический заговор. Вероятно, ни кайзер, ни кронпринц не желали больше никакой власти.

Заведенная отважным Требичем интрига внезапно переместилась на восток: в нее вмешалась Советская Россия. Авантюрист из Пакша, кажется, сумел уговорить немецких заговорщи-

ков вступить в сношения с большевиками — для страховки, имея в виду неминуемое поражение русских белогвардейцев.

В ноябре 1919 года Советы de facto имели в Берлине двух представителей. Одним был Карл Радек, бывший польский социалист и одаренный публицист, поставивший свой талант на службу большевикам. Он был одним из немногих избранных, кто сопровождал Ленина в его, организованной Парвусом, поездке через Германию в апреле 1917 года. 8 декабря 1919 года состоялась встреча полковника Бауэра с Радеком (51).

В беседе с Радеком Бауэр затронул возможность достижения взаимопонимания между офицерами и рабочими: он спросил Радека, не может ли Москва с помощью своего германского рупора, КПГ, успокоить трудящихся и удержать их от всеобщей забастовки, которая может нарушить ход будущего мятежа. Радек отвечал уклончиво, сказав, что решение об этом может быть принято только в Москве (52).

Другим официальным советским чиновником, жившим в Берлине, был Вигдор Копп, бывший своего рода послом в Германии с ноября 1919 года. Этот Копп, если верить воспоминаниям Требича, встречался с Бауэром несколько раз. Бауэр и здесь настаивал на том, чтобы КПГ не препятствовало мятежу объявлением забастовки (53). Правда, пока шли эти фантастические переговоры, немецкие монархисты продолжали печатать фальшивые деньги для белой армии Авалова (54).

В 1920 году события начали разворачиваться ускоренным темпом. 10 января 1920 года Версальский договор вступил в силу. Союзники в своей ноте потребовали от Германии выдачи «военных преступников» (согласно статьям 227–230 мирного договора). Нота была направлена германскому правительству 3 февраля 1920 года и произвела впечатление разорвавшейся бомбы. К ноте прилагался список из 900 имен, среди которых были имена кайзера Вильгельма, Людендорфа, Тирпица (первым приказавшего применять отравляющие газы на Западном фронте) и Гельфрейха. Франция действовала совершенно искренне, в отличие от Британии: естественно, Британия не желала видеть повешенным кайзера Вильгельма, одного из внуков королевы Виктории; но эта новость содержала достаточно яда для того, чтобы отравить дух общества; генералы рейхсвера были готовы возобновить войну (55). Германское правительство

медлило, никто не спешил выполнять требование союзников, а «патриоты» не собирались сдаваться.

8 марта полковник Бауэр снова встретился с британцами, но на этот раз с самим генералом Малкольмом, главой британской миссии в Германии, и на этот раз получил решительный отпор. «Антанта, — сказал генерал, — категорически отказывается поддержать какой бы то ни было контрреволюционный переворот» (56). Такой акт, добавил он, «был бы чистейшим безумием» (57).

10 марта командующий берлинским гарнизоном рейхсвера генерал фон Лютвиц, отказавшись подчиниться приказу о сокращении армии на 200 тысяч человек к 10 апреля 1920 года, буквально атаковал кабинет, требуя его отставки, отмены приказа о расформировании армии, назначения новых выборов и создания нового кабинета из независимых технократов. Требования его были решительно отклонены; президент Эберт приказал Лютвицу уйти с дороги и немедленно подать в отставку.

12 марта закончилась политическая карьера Эрцбергера, а 13 марта в Берлин вступила бригада Эрхардта, жемчужина Добровольческого корпуса, — путч начался. Он продлился ровно сто часов — с 13 по 17 марта 1920 года.

Возглавили путч бывший бюрократ Вольфганг Капп и трусливый фон Лютвиц. Требиш стал главой печати путчистов. Между тем по шикарным улицам столицы хлынул поток подлейших из подлых: войска Добровольческого корпуса смешались с подразделениями «балтийцев» — ветеранов сражений в Прибалтике, которых можно было отличить по белым паучьим крестам, украшавших их стальные шлемы. Они распевали песню: «Hakenkreuz am Stahlhelm, schwarz weiss rotes Band, die Brigade Ehrhardt werden wir genannt (На стальной каске свастика, на рукавах черно-красно-белые повязки — зовемся мы бригадой Эрхардта)» (58)

В подавляющем своем большинстве они молоды, очень молоды. Они держат себя с мрачным хладнокровием людей, которым пришлось много воевать. Они быстры в движениях, сноровисты и хорошо вымуштрованы. Отличные солдаты... Они внимательно рассматривают богатых и временами бросают

на роскошные городские здания взгляды, в которых читается любопытство, смешанное с дикарской алчностью... Должно быть, так вели себя галлы, впервые увидевшие Рим (59).

Германия была расколота: восток и север были с Каппом, в то время как юг и запад, за исключением Баварии, по видимости остались верны республике или выразили решимость сохранять нейтралитет. Армия, однако, молчала, заняв выжидательную позицию: фон Сект, назначенный в ноябре 1919 года главой армейского командования — реорганизованного и редуцированного прежнего генерального штаба, несмотря на сильное давление со стороны кабинета министров, отказывался пока выступить против Лютвица: «армия будет сидеть на высоком заборе до тех пор, пока не станет ясным исход этого противоборства, а потом спустится с забора... чтобы поддержать победителя... Каким бы ни был исход, армия сохранит за собой позицию истинного и окончательного источника суверенной власти» (60). Другими словами: успех путчистов не будет зависеть от воли и желания армии, какими бы благоприятными они ни были для исхода путча.

В принципе, путчу для успеха нужна была поддержка со стороны трех сил: армии, рабочего класса и банков. Судя по выжидательной тактике армейского командования, первая сила склонялась на сторону путчистов. Вторая, несмотря на то что Бауэр стремился заручиться и ее поддержкой, практически не играла никакой роли.

Часто можно слышать утверждения о том, что Капповский путч был задушен всеобщим параличом, порожденным неистовыми призывами профсоюзных лидеров к всеобщей забастовке в Берлине. Но эти утверждения не соответствуют действительности. Забастовка началась позже, в субботу, когда путч был уже подавлен. Она была объявлена не кабинетом министров, бежавшим в Штутгарт (61), но начата социал-демократическими профсоюзами, поначалу без руководящего участия КПП, вожди которой, напротив, опубликовали 13 марта обращение, в коем призывали «не шевелить и пальцем в поддержку правительства, замешанного в позорном убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург» (62). В этой риторике содержался намек на ответственность социал-демократического министра Носке, который

сторговался с Добровольческим корпусом ради подавления берлинского совета в январе 1919 года*. Это обстоятельство имеет важнейшее значение, так как доказывает, что русские официальные представители (Радек и Копп) сдержали слово, по крайней мере на один день, и что Коммунистическая партия Германии действительно получила из Москвы инструкции воздержаться от вмешательства в преторианский путч.

Только на следующий день КПП присоединилась к забастовке, принужденная к этому рядовыми членами партии, горевшими желанием «протянуть руку помощи своим товарищам из профсоюзов» (63). Первоначальное неучастие КПП во всеобщей забастовке тем более удивительно, что офицер, лично ответственный за убийство Либкнехта и Люксембург в 1919 году, капитан Вальдемар Пабст, сам был одним из участников Капповского путча.

Забастовка разразилась в полную силу только после 15 марта, в понедельник, когда с путчем было уже фактически покончено. Действительно, истинные действующие лица путча, его главные герои, солдаты, ни в малейшей степени не страдали от неуверенного вмешательства государственных служб: магазины и телефон функционировали бесперебойно, но всеобщая забастовка на самом деле являла бы собой большой риск неудачи, так как недовольство в основном ощущалось именно в рабочих кварталах, а это могло бы лишить путчистов необходимых технических средств (64).

Генерал фон дер Гольц, участник путча, приказал стрелять в пикетчиков, но его приказ не был выполнен, так как соперник оказался равным. Теперь все было кончено.

Однако судьба путча решилась все же в кабинетах рейхсбанка. В воскресенье, 14 марта, Рудольф Хафенштейн, управляющий Центральным банком, принял эмиссаров путчистов, обратившихся к нему с требованием денег, которыми они собирались оплатить действия войск. Требование было напечатано на обычном листе бумаги и подписано Каппом. Хафенштейн, пунктуально придерживаясь протокола, ответил, что изъятие денег из банка может быть произведено только по специальному чеку, образцы которых имеются в канцелярии, но тут же довольно дерз-

* См. главу 2, стр. 91.

ко добавил, что банк не работает по воскресеньям... Доверенные лица Каппа вежливо ретировались и снова появились в банке на следующее утро с чеком, по всем правилам подписанным Каппом; банкир, сохраняя свою обычную невозмутимость, заявил, что не знает никакого Каппа. Такая же сцена повторилась и на следующий день, когда Хафенштейн отказался признать действительными чеки, подписанные на этот раз Люттвицем. Отчаявшись, заговорщики обратились к Эрхардту, умоляя того штурмом взять подвалы рейхсбанка, на что Каритан отреагировал не лишённой остроумия отповедью, заявив, что он офицер, а не взломщик сейфов. Каритан, должно быть, отчетливо понимал, что личность лишь позволила бы путчистам продержаться еще какую-нибудь неделю; банки — это не сундуки, истекающие блестящими монетками, но кредиторы, одалживающие «ключи» — ключи к своим сетям, которые в обиходе называют «кредитные линии». И именно в кредитных линиях, то есть, по сути, в деньгах, было отказано; удавка затянулась.

К семнадцатому числу все бежали: Капп на самолете улетел в Швецию; Лютвиц скрылся в Венгрии; Людендорф и еще несколько командиров Добровольческого корпуса бежали на юг, в Мюнхен; Требич был «одним из последних заговорщиков, покинувших здание имперской канцелярии» (65).

17 марта в берлинском аэропорту приземлился старый военный самолет, пилотируемый асом Первой мировой войны Греймом. На борту самолета находились Дитрих Эккарт и его помощник Адольф Гитлер, присланные в столицу капитаном Майром, чтобы «проинформировать Каппа о положении дел в Баварии» (66). Когда Гитлер спускался по трапу, к нему якобы подбежал какой-то человек, крича: «Бегите прочь! С Люттвицем покончено, красные захватили город!» (67) Говорят, что этим человеком был Требич. Согласно другому источнику, в беспорядке и сумятице последних часов Эккарт и Гитлер добрались до имперской канцелярии, где видели, как Требич поднимается по лестнице. Говорят, что Эккарт сказал, обращаясь к Гитлеру: «Пошли отсюда, Адольф, нам здесь делать больше нечего» (68).

С фальшивыми документами, полученными от представителя советского посольства Вигдора Коппа, Требич и Бауэр покинули Берлин (69). Спровоцированные всеобщей забастовкой, по всей Германии начались беспорядки, подавленные в течение

весны батальонами рейхсвера. При усмирении этих беспорядков были убиты около трех тысяч человек, что послужило еще одним доказательством того, что пролетарская революция, хотя и отличалась жестокостью, никогда не представляла реальной угрозы для Германии.

В Баварии ход событий принял совершенно иной оборот. Командующий местными частями рейхсвера фон Мель, «прямо не поддерживая Каппа», воспользовался представившейся «возможностью и сместил социал-демократическое правительство Гофмана, поставив на его место Густава фон Кара, высокопоставленного чиновника, известного консервативными монархическими взглядами, как своего уполномоченного политического представителя» (70). Таким образом, в Мюнхене офицеры смогли избежать отчуждения партии финансистов и промышленников. Если бы Капп и его сподвижники так же поступили бы в Берлине, полагает историк Артур Розенберг, то их мятеж увенчался бы успехом (71). Представитель ведомства британской печати в Германии лорд Ридделл в марте 1920 года записал в своем дневнике, что успешный монархический путч мог «изменить все» (72).

И все же, чего хотел добиться Требич своими действиями? После того как заговорщики бежали из Берлина, в печати начали циркулировать упорные слухи о том, что на самом деле «вину за попытку переворота следует возложить на некоего британского агента — Требич-Линкольна, который сначала инициировал путч, а потом привел его к краху, «имея при этом целью завоевать доверие легковерных офицеров и политиков, информируя британское правительство — естественно, по тайным каналам — о ходе событий и получая от него подробные инструкции о следующих действиях» (73). Догадки и предположения этого «берлинского журналиста с непомерно развитым воображением», отброшенные биографами Линкольна как «абсурдная гипотеза», видимо, все же ближе к истине, чем противоположная точка зрения, а именно, что Требич телом и душой принял участие в заговоре генералов только из-за мании величия, каковой он якобы страдал.

Хотя мы можем с известной долей уверенности предположить, что Требич был нанят британской разведкой именно для того, чтобы провалить путч, мы все же не знаем, как он сумел

это сделать (74): документальные свидетельства слишком скудны, но есть некоторые основания полагать, что в действительности тот паралич, который сковал Центральную Германию в середине марта 1920 года, был обусловлен вовсе не забастовкой, а деятельностью импровизированной Требичем пресс-службы. Он распространял — трудно сказать, единолично или вместе с какими-то своими сподвижниками — невероятно запутанную, весьма разнообразную, фальшивую и подстрекательскую информацию. По крайней мере, из всего этого потока можно вычлениить три ключевых послания, имевшие точных адресатов:

1. Левым политическим силам. 18 апреля 1920 года печатный орган КПГ «Die rote Fahne» («Красное знамя») поведал своим читателям, что авантюрист Требиш-Линкольн, «истинный политический вдохновитель заговора Людендорфа—Бауэра», заявил, «сославшись на заслуживающие доверия источники», что Капп и его люди желали спровоцировать рабочий класс на восстание, которое после этого «было бы потоплено в крови» (75).
2. Буржуазии. Начиная с 17 марта «Frankfurter Zeitung», рупор влиятельных финансовых и промышленных кругов, которая в течение трех предыдущих дней завуалированно призывала к открытому сопротивлению Каппу и «иностранным империализму» (76) (интересно, кто были эти иностранцы?), напечатала несколько статей, согласно которым сам фон Лютвиц, полковник Бауэр и капитан Пабст вели переговоры с независимыми социалистами, гарантируя со стороны ветеранов Прибалтики поддержку коммунистам в установлении Советской Республики (77).
3. «Британцам». В самом начале путча Требиш заявил «иностранным корреспондентам, что встречался с генералом Малкольмом, который заверил его в том, что британское правительство симпатизирует новому режиму» (78). Британская миссия так горячо опровергала эту утку, что забеспокоился даже Брокдорф-Ранцау, бывший министр иностранных дел, который поспешил избавить Каппа от опасных фантазий. Дипломат буквально примчался в имперскую канцелярию и поведал путчистам Каппу и Людендорфу, что все эти измышления —

суть не что иное, как sacré mensonge (самая низкопробная ложь). «Это доконало обоих господ», клявшихся в верности британцам» (79). Вскоре последовал крах.

Два дополнительных замечания:

1. Когда один из двух главных представителей России в Германии, журналист Радек, вернулся в Москву в феврале 1920 года, он представил рапорт Совету народных комиссаров, в котором возражал против заключения военного союза с Германией; совет же решил пока воздержаться от каких-либо конкретных шагов. Однако 3 марта Радек выступил по радио с умиротворяющим заявлением: «Мы считаем, что в наше время капиталистические государства могут сосуществовать с государством пролетарским» (80). 14 марта, на второй день Капповского путча, тот же Радек выступил в официальном рупоре советского режима, в газете «Известия»: «Военный переворот в Германии есть событие мирового значения... Прогнав Носке, генерал Люттвиц разорвал грязную бумажку Версальского договора... Пока этот новый режим будет существовать, мы готовы жить с ним в мире, хотя и надеемся, что и его ждет неминуемый конец...» (81)

Такую же линию проводила и КПГ, призывая рабочих не участвовать в антикапповских забастовках.

2. Требич рассказал корреспонденту «Дэйли ньюс», «что его партия через Кельн получила поддержку от Уинстона Черчилля». В этой связи начальник британской военной миссии генерал Малкольм 15 апреля 1920 года заметил в своем дневнике: «Если исключить отсюда заинтересованность Уинстона Черчилля, то во всем этом есть тень правды, именно на этой тени, без сомнения, и построены все небылицы о британской поддержке» (82). «Слухи о причастности британцев упорно циркулировали в течение нескольких недель, невзирая на опровержения... Малкольма и даже самого премьер-министра Ллойд Джорджа, с которыми тот выступил в палате общин» (83).

Таким образом, шеф британской военной миссии в Германии подтвердил, что Уинстон Черчилль действительно давал какие-

то рекомендации Требичу. Это чрезвычайно важное признание. Признание, которое позволяет относительно легко разгадать суть проведенной операции.

Миссия Требича играла двоякую роль. Во-первых, это был план устранения с политической арены немецких белогвардейцев, для чего следовало воспрепятствовать консолидации их немалого влияния с не менее влиятельными промышленными и финансовыми кругами, спровоцировать на преждевременное выступление, которое неизбежно должно было закончиться провалом.

Требич необходимо должен был представить генералам надежные рекомендации, иначе он не проник бы так легко и быстро в святая святых заговора: из этих рекомендаций самая главная — «солидная связь» с британцами, то есть связь с Черчиллем, которого по имени назвал Малкольм, а это объясняет упрямое убеждение Каппа, Бауэра и Людендорфа — в этом отношении их тыл надежно обеспечен. Официально Черчилль в то время занимал пост министра авиации, хотя он действовал, мыслил и дышал по воле британской разведки, с которой его начиная с 1909 года связывали неразрывные узы, направлявшие все его действия до конца жизни (84).

Другим ценнейшим козырем, как я уже упоминал, была молчаливая поддержка со стороны Советской России, которая с самого начала делала вид, что заигрывает с немецкими генералами, прекрасно зная, так же как и британцы, коих Москва информировала о каждом своем движении (85), что Людендорф и компания серьезно намерены их свергнуть, что немецкие генералы вынашивали планы союза с русскими белыми, но отнюдь не с русскими красными. Когда начался путч, КПГ не двинулась с места. Устроенный Советской Россией грандиозный маскарад позволил Требичу создать невиданных размеров призрак, ужаснувший буржуазию и заставивший газеты всех цветов и направлений долго рассуждать на эти темы после того, как все уже давно было конечно: этот призрак был не чем иным, как фантастическим спектаклем под названием «национал-большевистский заговор»; буржуазную публику до смерти напугали воображаемым сговором между немецкими офицерами и вождями рабочего класса — что было абсолютно невозможно (86).

В газете КПГ «Die rote Fahne» Требича описывали как «бога из машины национал-большевизма». Полковника Бауэра, бывшего правой рукой генерала Людендорфа, и еще нескольких офицеров видели в Берлине беседующими с профсоюзными лидерами, но ни одна из сторон так и не проявила никакого желания продолжать сотрудничество. Масштаб мистификации был так велик, что даже такая информированная газета, как «Frankfurter Zeitung», дошла до такого абсурда, что вполне серьезно утверждала, будто такие командиры Добровольческого корпуса, как, скажем, Пабст и Эрхардт, действительно утопившие в крови в 1919 году рабочие советы Берлина и Мюнхена, участвуют в национал-большевистском заговоре с целью восстановления тех самых советов (!). Все это было от начала до конца фальшивкой, состряпанной Требичем с помощью превосходной пьесы, мастерски разыгранной Британией и СССР.

Требич одновременно разыграл несколько карт: (1) он одурачил генералов козырным тузом своих «британских связей»; (2) запугал социалистов и заставил их объявить забастовку, сфабриковав слух о том, что Добровольческий корпус явился для того, чтобы спровоцировать, а потом жестоко подавить выступление рабочих; (3) отпугнул от путча финансистов и промышленников фальшивкой о будущем восстановлении советов.

Провал Капповского путча был показательной репетицией схемы, воплощенной в жизнь двадцать лет спустя, перед нападением Гитлера на Россию*, схемы, состоявшей в мнимом расколе британской властной элиты на два лагеря (то есть Черчилль против Малкольма) и использовании какого-нибудь средства — в данном случае Требича — для того, чтобы заставить противника поверить, что поддерживающая его партия сильнее.

После того как буря улеглась, шеф берлинской полиции Рихтер просто терялся, читая показания заговорщиков. «Либо они все сбежали из сумасшедшего дома, — удивлялся он, — либо оказались обманутыми обманщиками» (87).

Однако на этом европейские приключения Требича не закончились. Ничуть не уstraшенные провалом, уцелевшие заговорщики собрались в Мюнхене, собираясь вдохнуть новую жизнь в план «монархических переворотов в Австрии, Венгрии, Чехо-

* См. главу 5.

словакии и Германии с последующим вторжением в Россию силами этих стран при поддержке белогвардейцев и бывших русских военнопленных» (88). К середине 1920 года разгром русских белогвардейцев был практически завершен, и такие заговоры уже устарели, не успев родиться, но все же миссию Требича нельзя было считать выполненной — до тех пор, пока вся Центральная Европа не была очищена от Белого движения.

В среде самих заговорщиков один только майор Франц фон Стефани, один из командиров Добровольческого корпуса, заподозрил истину и сразу предложил Бауэру и заместителю командира Добровольческого корпуса Эрхардту немедленно убрать Требича. Бауэр не обратил должного внимания на намерения Стефани и не придавал им никакого значения, но Требич обо всем пронюхал. Складывалась благоприятная ситуация, позволявшая раз и навсегда уничтожить так называемый «белый интернационал».

Изображая импульсивное действие насмерть перепуганного человека, Требич похитил толстую папку со свежими заговорческими планами белых и в Вене продал ее чехам, которые не замедлили передать ее французам и британцам: в результате несколько тайных военных организаций были разоружены, большая часть белогвардейских заговоров в Центральной Европе была раскрыта и уничтожена. После этого, запасшись шестью паспортами, Требич исчез на Дальнем Востоке. «О нем ничего не было слышно до 4 сентября 1922 года, когда он позвонил в американское посольство в Токио. Согласно непроверенным данным, в тот момент он, имея на руках советский паспорт, направлялся в Тибет, чтобы помочь группе немецких офицеров спланировать и организовать поход в Индию». Требич еще раз всплыл в Шанхае под личиной буддийского монаха Чао Гуна (Свет Неба) (89).

«Роялистский заговор», как окрестили его британцы, действительно «мог изменить все». Если бы заговор генералов удался, то весь Версальский договор превратился бы в ничего не значащий клочок бумаги. Конечно, к тому моменту, когда в Берлине произошел Капповский путч, с Колчаком было уже почти покончено, поэтому в то время едва ли можно было ожидать возникновения полноценного русско-германского белогвардейского альянса, но восстановление династической

Германской империи, поддержанной сателлитами в Центральной Европе, послужило бы — и, думается, весьма успешно — делу ослабления большевистского влияния в Евразии при поддержке других белых армий — Деникина, Юденича и тех, кто уцелел после сибирского разгрома. Во-вторых, было бы большой ошибкой рассматривать Капповский путч как признак пробуждения нацистов — несмотря на свастики, украшавшие шлемы прибалтийских ветеранов, и их националистические песни; заговор Каппа — Люттвица был попыткой роялистского, а не нацистского восстания. Капп, Людендорф и их соратники не имели ничего общего с всплывавшим расистским культом подпольной Германии, культом, который позже консолидировался вокруг «одаренной личности» Гитлера — в ходе событий, душок которых Веблен уловил еще в 1915 году. Генералы — победы они в 1920-м — восстановили бы бледную копию старого имперского порядка, и это свело бы к нулю все труды британцев; нацизм в таком случае рисковал задохнуться в зародыше. Таким образом, в целом Требиш блистательно справился со своим поручением; он способствовал уничтожению европейского Белого движения в тот критический момент, когда оно было еще способно повлиять на исход Гражданской войны в России, упразднить Веймарскую республику с ее бутафорским парламентаризмом, репарациями, хроническими социальными потрясениями и «встроенным» в нее способом возвращивания «завтрашнего врага».

Требиш был повивальной бабкой нацизма.

31 марта 1920 года, можно сказать, наутро после Капповского путча, Гитлер был официально уволен из армии и мог теперь полностью посвятить себя политической деятельности. Он занялся реорганизацией партии, которая была настолько нищей, что не имела даже печати (90), изменив в первую очередь ее название. Отныне она стала именоваться Национал-социалистской немецкой рабочей партией (NSDAP)*. К февралю следующего года он затмил всех остальных действующих лиц набиравшего силу движения, став его единоличным вождем и непревзойденным пропагандистом. В августе 1921 года, готовясь к схваткам с коммунистическими и социал-демокра-

* Nationalsozialistische deutsche Arbeiterpartei.

тическими дружинами, он создает ядро СА (Sturm Abteilungen) — штурмовых отрядов, получивших впоследствии прозвище «коричневорубашечники». Новую военизированную организацию замаскировали под спортивное объединение.

В то время, когда Гитлер занимался организацией штурмовых отрядов, Матиас Эрцбергер отдыхал в Бадене, в Шварцвальде, готовясь к возвращению в большую политику, о чем он объявил в июне на съезде своей — католической центристской — партии. Он искренне верил, что вскоре станет канцлером Германии.

Во время прогулки с одним из своих друзей по горам Кнейбена Эрцбергер 26 августа 1921 года попал в засаду, устроенную двумя какими-то юнцами, которые в упор изрешетили его пулями и убили, прежде чем он смог укрыться за соснами.

Полиция неоднократно предупреждала Эрцбергера о возможности покушения. Никто не стал лить слезы по поводу убийства. Консервативная пресса писала: «Такой человек, как Эрцбергер, пока он был жив, всегда представлял собой угрозу» (91). Убийцы — два молодых офицера, Генрих Тиллезен и Генрих Шульц — бежали в Венгрию не без помощи покровительствовавших националистам служащих баварской полиции.

Штурмовые отряды Гитлера получили боевое крещение в ноябре 1921 года в первой из бесчисленной череды кровавых стычек с социал-демократами и коммунистами: командир штурмовиков Рудольф Гесс на деле доказал свою доблесть.

В мае 1921 года была наконец обнародована лондонская схема выплаты репараций и их окончательная сумма. Германия оказалась должна союзникам сумму в 132 миллиарда марок (34 миллиарда долларов). Немцы — что неудивительно — возмутились.

В июне страна пошла на избирательные участки, и голоса безошибочно качнулись вправо — и это тоже неудивительно, так как социал-демократы, а с ними и республика не нравились никому. Теперь страну возглавила коалиция центра и демократов. Эта коалиция начала проводить в жизнь так называемую Erfüllungspolitik (политику исполнения): правительство объявило, что Германия приложит все усилия, чтобы исполнить требования союзников.

Вальтер Ратенау — невольная жертва русско-германского пакта

Вальтер Ратенау, невзирая на всю прогрессивную, если не сказать революционную природу своих общественных взглядов, был одним из самых твердолобых консерваторов вчерашнего мира — последний капитан промышленности, мечтавший стать владыкой утопического королевства. Именно ему было суждено стать символом разрушения Германии — страны, выбитой из привычной колеи войной и оказавшейся неспособной справиться с ее последствиями. Твердо решив после поражения всерьез заняться политикой, Ратенау, в качестве рейхсминистра, будет вести с союзниками переговоры, пытаться разумно урегулировать вопросы репараций и внешней политике, то есть предметы, являвшиеся краеугольными камнями британского заговора против Германии. Будучи безусловно честным и благонамеренным человеком, Ратенау, так же как и его предшественник Эрцбергер, поступал так, объективно исходя из понятий и допущений — таких, что какие бы действия он ни предпринял ради блага (абсолютно иллюзорного) своего собственного и Германии, — которые означали для него смертный приговор со стороны правых кланов. Его личная судьба стала лишь одной из многих немецких трагедий наступившей эры: исключительно одаренная личность, отказавшаяся признать само существование дьявольской ловушки, в которую Британия заманила Германию после войны, Ратенау отказался осознать, что на деле он пытался делать политику «в клетке» и никакие, пусть даже самые блестящие дипломатические ухищрения не могли сломать прутья этой клетки. Даже человек его масштаба и положения не смог бы добиться решения ни одной из задач, поставленных им перед собой; его явное политическое бессилие достигло своего апогея в невольной уступке — в заключении в 1922 году сделки между Россией и Германией: именно тогда началось наполовину тайное военное сотрудничество, обеспечившее восстановление военного потенциала Германии, сотрудничество, которое — как это ни невероятно — продлилось два десятилетия — до самых последних дней, предшествовавших началу воплощения плана «Барбаросса» в июне 1941 года.

К маю 1921 года Германия выплатила только 40 процентов из тех 5 миллионов долларов, которые она должна была предварительно заплатить согласно статьям Версальского договора. Когда был опубликован окончательный счет, великий блеф репараций достиг своего пика в шумихе, поднятой массой конференций, подогреваемой мнениями многочисленных экспертов и бесчисленными криптограммами, заполнившими страницы европейских финансовых бюллетеней, настолько затемнявших существо дела, что последнее стало абсолютно недоступным какому бы то ни было пониманию: из 132 миллиардов марок 82 миллиарда следовало представить в виде выпущенных для этой цели ценных бумаг, которые следовало оплатить в обозримом будущем, — иными словами, их надо было отложить в сторону и предать забвению — вся эта цифирь была вброшена в печать только ради сенсации.

Все это означало, что Германии предстояло выплачивать остальные 50 миллиардов долларов со скоростью 2,5 миллиарда долларов в год для погашения процента и 0,5 миллиарда долларов в год для уменьшения суммы собственно долга (92). Ежегодный транш долга составлял приблизительно 5,8 процента ВВП Германии за 1921 год, или 40 процентов годовой стоимости размещенных за границей государственных ценных бумаг и облигаций (93): возместить все это количество золотом или иностранной валютой представлялось абсолютно невыполнимым (94).

Могла ли Германия платить? Да, она могла, если бы (1) рейх был способен обеспечить профицит годового государственного бюджета или (2) продавала бы за границу больше, чем покупала иностранных товаров: излишки на зарубежных счетах позволили бы накапливать средства в иностранной валюте, каковые потом можно было бы направлять бывшим противникам. Такая схема явилась бы просто безвозмездным подарком за границе — бесплатным экспортом. Вследствие огромного внутреннего военного долга и непоколебимой решимости союзников покончить с конкурентоспособностью Германии на мировых рынках, оба эти условия были невыполнимы (95). Убийство Эрцбергера доказало, что праздный класс Германии решил всерьез сопротивляться налогообложению. Что же касается французов, то, поскольку они и сами были должны Британии и Америке, они

отказывались принимать репарации в единственно возможной форме, то есть в виде немецких товаров и услуг. В довершение всего Британия ввела 26-процентную пошлину на все ввозимые из Германии товары. Таким образом, все — в полном согласии с предсказаниями Веблена — понимали, что Германия не может, а следовательно, и не будет платить.

Таким образом, Германия оказалась в зависимости от Франции (и Британии), Франция от Британии, а Британия от Америки, так Соединенные Штаты оказались в непривлекательной роли бездушного кровопийцы-ростовщика. Ни одна встреча в верхах по поводу репараций не обходилась без единодушного обращения к американским представителям с мольбой о списании внутрисоюзнических долгов. Но каждая такая просьба встречала «садистский» отказ США (96).

Все в один голос обвиняли Америку в создании безвыходного положения, американцы сваливали вину на британцев, те перебрасывали мяч французам, которым ничего не оставалось, как винить во всем немцев. И так далее, по бесконечному кругу. В этой пьесе, достойной сцены театра абсурда, Германии, по мнению министра реконструкции Вальтера Ратенау, была отведена роль «нормального человека, надолго помещенного против его воли в сумасшедший дом, в результате чего этот человек начал понемногу усваивать повадки и поведение своих сокамерников» (97). Подвергаясь глухим угрозам далекой Америки, обузданная французскими истериками, подчиняясь гипнозу лживого лицемерия Британии и прирученного ею советского сфинкса, Германия действительно сошла с ума.

В этой гнетущей атмосфере Вальтер Ратенау решил принести добровольную жертву своей безнадежной объективности: он предложил американским представителям решить запутанную шараду, разрубив одним ударом гордиев узел: Германия могла взять на себя союзнические долги целиком, выплатив их Америке в размере 11 миллиардов долларов, выполнив сорок один платеж по 1,95 миллиарда долларов каждый (98). Таким образом, Германия будет должна только и исключительно Соединенным Штатам, освободит союзников от выплаты долгов и снимет с Европы бремя взаимных обид и претензий. Услышав это предложение, Вашингтон злобно зашипел, а британское министерство иностранных дел сделало Германии выговор: «Такой compro-

мисс неприемлем ни в коем случае». Даже в одном из последних научных исследований на эту тему предложение Ратенау было названо «весьма эксцентричным»; то есть даже сейчас Вальтера Ратенау не хотят простить за такую ограниченную попытку, воспользовавшись временным затишьем, вероломно и целенаправленно нарушить условия выплаты репараций (99).

Дипломаты... разбирались с важными, но чуждыми для них экономическими вопросами с той осмотрительностью, которая характерна для людей, боящихся обвинений в том, что они ведут себя как слоны в посудной лавке; Ратенау же обошелся с этими вопросами с непринужденностью прирожденного оратора (100).

Несмотря на то что он имел доступ ко всем техническим деталям сложившейся в стране ситуации и понимал их значение, Ратенау все же пал жертвой тщеславия: подобно Эрцбергеру, этому демиургу «возможного», он недооценил шовинистическую враждебность немецкого общества и вообразил, что сможет в одиночку изменить судьбу Германии и переделать ее по собственному усмотрению.

Наконец, 31 августа 1921 года Германия выплатила первый миллиард репараций в золотых марках. Этот трансферт был поистине суровым испытанием: деньги были собраны под поручительство международной банковской сети и превращены в тысячи тонн золота и серебра, перевезенного в бронированных вагонах в Швейцарию, Данию и Голландию; флотилии пароходов увозили золото в США — поистине это было похоже на эпическое повествование о царских кладах Темных Веков (101). Первый платеж вызвал падение марки относительно доллара с 60 до 100 марок за один доллар (102). Германия сильно пострадала от утечки золота, которое по закону должно было покрывать стоимость каждого бумажного банкнота в соотношении один к трем, и состояние рынка предвещало падение стоимости бумажной марки. Действительно, в мае 1921 года Центральный банк Германии временно приостановил конвертирование марки в золото; другими словами, было объявлено, что банкноты отныне не «эквивалентны золоту», — надвигалась гиперинфляция.

Вальтер Ратенау был кронпринцем экономической империи, унаследованной им от отца, Эмиля, который строил ее, не жалея сил. Воспользовавшись купленным у Эдисона патентом, Ратенау-старший основал AEG (Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft, немецкий аналог «Дженерал электрик»), компанию, которая залила электрическим светом Берлин и всю Германию, а за счет долевого участия и слияний с массой мелких местных компаний и зарубежными банками провела электрическое освещение и в такие города, как Мадрид, Лиссабон, Генуя, Неаполь, Христиания, Мехико, Рио-де-Жанейро, Иркутск и Москва (103). Блестящего отпрыска великой корпоративной династии, Вальтера пестовали, учили и воспитывали как принца; он с легкостью оперировал сложнейшими финансовыми и техническими деталями, сверкая при этом талмудической осведомленностью и классической эрудицией. «Он говорит о любви и экономике, химии и катании на каяках; он ученый, помещик и биржевой брокер — короче говоря, он соединил в себе те способности, какими каждый из нас обладает по отдельности» (104).

Первый политический опыт Ратенау, как и Эрцбергер, получил в администрации имперских колоний: в 1907 году он сопровождал секретаря по делам колоний Дернабурга в инспекционной поездке в Африку. Во время войны Ратенау участвовал в организации тыла, создав механизм мобилизации ресурсов (так называемые *Kriegswirtschaftsgesellschaften*)*, с помощью которого осуществляли реквизиции, импортные закупки и производство эрзацев (заменителей) для того, чтобы кормить ненасытное чудовище войны (105), — эта же традиция нашла свое продолжение в четырехлетнем плане Геринга, разработанном для подготовки ко Второй мировой войне**. Война породила новые духовные течения, и Ратенау, чутко уловив носившиеся в воздухе изменения, отчеканил свое видение будущего устройства общества в книге, сделавшей его одним из самых популярных в Германии авторов.

Общество, нисколько не смущаясь, утверждал он, управляется «тремястами людьми», которые хорошо знакомы друг с другом. Это гнусная, «надменная и чванливая в своем богатстве»

* Военно-экономический консорциум.

** См. главу 5, стр. 332.

олигархия, «оказывающая тайное и явное влияние», за которой послушно следует «разлагающийся средний класс... изо всех сил стремящийся не скатиться на уровень пролетариата», и далее «собственно пролетариат, молчаливо стоящий в самом низу: это и есть нация, темное, бездонное море» (106). В книге «Von kommenden Dingen» («О грядущем»), написанной в 1916 году, Ратенау пророчествовал, что «воля, поднявшаяся из глубин народной души», неминуемо уничтожит капитализм; «ответственные властители», происходящие из представителей «интеллектуальных династий», должны будут очистить Германию от оков и несправедливостей наследственного права и навсегда заклеить свободное движение капиталов, чем можно будет обеспечить благосостояние общества и его жизнеспособность. В октябре 1918 года ему и в голову не приходила даже сама возможность капитуляции рейха. Со страниц газеты «Vossische Zeitung» он призывал немецких солдат оказывать упорное сопротивление противнику, а граждан — записываться в народное ополчение. Позже, в 1921–1922 годах, он использовал плоды этих калейдоскопических опытов в создании Erfüllungspolitik — он тоже был современным поборником «возможного», равно как и одиозным порождением старого порядка.

В апреле 1922 года министр иностранных дел Веймарской республики (с октября 1921-го) Ратенау, вопреки самому себе, стал наконец невольной жертвой «тактики сумасшедшего дома», разыгранной против Германии на международной арене. Поводом стало проведение Генуэзской конференции, где впервые после Версаля встретились «русские и немцы — два плохих мальчика европейского семейства» (107).

В Генуе возобновилась постановка обычной комедии: Британия подстрекала Францию, уговаривая ее подписать совместный проект меморандума по репарациям, основной упор в котором надо было сделать на статье 116 Версальского договора. В статье 116 говорилось о том, что Россия, если пожелает, может претендовать на свою долю в германских репарациях (108). Этот гамбит разжег аппетит французов, так как Франция полагала, что ей дают в руки еще одно оружие, коим можно будет и дальше терзать Германию; России предложили экономическое партнерство, которое будет оплачивать не Франция, а Германия, от которой отсекут еще часть ее национального достояния.

Советы были проинструктированы соответственно: им предстояло шантажировать Германию, как огня боявшуюся 116-й статьи, и заставить ее ратифицировать секретное соглашение о союзе с Россией. Эта комбинация направлялся из резиденции Ллойд Джорджа на вилле «Альберти», где за закрытыми дверями вели переговоры британские, французские и российские дипломаты, в то время как немцы, снедаемые тревогой и страхом, на эти переговоры допущены не были. Трижды за время проведения предварительных переговоров Ратенау требовал встречи с британским премьер-министром; трижды его требования были отклонены. С тех пор историки в один голос жалуются на «невежливость» Ллойд Джорджа, но в действительности эта «неучтивость» была лишь еще одной уловкой в критически важной игре, дополнявшей коварную стратегию Версальского договора. Поздно вечером 14 апреля 1922 года русские нанесли визит немцам в их резиденции и предложили немедленно отправиться в близлежащее курортное местечко Рапалло и по-дружески там побеседовать. Немцы поначалу принимали русских посланцев в штыки, но после долгих размышлений согласились на приглашение — «дольше всех сопротивлялся Ратенау» (109). Рапальский договор был подписан 16 апреля 1922 года. Ратенау подписал его, в общем, против своей воли (110). Сама идея большевиков была для него привлекательна, но своей свите он сказал, что желал бы совершить такой шаг с одобрения союзников: это означало, что он ни в малейшей степени не понял суть игры, окончательно оторвавшись от политической реальности.

В заключенном с русскими договоре подтверждалось намерение обеих сторон возобновить торговые отношения, а также аннулировались взаимные финансовые претензии, существовавшие до войны; другими словами, Россия отказывалась от всяких притязаний на немецкие активы. Это движение представлялось — пусть и крошечным — шагом на пути к созданию евразийского объединения. Но было ли оно таким в действительности? Надо ли было Британии тревожиться по этому поводу? Едва ли. Естественно, Франция громко выражала свое разочарование, но Мальцан, германский дипломат, отвечавший в немецком МИДе за русские дела, на балу, данном в честь окончания конференции, танцевал с миссис Ллойд Джордж, чей

супруг ни на минуту не сомневался в том, что Рапальский договор главным образом и в первую очередь был заключен как пакт военного сотрудничества России и Германии. Но британский премьер и не думал осуждать договор — напротив, он и в частных беседах, и в дипломатических заявлениях говорил, что Рапалло — это противовес упрямому желанию Франции отодвинуть свою границу к Рейну, тем самым уничтожив германское национальное единство,— следовательно, британская политика «умиротворения» Германии началась уже тогда, в 1922 году (111). Таким образом, Британия слегка изменила тактику: теперь она открыто объявила о том, что реабилитация Германии необходима для противодействия высокомерным притязаниям Франции; но за этим хитрым предлогом скрывалась истинная конечная цель Британии — постепенное вооружение Германии. Здесь мы видим еще один стандартный британский подход в действии: Британия использовала враждебность Франции как повод защитить Германию, опираясь для достижения цели на помощь России.

Пока разворачивались все эти события, ожидавшие своего часа рекруты Добровольческого корпуса дважды терпели жестокое разочарование: первое случилось после ликвидации советов, а второе после дисгармоничного аккорда Капповского путча. Сидя в обшарпанных мебелированных квартирах Берлина, они обсуждали политические проблемы, плели заговоры и составляли списки. Эти списки пополнялись именами исполнителей *Erfüllungspolitik*, поборников возможного, которые изо всех сил стремились взрастить и выпестовать Веймарскую республику и воспрепятствовать «дыханию мистических сил, кои разум, при всех его возможностях, не в состоянии постичь» (112). Объявленные вне закона «новые отверженные» Веймарской республики — кадеты, ветераны Добровольческого корпуса и демобилизованные солдаты, юная поросль немецкой консервативной революции — вышли на охоту за людьми, подобными Ратенау,— он, кстати, тоже был в списке.

«Здесь невозможно дышать! — с душевной болью говорил бывший военно-морской офицер, двадцатичетырехлетний ветеран бригады Эрхардта Эрвин Керн своим товарищам — Эрнсту фон Саломону и Герману Фишеру.— Мы, и никто другой должны проткнуть плотную корку, чтобы впустить хоть немно-

го воздуха в нашу затхлую немецкую атмосферу!» (113) Фон Саломон переживет всех, чтобы рассказать легенду об этих Geächteten («отверженных») в своей одноименной книге, ставшей одним из священных текстов германских «новых правых». «9 ноября,— кричал Керн,— я все равно что пустил себе пулю в лоб! Я уже мертв... высшая сила требует разрушения, и я разрушаю... У меня нет иного выбора — я должен пожертвовать себя моей прекрасной и беспощадной судьбе» (114). Речь шла о Ратенау?

Ратенау начал «активную политику» исполнения; он стал «мостом»: мостом между еврейством, каковое Ратенау описывал как «темное, малодушное церебральное племя» своих предков (116), и светловолосыми, бесстрашными арийцами, которых он просто обожал. Он был корпоративным отпрыском, желавшим обложить налогами капитал и уничтожить страдания; экономистом, жаждавшим теократии; технократом, мечтавшим о коммуне. Ратенау, жаловался фон Саломон, был одновременно слишком велик и слишком мелок, «и тем и другим вместе», так же как и его книга «О грядущем», которую прочли все «Отверженные» и нашли, что в ней не хватает «динамита»: на их взгляд, Ратенау пытался направить Германию по пути, не отвечавшему ее внутренней сущности (116).

Убийство было назначено на 24 июня 1922 года.

Фон Саломон, учитывая его молодость — ему было в то время всего девятнадцать,— не был в числе непосредственных исполнителей, но на всякий случай спросил Керна, что говорить в полиции, если арестуют всю группу. «Говори что хочешь,— ответил Керн,— скажи, что Ратенау был одним из сионских мудрецов, или еще какую-нибудь глупость... Они все равно никогда не поймут, что движет нами» (117).

Тем временем и на политической арене Ратенау, так же как до него Эрцбергер, был отдан на заклятие гневу правых радикалов. Ярый националист Гельфрейх опять, не удовлетворившись смертью одного Эрцбергера, принялся выступать с теми же обвинениями, но на этот раз в адрес Ратенау.

Так же как сербские националисты, немецкие «отверженные» устроили засаду и принялись поджидать в ней приближения лимузина министра. Когда показалась машина, Керн неожиданно выскочил из укрытия и выпустил точно в цель все девять

пуль обоймы. Фишер швырнул гранату. Было видно, как Ратенау взлетел на воздух. Оставшийся в живых шофер нажал на газ и доставил патрона домой, где вызванный врач констатировал смерть (118).

Марка начала стремительно падать: от 370 марок за один доллар в июне до 1175 в августе 1922 года.

После бешеной погони двое молодых убийц забаррикадировались на верхнем этаже старого замка Заалек и оказали упорное сопротивление осаждавшим их полицейским. В завязавшейся перестрелке Керн был убит — пуля попала ему в висок, а Фишер, положив тело товарища на носилки, высунулся в окно, выкрикнул последнее «Hoch!» вождю Эрхардту и выстрелил себе в голову (119). На суде сообщники Керна механически называли в качестве причины убийства ту самую «глупость» о том, что Ратенау действительно был одним из трехсот сионских мудрецов, готовивших заговор с целью захвата мирового господства.

Все эти смертельно опасные юнцы были вооружены и неплохо финансировались, а нити от всех политических убийств того времени, включая покушения на Эрцбергера и Ратенау, тянулись к тщательно законспирированному руководству тайной ОС (Organisation Consul, неформальной группе телохранителей Эрхардта). На эту тему была масса спекуляций, но доказательства оказались весьма скудными. К примеру, командир Добровольческого корпуса Эрхардт отрицал причастность своих людей к убийству Эрцбергера, хотя и не отмежевался полностью от мальчиков, расстрелявших Ратенау.

Впрочем, судебные решения в данном случае не имели никакого значения; все интуитивно чувствовали, что «мальчики» были *manus longus* немецкой праворадикальной реакции: Эрцбергер, Ратенау и многие другие были всего лишь побочными жертвами ужасающей братоубийственной вражды, устроенной британцами, загнавшими династический рейх в прокрустово ложе бутафорской республики. Именно Британия заставила Германию играть в парламентскую игру, ожидая, когда реакция попытается в надлежащее время взять реванш. Эти смерти, как и другие бесчисленные катастрофы, поражавшие Германию в период между двумя войнами, были следствием этого извращенного плана.

Писатель Эрнст Юнгер, растягивая на свой нижнесаксонский манер гласные, спросил фон Саломона: «Почему у вас не хватило мужества признаться в том, что вы убили Ратенау только за то, что он еврей?» Фон Саломон ответил: «Потому что его убили не за это» (120).

Гитлер, однако, не одобрял террористическую тактику «отверженных». «Смехотворно и нелогично убивать какого-то отдельно взятого человека,— говорил он о политических убийствах,— когда рядом сидит и спокойно облизывается собака, на совести которой два миллиона убитых. [Нам же нужно] сто тысяч борцов за наш образ жизни» (121).

Рапалльский договор стал лишь формальной ратификацией союза, зарождение которого можно отнести к концу двадцатого года, когда представители главы *Truppenamt** генерала фон Секта завязали контакты с Троцким, Радеком и командирами Красной Армии, закладывая основы перевооружения обеих стран (122). Еще в январе 1920 года, то есть до Капповского путча, Сект «считал будущее политическое и экономическое соглашение с Советской Россией «стратегической целью» нашей политики», хотя в то же время неоднократно заявлял: «Мы готовы стать неприступным валом на пути распространения большевизма» (123). Надуманным предлогом учреждения нового альянса служило стремление уничтожить Польшу, общего врага России и Германии, но в действительности в тот момент Польшу оставили в покое, а военное сотрудничество неуклонно набирало силу. Поддержанные с 1921 года русским поверенным в Берлине Вигдором Коппом, одобренные Троцким и разведками Британии, Франции и Польши организация на российской территории центров подготовки офицеров, строительство заводов по производству боевых отравляющих веществ, самолетов и танков и обмен офицерскими делегациями в обоих направлениях протекали в целом весьма гладко (124). С этой же целью генерал Курт фон Шлейхер создал в министерстве обороны «особый отдел R», который в 1922 году отпра-

* «Военное ведомство» — эвфемизм, обозначавший генеральный штаб, иметь который Германии было запрещено соответствующими статьями Версальского договора.

вил в Россию на переподготовку первую группу офицеров... Группа русских офицеров — среди которых был и будущий начальник генерального штаба Красной Армии Тухачевский — приехала в Берлин, чтобы познакомиться с методами, которыми пользовался «Трупенамт» для подготовки будущих офицеров (125). Другие военные заводы строились в Турции, Швеции, Нидерландах и Швейцарии (126).

Телеграфные провода раскалялись от сообщений о продаже немецкого оружия России и о германских офицерах, служивших в российской армии... Форин Офис обратил внимание на нарушение 170-й и 179-й статей Версальского договора*, но ничего не произошло. Британское внешнеполитическое ведомство никак не отреагировало на поступавшую информацию. В ответе на парламентский запрос по поводу русско-германских переговоров Керзон уклонился от ответа, заявив, что правительство Его Величества не получало официальной информации о таких переговорах (127).

Значит, если Германия должна была вооружиться, то она с необходимостью должна была сделать это в «приличной» манере, а именно прикрыв этот процесс пактом изгоев, то есть заключив договор с Советами, которые, в свою очередь, с самого начала выступали в двух ложных ролях — врагов капиталистического Запада и друзей Германии. Что же касается Франции, то Британия не позволяла ей играть какие-либо роли, кроме роли вечной колючки в боку Германии.

С генералом Сектом (он ушел в отставку в 1926 году) и без него, так же как и без Ратенау, так называемые *Abmachungen* — «специальные операции» рейхсвера в России — продолжались до марта 1935 года, когда Гитлер объявил недействительным Версальский договор (128).

Действительно, единственным стабильным учреждением Веймарской республики было ведомое Гесслером министерство обороны, связующее звено между правительством и армией. В своем министерском седле Гесслер пережил 13 правительственных

* Статья 170 запрещала Германии производство, импорт и экспорт «военных материалов», а статья 179 запрещала создание в Германии зарубежных военных миссий и обмен военными представителями и делегациями.

кабинетов — с 1920-го по 1928 год. Такая устойчивость говорит о стабильном положении рейхсвера как «государства в государстве», положении, обеспеченном специальным бюджетом, неподконтрольном рейхстагу. Этот бюджет был распылен по тысячам секретных фондов, проследить движение средств в которых было не под силу даже самым искусственным парламентариям.

С 1920 года Германская республика постоянно имела два кабинета: правительство, состоявшее из рейхсканцлера и его министров, и правительство генералов. Когда возникали конфликты и противоречия, выигрывала всегда армия. Все это называлось «германской демократией» (129).

Чистилище 1923 года: гиперинфляция

Коллапс германской валюты зимой 1923 года — самая впечатляющая экономическая катастрофа двадцатого века. Великая германская инфляция знаменовала конец первого периода существования Веймарской республики — период хаоса. Значение инфляции огромно, ибо именно она выдвинула нацистов на первые строки в международных политических новостях. Этот эпизод в экономической истории Германии наглядно иллюстрирует тот факт, что финансовые потрясения могут порождать курс политического развития. Нет никакого основания утверждать, что творцы Версальского договора имели целью спровоцировать нацистский переворот, организовав невиданный финансовый оползень. Но остается обвинение в том, что британцы сознательно и преднамеренно воздержались на переговорах в Версале от секвестрации сертификатов военного займа у богатых подписчиков, в руках которых находилась основная масса облигаций. Теперь же, когда победители Первой мировой войны обязали Германию к выплате огромных сумм в иностранной валюте, сумм, чей мыльный пузырь вдвое превышал доходы страны, как-то трудно было поверить, что державы-победительницы не отдавали себе отчет в том, что у такого решения будет очень сильная отдача. Следовательно, особенно если мы учтем глубочайшую компетенцию британских правителей в финансовых вопросах, мы можем уверенно допустить, что

Лондон прекрасно представлял себе, какое экономическое потрясение ожидало Германию в самом ближайшем будущем. Чего Британия, скорее всего, ожидала получить,— это «очищения» германских счетов: поскольку такая безудержная инфляция неизбежно приводила к аннулированию всякого государственного долга, союзники, вероятно, своей политикой рассчитывали превратить Германию в *tabula rasa* для массивных иностранных финансовых вливаний, каковые действительно были организованы в Лондоне на американские деньги в 1924 году (см. главу 4). В дополнение к этим немедленным и решающим результатам и последствиям можно было также ожидать, что уничтожение государственной валюты приведет к великой дестабилизации нации, и в пароксизме растворения немецкой валюты (ноябрь 1923 года) нацистское движение наконец прорывается на авансцену. Нацисты попытались, правда неудачно, устроить скорый переворот в Мюнхене, в котором даже участвовали бывшие кап-повцы. Но самое главное, что происшедшее экономическое потрясение представило широкой публике «одаренного», «сумасбродного», «бесноватого» барабанщика движения — тридцатичетырехлетнего фюрера (вождя) Адольфа Гитлера.

Вот как изменялся курс бумажной марки по отношению к американскому доллару, согласно официальной статистике рейхсбанка и данным Берлинской биржи, с 1918-го по 1923 год (табл. 3.1) (130).

Таблица 3.1

Курс обмена бумажной марки на американский доллар, 1918–1923 годы

	Курс обмена
1 октября 1918 года	4,00
1 октября 1919 года	31,28
1 марта 1920 года	100,00
1 июня 1920 года	44,87
2 января 1921 года	74,40
1 июля 1921 года	75,00
2 января 1922 года	186,75
1 июля 1922 года	401,49
2 января 1923 года	7260,00
1 июля 1923 года	160 000,00

<i>Продолжение</i>	
	Курс обмена
1 августа 1923 года	1 100 000,00
4 сентября 1923 года	13 000 000,00
1 октября 1923 года	242 000 000,00
1 ноября 1923 года	130 000 000 000,00
30 ноября 1923 года	4 200 000 000 000 000,00

За этот период времени состояние германской валюты претерпело четыре фазы изменений (131). В 1919 году, на фоне снятия блокады, когда импорт товаров первой необходимости намного превосходил экспорт, правительство, опираясь на девальвацию валюты, стимулировало международную торговлю. Благоприятную роль сыграли также инвестиции иностранных банков, и с июля по ноябрь 1920 года марка короткое время пребывала в «добром здравии»: безработица сократилась практически до нуля, а внутренняя и внешняя торговля оживилась (вторая фаза). Затем, с мая по ноябрь 1921 года (третья фаза), когда лондонская схема выплаты репараций больно ударила по веймарским запасам иностранной валюты, выявился искусственный характер подъема экономики 1920 года. Люди стали избавляться от марок: иными словами, обыватели начали сбывать с рук марку либо продавая ее на обменных биржах, либо вкладывая в покупку долговременных ценностей (Sachwerte). С конца 1921 года и особенно после убийства Ратенау (июнь 1922 года) и до конца 1923 года Германия находилась в тисках гиперинфляции — в режиме постоянного и неуклонного обесценивания денег, причем ежемесячный рост цен превышал 50 процентов (132).

Отчаявшись дожидаться отказа Америки от «вето» на списание межсоюзнических долгов, Франция, в приступе ярости намного превосшедшей всякие ожидания британцев, решила на импровизацию: 9 января 1923 года она обвинила Германию в нарушении обязательств. Два дня спустя 17 000 французских и бельгийских солдат в сопровождении группы горных инженеров вступили в Рур — угольный бассейн и индустриальное сердце Западной Германии, — для того чтобы взять под контроль добычу и отгрузку угля, что, согласно букве Версальского дого-

вора, входило в компетенцию Франции и Бельгии. Надеясь на непримиримость некоторых конгрессменов со Среднего Запада, стоявших за американским вето на прощение долгов, один британский журналист едко заметил: «Разгадку тайны Рура следует искать в долине Миссисипи» (133).

Публично Британия осудила вторжение, но не шевельнула и пальцем, чтобы ему воспрепятствовать. Оккупированная область не превышала 60 миль в длину и 30 — в ширину, но на этой территории проживали 10 процентов населения Германии и производилось 80 процентов немецкого угля, чугуна и стали; в этом районе была самая густая железнодорожная сеть в мире (134).

Политика «исполнения» умерла вместе с Ратенау; кабинет Вирта пал в ноябре 1922 года, и ему на смену пришло первое однородное «капиталистическое правительство» (135), возглавляемое директором крупной судовой компании Вильгельмом Куно. Когда французы вторглись в Рур, Куно провозгласил новый курс Веймарской республики, названный им «пассивным сопротивлением»: прозвучал призыв не подчиняться незаконным требованиям союзников. Французы применяли силу, провоцировали и принуждали. Для помощи бастующим шахтерам правительство начало выпуск специальных денег. В 1923 году одно яйцо стоило уже 8 миллионов марок, а людей стали хоронить не в деревянных гробах, а в картонных мешках (136). Безработица утроилась, свирепствовал разгул проституции, плохое питание в трущобах приводило к врожденным уродствам; согласно скрупулезной государственной статистике дети рабочего класса находились в жалком и плачевном состоянии. Националисты возгорались. Впервые с 1919 года народ сплотился вокруг республики, несмотря на то что Гитлер и его нацисты призывали бойкотировать всеобщую забастовку. «Наш главный враг сейчас — Веймар, — кипятился Гитлер, — а не Франция!» Как бы то ни было, бесчисленные акты саботажа, осуществляемого разрозненными группками отчаявшихся патриотов — 400 из них были казнены, 300 человек самими немцами, — едва ли нанесли ущерб французским реквизициям: сами рурские промышленники, боясь потерять контроль над рынком, гарантировали поставки угля. На рассвете рабочие поднимались и шли в шахты добывать уголь; добычу сваливали в огромные курганы, которые в сумерках увозили во Францию.

Такая вот политика «пассивного сопротивления», которая наряду с полным коллапсом марки в конце 1923 года ознаменовалась катастрофическим крахом кабинета Куно и окончанием судорожной преамбулы Веймарской республики (137).

Как могло случиться, что доллар к ноябрю 1923 года стал стоить 4,2 триллиона марок? С тех пор были выдвинуты два объяснения этому факту: обвинительное и оправдательное. Англо-американский обвинительный тезис вкратце сводился к тому, что немцы решили мошенническим путем уклониться от репараций, безудержно печатая бумажные деньги; согласно же немецкому оправдательному тезису, репарационный гнет, наложенный Версальским договором, вынудил власти рейха всеми доступными способами изыскивать иностранную валюту, купить которую можно было только за счет истощения запасов драгоценных металлов и прогрессирующего удешевления марки. Утечка рейхсмарки за границу, утверждали немцы, удорожает импорт и, следовательно, приводит к повышению цен: повсеместный рост цен давит на заработную плату и оклады и вынуждает правительство приспособляться к ситуации, стимулируя краткосрочные кредиты под высокие проценты, что требовало еще большего увеличения массы платежных средств. Выражаясь словами управляющего рейхсбанком Хафенштейна:

Фундаментальная причина заключается в безудержном росте текущего (краткосрочного) долга и его превращение в средство платежа за счет дисконтирования казначейских и банковских билетов. Причина такого роста коренится, с одной стороны, в непомерном бремени репараций и в отсутствии достаточных источников дохода для формирования сбалансированного государственного бюджета — с другой... Рейх должен каким-то образом существовать, и реальный отказ от дисконтирования и удешевления валюты перед лицом задач, поставленных бюджетом... неизбежно привел бы к хаосу (138).

Британский тезис, если рассмотреть его более подробно, приписывал каждый взлет внутренних цен и падение марки на мировых рынках раздутым краткосрочным заимствованиям государства, которые, согласно опубликованным отчетам, действительно стремительно росли за трехлетний период с 1920-го

по 1923 год. То, что общество не желало одалживать государству, последнее получало из Центрального банка, который «дисконтировал», то есть авансировал наличность, обеспеченную казначейскими билетами: каждое такое авансирование соответствовало впрыскиванию ликвидности в экономику. Каждый раз, когда банк покупал правительственные облигации, он «трансформировал» эти облигации в «деньги»: отчасти в виде чеков, отчасти же в виде наличности — банковских билетов и звонкой монеты, которые государство же печатало и чеканило по заказу все того же Центрального банка. До середины 1922 года общество и рейхсбанк покрывали по половине расходов рейха.

Вот как британский посол в Берлине лорд д'Эбернон описывал политику рейхсбанка:

[Управляющий рейхсбанком] Хафенштейн... хотя он честен и прям, отличается невежеством и упрямством... Хафенштейн, очевидно, считает, что падение германской валюты никак не связано с гигантским ростом массы бумажных денег, и приводит в действие печатный станок, не сознавая катастрофические последствия таких действий (139).

Несмотря на то состояние неопределенности, какое до сих пор характеризует дебаты по вопросу германской гиперинфляции, представляется, что верх одержал британский тезис, который со временем стал общепризнанной догмой: действительно, он прост, правдоподобен, самоуверен и, вопреки мнению д'Эбернона, насквозь фальшив, в то время как аргументы немцев постыдно уклончивы и правдивы лишь наполовину.

Достояние Германии в 1913 году оценивалось в 300 миллиардов марок (140). Приблизительно треть этого достояния было впустую растрачено во время войны, что в 1919 году поставило Эрцбергера перед невероятно тяжелой задачей сбора налогов, особенно путем обложения капитала, для того чтобы возместить принадлежавшие государству 98 миллиардов марок военного займа,— Эрцбергер потерпел неудачу и заплатил за эту попытку жизнью.

Однако эта же попытка породила фундаментальную реакцию, которая вопиющим образом осталась не замеченной германской

статистикой и обширной литературой, посвященной этому вопросу, — бегство капитала. В отсутствие надежных цифр многие «ученые» (141) поспешили преуменьшить значение этой эскапады капитала сквозь «западную дыру» (das Loch im Westen), то есть через услужливые банки, предоставившие каналы для экспорта капитала из Германии на западные рынки. Нет, однако, никаких оснований считать ложным предположение о том, что после 1919 года перевод германского богатства за границу был огромным. В 1923 году газета «Нью-Йорк таймс» попыталась оценить размер германских вкладов в банках США и пришла к цифре приблизительно в 2 миллиарда долларов (142), что соответствует приблизительно четверти ВВП Германии в 1923 году, — и это касается только Соединенных Штатов (143). Однако самым крупным реципиентом германских капиталов все это время была Голландия, хотя дополнительными хранилищами сбежавших из Германии денег были также банки Швейцарии, Норвегии, Швеции, Дании и Испании. Крупнейшие стальные и прочие промышленные магнаты буквально демонтировали свои предприятия на родине и перевозили их за границу. Из Голландии восстановленные там корпорации путем слияния приобретали в Германии обанкротившиеся концерны, которые использовались для сокрытия доходных зарубежных предприятий, — эти дочерние германские предприятия обеспечивали владевшие ими компании с штаб-квартирами в Голландии необходимыми суммами в германских бумажных марках, что позволяло занижать истинную стоимость товаров и обманывать германские фискальные органы, а в это же время материнская фирма накапливала дорогую иностранную валюту, полученную от продажи продукции на мировом рынке (144).

После 1923 года голландская экономика пережила невиданно бурный рост. Исчез хронический дефицит торгового баланса... С 1920-го по 1929 год перевалка товаров через голландские порты, то есть транзитная торговля с удаленными от моря германскими предприятиями, росла головокружительными темпами — 16 процентов в год... Голландская экономика никогда прежде не знала такого бурного процветания, такие темпы роста остались непревзойденными даже во время бума пятидесятых и шестидесятых годов (145).

Долг платежом красен. Голландия выразила свою благодарность двадцать лет спустя: в первые месяцы Второй мировой войны, когда еще продолжалась битва за Францию, голландские военные заводы уже начали размещать немецкие заказы, а железные дороги были переданы в распоряжение германских властей — теперь эшелоны из Германии могли доходить до самой французской границы (146).

Крупные вотчины промышленных магнатов Германии редко попадали в сети германских фискальных органов, каждый раз все заканчивалось сбором (обесцененных) денег, по большей части со среднего класса: финансовый крестовый поход Эрцбергера, рухнувший под бременем инфляции, сыграл роль бумеранга, больнее всего ударив тех, кого был призван защитить. К 1921 году правые заблокировали в рейхстаге все законопроекты, направленные на конфискацию денег у крупных инвесторов (147).

Итак, бегство капиталов, как было упомянуто выше, было в полном разгаре уже в конце 1919 года; какую именно долю германского достояния праздный класс сумел отложить в иностранных банках, неизвестно. Трансферт таких крупных платежей в марках и их последующий обмен на другие валюты оказывал огромное давление на обменную стоимость марки и на государственный бюджет Германии, которая таким образом лишалась своей налоговой базы.

Опровергая британский тезис, защитники немецкого объяснения неоднократно и вполне оправданно указывали на данные государственной немецкой статистики, которая обнаруживала, что (1) государственный долг возрастал по мере регресса инфляции, и наоборот (при отсутствии, правда, отчетливой систематической корреляции); (2) что падение обменной стоимости марки всегда было круче скорости увеличения объема массы обращающихся бумажных денег (148) и (3) что так называемое внешнее ухудшение положения марки всегда предшествовало росту цен на внутреннем рынке, то есть «внутреннему» ухудшению положения марки (149); то есть только после того, как марка теряла стоимость за границей, происходил рост цен в самой Германии, что и дало повод Хафенштейну обвинить репарационные платежи в таком обесценивании германской валюты и в его катастрофических последствиях. Однако внешнее

обесценивание было в действительности обусловлено бегством капитала и только во вторую очередь — требованиями Версальского договора.

Тот факт, что в 1920 году падение марки было не столь драматичным, каким оно должно было быть благодаря бегству капитала, обусловлен противодействием иностранного капитала, который всерьез начал поступать в Германию в 1920 году. В период между 1919 и 1921 годом иностранцы приобрели более 40 процентов немецкой ликвидности (то есть средств в виде наличности и банковских чеков). Интерес иностранцев был чисто спекулятивным: стоило только Германии разочаровать прожорливые устремления и предвкушения инвесторов, как началась бы свалка за реализацию ликвидности (150). Таким образом, то, что германский праздный класс выкачивал из страны, отчасти и временно возвращалось с деньгами богатых «туристов» — британских, американских и французских — во время их беспорядочных набегов, причем эти туристы, платя свои «сильные» валюты, охотились за «дешевыми, как грязь» немецкими собственностью, товарами и услугами.

Немецкий тезис давал половинчатое и неполное объяснение происшедшего феномена: помимо оправдания бегства капитала, оно ни словом не обмолвилось о той сердцевине, вокруг которой образовался нараставший снежный ком гиперинфляции.

Вполне естественно утверждать, что первопричина краха и расплавления германской экономики заключалась в военном займе (151). Вот какую запись сделал в своем дневнике британский пресс-атташе лорд Ридделл во время своего пребывания в Версале:

Мы говорили о компенсациях и контрибуциях. [Ллойд Джордж] зачитал мне меморандум с предложением конфискации германского военного займа, что принесло бы союзникам восемь миллионов фунтов. Я сказал: «Это смехотворная схема. Она порождает целую проблему». Ллойд Джордж: «Да, это очень претенциозное и глупое предложение» (152).

Совсем непонятно, почему Ллойд Джордж должен был считать конфискацию германского военного займа «претенциозным и глупым предложением». Верной была бы абсолютно противо-

положительная оценка: такая конфискация не «порождала бы проблему», но позволила бы ее решить при условии, что «проблема» состояла бы в том, как взыскать с Германии средства, на которые можно было бы восстановить опустошенные области*. Следовательно, единственным объяснением такой поразительной «небрежности» со стороны британцев можно считать их намерение заложить в этом вопросе бомбу замедленного действия. Конечной целью, как уже было сказано выше, было очищение рейха от военного долга и помочь Германии иностранными инвестициями во второй половине двадцатых годов (см. следующую главу).

Простые соотношения позволяют сделать интересное наблюдение: между 1919 и 1920 годом деньги, выделенные для выплаты процентов по военному займу и по обеспечению (наличностью) сертификатов, не возобновленных подписчиками, достигли в сумме 30 процентов от общих расходов рейха; то есть, иными словами, эта сумма эквивалентна 60 процентам всех денег (наличными и в чеках), созданных в Германии за указанный двухлетний период (153).

Действительно, помимо того, что богатые немцы переводили богатства страны за рубеж, они — за период с 1920-го по начало 1922 года — также получили наличные деньги за свои сертификаты военного займа, то есть 50 процентов суммы займа было возмещено государством. Другая половина оставалась на руках мелких инвесторов, которые держались за свои сертификаты до конца, до того момента, когда они вконец обесценились.

Выплата процентов по краткосрочным и долгосрочным государственным облигациям плюс погашение наличными деньгами сертификатов военного займа привели к выбросу на рынок большого объема денежных знаков, не имевших физического обеспечения; это был чистый «воздух», чистая инфляция.

* Это можно было сделать, конфисковав военный заем, заморозив основную капитал, уменьшив ежегодные платежи по процентам и растянув уменьшенную таким образом выплату на два-три десятилетия, разрешив при этом Германии в любой момент равной выплатой освободиться от долга. Но в свете той игры, которую начала Британия, игры, целью которой было обнищание простых людей и усиление германской элиты, такие соображения были лишь побочными.

Общество распоряжалось этой вброшенной на рынок ликвидностью двумя способами. Либо эти деньги превращали в твердую иностранную валюту и ценные товары, что еще больше обесценивало марку. Либо — альтернативно или одновременно с первым способом — эти средства вкладывали в краткосрочные государственные ценные бумаги, которые до конца 1921 года считались «надежными», — нет нужды повторять, что такой оборот приводил лишь к накоплению процентов на счетах государства.

Именно по этому второму каналу произошло массовое смещение ликвидности в конце 1922 года. В 1920 году иностранцы еще покупали краткосрочные казначейские облигации рейха, что на короткий срок отодвинуло окончательный крах. Однако падение марки стало уже необратимым: после убийства Ратенау и французского вторжения в Рур началось массовое обналичивание ценных бумаг, что, в свою очередь, привело к лихорадочному выпуску банкнот к концу 1923 года, когда государство, бесильное устоять перед необходимостью массового погашения облигаций, на полную мощность включило даже провинциальные печатные станки. Такова была суть расплавления и краха: повсеместное и полное превращение правительственных облигаций в бумажные деньги.

Хафенштейн отнюдь не «разыгрывал из себя невинную жертву», когда публично жаловался, что у него «связаны руки». «Количество ежегодно выпускаемых банкнот... зависело исключительно (впрочем, так же как и сегодня) от количества казначейских билетов, которое общество было готово обновить, приобрести или, наоборот, не приобрести» (154). В 1941 году в частной беседе Гитлер так подытожил оборотную сторону инфляционной динамики — которой, невзирая ни на что, он и был обязан своим великолепным дебютом на политической сцене:

Инфляцию можно было преодолеть. Решающим здесь был вопрос о военном займе: другими словами, выплата ежегодно 10 миллиардов по процентам при долге 166 миллиардов... Для того чтобы выплачивать проценты, людей вынуждали с завязанными глазами идти по бревнышку с бумажными деньгами в руках — отсюда и произошло падение курса валюты. Справедливо было бы отложить выплату процентов по

долгам... Я бы вынудил лиц, нажившихся на войне, заплатить звонкой государственной монетой за различные ценные бумаги, которые я бы заморозил на двадцать, тридцать или сорок лет... Инфляция возникла не из-за обращения не обеспеченных золотом денег. Инфляция начинается тогда, когда покупателя вынуждают платить за какую-то вещь больше, чем он платил за нее вчера (155).

Итак, логическая последовательность событий такова: (1) для того чтобы выплачивать проценты по огромному военному займу, государство приказало рейхсбанку выбросить в обращение огромное количество наличных и безналичных денег, что вызвало неуклонный рост цен; (2) когда богачи поняли, что инфляция начинает подтачивать их состояния, и испугались драконовских налогов, введенных Эрцбергером, они начали продавать свои военные сертификаты и переводить капиталы за границу; (3) переведенный в марках за границу капитал превращали там в доллары, гульденy, фунты и франки: это привело к резкому падению марки относительно перечисленных валют («внешнее обесценивание»); (4) недостаточный сбор налогов внутри страны вынудил рейх прибегнуть к краткосрочным заимствованиям: правительство напечатало множество облигаций, половина которых до 1922 года была превращена в наличные деньги рейхсбанком, а половина приобретена частными лицами в качестве сбережений; (5) для того чтобы выплачивать репарации, Германия покупала иностранную валюту, расходуя марки под залог золота, что еще больше ослабляло марку по отношению к другим валютам; (6) это усиление внешнего обесценивания повысило импортные цены, что, в свою очередь, привело к удорожанию жизни, цены по-прежнему продолжали лететь вверх; (7) рейх все больше и больше погружался в трясину долга, но в течение приблизительно двух лет (1920–1922 годы) покупка иностранцами и немецкими гражданами правительственных ценных бумаг и облигаций препятствовала переходу инфляции в тотальный финансовый крах и расплавление всей финансовой системы; (8) после французского вторжения в Рур в начале 1923 года окончательный отказ от плавающего долга не оставил государству и рейхсбанку иного выбора — пришлось полностью, марка в марку, оплатить на-

личными все сертификаты, которые инвесторы — внутренние и зарубежные — не желали больше возобновлять; с этого момента начинается выпуск новых ценных бумаг, эмиссию которых рейх был вынужден произвести, чтобы оплачивать государственные расходы. Эти ценные бумаги обеспечивались исключительно Центральным банком: он принял все облигации и превратил их в (ничего не стоящие) банкноты — соответственно, марка окончательно рухнула.

В ходе этого обвала рейхсбанк потерял половину своего золотого запаса, а управляющий банком Хафенштейн в ноябре 1923 года умер от сердечного приступа. Крестьяне придерживали зерно, дожидаясь повышения цен, а люди в городах голодали; пролетариям терять было нечего, а праздные собственники, состояния которых находились в надежных местах за границей, чувствовали себя лучше, чем в конце войны. Однако мелкая буржуазия (*das Kleinbürgertum*), представители которой жили на некий фиксированный доход, была практически сметена с лица земли. Гиперинфляция уничтожила накопления среднего класса: в середине двадцатых годов этот обнищавший слой населения начал массами вливаться в ряды нацистов.

Веймарская гиперинфляция — это история иностранного заговора и внутреннего предательства; отсюда нечестность британского тезиса и прискорбная неполнота германской апологии: в противоположность основному тезису германской защиты мы можем утверждать, что не репарации обусловили германский финансовый крах, они лишь ускорили его наступление. За период с 1919-го по 1922 год Германия уплатила в качестве репараций около 10 процентов своего дохода (156), это было единственное, что Германия вообще уплатила союзникам вплоть до прихода к власти Гитлера (157).

В «клетке» Веймарской республики германская элита истерзала марку, экспортировав в надежно защищенные от немецкого фискального ведомства места неучтенную, но весьма значимую часть германского государственного достояния. Рейх был вынужден, в качестве паллиативной меры осуществить массивный «плавающий» заем, который к 1923 году был погашен морем ничего не стоящих бумажек. Именно представители германского паразитирующего класса, которые нанесли Германии удар в спину и буквально подтолкнули возмущен-

ный средний класс в силки, расставленные нацистами, любили рассуждать о достоинствах радикализации. Все это в точности соответствовало предвидениям Веблена, который злоеще предсказывал, что репарации «спровоцируют радикализм в Германии».

В конце, когда рейх был «очищен» от военного займа, весь военный долг Германии, составлявший треть всего богатства страны в ее лучшие имперские времена, в ноябре 1923 года номинально стоил один доллар двадцать три цента.

Теперь, когда Германия оказалась очищенной от своих имперских долгов, Америка внезапно изъявила желание вновь появиться на европейских берегах, чтобы непосредственно вмешаться в реконструкцию и восстановление денежной системы своего вчерашнего врага: Веймар стоял на пороге своей «золотой» пятилетки (1924–1929 годы).

Первый натиск нацистских фундаменталистов

Именно в тот момент, когда марка почти достигла дна своего падения, они наконец явились — нацисты. Вначале никто, кроме горстки баварцев, не проявлял интереса или осведомленности об этой группке раскольников. Казалось, что это еще одна команда буйных юнцов, желавших вернуть славные довоенные времена. Но нацисты — со временем немцам предстояло это узнать — образовали движение, полностью чуждое всеобщей патриотической ностальгии. Движение это с самого начала оказывало беспощадное сопротивление Веймарской республике. В то время как большинство ветеранских и националистических ассоциаций трепетно преклонялись перед эмблемами, заимствованными из недавнего имперского прошлого — орлами, крестами и черно-бело-красными прусскими знаменами, — эмблемой нацистов была одна только свастика; было такое впечатление, что гитлеровцы оседлали германский национализм как своего рода троянского коня, чтобы втащить чуждое мировоззрение, переведенное на общепринятый язык — на реакционные идиомы, доступные отчаявшемуся простому народу. Особая космология, символизируемая правовращающей свастикой, — тайное знание, скрываемое за плотно закрытыми дверями

ложи Туле*, – никогда не упоминалась, даже косвенно, в речах Гитлера и его последователей, оставаясь исключительной привилегией посвященных. В отличие от националистов старой гвардии, нацисты были религиозной сектой, закамуфлированной в наряд политической партии, НСДАП, и защищенной собственной милицией – штурмовыми отрядами (СА), позже усиленными преторианской когортой СС. С течением времени, однако, если не считать бросающегося в глаза сохранения эмблемы, нацисты стали вести себя подобно подавляющему большинству правых реакционеров: они вели свою политическую баталию с Веймарской республикой яростными инвективами, обструкционизмом, демагогическим подстрекательством и постоянными стычками с «пролетарскими батальонами», организованными и спаянными железной дисциплиной отрядами левых.

Что же касается СССР, каждое движение которого в отношении Германии вполне соответствовало британским планам и намерениям, то инфляционная катастрофа представила ему уникальную возможность политического подрыва влияния немецких правых: с одной стороны, ведь Советы помогали рейхсверу вооружаться (что было официально санкционировано Рапальским договором); а с другой стороны, целенаправленно провоцировали националистов. Как выяснилось позже из воспоминаний Кривицкого, одного из руководителей советской разведки, который отвечал за дестабилизацию положения в Германии, большевистские агенты, организованные в тайные ячейки, так называемые тройки, совершали акты террора, саботажа и насилия, призванные посеять страх в немецком обществе. Эти ячейки финансировались и готовились в Москве для того, чтобы «деморализовать рейхсвер и полицию [особенно] с помощью убийств и террористических актов» (158). Красный террор не должен был оказывать долговременного эффекта, он был направлен лишь на кратковременные потрясения и мелкие беспорядки, провоцируемые одураченными простофилями, – по большей части молодыми немецкими коммунистами – бессистемные и бесцельные насильственные действия: кабацкие и уличные потасовки, забастовки, акции устрашения и так далее. Именно эти, инспирированные Советами «восстания» служили питательной

* Глава 2, стр. 100–101.

средой для активистов правого крыла и нацистов. Казалось, что все соединились в своих усилиях помочь гитлеровцам: они могли рассчитывать на Лондон в его политическом и финансовом удушении германского народа и благодарить Москву за весь тот коммунистический ужас, который позволил им во весь рост выступить в качестве защитников фатерланда.

Поэтому едва ли кого-то могло потрясти зрелище возмужания и созревания гитлеризма, вступление его в пору политического юношества осенью 1923 года, когда Германию терзали забастовки, уличные столкновения и галолирующая инфляция. Во время франко-бельгийского вторжения в Рур Гитлер кричал со страниц нацистской газеты «Völkischer Beobachter»: «Пусть на нас обрушатся несчастья!» (159)

Дискредитированный гиперинфляцией кабинет Куно пал в августе 1923 года и был заменен буржуазным правительством Штреземана, в которое против желания многих снова вошли социал-демократические министры.

Благодаря возрастающей популярности нацистов 25 сентября Гитлер был провозглашен политическим главой Kampf Bund, «Боевого союза», объединившего под своей эгидой все правые силы Южной Германии. Но уже 26 сентября 1923 года баварское правительство, вставшее перед необходимостью противостоять возрождению социалистической политики и возвышению Гитлера в качестве реакционного популистского лидера, ввело чрезвычайное положение и передало диктаторские полномочия бывшему баварскому премьер-министру фон Кару*. В Берлине, в качестве сенсационной контрмеры, новый рейхсканцлер Штреземан передал всю полноту власти командующему армией генералу фон Секту. Командующий баварского рейхсвера генерал фон Лоссов решил не подчиниться своему прямому начальнику в Берлине фон Секту и предоставил свои армии в распоряжение мятежного фон Кара. Между Берлином и Мюнхеном возникла конфронтация, чреватая гражданской войной.

В октябре в двух землях (Саксонии и Тюрингии) к власти пришли коалиционные правительства, состоявшие из коммунистов и социал-демократов. Германские правые содрогнулись от ужаса.

* Фон Кар, который пришел к власти в связи с Капповским путчем, ушел в отставку в 1921 году.

Гитлер внимательно следил за трещиной, возникшей между баварскими националистами и берлинским центром. Гитлер понимал, что сконцентрированные в Мюнхене силы реакции готовы снова разыграть роялистский путч а-ля Капп: эта хунта армейских генералов и примкнувших к ним чиновников была готова захватить Мюнхен, восстановить на троне баварского короля, совершить марш против только что избранных в Саксонии и Тюрингии красных правительств, свергнуть их, а потом, собравшись с силами, отправиться на штурм Берлина. Если бы этот план был приведен в действие и осуществлен, то роялисты набрали бы такую силу, что сплотили бы под своими знаменами всех недовольных реакционеров, заглушив несколько самобытный голос нацистов.

Гитлеровцам надо было действовать немедленно, примкнуть к монархистским победителям и помешать им стать лидерами и организаторами грядущей «национальной революции». Для выступления Гитлер выбрал 9 ноября, годовщину революции, но, узнав, что фон Кар планирует собрать в большой пивной «Бюргербройкеллер» митинг 8 ноября, он перенес на этот день и свое выступление. Чтобы перехватить инициативу у роялистов, нацисты ворвались в пивной зал. Гитлер, перебив выступавшего фон Кара, вскочил на стол, выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в потолок. Он провозгласил начало национальной революции и был встречен овацией. Оказавшийся в безвыходном положении монархистский триумвират — Кар, Лоссов и начальник баварской полиции Зейсснер — выразили свою полную поддержку Гитлеру.

Но как только Гитлер и его незрелые «неоязычники» повернулись спиной к фон Кару, позволив тому уйти, он немедленно положил конец притязаниям нацистов, подписав с согласия армии, декрет о роспуске НСДАП. На следующее утро, узнав об этом предательстве, Гитлер и его бойцы, в сопровождении генерала Людендорфа, строем отважно направились в центр города. На Одеонплац их уже ждали полицейские, взявшие винтовки на прицел. Нацисты не остановились. Четырнадцать человек были убиты — первые мученики нацизма. Раненый спутник Гитлера, падая, сбил последнего с ног, и Гитлер ушиб плечо о мостовую.

Действительно, прошедшей ночью Бавария и Берлин подписали мир за спиной нацистов: для того чтобы умиротворить

мюнхенских роялистов, армия фон Секта отправилась из Берлина свергать левые правительства Саксонии и Тюрингии, в ответ на что баварцы отказались от планов мятежа. Пивной путч был подавлен до того, как начался. Вновь преимущество оказалось на стороне армии фон Секта: генерал был готов скорее видеть Германию пленницей Веймарской республики, нежели отдать ее «злым силам, порожденным сбитыми с толку массами и имеющим целью захват власти» (160).

Рецидивист генерал Людендорф, тоже принявший участие в путче, с ледяным спокойствием прошел сквозь пули, был задержан полицией, но вскоре отпущен. Гитлер был арестован: обвиненный в государственной измене, он превратил свою защитительную речь в завораживающий чревовещательный сеанс плача по судьбе нации. В своей защитительной речи Гитлер заявил: «Вы можете тысячу раз объявить нас виновными, но богиня, которая восседает на троне вечного суда истории... нас оправдает» (161). Он был приговорен к пятилетнему заключению в земельной тюрьме Ландсберг. Затем срок был сокращен до девяти месяцев. Наставник Гитлера Дитрих Эккарт, гуру ложи Туле, бывший одним из кукловодов путча, также был заключен под стражу; потрясение от ареста было слишком сильным. Спустя короткое время после освобождения он умер.

В Ландсберге, в соавторстве с верным Гессом, Гитлер сочинил «Mein Kampf» («Моя борьба»). Свойopus автор посвятил памяти своего хозяина, отошедшего в мир иной Дитриха Эккарта, «который отдал жизнь за пробуждение своего... народа» (162). Первый том был опубликован в июле 1925 года, второй — в декабре 1926-го.

«Майн Кампф» содержала взрывоопасную схему создания некоего подобия ацтекской империи на равнинах Центральной Азии. Как политическая программа, предписания которой Третий рейх должен был выполнять неукоснительно, представляла собой смесь гностицизма с соответствующим стратегическим приложением. Как можно понять из начальных разделов, религиозное рвение движения было вскормлено тайными знаниями общества Туле. Согласно этой причудливой космологии, «тело света», то есть германский народ как коллективный «народный дух», низвергнут во мрак материального, провозвестники кое-

го, как полагал автор, происходят из враждебного племени евреев. Спасением для немцев может быть только отделение — отделение от цепей материализма. Для немцев существование по необходимости означает борьбу — эти два понятия для них неразделимы (163). Миссионерский порыв сочетается с политическим императивом, так как большевизм и иудаизм слились в неразрывное целое. Враг — советский интернационал, подчиненный еврейским лидерам, — окопался в России.

«Германия, проснись!» — таков был последний стих строфы, переработанной Дитрихом Эккартом в 1922 году. Эту строку ученик Эккарта Альфред Розенберг, будущий расовый идеолог Третьего рейха, сделал девизом, начертанным под изображением свастики на красных штандартах нацизма (164):

Sturm, Sturm, Sturm!
 Läutet die Glocken von Turm zu Turm!..
 Judas erscheint, das Reich zu gewinnen,
 Läutet, daß blutig die Seile sich röten...
 Wehe dem Volk, das heute noch träumt,
 Deutschland erwache!

[Штурм, штурм, штурм!
 Пусть звонят колокола от башни к башне!..
 Иуда явился, чтобы покорить рейх.
 Так пусть веревки колоколом обгалятся кровью...
 Горе народу, что до сих пор спит,
 Германия, проснись!]

В главах IV, XIII и XIV «Майн Кампф» Гитлер подробно рассматривает геополитические воззрения нацистов. Перенаселение, излюбленное олигархическое словечко, которое вуалирует стремление к геноциду, является отправным пунктом гитлеровских рассуждений. Есть четыре способа, писал он, обуздать гипотетическое превышение размножения людей сверх пределов, за которыми становится невозможным поддержание их естественного существования: (1) искусственное снижение рождаемости, (2) внутренняя колонизация, то есть увеличение урожайности отечественных земельных угодий, (3) приобретение новых плодородных земель, (4) включение в мировую тор-

говлю, с тем чтобы импортировать жизненно необходимые продовольствие и товары.

Ограничивать рождаемость, полемизировал Гитлер, означало всеми силами воспитывать тех, кто родился, а значит, всех тех больных и нездоровых детей, которые только ослабят «становой хребет» расы. Внутренняя колонизация представляла собой, по сути, отсрочку в решении проблемы, причем отсрочка катастрофическая, так как предоставляет соперничающим расам решающее территориальное преимущество в борьбе за выживание. Приобретение протекторатов и колониальные игры с Британией, которыми по глупости занимался Второй рейх, явило всему миру свои разрушительные последствия. Следовательно, заключает фюрер, единственная возможная альтернатива — это завоевание территории.

Где?

Если мы желаем осуществить территориальные приобретения в Европе, то сможем сделать это только за счет России... При проведении такой политики у нас может быть только один союзник — Англия... Нет таких жертв, которые не стоило бы принести ради желания Англии заключить такой союз... Абсолютно ясно, что существует только одна ориентация, способная привести к поставленной цели, — отказ от мировой торговли и колоний... Все инструменты власти государства должны быть сосредоточены на создании сухопутной армии (165).

Таков был синтез и квинтэссенция внешней политики нацизма: не больше и не меньше, чем изъятие страстного восхищения Британией, перед фольклором и традициями которой Гитлер преклонялся (166) и союза с которой он желал больше всего на свете; страсть к Британии и обещанная кровавая бойня на Востоке ради создания нацистской империи *Neugenvolk* — расы господ.

Невнимательное отношение к откровениям Макиндера тем более удивительно, что Гитлера, за период его заключения в Ландсберге, несколько раз посещал очень опытный стратег, сам основатель немецкой школы *Geopolitik*, генерал Карл Хаусхофер, очень хорошо знакомый с данной темой. Если исто-

ки гитлеровского антисемитизма, как легко установить, навеяны Эккартом, то источник формирования геополитических взглядов Гитлера представляется более туманным. Речи Гитлера в 1920 году оставляли мало место для пассажей, характерных для его более поздней зрелой риторики, в которой он уделял основное место перенаселению и выпячивал идею Lebensraum — «жизненного пространства». На самом деле в августе 1920 года в «наброске одной из своих речей он писал о «братстве с Востоком (Verbrüderung nach Osten)» (167), что говорит о расплывчатости политических взглядов Адольфа Гитлера в начале его карьеры. Однако уже к 1922 году Гитлер становится глух ко всяким расчетам на евразийскую гармонию; консервативный идеолог Мёллер ван ден Брук, страстно желавший стать свидетелем слияния Запада с «великой гуманистической поэзией Востока» (168), встретился с нацистским вождем и вовлек его в долгую дискуссию, в конце которой он признался одному своему другу: «Этот парень ничего не понимает» (169). Эрнст Ганфштенгль, изощренный торговец произведениями искусства и один из первых крупных меценатов неотесанного ефрейтора, вспоминал, как в начале 1923 года Гитлер повторял свой излюбленный тезис: «Главное, чего следует добиться в будущей войне,— это полного контроля над зерновыми и продовольственными поставками из Западной России» (170). Ганфштенгль приписал эту антиславянскую направленность Гитлера влиянию Альфреда Розенберга, который действительно воображал полную перекройку карты Евразии и ее подчинение совместному управлению Германии и ее нордических компаньонов — прибалтийцев, скандинавов и британцев (171).

Эту точку зрения оспаривали (172), но нет никаких причин сомневаться в том, что Гитлер оттачивал свои геополитические взгляды под влиянием таинственного Хаусхофера, который, между прочим, преподавал геополитику Рудольфу Гессу в бытность того в Мюнхенском университете. Помимо этого, Хаусхофер был посвящен во многие тайны Востока. Хотя верно то, что Хаусхофер в своих объемистых научных сочинениях не высказывался за радикальное противостояние с Советской Россией, он тем не менее оставлял открытой альтернативу между «паназитатским движением Советов» и «пантихоокеанским альянсом англоамериканцев», с одной стороны (173), и одобрением актив-

ного геополитического партнерства с Британией — с другой (174). Такая позиция в действительности не оставляла выбора; она слишком хорошо совпадала с действиями более поздней нацистской дипломатии, собиравшейся подписать перемирие с Россией только затем, чтобы позднее уничтожить ее с помощью (как надеялись нацисты) Британии*.

В заключительной части книги геополитические цели Третьего рейха раскрываются со всей возможной полнотой. «Цель немецкой внешней политики,— вещал Гитлер,— заключается в подготовке повторного завоевания свободы на будущее» (175). Британия действительно претендует на роль мирового гегемона, но у нее нет никакого интереса в том, добавлял Гитлер, чтобы «полностью стереть Германию с лица земли», что привело к «господству Франции на континенте». Следовательно, делает вывод Гитлер, поскольку (1) «стремлением Британии было и остается недопущение усиления могущества континентальной державы», (2) «французская дипломатия всегда будет противодействовать искусству британского правящего класса» и (3) «неумолимым смертельным врагом германского народа была и остается Франция», постольку верно самое первое утверждение: приоритетом Германии является союз с Британией (176). Первое из этих утверждений не учитывает, что оно в первую очередь может быть приложено к самой Германии и является повторением ложной надежды на то, что Британию удастся привлечь такой дешевой приманкой, как гипотетическая враждебность Франции, тогда как на деле Британской империи самой судьбой было предписано всеми силами противиться евразийскому объятию. Никакие задабривания не смогли бы заставить Британию изменить такое понимание условия сохранения своего господства.

Во время Первой мировой войны, признавал Гитлер, «нам следовало опереться на Россию и обратиться против Британии». Но «сегодня условия изменились» (172). Сегодня «сама судьба,— настаивал фюрер,— подает нам желанный сигнал». Судьба отдала Россию во власть большевиков. Германия начнет наступление на Восток, так как именно с Востока нависает истинный, исконный враг. Для того чтобы рассеять возможные

* См. главу 5.

сомнения своих британских читателей, Гитлер на минуту допускает последствия германского альянса с Россией: если бы такой альянс состоялся, утверждал Гитлер, «Франция и Британия обрушились бы на Германию со скоростью света». Война на германской территории привела бы к опустошительным последствиям, ликвидировать которые, опираясь на ничтожную промышленную базу России, было бы абсолютно невыполнимо. Представленная Гитлером имитация союза с Россией была чистой абстракцией, так как никакое объединение не было возможно с большевиками, «этими отбросами человечества», для которых Германия являлась «следующей крупной мишенью» (178). Таким образом, вероятное евразийское объятие было представлено, проанализировано и безусловно отвергнуто.

Последнее предостережение из «Политического кредо немецкой нации» вошло и в манифест нацистов:

Ни в коем случае не допускать возникновения двух мощных континентальных держав в Европе. Никогда не забывать о том, что самое священное право на Земле — это право человека возделывать ее собственными руками, а самая священная жертва — это кровь, которую человек проливает за эту землю (179).

Итак, на горизонте появился немецкий «барабанщик», ненавистник Веймарской республики, провозвестник кровавого похода на Восток, влюбленный в Британию и преследуемый кошмаром размножения расово неполноценных племен свыше «естественных пределов»; ветеран Великой войны, ставший во главе культа, замаскированного под политическую партию; человек, очаровавший и околдовавший немецкую патриотическую элиту, готовый к тому же сокрушить Францию.

Надо сказать, что Британия была той самой темной лошадкой, которая действительно стоила того, чтобы ее использовать.

Часть 4

«Надоедливый план платежей». Каким образом управляющий Норман обрек Европу на проклятие; 1924–1933 годы

Выходит, что я никогда прежде не понимал людей. Никогда больше не буду я верить в то, что они говорят, в то, что они думают. Именно людей, и только их одних следует бояться, бояться всегда.

Скольку потребуется времени на то, чтобы закончился их бред, когда, истощившись, они, наконец остановятся, эти чудовища?

Луи-Фердинанд Селин. «Путешествие на исходе ночи» (1)

Они жиреют и за счет Бога, и за счет мира. Они не сеют, они лишь срывают плоды. Они колдуны во плоти, делающие золото по телефону...

Эрих Кестнер. «Гимн банкиру» (2)

«Я сидел в большом зале ожидания, и зал этот назывался Европа. Мой поезд должен был отправиться через неделю. Я знал это. Но никто не мог сказать, куда он отправиться, и что будет со мной. Теперь мы снова сидим в том же зале ожидания, и он снова называется Европа! И опять мы не знаем, что с нами произойдет! Наша жизнь временна, а кризис нескончаем!»

Эрих Кестнер. «Фабриан» (3)

Банковская «сеть» и правила золотой игры

Германию следовало возродить из пепла — то есть перевооружить и обновить; все это вполне соответствовало пророчествам Веблена. Как было показано в предыдущей главе, датой, отметившей начало военного пробуждения Германии, можно

считать апрель 1922 года, когда Рапалльским договором был заключен по видимости весьма своеобразный союз между веймарскими генералами и генералами Красной Армии. Кроме того, надо было позаботиться и о восстановлении основы германской промышленности. Прежде чем реконструировать германскую экономику, авторы Версальского договора решили дождаться, когда гиперинфляция уничтожит старую марку. Этот крах был с легкостью устроен британскими экспертами: принуждение германского правительства, увязшего в (военном) долге, вдвое превышавшем доходы страны, платить репарации (в иностранной валюте и золотом) без конфискации этого долга, загнало рейх в угол. В тесноте этого угла — бегство капиталов, падение марки, уклонение от уплаты налогов — стандартные действия дуэта «государство — рейхсбанк» могли привести только к инфляционному расплыванию и краху; в этом нет никакой мистики, никакой роковой ошибки. Единственная неопределенность касалась того срока, который потребуется для полного завершения этого финансового всеожжения. Потребовалось три года на то, чтобы полностью очистить Веймар от старого долга, сделанного ради ведения Великой войны, то есть период с 1920 по 1923 год.

В это время Банк Англии подыскал подходящего управляющего, способного организовать спасение Германии из Лондона на американские деньги. Хранителем банка была выбрана странная и интригующая фигура Монтегю Нормана: Норман продержался на этом посту необычайно долго — двадцать четыре года — с 1920 по 1944 год; случай уникальный за всю историю банка. Когда инфляция в Германии перешла в свою последнюю стадию, Норман инициировал процесс, в ходе которого Британия и большинство промышленно развитых стран снова оказались привязанными к так называемому золотому обменному стандарту. Эта операция — смысл которой так и не дошел до ученых того времени — ни в коем случае не была жалкой дилетантской попыткой горстки ностальгирующих джентльменов оживить древнюю денежную систему, существовавшую до Первой мировой войны. Отнюдь — это было весьма своеобразное творение управляющего, в ходе воплощения коего он, если можно так выразиться, на целых шесть лет (1925–1931 годы) окутал банковскую сеть Запада одной-единственной, легко уп-

равляемой и ощутимо нестабильной паутиной платежей — и паутина эта уже несла в себе зародыш саморазрушения. Это тоже была игра, в которой каждый участвующий в ней центральный банк получал свою долю в определенной квоте золота. Для того чтобы накопить и защитить золотой запас своего банка, Монтегю Норман в 1920 году испытал две фундаментальные методики, кои он использовал десять лет спустя ради достижения имперских целей: (1) пауперизация Индии путем ограничения денежной массы (то есть путем преднамеренной дефляции), с тем чтобы привлечь индийское золото в Лондон, и (2) поощрение увеличения денежной массы (то есть инфляции) в Америке, как средство увода золота из Нью-Йорка, и обеспечения устойчивого потока американских инвестиций в Европе. К середине двадцатых годов Австрия (1922 год) и Германия (1924 год) стали первыми странами, которым помогли таким способом, и инфраструктура Германии превратилась в сияющий технологический бриллиант. Модернизация Германии была доведена до совершенства за счет необузданной спекулятивной лихорадки в Америке, где с 1924 по 1929 год публика массово бросилась подписываться на немецкие ценные бумаги. Норман остановил эту лихорадку великим крахом октября 1929 года, чтобы сохранить контроль над последней стадией возвращения Германии и над предполагавшейся агонией Веймарской республики. Когда в марте 1931 года Австрия и Германия объявили о намерении создать таможенный союз, то есть некое политическое объединение, каковым *de facto* попытались преодолеть состояние временной раздробленности, навязанной Версальским договором, новый золотой стандарт Нормана внезапно лопнул. Подготовив в конце двадцатых годов создание так называемой фунтовой зоны, с помощью которой Лондон привязал к себе колонии, с которыми образовал плотное самодостаточное экономическое ядро, управляющий подготовил Британию и ее доминионы к финансовому отделению от всего остального мира, каковое произошло летом 1931 года. Следуя монументальной шараде, Банк Англии представил себя жертвой всемирной финансовой неустойчивости, и Британия в сентябре 1931 года отказалась от золотого стандарта; таким образом, она сознательно разрушила международную систему платежей, полностью перекрыв финансовый

кислород для Веймарской республики. После этого, пока республику рвали на части растущая безработица, уличные беспорядки и социальная деградация, британские клубы ждали бурного подъема немецких реакционных и радикальных движений: таким движением оказался национал-социализм, лидеры которого, начиная с осени 1931 года осаждали президента Гинденбурга, домогаясь власти. Гражданские и гуманистические силы Германии, однако, оказали сопротивление, и Гитлер не смог получить электорального большинства еще в течение двух лет за счет невыносимых народных страданий. Так продолжалось до 4 января 1933 года, когда финансовая ось Лондон-Нью-Йорк, воспользовавшись (1) двуличной, хотя в основе пробританской позицией СССР, (2) постыдной паникой Ватикана и (3) слепотой и глухотой германской социал-демократии, перешла к решительным действиям, практически открыто оплатив назначения Гитлера рейхсканцлером.

За период с 1924 по 1933 год с прозябанием нацизма было покончено — из малозаметной группки нацисты превратились в главных поборников давно ожидавшегося германского возрождения. До 1929 года многим представлялось, что пророчества Веблена оказались лживыми, но потом, совершенно, казалось бы, неожиданно, темная лошадка из «Майн Кампф» была выброшена на авансцену — благодаря социальному кризису и смуте.

Здесь-то и кроется главная трудность. В стандартных учебниках экономическую подоплеку возвышения нацизма либо рассматривают небрежно, либо не рассматривают вообще, а читателю привычно морочат голову, мимоходом, уверяя его в том, что Гитлер пришел к власти «из-за кризиса», не вдаваясь в дальнейшие более подробные объяснения. Что это был за кризис? Если не приложить усилий, чтобы разобраться в механизмах этого призрачного краха, Гитлер останется результатом случайных событий, социальным побочным продуктом глупо сложившейся финансовой конъюнктуры. Но такой взгляд абсурден.

Для всякого изучающего данный предмет это очень трудные годы, поскольку феноменология этой очень своеобразной фазы, в которой очень сложным образом сплетаются воедино (1) крах Уолл-стрит, (2) банковский кризис в Австрии, Германии и Британии, (3) отмена золотого эквивалента британского фун-

та или (4) открытое участие англо-американских финансовых кругов в приходе Гитлера к власти 4 января 1933 года, очень скудно документирована, да и в наши дни цепь взаимозависимости между политическими и экономическими составляющими событий относится к числу самых тщательно охраняемых тайн. Тем не менее известных самих по себе фактов больше чем достаточно для того, чтобы очень точно вставить их в основное повествование о возвращении нацизма и заново интерпретировать тревожные события 1930–1932 годов. Новая интерпретация неопровержимо указывает на прямую и сознательную манипуляцию сложными финансовыми структурами со стороны Британии, осуществленную с целью добиться желаемых результатов в Германии, в особенности же в Германии.

На период с 1924 по 1933 год британские финансисты, ведомые Банком Англии, стали главными и практически единственными главными героями вскармливания и возвращения гитлеризма. Дипломатия была оттеснена на задний план; в игру вступил банкирский артистизм, при решающем участии которого была разыграна пьеса, начавшаяся в атмосфере обманчивых надежд (1924–1925 годы) и закончившаяся полной катастрофой (1930–1933 годы). Солистом в оркестре, исполнившем эту сложную и решающую интерлюдия, и стал Монтегю Норман.

Никому и никогда не удастся подобрать ключ к пониманию того, как возвысился и пришел к власти Гитлер, если не разобратся в функционировании традиционной банковской системы и в природе денег. Именно недостаток такого понимания и приводит к тому, что самые решающие события, приведшие к возвышению и приходу к власти нацизма, списывают на неудачное стечение случайных обстоятельств в обстановке кризиса. Но в истории не бывает таких вещей, как случайность — плохая или хорошая, — да и «кризис» никогда не принадлежит к числу природных катаклизмов, но всегда отражает нижнюю точку экономической ситуации в циклических процессах, обусловленных относительно простой динамикой денежного обращения. К этой самой главной проблеме мы теперь и обратимся. Следующий раздел является необходимым введением к политическим и монетарным пертурбациям, послужившим фоном и основанием для восхождения Гитлера к вершинам власти.

* * *

Мир поделен на тех, кто создает деньги, и на тех, кто их не создает.

Все началось с золота. Благородные металлы обладают одним достоинством, одним свойством, которое выделяет их среди всех прочих материалов, это свойство заключается в их вечной сохранности (4). Так, светло-желтый металл сделался общепризнанным средством обмена — жетоном, знаком торговых сделок, причем эти жетоны можно было прятать и сохранять в беспокойные времена и быстро выходить с ними на рынок, как только небо очищалось от туч. Металлический диск был меновой единицей и одновременно был средством накопления. Так как люди никогда не полагались друг на друга, то они решили именно золото назвать деньгами: это позволило им овеществить богатство и превратить его в товар, более прочный, чем узы человеческого сообщества, каковые, как всем стало давно известно, могут порваться в любой момент. Золотые же монеты можно было закопать во дворе.

Потом появилась группа людей, которым со временем стали доверять хранение золотых запасов; так на свет родились банкиры; эти последние быстро сообразили, что владельцам доверенных им золотых запасов на еженедельное проживание требуется лишь малая толика золотых монет и слитков; этот факт вдохновил банкиров на то, чтобы одалживать золото третьим лицам, в то время как законные владельцы этого одолженного золота пребывали в полной уверенности, что их ценности надежно спрятаны под сводами банковских подвалов. Вскоре настало время, когда банкиры начали распределять бумажные знаки, вместо того чтобы перемещать громоздкие слитки; возникло понятие гарантийного покрытия: столько-то золота столько же и еще какое-то количество бумажных купюр; другими словами, золото на депозитах банка всегда составляет какую-то долю от распространенных бумажных банкнотов — чем меньше доля золота в этом соотношении, тем более рискованной становится политика банка. В залог золота банк выдает своим клиентам счета и чековые книжки, на которые можно приобретать товары и услуги. Банк, непредусмотрительно ссудивший слишком много клиентов, страдает, так как среди его вкладчиков пойдут слухи

о банкротстве: в этом случае депозиторы бросятся в банк, чтобы получить свои деньги в золоте, так как всегда существует обоснованное подозрение, что в каждый данный момент в банке нет достаточной наличности, чтобы заплатить всем. Все это хорошо известно теперь и было известно всегда: известно, что банковское дело зиждется на грандиозном мошенничестве. Для банкиров весь трюк заключался в том, чтобы (1) заставить людей принимать банкноты так, словно это было золото, (2) самим обладать драгоценными металлами, (3) прятать их в подвалах и (4) постепенно выкачивать золото из обращения.

Но несмотря на то что все это было хорошо известно, банки так и не были реформированы, и никогда не переставали существовать традиционные банки; вместо этого они ветвились, причем очень быстро. Собственно, по-иному и не могло быть, так как деньги однажды превращенные в товар, то есть в золото, и присвоенные, давали в руки исконную силу, отличную от всех прочих — непосредственное проявление этой силы есть процентная ставка.

Этот простой процент, который стал управлять жизнью империй,— что это? Страховой взнос, комиссионные? Это и ни то и ни другое — так как и то и другое банки собирают с клиентов отдельно. Процентная ставка — это совсем другая история. Это цена золотых денег, это выражение того особого свойства, каким обладает золото и какое его владелец обыкновенно использует для того, чтобы поставить ближнего в затруднительное положение. Власть банкиров заключается в том, что они «продают» в кавычках средство, которое не погибает (деньги) для того, чтобы к своей выгоде воспользоваться остальной частью экономики, состоящей из производителей, которых заставляют наперегонки предлагать на продажу те товары, которые портятся,— от овощей до домов и машин.

После этого суть дела свелась к тому, чтобы скупить золото и монополизировать денежное обращение. Тот, кто контролирует деньги, контролирует всю государственную систему: ее деятельность, ее политику, ее искусство и ее науку. Короче говоря, все. И тут начинается бешеная гонка, которая происходит одновременно с построением «решетки», банковской сети. Решетка обладает набором узлов, расположенных в сердце экономической активности. В этих узлах — скрытыми сторожами,

банкирами — производятся расчеты, результаты которых рассылаются по ветвям сети с нарочными.

Золото по большей части исчезает из обращения; теперь его прячут в подвалы резервных банков, которые вместо него выдают экономически активным субъектам бумажные купюры. Великий круговорот свершился: золото вернулось туда, откуда вышло, — под землю, а деньги приняли ту форму, какую они должны были иметь всегда, форму, обусловленную самой их природой: они стали неосязаемым символом. Деньги стали перемещаться в форме рядов чисел на номерных счетах, в то время как золото, плотное, тяжелое и громоздкое, надлежащим образом хранилось в глубоких подземельях. Но эти деньги, эти балансы на номерных банковских счетах никогда не были общественными или государственными деньгами. Деньги были присвоены с самого начала. Их можно видеть только за экраном: но для того, чтобы завладеть наличностью, необходимо разрешение банкира. Если такое разрешение человеку дано, то этот счастливцев получает возможность пользоваться красивой чековой книжкой, служившей пропуском для путешествия по тому лабиринту, в который в девятнадцатом веке превратились коммерческие взаимоотношения. Следовательно, процентная ставка представляла (и представляет до сих пор) собой цену, которую платят (1) за пользование неуничтожимыми средствами, в то время как деньги, как и все материальное, имеют вполне определенный и ограниченный срок годности, и (2) за доступ к принадлежащей банкирам «решетке».

Но это было только начало. Затем банкиры принялись накапливать золото, печатать и распространять банкноты — в названиях которых отражались весовые части банковского золотого запаса — под ростовщический процент, навязывая тем самым свою частную, корпоративную монополию гражданам своих стран.

Каким образом банкирская решетка взаимодействует с экономическим организмом? основополагающий принцип прост: тот, кто хочет получить доступ к решетке, — то есть тот, кто нуждается в наличных деньгах, — в письменной форме представляет банкиру обещание, лист бумаги, то есть долговое обязательство, в котором он отказывается от своей свободы в степени, зависящей от количества взятых у банка долларов плюс процент-

ная ставка. Таковыми были коммерческие векселя производителей, долги, обеспеченные капиталом производителей (помещение, орудия труда, земля, будущие доходы и т. д.), и даже векселя государственного казначейства, долговые обязательства, обеспеченные правом государства собирать налоги с граждан — если все сообщество в целом становилось клиентом банкирской решетки; граждане и государство должны были платить, если хотели получать деньги на свое ежедневное пропитание. Банкиры вкладывали деньги в экономику, беря в залог саму жизнь и достояние экономики — дело обстояло таким образом, что банки, захватив в свои руки редкое, неуничтожимое средство обмена, стали ростовщиками граждан и государства.

Долговые обязательства и векселя сторон, государственных, общественных и частных, признанные надежными и достойными доверия, аккуратно складывали в портфель, называемый активами банка. Выполняемую банкиром операцию называли дисконтом; например, банкир принимает вексель или долговое обязательство на 100 каких-то денежных единиц, дисконтирует их на 10 процентов и выдает клиенту 90 денежных единиц (удерживая себе 10 процентов). Денежный рынок есть нечто иное, как общая сумма потребности банкирской решетки в ценных бумагах экономических субъектов: частных или государственных акциях, краткосрочных или долгосрочных долговых обязательствах, облигациях государственных и частных компаний самого разнообразного типа. Чем больше бумажных обязательств покупал банк у частных лиц и муниципалитетов через дисконт, тем более оптимистичными становились ожидания банкира на экономический подъем и тем дешевле начинал банк продавать деньги: происходило снижение процентной ставки.

Снижение ставки в сочетании с устойчивыми вливаниями банковских наличных денег запускало экономический бум, бум же сопровождался ростом цен: происходило то, что называют кредитной инфляцией. Если бум был значительным, то текущая процентная ставка начинала расти, чтобы соответствовать повышению цен; все это называлось французским словом *hausse*, повышением курса: это автоматический механизм, изобретенный банками для того, чтобы получать свою долю прибыли от разбухающего водопада денег, а также для того, чтобы удерживать цены под разумным контролем. Кроме того, повышение

курса приостанавливалось из-за отказа от кредитования наименее прибыльных концернов (5). Бум продолжался до тех пор, пока труд заемщика покрывал процентную ставку; но когда благодаря избытку предложения цены, в конце концов, начинали падать, эта разница (норма прибыли минус процентная ставка) быстро съеживалась. Экономическим субъектам живо напоминали о том, что деньги, которыми они распоряжаются, были даны им в долг.

Когда производители теряют способность оплачивать процентную ставку, наступает конец: банки говорят «хватит!» и требуют возвращения займа, концерны становятся банкротами, рабочих увольняют, а наличность по соответствующим каналам возвращается в банкирскую решетку. Кризис, нищета, удушение общества.

Такой тип повсеместного рецидивирующего паралича стал определяющей чертой современной финансовой системы после того, как несколько банкирских олигархий, контролировавших каждая свой собственный узел в решетке, пришли к выводу о необходимости создания представительного учреждения — центрального банка — призванного следить за золотом и фиксировать процентную ставку (то есть контролировать цену денег); в деятельности такого банка частные концерны принимали участие в форме держания акций; в совет директоров банка концерны направляли консультантов для совместного решения деликатных вопросов взаимодействия между решеткой, государством и экономикой.

В результате великие общества Запада начали — одно за другим — падать жертвами этой системы: к концу девятнадцатого века каждая страна страдала от гнета своей решетки, которая выросла в центральный орган, управляющий кредитными структурами, устроенными в виде перевернутой пирамиды. В находившейся внизу вершине пирамиды помещался золотой запас. Над золотым запасом (то есть над «золотым покрытием») наряду с заложенной собственностью мира громоздились резервы дочерних банков, державшихся на депозитах материнского учреждения, а выше этой оболочки дочерние банки занимались своим грабительским промыслом. Деньги крупных банков обеспечивали потребности меньших банков, и такое ступенчатое использование кредита с увеличением массы чековых

денег достигало, в конце концов, периферических филиалов, которые и определяли границы основания пирамиды, на краешке основания которой в весьма неудобной позе сидела экономика страны.

Так тонкая жила желтого металла привела к созданию монументальной конструкции.

Ко второй половине девятнадцатого века, в условиях пресловутого золотого стандарта, во всех промышленно развитых странах валютный курс стали выражать в золоте — было объявлено, что марка, франк или фунт стоят столько-то граммов золота, а банкноты были законодательно объявлены конвертируемыми в золото в каком-то данном соотношении, названном паритетом. Национальные валюты были привязаны к золоту, а паритеты нескольких валют были связаны перекрестными соотношениями. Например, в Британии, по условиям золотого стандарта, который был установлен до Великой войны, 77 шиллингов и 10,5 пенсов были эквивалентны стандартной унции ($11\frac{11}{12}$ грамм чистого золота)*, а в Соединенных Штатах 20 долларов 67 центов были эквивалентны большой унции ($12\frac{12}{12}$ грамм чистого золота), поэтому курс обмена двух валют, приведенных к золотому стандарту составлял один фунт за 4 доллара 86 центов. Нам следует хорошенько запомнить этот «паритет».

Для того чтобы конкурировать в этой игре, правительства, поддерживаемые своими центральными банками, были вынуждены направлять все свои усилия в коммерческой и финансовой отраслях на то, чтобы защитить, а при возможности и увеличить свой золотой запас, каковой в большой степени был хорошим показателем торговых достижений державы. Клапаном, регулирующим приток и отток золота из страны, был ее платежный баланс.

Платежный баланс имеет сложную составную природу и включает в себя текущий счет и баланс движения капитала. Текущий счет — это опись всех торговых достижений государства; задача текущего счета — наблюдение за несоответствием между импортом и экспортом осязаемых товаров (то есть за торговым балансом) и за так называемыми невидимками:

* То есть 77 шиллингов 10,5 пенсов были эквивалентны 3 фунтам (20 шиллингов в фунте) и 17 шиллингам 10,5 пенсов.

аренда кораблей, страховые премии и выплаты по процентам. Игра на таких невидимках всегда была сильной стороной, настоящим форте Британской империи. Баланс движения капитала, напротив, отражал разницу между притоком и оттоком фондов относительно национального финансового центра. Главным инструментом регулирования этих денежных потоков была процентная ставка. Банк мог значительно поднять ее и тем самым привлечь иностранные деньги в свои банки; как говорили в то время, ставка в 7–10 процентов способна притянуть деньги даже с луны. Напротив, низкие процентные ставки у себя дома неизбежно заставят отечественных держателей золота искать более высокой прибыли на свои праздные фонды за границей.

Очевидный недостаток политики «высокой ставки» у себя дома, заключался, однако, в удушении собственной экономики; такая политика приносила выгодные барыши финансовым компаниям, банковской решетке и праздным собственникам, но вредила всем остальным. Таким образом, применять этот инструмент регуляции надо было осторожно и дозировано и никогда слишком долго. Если деньги дорожают, то удорожаются и инвестиции, и работа тормозится и останавливается.

В том, что касается движения золота, на эффekte изменений банковской ставки зиждется возможность достижения желаемого результата максимально быстрым способом. Этот способ безошибочно применяли как основной принцип «оздоровления финансов» во времена кризисов, то есть когда опасность грозила надежности покрытия центрального банка, так как орды спекулянтов стремились избавиться от отечественной валюты и обменять ее на золото; происходила «утечка» банковского резерва.

Если валюта падала, а казначейство оставалось пассивным наблюдателем, то спекулянты занимали еще большие количества местной валюты, меняли ее на золото, а потом, дождавшись дальнейшего падения, снова конвертировали в нее золото, играя на снижении курса. Этот процесс мог повторяться до бесконечности. Можно было рассчитывать на то, что значительное повышение банковской процентной ставки (например, с трех до восьми процентов) сможет привести к умирению спекулянтов (так как для последних заимствования становятся

слишком дорогими), и, что еще более важно, эта мера мгновенно привлекает зарубежных инвесторов с их фондами, которыми пополняются банковские резервы и за которые банк готов платить «сверх», то есть разницу в ставке (в нашем случае это 5 процентов).

Когда страна испытывает дефицит платежного баланса в отношениях с другой страной либо из-за того, что покупает за границей больше, чем продает, либо вследствие оттока капитала, либо из-за того и другого вместе, то ей приходится устанавливать рассчитываться с партнером в золоте. Если страна теряет золото, соответственно уменьшается «покрытие» центрального банка: государству приходится ограничивать количество кредитных денег в обращении для того, чтобы поддерживать данное и работоспособное соотношение (золота и банкноты). И что делало такое государство? Оно поднимало процентную ставку, подавая этим сигнал, что снижает доступность к наличным деньгам из-за золотого кровопускания. В результате экспортеры капитала — все эти паразитирующие собственники, вкладывавшие в отечественную валюту, превращавшие ее в золото и переправлявшие золото туда, где оно приносило большую прибыль, — оказывались в неудобном положении, а у иностранных инвесторов возобновлялся интерес на внутреннем рынке капиталов данной страны из-за возрастания процентной ставки. Таким образом, можно было рассчитывать на то, что золото снова потечет домой и равновесие, то есть паритет, будет восстановлено (6). Напротив, страна, обогатившаяся за счет мощного притока золота, которое устремляется в нее на волне устойчиво положительного платежного баланса (благодаря успешному экспорту товаров и (или) за счет предоставления инвесторам привлекательных выгод), может позволить себе снижение процентной ставки, что приведет к увеличению объема ликвидности на ее рынках, что несколько раздует денежный эквивалент золота. Именно это сделает Америка в двадцатые годы. Давайте обратим особое внимание и на это обстоятельство.

Таковы были «правила игры» довоенного золотого стандарта.

С началом Первой мировой войны все игроки, за исключением Соединенных Штатов, снялись с золотого якоря. Решившись начать и вести войну, европейские правительства надавили на банкирскую решетку, добившись разрешения печатать много бу-

мажных денег, с помощью которых, платя более высокую цену, можно было заставить людей отвлечься от прежних мирных занятий и полностью направить энергию на достижение победы. Ввиду столь массивной инфляции, которая неизбежно должна была сделать невозможной конвертируемость золота, золотая фикция была оставлена, но, естественно, осталась привилегия решетки продавать наличные деньги и чеки военным министерствам. Таким образом, патриотически настроенные страны мира вступили в следующий исторический этап того чудовищного надувательства, известного под названием «государственные финансы»: казначейство каждой воюющей нации во множестве печатало ценные бумаги, решетка по своим кредитным линиям дисконтировала их на приобретение вооружений, государственный долг рос как на дрожжах, а простые граждане платили налоги воюющему государству, которое использовало их на оплату интересов паразитирующих клиентов и владельцев решетки, которые — в первую очередь — одалживали им банковские деньги.

На руинах этого устрашающе дикарского культа Британия завершила инкубацию нацизма.

Монтегю Норман и «национализация банка»

Монтегю Коллет Норман родился в 1871 году в банкирской семье. Его отец Фредерик был юристом банкирского дома Сити. Его дед по отцу долгое время заседал в совете директоров Банка Англии и из своей аристократической флегматичности умело уклонялся от избрания управляющим, в то время как дед по материнской линии, сэр Марк Коллет этот пост получил, хотя и не снискал на нем лавров, пробыв в должности с 1887 по 1889 год. Учиться Монтегю послали в Итон, строгий распорядок которого пришелся юному Норману не по вкусу. Он перевелся в Кембридж, но и здесь оказался не на своем месте. Он бросил университет, не зная, чем заниматься дальше. Молодой человек явно нуждался в мудром наставлении. Дедушка Коллет был счастлив оказать такую услугу и отправил внука в свою епархию — в уважаемый акцептный банк «Браун Шипли». «Браун Шипли» был лондонским филиалом престижного американского банка «Братья Браун и К^о кото-

рый на своих кораблях перевозил до «75 процентов рабского хлопка из Южных Штатов британским владельцам текстильных фабрик» (7).

Так, в 1895 году Монтегю Норман вступил в банкирское братство решетки. Остальное последовало само собой: он был воспитан в любви к имперской Британии и ее барду Кипплингу, стихотворение которого «Три солдата» он помнил как «Отче наш». Но члены семьи вскоре начали замечать, что с ним что-то не в порядке. У Монтегю оказались какие-то проблемы с нервами. Норман оказался подвержен частым приступам мучительной меланхолии и припадкам уныния — столь невыносимого, что его нервы не выдерживали и хрупкое тело валилось на пол, словно содержимое изрезанного на куски мешка. В полутьме бесконечных выздоровлений он баюкал свои нервы и «неистовую голову» (8), медленно возвращаясь к нормальной жизни. Очень часто беспомощные доктора отправляли его в экзотические круизы на солнечные острова. Эти беспрестанно повторявшиеся путешествия из глубин безумия в отдаленные морские гавани, видимо, и предопределили его пребывание на высоком посту в течение без малого полувека.

В банке «Браун Шипли» он снискал репутацию «одинокого странного человека»; в банке он был несчастлив (9). Атмосфера была душной и затхлой, а несогласие с партнерами и коллегами часто приводило к безобразным перебранкам и ссорам, за которые Нормана вскоре перестали прощать. Иногда его, правда, посещали какие-то предвидения, но в чем они заключались, правление банка никому не рассказывало. В 1913 году, придя, наконец, в отчаяние от того, что никто не может поставить ему четкий диагноз, Норман нанес визит Карлу Густаву Юнгу и предоставил в распоряжение великого психиатра свою «буйную голову». Диагноз был поставлен, но оказался таким страшным, что Норман так до конца своих дней никому его не открыл. Как он говорил своим знакомым, «было обнаружено, что нарушена механика работы его головного мозга», «в котором имеется один участок, который и создает всю проблему» (10).

К 1915 году он проработал в «Браун Шипли» 20 лет, съел в делах компании собаку и узнал о решетке — ее запутанных дорожках, ключах и множестве потайных ходов и ловушек — все, что можно было узнать, и в возрасте сорока четырех лет понял, что

давно созрел для ухода с этого насиженного места. Его партнеры, которые уже не могли его дальше терпеть, ускорили его уход и облегченно вздохнули. Все «если» разрешились. Война уже шла всерьез.

К этому времени некоторые выдающиеся черты Нормана были уже по достоинству оценены сторонними наблюдателями: «неукротимая энергия» (11), «скрытность, временами доходящая до абсурда» (12), «поразительная память на места, числа и факты» (13), «мастерское умение притворяться и лицедействовать» (14), «склонность излишне драматизировать ситуацию... вводить в заблуждение и мистифицировать всех и вся» (15); к этому надо добавить его необыкновенное обаяние, перед которым мало кто мог устоять; и откровенное, пусть даже и перемежающееся безумие.

Какое-то время он брался за любую работу, которую ему предлагали; он консультировал по вопросам, относящимся к цензуре почты и к страхованию самолетов, до тех пор, пока Брайан Кокейн, заместитель управляющего Банком Англии не сжалился над ним и не ввел его в совет директоров как превосходного секретаря, правда, без всякого официального статуса. Кокейн не стал попусту тратить время и сразу же избавил Нормана от всяких иллюзий, какие тот мог связывать с этим приглашением, каковое «ни в коем случае не означало, что он в ближайшем будущем займет место заместителя управляющего» (16).

Каким образом большинство директоров Банка Англии действительно заняли свои места в совете... должно было, за редким исключением, оставаться тайной... Существует внутренний кабинет, называемый комитетом казначейства, именно этот комитет занимается выработкой общей политики и отношениями банка с правительством. Именно этот кабинет на самом деле управляет банком. Комитет состоит из управляющего, заместителя управляющего и еще семи директоров. Имена этих директоров никогда не разглашаются. Так что в действительности банк управляется неким тайным советом (17).

Но потом, хотя и не известно доподлинно, как именно, — вероятно, благодаря доскональному знанию американской финансовой политики, тропы которой вследствие войны сблизились

с британскими интересами,— Норман сумел в таком выгодном свете представить свои знания и опыт, что сделался «незаменимым». В банке было принято следующее негласное правило: из директоров совета избирали заместителя управляющего сроком на два года, а затем его выдвигали на должность управляющего на следующие два года. Война заставила сделать исключение, и Уолтер Канлифф, бывший управляющим, когда началась война, оставался на своем посту в течение пяти лет — с 1913 по 1918 год. После отставки Канлиффа его место занял Кокейн, а Норман в 1918 году стал его заместителем. Канлифф был трудным человеком, оставившим у сотрудников недобрую память, но тем не менее он употребил все свое влияние, чтобы внушить своему ближайшему окружению обоснованность своего страха, доходящего до степени одержимости:

«Монтегю Норман,— говорил Канлифф,— в настоящее время — самый блестящий человек в банке. Он наверняка станет следующим управляющим. Я не вижу никакого другого кандидата. Но его блистательная невротическая личность может создать массу неприятностей. Я чувствую свою личную ответственность за то, что поставил его и банк в очень опасное положение...» «Он нуждается во власти просто для того, чтобы не упасть, и он не сдастся и достигнет своего, но тогда будет уже поздно... Чего я действительно боюсь, так это того, что Банк Англии будет национализирован при жизни Нормана, и моим единственным утешением является то, что я сам этого не увижу» (19).

Практически ничего не известно о тех интенсивных переговорах, которые наверняка велись в конце войны между банком, клубами и министерством иностранных дел по вопросу о финансовых операциях, которые было необходимо провести в послевоенной Европе. Учитывая те денежные сложности и хитро-сплетения, которые были приведены в движение Версальским договором, для империи было уже не совсем безразлично, какого профессионала из банкирских лондонских династий увенчают короной управляющего Банком Англии. Канлифф приносил массу многозначительных интригующих слов. Он безотчетно чувствовал, что то, что он сам и большинство его

предшественников всегда считали представительной коллегией привилегированной гильдии, могло в умелых руках другого банковского жреца, имевшего более развитое воображение, чем у них, незаметно измениться таким образом, чтобы работать на цели и задачи, которые не должны и не могут избирательно диктоваться одним только внутренним кругом такой гильдии. Империя не только — благодаря войне — присоединилась к банку, прочно утвердившись в его тылах, она также благосклонно взирала на избрание такого управляющего, который смог бы успешно обуздать банковскую сеть и перестроить ее в соответствии с новыми директивами Британского государства, но при этом не нарушил бы в значительной степени рутинную деловую активность банковского сообщества. Вероятно, именно это Канлифф имел в виду, говоря о «национализации».

31 марта 1920 года случилось то, чего он больше всего опасался: Монтегю Норман был избран управляющим Банком Англии. «Не более чем на два года, — говорилось в решении, — как предписано старым статутом». Не без оснований дожи совета директоров впустили его к себе с черного хода. И он остался. Через пять лет его посвятили в понтифики банка. И так, согласно последующим утверждениям, от двухлетия к двухлетию, он исполнял обязанности управляющего на протяжении двадцати четырех лет. Дуб нашел своего друида — и наоборот.

И хотя поначалу его кандидатуре противились — в кварталах Сити жаловались, «что не знают этого человека» (20) — он не стал терять время и очень быстро переоборудовал свой корабль для плавания по бурным финансовым водам послевоенной эры.

Надо сказать и о союзниках: прежде всего Норман позаботился о том, чтобы сохранить и укрепить связи с мандаринами американской банкирской решетки: Дж.П. Морганом и компанией. Из этого клана первым и основным тузом был управляющий Федеральным резервным банком Нью-Йорка (ФРВНИ) Бенджамин Стронг, с которым Норман познакомился и подружился в последние два года войны (21). Стронг, который стал управляющим в 1914 году, «как объединенный кандидат банков «Дж. П. Морган» и «Кун, Леб и К°» (22), как говорят стал, первым из череды деятелей, подпавших под обаяние Нормана, причем настолько явно, что президент США Герберт Гувер обвинил его в том, что он стал «ментальным довеском» Европы и Нормана.

Стильно и таинственно:

Репутация таинственной богоподобной отчужденности и дразнящего всезнания, которая превратила имя Монтегю Нормана в легенду задолго до конца двадцатых годов, была как раз той репутацией, какой он осознанно и тщательно добивался... Открытые конфликты... и даже частные раздоры, были слишком грубыми методами, к которым он питал отвращение... Норман разработал собственную отточенную технику общения с лондонским Сити, который как целое очень быстро подпал под почти сверхъестественную ауру благоговения, которое он внушал своей зловещей репутацией человека, способного одновременно знать, чего он хочет, и точно угадывать намерения других. Его первым и величайшим талантом было умение склонять на свою сторону и заражать своими идеями тех друзей, которые успели подпасть под непреодолимое обаяние его личности... Как паук, плел он тончайшую паутину личных связей и контактов, которую раскидывал из своего кабинета в самые отдаленные и укромные уголки лондонского Сити... Ничто из того, что там происходило, не могло укрыться от слуха Нормана — он моментально узнавал обо всем... После этого он... одобрял или не одобрял... поддерживал или препятствовал. Его источники были безупречны и, как правило, точны. Он был... паразитально хорошо информирован.

Выказывая замечательную снисходительность в своих апологиях, биографы Нормана дополнили этот эскиз «человека-паука» весьма смелым соображением, являющим собой превосходный пример давней «ученой» традиции пропускать и запутывать сведения, касающиеся деятельности Нормана и Банка Англии в период между двумя мировыми войнами:

Но кем был Норман, если не невезучим дублером, которому выпало сыграть, наконец, главную роль в этой общественной драме? Он конечно же хорошо знал текст своей роли, но абсолютно не знал сюжета (23).

Здесь, однако, можно удивиться: как мог виртуозный верховный жрец банкирской решетки в течение двадцати четырех лет

удерживать понтификат в должности главного казначея империи в период, совпавший с самой критической эпохой западной истории, если он «не знал сюжета»?

Сюжет на самом деле начал развертываться в Версале, и первый акт драмы завершился пророчеством Веблена. Второй акт был поставлен на германской сцене — то было крещендо живописных путчей, апофеозом которых стало национальное банкротство, совпавшее с выступлением Гитлера в мюнхенском пивном зале. Теперь, наконец, действие смещается на мировые рынки, в то время как бурный немецкий эксперимент оставили докисать в безвестности. Все это время Банк Англии отнюдь не пребывал в праздности. Норман весьма внимательно следил за происходившими событиями, обращая особое внимание на действия, которые в то время совершал его друг Бен Стронг по ту сторону Атлантики.

Как раз в то время, когда заключался Версальский договор, то есть, в июне 1919 года, Соединенные Штаты переживали свой первый послевоенный бум, необычайную кредитную инфляцию, запущенную мировой войной, потребовавшей массовых закупок продовольствия и товаров со стороны союзников. При обилии золота в хранилищах, распухшей кредитной базе, взлете цен и низкой безработице дополнительные, лишние американские кредитные деньги породили взлет на фондовой бирже и стимулировали спекуляцию недвижимостью, достигшей своего апогея в ноябре 1919 года (24). Эта игровая мания достигла таких масштабов, что проценты по займам до востребования* достигли астрономической высоты — 20 процентов. В Лондоне, как и в других финансовых центрах, такие квоты достигались, как только извлеченные в Сити банковские сальдо доставлялись по банковским сетям на Уолл-стрит, чтобы поддерживать такие высокие ставки. Другими словами, тем самым осуществлялся экспорт капитала, и, пока трансферт был устойчив (британские инвесторы продавали фунты и приобретали доллары), фунт стерлингов ослаблялся по отношению к доллару, который в 1919 году был единственной валютой, привязанной к золоту; ослабление по отношению

* Займы, которые выплачивались в срок по выбору заемщика или кредитора с оповещением за 24 часа.

к доллару автоматически означало ослабление по отношению к золоту.

Если принять, что главной целью Британии после «возвращения в нормальное состояние» действительно было возвращение золотого стандарта ее валюты, то такое бегство капитала и падение обменного курса представляло серьезную проблему и препятствие. Но почему так важно было снова привязать валюту к золоту? «Ради престижа!» — в один голос отвечали хранители британских сокровищ. Но это была ложь, и немалая.

В действительности банк готовился к планированию великой стратегической игры, на столько сложной и потенциально настолько опасной, что она требовала величайшей осмотрительности со стороны клубов, посвященных в ее суть. А уж они-то знали, как себя держать и какую мину строить, когда дело дошло до дерзких расспросов со стороны общества относительно их деятельности: они просто не стали «ни объясняться, ни оправдываться». Эту максиму, как говорят, «чрезвычайно любил Норман» (25).

Для того чтобы вернуться к золотому стандарту, Британия отвела себе пять лет — до 1925 года (26). Но сначала ей следовало урегулировать некоторые проблемы в колониях.

Индия, обладавшая весьма рудиментарной банкирской решеткой, испытывала всем известный голод в благородном металле, который там, по старому порядку, был обычным платежным средством по долгам. Вклад Индии в военные расходы Британии был таким большим, что Индия с сентября 1919 по февраль 1920 года непрерывно требовала удовлетворить ее потребность в золоте, чтобы добиться явного положительного сальдо в торговле с имперским центром, что оказывало огромное давление на Лондон. Именно это и отсасывание средств из-за спекулятивной лихорадки на Уолл-стрит приводило к дальнейшему ослаблению фунта стерлингов. Индия отчаянно пыталась сохранить свой золотой запас во время войны, но все попытки были жестко пресечены. Индии пришлось удовлетвориться либо серебром, либо фунтами стерлингов (27). Принимать последние Индия не желала, но поскольку получить золото от Лондона было невозможно, то Индия получала из Британии фунты стерлингов и покупала на них серебро в Америке. Но и это, жаловались в казначействе, ослабляло фунт (по отношению к доллару).

Для финансовых капитанов Британской империи настало время вмешаться; и вот что они сделали.

Против Индии был проведен двойной маневр. Сначала был нанесен удар по рынку серебра. В одностороннем порядке содержание этого металла в британских монетах было уменьшено с 0,925 до 0,500 граммов, то есть, другими словами, доля примеси в серебряных монетах была удвоена по сравнению с исходной. «Этому примеру последовали Австралия, Новая Зеландия, а позже и большинство ведущих государств Европы и Южной Америки» (28). Так Британия изъяла из обращения полновесные серебряные монеты, которые в 1920 году по сумасшедшим ценам были проданы на рынке. Этот маневр привел к катастрофическому падению цен на серебро. Таким образом, крутое обесценивание белого металла облегчило бремя фунта стерлингов*, что в долгосрочной перспективе перекрыло канал, по которому Индия угрожала восстановлению британского золотого запаса.

Одновременно финансовые воротилы развернули наступление и на золотом фронте. В феврале 1920 года было, опять-таки в одностороннем порядке, объявлено, что рупия приравнивается к двум золотым шиллингам. Другими словами, британские финансисты вполне осознанно сделали рупию чрезмерно дорогой в золотом эквиваленте. Эта полупринудительная мера была проведена под аккомпанемент задабривания Индии дутыми перспективами покупки ею серебра или чего бы то ни было еще в мире по договорным ценам. И индийский импорт, подхлестнутый искусственно усиленной валютой, действительно пережил бум, в то время как экспорт — что вполне естественно — пережил катастрофический крах, каковой мгновенно изменил в пользу Британии торговый баланс между нею и Индией (29). Фермеры, зависимые от экспорта, сильно пострадали, видя, как их экспортные цены взлетают до мирового уровня, а доходы вследствие этого сильно снижаются. Последний удар был нанесен с помощью перемещения капиталов: те паразитирующие индийские богачи, которые могли себе это позволить, осознав чудовищно завышенную цену рупии, как и неминуемое скорое

* Так как теперь надо было платить меньше фунтов для того, чтобы на доллары покупать серебро в Америке; таким образом и была снята нагрузка на фунт.

падение ее стоимости, сразу же стали превращать рупии в фунты, а затем превращать фунты в золото. Такое бегство капитала (в Британию для покупки золота) автоматически уменьшило резервы золотого стандарта, который индийское правительство поддерживало в Лондоне. Для того чтобы восстановить этот резерв, ценные фунтовые бумаги (стандартная форма банковского поручительства), служившие «покрытием» обращающихся в Индии бумажных денег, были переведены из Бомбея в Лондон, и таким образом, для того чтобы компенсировать трансферт, был ограничен индийский кредит (30).

Один раз битые завышенной оценкой валюты, что при снижении цен больно ударило по жизненному уровню, и битые повторно удушением кредита, индийцы лишились последнего средства требовать золота. Но и этого мало: капитаны империи не без удовольствия наблюдали, как их схема заставила значительную часть населения колонии выкопать из земли серебро и золото, чтобы расплатиться с долгами, тяжесть которых увеличилась вследствие удорожания рупии. Действительно, какая-то часть индийского золота, извлеченная из земли, попала в правительственные учреждения и немедленно отправилась в Лондон для возмещения дефицита торгового баланса (31). К октябрю 1920 года Индия превратилась в одного из экспортеров золота и оставалась таковым до последней четверти 1921 года. Там жаловались, что правительство Индии «стало в лучшем случае немым свидетелем этой грязной аферы» (32).

Эта тактика, скорее дьявольская, нежели грязная, с блеском себя оправдала. Решение это, однако, было временным, и Норман не играл в нем значительной роли, хотя, должно быть, знал обо всех деталях этой операции, которая началась незадолго до его вступления в должность управляющего, и все мельчайшие подробности которой он, учитывая, что Индия представляла для него «важнейший финансовый интерес», запечатлел в своей бездонной памяти. Но Норман несомненно играл роль, причем главную, в создании первого американского послевоенного бума, каковой отметил начало его финансового правления и явил собой первый пример игры, которую он затеет десятилетием позже для достижения далеко идущих целей Британской империи.

Из рисунка 4.1, на котором отражена эволюция цены денег в Британии и Соединенных Штатах, видно, что как только Норман был избран управляющим, процентная ставка в Лондоне поднялась с высоких 6 процентов до головокружительных 7 процентов — на целый пункт выше, чем в Нью-Йорке. Это был гамбит скоординированной тандемной политики, выработанной совместно с Федеральным резервным банком Нью-Йорка, и этот гамбит будет повторен в 1929 году.

Когда Норман душил Британию семипроцентной ставкой, «доведа численность безработных более чем до одного миллиона человек» (34), Стронг следовал его примеру, и уровень про-

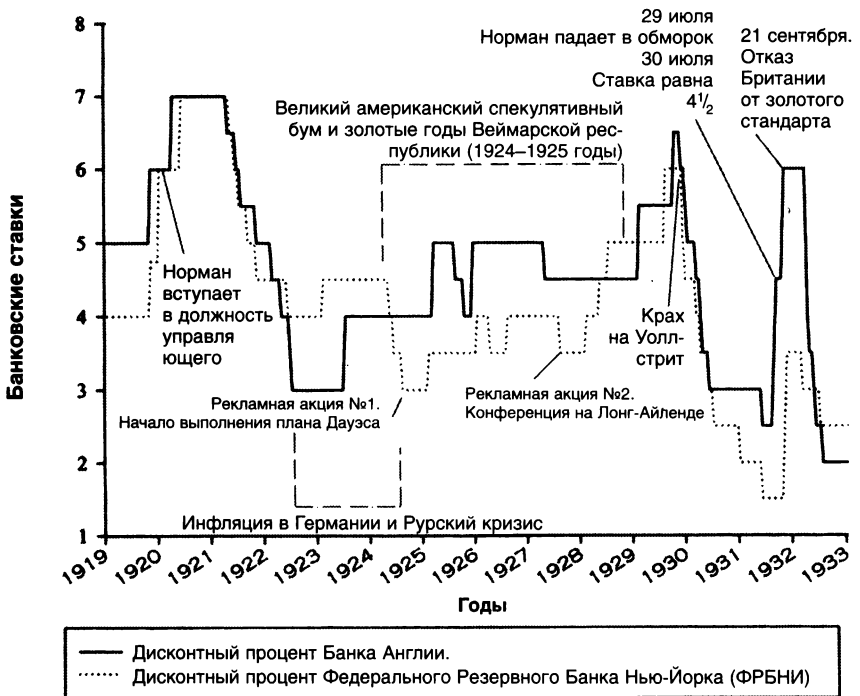

Рисунок 4.1. Тандем дисконтной политики Лондона и Нью-Йорка, 1919–1932 годы.

центных ставок поддерживался на этом уровне в течение целого года, вследствие чего обе страны к весне 1921 года переживали тяжелейшую депрессию в своей истории: за двухлетний период (1920–1921 годы) безработица в Соединенных Штатах возросла на 6,5 процента; промышленное производство, продуктивность сельского хозяйства и ВВП снизились на 19,3, 6,1 и 2,3 процента соответственно (35), в то время как головокружительное падение цен на 44 процента стало самым крутым падением за всю историю страны.

Норман в своей первой официальной речи, произнесенной 15 июня 1920 года, так оправдывал свои действия: «Мы изо всех сил стараемся вернуться к... золотому стандарту. Страна-должник не может позволить себе более низкую процентную ставку, чем страна-кредитор, а наша процентная ставка сейчас ниже, чем в Америке» (36). Поэтому скорейшим средством возвращения и сохранения золота было взвинчивание банковского процента, который и без того был уже выше ставки, преваляровавшей на «конкурирующем» рынке Нью-Йорка. «Безработные, — отстаивал свою точку зрения Норман, — в настоящий момент просто не могут быть обеспечены работой» (37). В Британии во время руководства Норманом Банка Англии в течение всего периода между двумя мировыми войнами каждый десятый рабочий не мог найти работу (38).

Норман постоянно и совершенно справедливо твердил, что безработица — дело не его, а правительства; его, Нормана, задачей было следить за финансовым благополучием империи, что он и делал: в сговоре со Стронгом он задавил бум на Нью-Йоркской фондовой бирже, сбросил вниз американские цены на недвижимость и обанкротил фермерство Америки, и все это он, по совести говоря, сделал ради проникновения британских денег на Уолл-стрит. Остается без ответа очень важный вопрос: зачем американской банковской элите потребовалось сотрудничество с британцами во имя удушения собственной экономики?

Когда оба управляющих встретились в декабре 1920 года, они были очень рады согласиться в том, что политика удорожания денег, хотя и несколько поспешная, в целом оказалась «на удивление успешной» (39). То, что они именовали «успешным», можно легко разглядеть на рис. 4.2, на котором показана динамика обменного курса фунта стерлингов и доллара. Ясно видно,

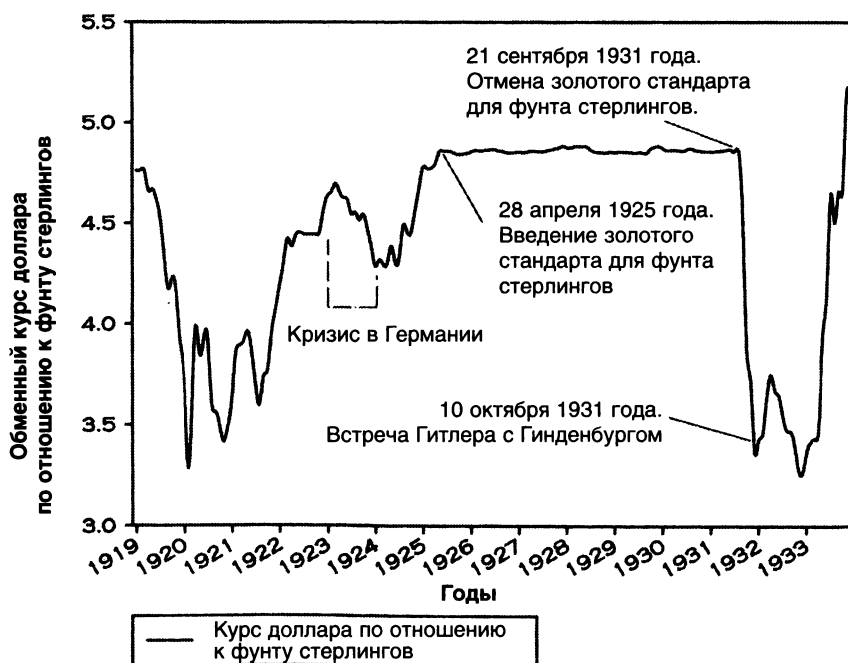

Рисунок 4.2. Динамика изменений курса обмена фунта стерлингов и доллара, 1919–1933 годы.

что с момента вступления Нормана в должность управляющего Банком Англии (март 1920 года) Британия упорно стремится зафиксировать золотой стандарт на уровне старого довоенного паритета, равного 4,86 доллара за один фунт стерлингов. Американский банкир Стронг, сидя в своем Федеральном резервном банке, не только с нетерпением ожидал этого события, но и был очень удовлетворен тем, что ему удалось обрубить аномальный рост американской денежной массы, которая, начав расти в июне 1919 года, к 1920 году достигла беспрецедентного уровня (40). Многие недоумевали, почему Федеральный резервный банк, который в 1913 году задался общепризнанной целью покончить с дикими циклическими флюктуациями, дабы предотвратить полное банкротство национальной экономики, потерпел такую жалкую неудачу при первом же серьезном испыта-

нии, не справившись после войны с ролью сторожевого пса американских финансов: спад 1920–1921 годов оказался внезапным, жестоким, необъяснимым. Опять-таки почему процентные ставки так долго удерживались на столь высоком уровне? Американская монетарная политика в 1920 и в 1929 годах, так же, впрочем, как и во весь период между войнами, кажется непостижимой, если исключить из контекста европейскую политику и в особенности британский план этой политики.

Правда заключалась в том, что после 1920 года Стронг, управляющий американским банком, сознательно ограничил кредит у себя дома только для того, чтобы значительно сократить объем дешевого кредита в Европе. Действительно, руководители Федерального банка в координации с Лондоном совместно повысили процентную ставку до 7 процентов, что позволило обеим странам накапливать золото: действительно, за период с 1921 по 1924 год Америка пережила пик накопления золота; а из всех европейских стран Британия была единственной державой, накапливавшей золото после 1920 года (41). Но почему же резервный банк решил накапливать золото именно в это время? Что ожидалось и что планировалось?

В течение многих лет общим местом всех монетаристских дискуссий в Соединенных Штатах было утверждение о том, что золото, которое пришло в страну после войны, вернется в Европу, когда снова возникнет надобность в поддержании золотого стандарта европейских валют... (42)

Повышение банковской процентной ставки в США ясно указывало на то, что время для инвестиций в Германию и соседние с ней страны еще не пришло — инвестиции было решено, таким образом, отложить. Норман и Стронг готовили почву для великого плана помощи Германии и одновременного возвращения Британии к золотому стандарту, на осуществление этого плана было отведено несколько лет. Рисунок 4.1 иллюстрирует бутафорскую скачку процентных ставок, в ходе которой каждый из управляющих морочил публике голову, возлагая на партнера ответственность за ухудшение ситуации. Публика вообще не понимала ничего из того, что делали банкиры, а они скрупулезно оправдывали свои действия, обвиняя во всем «страх перед

инфляцией»: загадочный оракульский вздор, который практически никогда и никем не оспаривался. Так оно и шло: Норман поднял ставку в апреле 1920 года, Стронг последовал его примеру в мае, а спустя год «поразительных успехов», с которыми в течение этого времени оба управляющих привлекали золото в свои подвалы, Норман снова взял в свои руки инициативу в «разгрузке рынков», снизив цену денег. Его примеру тотчас последовал Нью-Йорк.

До сих пор опыт Нормана являл собой живое воплощение старого учения о золотом стандарте, а именно, что Британии, для того чтобы усилиться, приходилось лавировать между Индией и Соединенными Штатами (43), двумя своими жадными до золота «колониями»; кроме того, было ясно продемонстрировано, что, когда речь идет о сохранении и приумножении золотого запаса Банка Англии, наиболее решительного успеха можно добиться, устроив «денежный голод» (дефляцию) в Индии и денежное изобилие (инфляцию) в Соединенных Штатах (44): то есть принуждая земледельцев отдавать накопленное в чулках золото и поощряя бум в Америке, удерживая процентную ставку в Лондоне выше нью-йоркской.

После того как Германия была очищена от военного долга, такая политика проводилась в полном объеме, и Лондону удавалось удерживать процентную ставку выше американской в течение длительного периода времени (то есть на протяжении пятилетнего периода оказания помощи Германии, см. рис. 4.1).

Так, за период с 1919 по 1920 год Банк Англии сумел защитить обменный курс фунта стерлингов и увеличить свой золотой запас на 50 миллионов фунтов, достигнув общей суммы 128 миллионов фунтов (около 865 метрических тонн) (45). Это количество ненамного меньше того, какое впоследствии, после возвращения к золотому стандарту в апреле 1925 года, стало установленным покрытием денежной массы: 150 миллионов фунтов (8 процентов мирового резерва золота) (46). Короче говоря, британский золотой запас был восстановлен к концу 1920 года. Откуда эти слитки поступили в подвалы, которыми теперь распоряжался Норман? Стенографические отчеты упоминают такие источники, как Южная Африка и Россия (47). Не была ли это часть царского золота, находившегося у Колчака?

Начиная с этого времени рынки ожидали, что фунт стерлингов станет конвертируемым в золото. Это ожидание заметно в повышении обменного курса фунта по отношению к доллару, начальная точка какового повышения (первый квартал 1920 года) совпадает с моментом назначения Нормана на пост управляющего Банком Англии (см. рис. 4.2). Повышение курса фунта прерывалось трижды: во второй половине 1920 года, в середине 1921 и во время споров по поводу репараций и рурского кризиса, то есть с лета 1922 по конец 1923 года. Война между Россией и Польшей и значительные репарационные платежи, поступавшие в долларах через Лондон, соответствуют двум первым снижениям кривой (48), после чего судьба фунта, кажется, зависит от судьбы Германии; до тех пор пока последняя не очистилась от военного долга, Британия не могла привести в действие свой план.

Именно по этой причине в период с 1922 по 1924 год Банк Англии занял «выжидательную позицию» (49): в торговле воцарился застой, спрятавшись за ставкой 3 процента — почти на 1,5 процента ниже, чем в Нью-Йорке (см. рис. 4.1) — что не раскачивало британскую экономику, Норман продолжал внимательно следить за рейхом. Он позволял Америке поглощать золото, уверенный, что со временем сумеет соблазнить американцев на раздачу кредитов, снижение ставок, и, таким образом, заставит их расстаться с частью их золотого избытка. Дело было в том, что, хотя Норман крепко держал Стронга в руках, последний, действуя как англофильский посредник между британскими распоряжениями и интересами банкиров Уолл-стрит, был неспособен подтолкнуть американских банкиров к следующему инфляционному буму во имя «международного сотрудничества» (50): в то время американские финансисты не сумели увидеть, что они получают от закачивания инвестиционных денег в шаткую европейскую неопределенность.

Норман хорошо понимал, что ключом, которым он сможет разрешить патовую ситуацию, была Германия.

Однако в это время, в 1922 году, то есть когда американская банкирская решетка временно отступила в тень, Норман, этот «человек-паук», решил провести побочный эксперимент с германской неизвестной: используя все свое влияние на голландские,

швейцарские и американские банки, он организовал беспрецедентный заем для Австрии. Благодаря этому займу инфляция была остановлена, валюта стабилизировалась, а экономика бывшей вражеской страны была восстановлена с образцовой быстротой.

Австрийский канцлер обронил слова, немедленно дошедшие до управляющего Банком Англии: «Я бы с радостью воздвигнул золотой памятник этому замечательному мистеру Норману» (51).

Так Норман создал прецедент, опыт которого применит позже для приготовления основного *pièce de résistance*: Германии.

К концу 1923 года под руководством Нормана были с успехом опробованы три основные стратегические финансовые игры: (1) согласованное (с Федеральным резервным банком Нью-Йорка) закручивание процентной ставки, сдувание спекулятивного пузыря и приобретение золота с последующей обвальной депрессией, (2) завышение стоимости рупии в сочетании с массовой продажей серебра, с помощью каковых мер заставили индийских крестьян расстаться с накоплениями в золоте, которое затем было переведено в Лондон, (3) мелкомасштабная финансовая помощь, в ходе оказания которой иностранными кредитами поддержали экономику бывшей враждебной страны Австрии, которую ожидал теперь неминуемый коллапс в случае прекращения помощи со стороны союзников.

В ноябре 1923 года произошло окончательное очищение рейха от военного долга: Веймарская республика — дипломатический пленник, космополитический бордель, финансовый заложник, оранжерея нацизма — была целенаправленно подготовлена к великому празднеству пятилетнего процветания у американской кормушки, пополняемой управляющим Английского банка. Это будет самая живописная экономическая помощь за всю историю двадцатого века, за которой последует самая горькая жатва в мировой истории: план Дауэса 1924 года — общепризнанный «шедевр» Монтегю Нормана (52).

Кредитные линии протянутся от банковской решетки союзников и, словно железными клещами, захватят заново создан-

ную денежную систему Германии. Но прежде чем начать это прямое переливание, надо было найти местного, германского адъютанта, принадлежавшего к великому банкирскому братству и должным образом воспитанного, чтобы наблюдать за исполнением плана.

План Дауэса и гиеродул Шахт

Ялмар Горас Грили Шахт родился в 1877 году в Шлезвиг-Гольштейне. Его отец Вильям питал настоящую страсть к Америке. За один год до рождения Ялмара Вильям Шахт вернулся с Манхэттена в Шлезвиг-Гольштейн, имея за плечами массу неудач, членство в масонской ложе и знакомство с влиятельным издателем «Нью-Йорк трибюн» Горасом Грили, перед которым Вильям просто благоговел. Грили в эру Линкольна слыл ярим обличителем рабства. Из этих трех весьма скромных приобретений Ялмар нес отметину третьего (в имени), унаследованные семена второго (франкмасонство) и не желал иметь ничего общего с первым (неудачи).

Еще юношей Ялмар ощутил в себе призвание к «великим делам», и его тяга к тайнам решетки, которая в Германии конца девятнадцатого века приобрела форму сладострастного объятия между магнатами тяжелой промышленности и представителями космополитического торгово-банковского братства, была непосредственной и сильной. Пора ученичества, продолжавшегося 13 лет (1903–1915), закончилась в стенах «Дрезднер-банка», одного из ведущих берлинских банков, где – как Норман в «Браун Шипли» – он познакомился со всеми аспектами банковского дела. Когда началась война, он короткое время (с октября 1914 по июль 1915 года) работал руководителем банковской администрации в оккупированной Бельгии (53).

Проблема, которую ему было поручено решить, заключалась в том, как заставить бельгийцев возмещать наличными деньгами оккупационные издержки (54). В Бельгии Шахт применил рутинную банковскую методику, которой он будет систематически пользоваться всю свою профессиональную карьеру как в Веймарской республике, так и в Третьем рейхе, и с помощью которой он выжимал деньги из банкирской решетки.

Шахт предложил заем. То есть предложил бельгийским муниципалитетам выпустить облигации. Эти облигации должны были, по мысли Шахта, приобрести состоятельные бельгийцы. Собранные таким образом деньги через оккупированные муниципалитеты пойдут на нужды немецких солдат, а бельгийскому народу оставалось рассчитывать на «продажу» товаров немецкой армии и уплату налогов, а эти последние бельгийские власти могли использовать на возмещение убытка состоятельных граждан. Это была умная схема, но, однако, она не сработала, так как прусские генералы, проявив свою обычную алчность, не стали проявлять мудрое терпение, а принялись тупо печатать деньги. Бельгийский опыт оказался не слишком благоприятным для Шахта: по возвращении в Берлин он был обвинен в фаворитизме и хищениях, имевших целью обеспечение своего работодателя — «Дрезднер-банка» — большим количеством «бельгийских оккупационных банкнотов» со значительной скидкой. Шахт защищался и сумел выбраться из неприятного положения, воспользовавшись соучастием в махинациях множества высокопоставленных лиц. Дело было закрыто: «À la guerre comme à la guerre».

В конце войны он вместе с Ратенау стал одним из основателей Германской демократической партии, но в отличие от Ратенау Шахт был не слишком разборчив в выборе подходящего средства удовлетворения своей нечеловеческой гордыни — главное, чтобы это были победители. Сгодилось все — Веймарская республика, союзники, а потом и нацисты.

Итак, при Веймарской республике он рассудительно добавил к своим «интересам» таковой «мелкого чиновника, созданного союзниками немецкого банковского аппарата» (55). 22 марта 1922 года он подчинился меморандуму Джона Фостера Даллеса, влиятельного адвоката из уолл-стритской фирмы Салливена и Кромвелля. Именно он выступил в Версале с мелочными придирками, благодаря которым бремя расходов на военные пенсии союзникам было бесчестно добавлено к окончательному итогу суммы репараций. Будучи все время повитухой немецкого «пробуждения», находился теперь в Берлине и наблюдал — среди всего прочего — за деятельностью немецкой банкирской решетки.

По его предложению Шахт представил «решение проблемы репараций» — утопический проект, согласно которому союзни-

ки, вместо того чтобы одалживать деньги расточительным веймарским министерствам, будут отдавать средства нескольким огромным конгломератам, специально созданным для этой цели. Шахт предлагал образование гигантских промышленных картелей, которые должны были стать реципиентами кредитованной американцами наличности, а также обладателями специальных экспортных лицензий, предоставленных им веймарскими властями. Эти лицензии должны были позволить картелям в течение, скажем, десяти лет расплатиться с долгами и приступить к восстановлению германской экономики.

Это было из области научной фантастики: правдоподобный сценарий (картели), сконструированный на незрелых фантазиях (конкретность репараций). Эта фантастика привела Даллеса в полный восторг: казалось, англо-американские клубы, наконец, нашли «своего человека». Даллес незамедлительно отправил памятную записку Томасу Лэймонту, главному доверенному лицу «Дж. П. Морган и К^о», в которой и выразил свой восторг: «Доктор Шахт является одним из самых способных и наиболее прогрессивных молодых немецких банкиров, и мне думается, что его план, возможно, содержит некоторые мысли, обладающие определенными достоинствами». Две недели спустя Даллес с большим энтузиазмом отвечает на предложения Шахта: «Если окажется возможным поддержать политическую стабильность, то я не сомневаюсь, что облигации и ценные бумаги, выпущенные теми монопольными корпорациями, о которых вы упоминаете, смогут заслужить доверие инвесторов» (56).

Теперь, когда Германия была «избавлена» от своей валюты, Шахт мог приступить к делу и заняться «реконструкцией». Буквально ниоткуда, спустя всего пять дней после гитлеровского путча, 13 ноября 1923 года, Шахт, словно «бог из машины» появился на политической сцене в роли уполномоченного по национальной валюте. В его задачу входило провести Веймарскую республику по шаткому мосту от убитого старого рейхсбанка к новому, обреченному на плен германскому банку.

Сидя за пустым столом, на котором стоял только телефон, Шахт в течение недели день и ночь обзванивал своих братьев по решетке. Наконец, отказавшись давать кредиты спекулянтам во временной валюте, выпускаемой в течение переходного

периода, он подписал смертный приговор старой марке, зафиксировав окончательную покупную цену на уровне 4,2 триллиона марок за один доллар. Таким образом, марка была стабилизирована на фатальном золотом стержне, один доллар равен 4,2 золотой марки, при этом двенадцать нулей были стерты. «20 ноября, — говорил Шахт, — можно считать вехой в истории стабилизации марки...» (57)

В этот же день президент рейхсбанка Рудольф Хафенштейн, управляющий, фактически растоптавший Капповский путч, потерявший на инфляции половину золотого запаса банка и жалко смирившийся с крахом своей валюты, умер от сердечного приступа. В начале того года с ним встречался Норман. Это случилось, когда немецкий банкир приполз к нему на коленях, ища сочувствия, и «человек-паук» нашел его «весьма симпатичным, но очень грустным человеком» (58).

Однако директора рейхсбанка, эти прирожденные фронтеры и «злонамеренные, изъеденные молью паши» (59) едва ли дали ослепить себя дешевыми финансовыми проделками Шахта, и отнеслись к Шахту неприязненно. Они хотели старого доброго Гельфрейха, твердолобого националиста, бывшего имперского вице-канцлера и министра финансов, и главного парламентского убийцу Эрцбергера и Ратенау: истинную, не подверженную предательству опору старого порядка. Однако теперь в Веймаре все решали не немцы, а англо-американские клубы. Даллес рекомендовал Шахта Моргану и компании, Морган и компания Норману, а Норман правительствующим веймарским марионеткам. «В течение лета и осени [1923 года Норман] впервые услышал о докторе Ялмаре Шахте как о восходящей звезде германского финансового мира, человеке с парадоксальным умом и незаурядной самостоятельной волей» (60).

22 декабря 1923 года Ялмар Шахт был избран управляющим Центральным Банком Германии. Гельфрейху, свободному теперь от всяких хлопот, оставалось наслаждаться жизнью всего несколько лун: в апреле следующего года он погиб в железнодорожной катастрофе. Решительно, даже боги были на стороне доктора Шахта. Норман сгорал от нетерпения скорее встретиться с Шахтом; своим сотрудникам он признался: «Я хочу с ним подружиться» (61). Он хотел этого так сильно, что в канун нового, 1924 года позвонил немцу и пригласил его в свой каби-

нет в банке на следующий день в одиннадцать часов утра; «Надеюсь, мы станем друзьями» — сказал он Шахту, прежде чем повесить трубку (62). Они встретились и стали больше чем друзьями; со времени их первой встречи все называли их не иначе как «близнецами».

Шахт был всего лишь полезным орудием, в лучшем случае средством, но настолько необходимым, что Норман изменил своим привычкам и принялся культивировать Шахта, надеясь заработать на нем много очков (63).

Ноябрьская стабилизация марки на уровне 4,2 стала в 1923 году лишь предисловием к великой веймарской помощи, которой было суждено даровать немцам пять лет «синтетического процветания» (64), обеспечить так называемые золотые годы Веймарской республики (1924–1929 годы). Джон Фостер Даллес еще в 1922 году упоминал о «политической стабильности». Это отношение положило конец «французскому сумасшествию» — именно так Норман рассматривал французскую оккупацию Рура (65).

В марте 1924 года клубы, через «Морган и К^о», начали массированное спекулятивное наступление на французскую валюту. Агенты клубов, заняв позиции в узлах банкирской решетки, стали накапливать франки, а затем, согласовав время, обрушили его курс на валютных биржах (66). Франк обвалился; французский банк оказался бессильным перед этой атакой: у него не оказалось достаточных средств (иностранной валюты), с помощью которых можно было собрать упавшие в цене франки и повысить затем его стоимость. Нанеся этот калечащий удар, «Морган и К^о» позаботились и о лекарстве: они предложили Франции кредит в 100 миллионов долларов на шесть месяцев под залог французского золота. В конце апреля посол США в Берлине Алансон Хьютон записал в своем дневнике: «Англия и Америка взяли франк под контроль и, видимо, могут теперь делать с ним все, что захотят» (67).

9 апреля был обнародован план Дауэса. План носил имя еще одного из тех американских «великих никто» моргановской эры: заменяемых сереньких душ со средненькими дарованиями, но в жесткой упаковке, горевших желанием оставить на

теле истории мелкие следы своего нервического укуса. Чарльз Г. Дауэс, банкир, валютный инспектор при президенте Мак-Кинли и бывший главный интендант американского экспедиционного корпуса в Европе во время Первой мировой войны (этот пост он получил благодаря старой дружбе с командующим корпусом генералом Джоном Дж. Першингом), предложил, будучи американским представителем в Комиссии по репарациям, проект того, что было окончательно оформлено на Парижской конференции 15 января 1924 года.

Мне представляется, что первый шаг, который мы должны сделать, — это разработать систему стабилизации германской валюты, чтобы получить воду, которую можно было бы лить на бюджетную мельницу. Давайте же строить мельницу после того, как поток станет настолько сильным, что сможет вращать ее жернова (68).

Это предложение носит имя Дауэса, но это был не его план — хотя он, забыв всякую скромность, буквально лопался от гордости, когда впоследствии слышал лестные слова о том, что именно он — один — придумал и осуществил этот план (69). Но нет, в действительности план Дауэса родился в недрах «Дж. П. Морган и К^о» (70) согласно указаниям Нормана, который в этот критический момент — с помощью своих доверенных американских коллег — занимался тем, что шантажировал французов. Если французы хотят возобновления своего стомиллионного займа, угрожала «Морган и К^о», то им безусловно стоит придерживаться «миролюбивой внешней политики». Это означало, что Франции придется согласиться на: (1) отказ от полноценного участия в работе Комиссии по репарациям; (2) передачу всех своих полномочий особому Агенту по репарациям, роль которого вскоре получил С. Паркер Гилберт, старый бюрократ из американского казначейства, нашедший впоследствии свою лучшую долю под крылышком «Морган и К^о»; и (3) немедленный вывод войск из Рура (71).

Несмотря на свою неуместную жестокость, эта французская импровизация была последним полубессознательным европейским бунтом против окружения старого континента морскими державами. Когда в 1924 году Франция сдалась, с Европой было

покончено: Британия мертвой хваткой держала континент за горло (72).

Что же касается «строительства мельницы», то управление «новым» рейхсбанком было доверено совету из четырнадцати человек, половину которых представляли специалисты союзных держав. Был установлен верхний предел авансирования рейха — сто миллионов марок* — чем был разрушен механизм превращения немецких денежных знаков в ничего не стоящие бумажки (73). В следующий раз, если начнется обвал валюты, Германию ожидала нищета, а не обесценивание марки, а это было еще худшее зло.

Золотой запас. Норман лелеял надежду заполнить германский валютный сейф фунтами стерлингов, что позволило бы ему взять страну под безраздельный и полный контроль, но американцы воспротивились: ведь это была их сделка. Норман великодушно согласился; в письме к матери он так объяснил свои действия:

Машина плана Дауэса, хотя она номинально является международной, на деле контролируется американцами. Это вполне меня устраивает... Для Америки Европа — «земля обетованная»; они хотят владеть ею без конкурентов! (74)

В конце концов согласились на том, что денежный запас Шахта будет состоять из займа в 190 миллионов долларов; половина этого займа будет размещена в Нью-Йорке, вторая половина — по большей части в Лондоне. За это Германия согласилась платить 7,75 процента, на два пункта больше общепринятого. Из синдикатов Уолл-стрит, назначенных размещать американский транш займа Дауэса, «Морган и К^о» реализовали 865 тысяч долларов в виде обычных комиссионных (53 процента от общей суммы) (75). Четверть добытых таким образом денег была превращена в фунты стерлингов, а остальные три четверти в золото, то есть в доллары, что отражало соотношение сил двух держав, ухвативших германскую добычу. Эти одолженные деньги должны были служить «покрытием» для будущей эмиссии новой, постинфляционной марки. Такое обеспечение должно

* В 1926 году этот предел был повышен до 400 миллионов марок.

было составить 40 процентов. В августе 1924 года старая марка была заменена новой рейхсмаркой. На 2970 новых марок можно было купить один килограмм чистого золота — таким был и старый паритет — и контроль над капиталами был вместе с этим отменен (76).

Соединенные Штаты, которые даже не подписали Версальский договор, прежде чем взять в залог всю Германию, отправили туда орду счетоводов, которые принялись оценивать стоимость немецких речушек, промышленных предприятий, лесов и лугов: все достояние Германии, все, чем она была богата, стало косвенной финансовой гарантией громадного моргановского займа (77).

Репарации. Ключевым пунктом финансовой помощи по плану Дауэса, ратифицированному 30 августа 1924 года, стали новые соглашения, касающиеся репарационных платежей. План значительно облегчал бремя долговых обязательств Германии. Вначале они были установлены без определения конкретной величины на умеренно низком уровне и должны были стать фиксированными в 1928–1929 годах на величине, которую предстояло впоследствии несколько увеличить в зависимости от уровня процветания (78). Выплаты по плану не превосходили величины германских репараций, установленной в 1921 году, но разница между выплатами, согласно плану Дауэса и выплатами по лондонской схеме, была просто добавлена к общему суммарному германскому долгу. Таким образом, Германии предстояло выплачивать репарации в течение пяти лет (1924–1929 годы), причем в конце этого периода долг становился большим, чем был в его начале (79).

Главную роль во всей этой хитроумной комбинации отвели генеральному Агенту, который в любой момент мог отменить действие статьи о трансферте, то есть ежегодный репарационный взнос Берлина мог быть приостановлен, если марка начинала испытывать чрезмерное затруднение. Этот пункт был своего рода «тормозом» (80), придуманным для того, чтобы гарантировать устойчивое поступление иностранных вложений в Германию и защитить их от всяких случайностей, обусловленных денежными переводами репараций в виде наличной валюты. Если бы агенту показалось, что такие трансферты ослабляют марку, то он мог немедленно отменить платеж: ясно, что клубы создали

систему, которая внутренне препятствовала оттоку капиталов из страны, гарантировав, таким образом, что в течение нескольких последующих лет американские деньги будут надежно работать на предварительное вооружение Германии и модернизацию ее экономики.

Последний штрих. В довершение всего в 1924 году были уволены 25 процентов государственных служащих (число безработных к 1926 году достигло двух миллионов человек). Паразитирующим собственником предложили — без особого успеха — вернуть капитал домой, и остальная часть экономики в результате всех этих действий неизбежно оказалась подавленной прекращением кредита (Kreditstopp).

Правда заключалась в том, что 190 миллионов долларов едва ли могло хватить на стартовый рывок немецкой экономики; десятью годами раньше, в 1913 году золотой запас рейхсбанка оценивался в 280 миллионов долларов. 7 апреля 1924 года, чтобы не подвергать опасности денежный запас и «покрытие», Шахт, у которого, по существу, не оставалось иного выбора, завернул все краны. Он с удовольствием поднял бы дисконтную ставку, но поскольку последняя и без того превысила все мыслимые отметки из-за гиперинфляции — в тот момент она стояла на уровне 100 процентов, — ему оставалось только одно — распределять новые банкноты, оценивая их по собственному усмотрению. Он раздавал их благополучным концернам, предоставив неблагополучным обанкротиться — вместе с изрядной долей занятого на них населения: весной 1924 года число банкротств возросло на 450 процентов (81). Но эти строгости были вызваны не природной жестокостью: просто одолженных денег явно не хватало на восстановление и оздоровление экономики. Но откуда же могли прийти эти недостающие средства? Прекращение кредита, Kreditstopp, стал решающим фактором, открывшим «дверь интернационализации немецкой денежной системы»: то, чего недоставало в первых платежах, должно было поступить в виде дополнительных иностранных заимствований (82). В системе денежного обращения Германии не было ни единой капли ее собственных денег; в течение всего срока «золотой помощи» она дышала на одолженной крови. Теперь, когда мельница была запущена, Германии предстояло жить за счет «потока», как образно выразился Дауэс в своей парижской речи.

В 1925 году, в знак благодарности за его финансовое посредничество, клубы назначили Чарльза Гэйтса Дауэса вице-президентом Соединенных Штатов.

«И. Г. Фарбен» и первая немецкая пятилетка

В финансовые жилы Германии неудержимым потоком хлынула американская кровь.

Эксперты обнаружили, что сам по себе корабль находится во вполне приличном состоянии, о чем и доложили руководству. На корабле было все необходимое, чтобы удержаться на воде, в этом можно было быть совершенно уверенным. Оказавшись на плаву, этот корабль сможет вынести бремя репараций в 625 миллионов долларов в год... В этом заключался, по сути, план Дауэса, и для того, чтобы заставить его работать, германское правительство заняло 200 миллионов золотых долларов у Великобритании, Франции и Соединенных Штатов, чтобы начать проведение политики исполнения (83).

Своры брокеров, выступавших от имени американских банков, буквально наводнили коридоры германских правительственных и деловых учреждений. Банковские ставки в Берлине были очень высоки — в среднем в течение «золотых лет» они равнялись девяти процентам; компания Моргана, истекая слюной, приобретала толстые пачки германских облигаций, намереваясь продать их «американской публике». И когорты простофиль из среднего класса, обуянные жадным желанием увидеть, как их деньги начнут «работать на них», поделились частью своих сбережений, чтобы купить многообещающие немецкие ценные бумаги.

Именно американской публике следовало продать основную часть германских репараций, и чтобы достичь этой цели, понадобилась систематическая фальсификация исторических, финансовых и экономических фактов. Это было необходимо, чтобы создать в Америке такое настроение, которое сделало бы успешным продажу немецких облигаций (84).

До 1930 года в Германию поступили приблизительно 28 миллиардов долларов; 50 процентов этой суммы в виде краткосрочных кредитов; половина всей суммы поступила из Соединенных Штатов. Только 10,3 миллиарда долларов пошли на выплату репараций; остальное растеклось по множеству весьма интересных направлений. Другими словами, начиная с 1923 года Германия не заплатила из своего кармана ни одного цента репараций (85).

Наконец, когда Германия возобновила выплаты репараций Франции, умиротворив ее вкупе с американцами, бросившими Франции свою кость, франко-бельгийские войска были выведены из Рура*. Так был инициирован абсурдный веймарский цикл «золотых годов»: золото, которое Германия платила в виде вонных репараций, продавалось, закладывалось и во время инфляции исчезало в США, откуда в виде помощи по плану Дауэса, возвращалось в Германию, которая затем, отдавала его Франции и Британии, которые в свою очередь оплачивали им военный долг Америке, а последняя, обложив его дополнительными процентами, снова направляла его в Германию, и так далее по кругу (86).

В Германии одаживали все и всё: рейх, банки, муниципалитеты, земли, предприятия и частные домашние хозяйства. Деньги тратили на строительство домов, оборудование и организацию общественных работ. Веймарская республика воздвигала храмы из стекла и стали, планетарии, стадионы, велотреки, фешенебельные аэродромы, развлекательные парки, современнейшие морти, небоскребы, титанические плавательные бассейны и подвесные мосты. Однако мир и даже американские кредиторы все чаще спрашивали своих политиков: «Во имя чего мы так рьяно помогаем Германии?» «Она наш союзник в борьбе с коммунизмом», — отвечали политики, и их веймарские клерки спешили истово поддакнуть, держа строй (87). Трудно сказать, кто вызывает большую тошноту своей ложью — союзники или сами немцы. Если бы все обстояло именно так, то деньги продолжали бы литься рекой, и если бы никто не остановил этот поток, то Германия в скором времени превратилась бы в настоящую колонию Уолл-стрит (88).

* Последние подразделения были выведены в июле 1925 года.

Однако не потребовалось много времени, чтобы понять, что вся сооружаемая конструкция есть нечто иное, как карточный домик: стоит только Уолл-стрит отозвать свои займы, как Германия потерпит полное и необратимое банкротство. Что дальше? Никто не желал дать себе труд внимательно разобраться в такой перспективе. Предопределенным оставалось только падение. Оно должно было произойти наверняка. Это был лишь вопрос времени.

Вся страна политически и экономически все больше и больше попадает в руки иностранцев... Один булавочный укол, и весь этот мыльный пузырь немедленно лопнет. Если одолженные деньги будут истребованы назад в большом количестве, то мы разоримся — все мы — банки, муниципалитеты, совместные компании, а с ними и весь рейх (89).

Но мало кто думал о завтрашнем дне в те «золотые годы»: были хлеб и работа, за работу платили хорошие деньги, и было не важно, откуда они берутся; СДПГ и профсоюзы, ведомые солидными марксистами, были восторженными приверженцами займов Дауэса (90).

Что же касается «интересных» способов использования иностранных денег, то значительная их часть продавалась рейхсбанком в обмен на золото для русских коммунистов, совместно с которыми Германия проводила программу быстрого перевооружения, что позволяло Советам косвенно выходить на западные рынки, делая там необходимые приобретения (91).

Но куда более значимой была в то время реорганизация концерна «И. Г. Фарбен» в один из тех гигантских конгломератов, которые грезились Шахту в записке, направленной им Джону Фостеру Даллесу в 1922 году.

История «И. Г. Фарбен» началась в начале девятисотых годов с производства красок (краска по-немецки Farben). Промышленность, производящая лакокрасочные материалы, состояла тогда из ядра основных, отважно рисковавших компаний, которые вкладывали большие деньги в изыскания по созданию новых цветов и красителей. BASF, самая отважная из этих компаний, «символ, перед которым благоговели другие корпорации, очень рано овладел секретом производства красных и желтых красите-

лей. Но раскрытие секрета синей краски оказалось более сложным» (92). Со временем, когда удалось решить проблему создания синтетического индиго, и это достижение было внесено в список основополагающих открытий, несколько компаний великой немецкой химической оси, так называемое большое трио — BASF, «Байер» и «Хехст», вместе с другими более мелкими сателлитами слились, образовав в 1916 году картель. Таким образом, из этих компаний получилось рыхлое, но весьма крупное соединение, интересы которого совпали с таковыми руководимого Ратенау ведомства военных ресурсов, где картель находил своих самых деятельных помощников (93). «Всю эту структуру начали называть просто I. G. (Interessen Gemeinschaft Объединение Интересов) (94). «Объединение стояло как индустриальный колосс... возвышавшийся над всей мировой химической промышленностью... Немного нашлось бы университетов, которые могли бы поспорить с этим гигантом по числу лауреатов Нобелевской премии» (95).

В конце войны авторы Версальского договора приказали союзническим инспекторам оставить в покое «И. Г.».

В отличие от французов, американцы и британцы проявляли большую деликатность и не тревожили руководителей «И. Г.». Со стороны англоамериканцев были даны уверения в том, что инспекторы не будут «проявлять любопытство к коммерческим тайнам, когда будет установлен мир». Концерну не придется раскрывать секреты технологии или отвечать на соответствующие вопросы, если они не касаются производства оружия или военного применения имеющихся технологий. «Эти уверения, — докладывал начальству офицер из Службы ведения химической войны американской армии, — позволили нам установить с ними более или менее сердечные отношения» (96).

Благодаря зарубежной помощи и «либерализации капиталов» во время организованной согласно плану Дауэса передышки, шесть концернов картеля «И. Г.» горевшие желанием усилить свое присутствие на мировых рынках, решили, наконец, объединить свои научные разработки и финансовую мощь. «Слияние произошло 9 декабря 1925 года. Компании, объединившись, стали

называться Internationale Gesellschaft Farbenindustrie A. G., или коротко «И. Г. Фарбен» (97). Этот чудовищный конгломерат, по мысли своего руководителя, Карла Боша, должен был вывести Германию из зависимости от зарубежных источников нефти.

Разве это не были те дни, когда великий пушечный король Крупп, чьи сборочные конвейеры день и ночь громыхали на Урале и близ Ленинграда, скромно снимал в Берлине помещения, находившиеся рядом с министерством обороны? Разве не могли в этих помещениях лучшие крупповские инженеры в тишине и без помех разрабатывать оружие массового уничтожения будущего, в то время как высшие армейские чины по соседству набрасывали мобилизационные планы, согласно которым Германия могла быстро создать армию в составе 63 дивизий? (98) Никто не сомневался в следующей аксиоме: «В механизированной войне будущего потребность в жидком топливе будет астрономической» (99).

Ради этой цели алхимики из «И. Г.» состряпали изумительный процесс, названный ими гидрогенизацией, с помощью которого уголь, которым Германия была очень богата, можно было превращать в нефть. В то время BASF представила способ, которым в жидкое топливо можно было перевести половину веса угля. За это достижение Бош, «первый из инженеров» (100), был удостоен Нобелевской премии.

Бош понимал, что единственный способ претворить мечту в реальность, состоял в том, чтобы создать — в том или ином виде — союз с ведущим нефтяным трестом Америки «Стандард Ойл», при этом могучая корпорация из Нью-Джерси могла финансово поддержать исследования «Фарбен» и широкомасштабное производство синтетического топлива. После нескольких лет взаимно приятного сотрудничества, каковое было особенно приятным для американцев, в 1929 году было заключено соглашение со «Стандард Ойл». В обмен на право применять промышленные способы гидрогенизации во всем мире, за исключением Германии, «Стандард» передал концерну «И. Г. Фарбен» акции «Стандард Ойл» на сумму 35 миллиардов долларов. В декабре 1929 года было создано совместное предприятие «И. Г.» и «Стандард Ойл», в прерогативы которого входило взаимовыгодное использование дорогих патентов и производство синтетического горючего. Новое учреждение

было названо «Америкэн И. Г. компани», места в совете директоров которой заняли ведущие капитаны промышленности и бизнеса: Эдсел Форд из «Форд Мотор компани»; Уолтер Тигл, глава «Стандард Ойл» и один из директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка; К. Ю. Митчелл, шеф национального «Сити-банка» и директор ФРБНИ; и Пол Варбург, первый член и создатель Федерального резервного Комитета и председатель банка «Манхэттен» (101).

«Полную историю «И. Г. Фарбен» и ее деятельности на мировой арене перед Второй мировой войной узнать невозможно, так как все немецкие документы на этот счет были уничтожены перед победой союзников» (102), но есть достаточные основания полагать, что германо-американское техническое и военное сотрудничество, прикрытое сложными и запутанными корпоративными контрактами, опиравшееся на «нейтральные» узлы решетки (например, в Голландии и Швейцарии), продолжалось в течение всех тридцатых годов, а вероятно, что и во время Второй мировой войны:

«Стандард Ойл» [будет поддерживать] картельные отношения с «И. Г. Фарбен», независимо от того, будет война или нет... Официальный представитель «Стандард Ойл» сказал: «Технология должна развиваться...» (103)

Во время Второй мировой войны «И. Г.» производила и обеспечивала нацистский режим большей частью, если не всем количеством следующих материалов: синтетический каучук (100 процентов), лакокрасочные материалы (100 процентов), отравляющий газ (95 процентов), пластмассы (90 процентов), взрывчатые вещества (84 процента), оружейный порох (70 процентов), авиационный бензин (46 процентов), синтетический бензин (33 процента); мы не упомянули еще «Циклон Б», упакованный в банки цианид, которым убивали заключенных концентрационных лагерей. Это соединение производило предприятие «И. Г.» в Леверкузене и продавало его государству из Баварии под невинным названием «Дегеш» (104).

Созданный после войны в Америке сенатский комитет, возглавляемый Харли М. Килгором, демократом из Западной Виргинии, добросовестно разобравшись в разветвлениях тайного

сговора американцев с врагом и не удержавшись от некоторой подчистки обнаруженных при этом непристойных фактов, оформил свое заключение вполне в духе известной еще с версальских времен союзнической апологетики:

Соединенные Штаты случайно сыграли важную роль в техническом вооружении Германии... Ни военные экономисты, ни корпорации, как представляется, не понимали в полном объеме, что все это означало... немцы приезжали в Детройт изучать технологию специализированного производства компонентов... Технологии, усвоенные немцами в Детройте, впоследствии с успехом были применены при создании пикирующего бомбардировщика «Ю-87» («Штука») (105).

Таким образом, даже по доступным скудным свидетельствам, можно резонно предположить, что американское сотрудничество с немецким военно-промышленным комплексом во времена Веймарской республики и нацизма было действительно интенсивным и всепроникающим. «Машина Дауэса» возвестила решающую фазу инкубации нацизма в 1924 году, когда владельцы американской банкирской решетки, высиженные Норманом, принялись со знанием дела делить между собой квоты продаж облигаций гигантской германской индустриальной оси.

«Морган и К^о» и Рокфеллер через «Чейз Нэшнл» продвигали акции «И. Г Фарбен» и немецких химических заводов на Уолл-стрит. «Диллон и Рид» разместили долговые обязательства (на сумму 70 миллионов долларов) от лица угольных и стальных концернов, таких как Vereinigte Stahlwerke Альфреда Тиссена. Эти деньги послужили тайным фондом нацистской партии*, а также источником создания чугуна и тяжелого проката для Третьего рейха. «В. А. Гарриман и К^о», слившаяся в 1931 году с «Браун-бразерс» спонсировала германские электротехнические конгломераты (106). Как мы увидим в дальнейшем, пересмотренный план Дауэса, так называемый план Янга 1929 года, был назван по имени сотрудника компании «Дженерал электрик» Оуэна Янга. Янг после этого был назначен одним из зарубежных директоров АЭГ. АЭГ, германский аналог «Дженерал

* См. стр. 233.

«Электрик», крупный, созданный еще старшим Ратенау, получил по плану Дауэса только в виде заимствований не меньше 35 миллионов долларов. К 1933 году, когда с неопровержимой ясностью стало понятно, что компания финансировала Гитлера, 30 процентов акций АЭГ принадлежали ее американскому партнеру — «Дженерал электрик» (107).

Это отнюдь не случайность: Германия постепенно, но неуклонно вооружалась в полном соответствии с диктатами Версаля. С 1924 года англоамериканцы оснастили и снарядили то, что впоследствии стало германской военной машиной, потратив на это более 150 долгосрочных займов, заключенных в течение менее семи лет (108): чем лучше и совершеннее оснащение, тем более мощной станет германская армия, тем более кровавой будет война, тем более громкой будет неизбежная победа союзников (и поражение Германии, умело направленной на конфликт), тем более полными и окончательными будут завоевания англоамериканцев. За планом Дауэса не было ни алчности, ни коварства, преследовалась единственная долгосрочная цель — подготовить вечного врага к смертельной конфронтации, конфронтации, план которой будет отработан несколько позже.

На эти американские заимствования Германия оказалась способной восстановить свой промышленный потенциал, сделав его в целом вторым в мире... и платить репарации, не имея ни сбалансированного государственного бюджета, ни положительного торгового баланса (109).

Великая немецкая машина, построенная за счет одолженного капитала и ставшая самой мощной и эффективной в Европе, работала на заимствованном топливе... Почему немцы отдали свое собственное топливо на хранение в банки иностранных держав? (110)

В действительности план Дауэса оказался первой немецкой пятилеткой (1924–1929 год) в преддверии грядущей мировой войны.

В течение этого критически важного пятилетия Норман трудился как пчела: для того чтобы поддерживать на столь

высоком уровне непрерывный поток американских денег в Веймарскую Германию, от Английского банка требовалась виртуозность, на какую — единственный во всем мире — был способен только Монтегю Норман. Ибо только он умел накапливать в своих подвалах иностранные деньги и, когда наступало время, подходящее для следующего изменения политической физиономии Германии, — отдавать их.

Великая британская шарада: крах нового золотого стандарта

Мощные лопасти подводных турбин открыли шлюзы американского снабжения Германии, и большую его часть задумал, организовал и осуществил именно Монтегю Норман. Последовательность его гениальных маневров видна по цепи самых значительных событий предвоенного периода: он стал неподражаемым и непревзойденным архитектором крушения Европы; жрецом банковского культа, ускорившим и обратившим в свою пользу отвратительное вырождение европейской цивилизации. Во время Второй мировой войны англоамериканцы пришли, увидели и победили, но прежде чем они сделали это, Монтегю Норман построил план — и его деяния, несправедливо забытые, остаются пока самым удивительным подвигом в истории англо-американской осады Евразии, осады, начавшейся в Первую мировую войну.

Согласившись на предложенное Дауэсом переливание крови, Германия открыла дорогу союзникам: марка стала свободно конвертироваться в золото, а фунт стерлингов смог подняться до своего прежнего паритета в 4 доллара 86 центов.

Итак, в апреле 1924 года было объявлено о плане Дауэса, который по сути отсрочил на несколько лет недовольство репарациями, и с этого момента фунт начал безостановочно расти (см. рис. 4.2). В мае «Морган и К°» совместно с ФРБНИ сообщили Норману и его сотрудникам, что они готовы открыть своим британским партнерам щедрые кредитные линии, чтобы защитить конвертируемость фунта в золото, когда наступит этот момент, то есть, как они предполагали, в начале 1925 года. Британское казначейство немного поторговалось, но потом стороны

все же счастливо пришли к согласию, ободренные и уверенные в успехе, после чего тандем Нормана и Стронга возобновил свою любимую игру на ставках банковского процента.

В июле 1923 года Норман поднял ставку с трех до четырех процентов, послав в Нью-Йорк сигнал о том, что Лондон готов — готов тянуть на себя золото (см. рис. 4.1). Какое-то время ушло на то, чтобы германский хаос спонтанно дошел до своего завершения и Шахт смог заняться приемом и распределением помощи, но в конце концов Нью-Йорк отреагировал и снизил ставку на полтора пункта, с 4,5 процента в мае 1924 года до 3 процентов в августе. Положение изменилось на противоположное — теперь Нью-Йорк был ниже Лондона. План, конечно, заключался в том, чтобы привлечь в Лондон, на рынок дорогих денег, новых кредиторов, а заемщиков — в Нью-Йорк, на рынок денег доступных. Это переключение имело решающее значение. Таким образом в Нью-Йорке была инициирована политика «легких денег»: Нью-Йорк поглотил большое количество частных и государственных ценных бумаг и впрыснул в экономику наличные деньги, что облегчалось вольной и небрежной кредитной политикой коммерческих банков (111). Америка распухала от наличности, а Лондон, рынок которого отличался меньшим предложением, притягивал золото как магнит. Так была запущена феноменальная лихорадка «ревущих двадцатых» на Нью-Йоркской фондовой бирже: она началась в конце лета 1924 года, что развязало руки Норману, который теперь мог приступить к накоплению золота Английским банком (112).

Но только после того, как крупный заем по плану Дауэса был в октябре перечислен по назначению, фунт стерлингов начал свое окончательное и решительное восхождение к паритету. Непрерывный рост английской валюты с октября (4,43 доллара за 1 фунт) по апрель (4,86) происходил «в страшно неблагоприятных условиях»: поддержанный американской банкирской решеткой фунт достиг вожделенного золотого паритета 28 апреля 1925 года, несмотря на «сильно отрицательный торговый баланс». В действительности повышение фунта до золотого плато произошло благодаря невидимому балансу (импорту капитала) (113). Норман осуществил свой план; в этой игре было только одно правило — изогнуть по собственному усмотрению банкирскую решетку.

Наконец все было сделано: Британия вернулась к золоту при курсе 1 фунт за 4,86 доллара. Более тридцати стран последовали примеру Британии; лондонский Сити снова стал клиринговым мировым центром.

При ближайшем рассмотрении, однако, некоторые ученые педанты заметили, что новый британский «золотой стандарт» выглядел довольно своеобразно. Во-первых, золото было практически изъято из обращения (114): держатели банкнотов не могли, по условиям нового акта, менять знаки Английского банка на золото в этом банке. Банк же был обязан не продавать золото в количестве, меньшем 400 унций, — «за сумму, не меньшую чем 8268 фунтов стерлингов за один раз» (115): золото тихо выпало из обращения, оставшись в ограниченном кругу, доступном только для «крупных игроков». Чего хотел добиться этим Норман? Исключив для экономики возможность совершать купли-продажи в золоте и, что еще важнее, накопив золотой запас в период кризиса, он убрал из финансовой системы буфер, делавший систему неуклюжей и не способной на быстрые реакции. Норман так откалибровал систему, чтобы она стала способной на быструю игру.

Во-вторых, он с успехом использовал новый оборот золота для оказания давления на центральные банки, привязанные теперь к Английскому банку, заставляя их держать часть резерва в фунтах стерлингов, каковой был теперь привязан к золоту; теперь Лондон мог инвестировать фунты от имени связанных с ним банков (116).

С одной стороны, этот инструмент золотого курса в огромной степени размывал «покрытие» стандарта в целом, подталкивая мировую финансовую систему к беспрецедентному инфляционному раздуванию; а с другой стороны, он предопределил начало катастрофической цепной реакции, которая неминуемо должна была начаться сразу после того, как одна из двух золотых валют — фунт стерлингов или доллар — станет испытывать трудности из-за слишком большой распространенности. Если, например, Лондон потеряет много золота, то фунт упадет, если же это произойдет, то, так как большинство сателлитов вынуждено держать большое количество фунтов стерлингов в качестве «покрытия», распадется вся система.

Норман играл по-крупному: ему требовалась стремительная и незамедлительная реакция на его план; он в буквальном смыс-

ле слова сконструировал мину с часовым механизмом, а мир в это время бесечно смотрел в другую сторону, не замечая опасности.

Банковская структура современного мира с ее огромной пирамидой депозитов, номинально конвертируемых в золото по первому требованию, но в действительности представленная активами, которые не могут быть превращены в ликвидность, представляет собой бочку с порохом (117).

В-третьих, сам паритет. Нет сомнения, что фунт, стоивший 4,86 доллара, был дорог. Норман хорошо это понимал. Фунт стерлингов, удерживаемый на таком уровне, не мог стимулировать британский экспорт, но зато мог стимулировать импорт жизненно важных для Британии товаров и, что еще более важно, мог стимулировать невидимый импорт: вложения капитала за границей, корабельный фрахт и финансовые услуги — все это номинировалось в фунтах стерлингов. Снова став мировым клиринговым центром, Лондон и вся Британская империя могли уверенно ожидать извлечения богатых выгод от грядущего притока иностранных денег, привлеченных высоким банковским процентом, — отсюда и важность поддержания процентной ставки в Лондоне выше, чем в Нью-Йорке.

Наконец, после десятилетнего пребывания в храме Мамоны Норман завершил подготовку к игре: большая часть промышленно развитого мира была теперь привязана к золоту, и можно было запускать великую финансовую карусель, начиненную динамитом. Воистину Норман произвел на мир неизгладимое впечатление; несмотря ни на что, он сумел построить новую, невиданную машину, которая, по всем видимым признакам, была способна дать миру шанс на такое процветание и сотрудничество, каких он до сих пор и представить себе не мог. Но Нормана боялись.

Его личность, интерес к которой возбуждался событиями, кулуарными слухами и легендами, была под стать его натуре. Его единственной супругой была империя (если не считать обожаемого банка), как выражался он сам (118), — он вел поистине монашескую жизнь, не имея ни компании, ни друзей, о которых стоило бы упомянуть.

У него были некоторые фундаментальные антипатии... Он не любил французов, католиков и евреев... Прирожденный лидер, испытывавший глубокое отвращение к так называемой демократии... (119)

Норман был странным человеком, отличительной чертой ментального облика которого можно назвать подавленную истерию... Восстанавливая Английский банк, он превратил его в крепость на случай народного бунта. Священный золотой запас был спрятан в подвалах, находившихся ниже уровня подземных вод, которыми управляющий мог затопить подвалы банка простым нажатием специальной кнопки на своем письменном столе. Большую часть своей жизни Норман скитался по миру на пароходах, покрывая каждый год тысячи миль во время своих путешествий инкогнито... под вымышленным именем профессора Скиннера... (120)

Такова была личность, с которой французам пришлось иметь дело в 1926 году. Это произошло только потому, что теперь он обратил свое внимание и на них. Теперь нити его игры должны были пройти сквозь клубок французских дел. Действительно, Франция пока оставалась единственным из крупных игроков, не подвешенных до сих пор на крюк заново смонтированного золотого стандарта.

Так же как и Германию, Францию после войны сотрясла сильнейшая инфляция, пострадала она и от беспрецедентного бегства капиталов. В начале двадцатых годов, из-за постоянной неопределенности с германскими репарациями и в связи с организованными спекуляциями франком во время вторжения в Рур, французские абсентеисты в массовом порядке начали вывозить капиталы на хранение в Нью-Йорк и в большей степени в Лондон. Статистики, касающейся размеров этого оттока, как водится, нет, но то, что можно считать определенным и то, что знает каждый банкир, что масштаб этого вывоза намного превосходил объем бегства капиталов из Германии несколькими годами раньше (121). Теперь, поняв, до чего бегство капиталов довело в 1923 году Германию, некоторые специалисты, проявив здравомыслие и реально оценив обстановку, сильно испугались и принялись во весь голос предупреждать мир об опасности.

10 сентября 1926 года один из таких удрученных оракулов, швейцарский банкир Феликс Сомари, сложив два и два, сказал в своей публичной лекции, прочитанной в Венском университете:

Сейчас мы находимся в условном состоянии покоя. Но это лишь затишье перед бурей. Как можем мы, европейцы, справиться с такой мощной силой, как Соединенные Штаты, владеющие избытком как в торговле, так и в счетах движения капитала? Для Америки единственный выход состоит в постоянном расширении краткосрочного кредитования. Никогда еще экономический цикл не начинался в таких неблагоприятных условиях, какие были созданы финансовой помощью Австрии и Германии. Но берегитесь, Америка — самый выдающийся в мире протекционист. Она немедленно закроет двери, когда Европа постучится в них со своими экспортными товарами. И если сегодня Соединенные Штаты должны ссужать, чтобы поддерживать на плаву свою экономическую систему, то это значит, что мыльный пузырь фондовой биржи скоро раздуется до поистине циклопических размеров. Что произойдет, если весь сбежавший из Франции капитал, который сейчас пущен на инвестиции его американскими хранителями, вдруг вернется на родину? Это вызовет тяжелейший коллапс. Следовательно, только немедленный вывод французских фондов из их иностранных укрытий и безоговорочная отмена нового золотого стандарта может предотвратить недопустимое разбухание фондового рынка. Ибо если оба эти действия будут совершены на подъеме или в самом разгаре американского кризиса, то размеры катастрофы, которая постигнет Европу, трудно себе даже вообразить (122).

Таким образом Великий крах на Уолл-стрит в 1929 году практики банковской решетки предвидели еще в 1926 году. Следовательно, сам Норман не мог не видеть, чем все это со временем кончится, особенно в свете кризиса 1920 года, который он сам и организовал.

Что касается вывезенных из Франции капиталов, то сроки и время здесь, как и предчувствовал Сомари, играли решающую роль. Норман, который был превосходно осведомлен о размерах

и потенциале французских фондов, едва ли мог позволить Франции играть даже косвенную роль в решении судьбы Германии, которая получала жизненно необходимые ей деньги из Америки. Массовый отток французского золота из Лондона и Нью-Йорка на условиях, отличных от условий Нормана, действительно мог вызвать крушение нового золотого стандарта и застопорить машину ростовщического процветания Уолл-стрит. Итак, деньги должны были немедленно вернуться во Францию, но через Лондон, и только тем способом, который совпадал бы с планами Нормана.

Так, летом 1926 года империя отрядила своего «человека-паука» плести паутину вокруг Франции.

29 июля 1926 года, ровно в 11 часов утра Норман вошел в здание Французского банка для встречи со своим противником Эмилем Моро. Француз был в какой-то степени смущен и испытывал неудобство: ему говорили, что Норман был «*très dur en affaires et très rusé*»; короче, Моро знал, что ему предстоит встреча с лучшим банковским управляющим в мире (123).

Успев предварительно сказать гадость о евреях, отозвавшись со страстной любовью о Британии, которой он желал господства над всем миром, Норман уговорил Моро присоединиться к «банкирскому клубу», быстро приготовившись тем временем конвертировать франк на условиях нового золотого стандарта (124).

Несколько недель спустя, в августе, генеральный агент по репарациям, Паркер Гилберт, встретился с французским президентом Реймоном Пуанкаре, и они вдвоем заключили сделку. В первые три года выплаты, которые Франция должна перечислять Америке в счет долга за военные кредиты, будут вычитаться из более крупных платежей по плану Дауэса в виде долга Германии перед Францией. Британия и Америка согласно кивнули. Три стороны хитро ревизовали план Дауэса, соединив военные долги и репарации (125). Пуанкаре торжествовал — эти счета сделают его могущественным, как никогда: Франция снова станет привлекательной для инвесторов (126). Французскому банку было рекомендовано принимать большие количества франков из-за границы.

Вот так, внезапно, во второй половине 1926 года волна капитала вернулась в свое французское отечество. Французский

банк поглотил эти иностранные деньги и принялся в большом количестве печатать франки. Иностранные резервы банка невероятно разбухли. Все затруднения франка остались в прошлом, его оценили по достоинству, и французская валюта стала предметом неистовой международной спекуляции, которая была методично подготовлена в Лондоне. Последние слухи говорили, что некие «спекулянты из Берлина» одалживают фунты в Лондоне и продают их за франки. Париж размещал фунты в Лондоне, а этот последний снова их одалживал и так далее (127). Все это наводит на мысль о том, что Норман, «доверенное лицо всего лондонского Сити» (129), на самом деле дал возможность лондонскому рынку накормить французов призраком фунта. Французов кормили до мая 1927 года, когда они, вдоволь набравшись денег и боясь разрушительного спроса на свою валюту, потребовали конвертировать часть своего огромного стерлингового резерва в золото. Это было именно то, чего ждал Норман.

Несмотря на то что биографы Нормана в один голос на все лады пересказывают истории о том, что «в его лице проглядывал трезвый расчет... что это персонаж с тысячько масок, которые он надевал в зависимости от обстоятельств» (130), читатели так и не узнавали, по каким выдающимся случаям Норман демонстрировал свои незаурядные актерские способности и устраивал театральные жесты. У нас есть все основания полагать, что в мае 1927 года наступил один из таких выдающихся случаев.

Разыграв невыразимую печаль по поводу превращения полтора миллионов французских фунтов в золото, последовавшего 19 мая 1927 года, Норман неделю спустя поспешил в Париж в сопровождении помощника, чтобы поспорить с Моро. Последний раздраженно перефразировал свои аргументы против спекуляции и просто уперся, сказав Норману, что Франция играет по всем правилам и что такая конверсия (фунта в золото) — это самое меньшее, чего может ожидать Британия после имперского возвращения к золотому стандарту два года тому назад: Лондон, поучал англичанина Моро, должен теперь повысить процентную ставку, чтобы защитить свое золото. Норман возражал, что эта мера может вызвать в обществе взрыв негодования (131). Британский управляющий принялся объяснять,

что лондонский денежный рынок — это высокоточный механизм, великолепно приспособленный для смазки британской экономики; любая порча этого механизма будет непоправимой; любое противоправное и непропорциональное извлечение золота из Лондонского банка грозит опрокинуть всю систему. Более того, продолжал Норман, никто не может точно установить источник спекуляции; спекулянты безлики: Париж сейчас обладает неограниченной властью над Лондоном, заявил Норман, но Лондон не имеет никакой власти над третьими сторонами. И, наконец, при таких высоких процентных ставках Парижа и при устойчивой привлекательности франка приток капитала во Францию просто не остановим. Париж, заключил Норман, должен снизить процентную ставку (132).

Такая умная позиция Нормана, призванная преисполнить управляющего Французским банком чувством собственной значимости и подкрепить вновь обретенное Францией ощущение финансового успеха, оказалась сильной и эффективной. Он сказал Моро, что Британия всецело зависит от милости Франции. Это была неправда; впрочем, во всем этом действе ее вообще не было ни грана.

Официально в мае между Францией и Британией возникла безвыходная ситуация; ни одна из сторон не соглашалась изменять процентную ставку, хотя стороны и подписали своего рода перемирие, которым Моро, введенный в заблуждение, на время обязался воздерживаться от требований конвертировать фунты в золото и, таким образом, от вывоза золота из Лондона. Тогда Моро обратил свои требования к Нью-Йорку, в то время как расчетливый Норман символически поднял ставку на одну восьмую процента для некоторых несущественных краткосрочных кредитов: «Мне вовсе не следует желать втоптывать фунт стерлингов в грязь,— злорадно записал в своем дневнике упорствовавший Моро,— это может навлечь на нас справедливые упреки со стороны Бена Стронга и американцев» (133). Англичанин обвел француза вокруг пальца.

С самого начала Норман весьма обдуманно и расчетливо оперировал «весьма скудным золотым резервом», то есть с «покрытием», редко превосходившим 2–3 процента от общей денежной массы в стране (134). При такой тонкой золотой прослойке любой приход денежной массы в значительных количествах,

как, например, возвращение французских капиталов, которую потребуют возместить — по крайней мере частично — золотом, могло потрясти систему. Но это и был тот эффект, на который Норман рассчитывал внезапным прекращением движения французских денег в Лондон. Именно он, Норман, поощрял спекуляцию франком; помимо этого, он не испытывал ни малейшей неловкости по поводу миллиона двухсот тысяч безработных у себя дома, при необходимости он без колебаний поднимал банковскую ставку до 7 процентов: он не боялся никакого мятежа. Из всего сказанного следует, что своим маневром он был намерен добиться чего-то совершенно иного.

Каким-то непостижимым образом он умел подбирать множество самых разнообразных людей и заставлял их делать то, чего хотел он, даже если они сами не желали этого делать... Он мог из ничего мобилизовать целую армию, что он время от времени и делал (135).

Смысл теперь заключался в том, чтобы убедить его компаньона Бенджамина Стронга в Нью-Йорке отложить закручивание гаек, которое было уже не за горами, меру, необходимую Соединенным Штатам для того, чтобы остудить страсти, кипевшие на фондовой бирже, усмирить ее активность, которая в последнее время стала слишком безрассудной. Норман представил свой тупик в переговорах с Парижем как вопрос жизни и смерти нового золотого стандарта и попросил Стронга помочь. Немедленно была созвана конференция на Лонг-Айленде, которая состоялась в июле 1927 года; в конференции приняли участие Норман, Шахт, Стронг и Шарль Рист, бывший профессор права и второй человек во Французском банке. Результатом стало не приметное, на первый взгляд, снижение процентной ставки Федерального резервного банка с 4 до 3,5 процентов в августе 1927 года. Ставка в Нью-Йорке была на один пункт ниже, чем в Лондоне (см. рис. 4.1).

Однако это, по видимости безобидное удешевление денег в Нью-Йорке в сочетании с увеличением поглощения ценных бумаг Федеральным резервным банком стало поворотным пунктом периода между двумя мировыми войнами. Это повторное раздувание денежного рынка, дополнившее более мощный и до

тех пор эффективный инфляционный толчок конца 1924 года (136), постыдный взлет Уолл-стрит к поистине фаустовским высотам в сентябре 1929 года. Таким образом, «совет директоров Федерального резервного банка допустил рост спекулятивной активности, который к августу 1928 года вышел из-под контроля и стал катастрофическим к июлю 1929 года» (137).

Для того чтобы помочь Британии временно «пережить» искусно инспирированный «французский шок», Америка путем вливаний наличности и пользуясь механизмом разницы процентной ставки, выбросила дополнительную порцию золота из своего необъятного сундука (около 17 процентов своего золотого запаса).

В первой половине 1925 года [Соединенные Штаты] потеряли золота на сто сорок миллионов долларов, а за четырнадцать месяцев до мая 1928 года потеряли еще 540 миллионов золотых долларов. Первый протуберанец составил основу новой золотой валюты Германии; второй — основу золотой валюты Франции (138).

Цель британских игр с рикошетами была всегда одной и той же, а именно обеспечить бесперебойную работу «машины Дауэса». Американская политика дешевых денег, возобновленная в августе 1927 года, в действительности должна была поддержать дальнейшее размещение в Нью-Йорке немецких ценных бумаг, укрепляя тем самым рейхсмарку по отношению к доллару (139). Еще один искусно выполненный маневр.

Так англоамериканцы снова разыграли сюжет, который был уже однажды поставлен ими в 1924 году; заемщики одалживали деньги на более дешевом нью-йоркском рынке, стимулируя повышение процентной ставки в Лондоне. Частный американский краткосрочный капитал в значительном объеме переместился в Лондон. Золотые резервы Нормана снова пополнились, и до июня 1928 года среднее соотношение фунта и доллара оставалось самым высоким за период с 1924 по 1931 год (140). Американское золото начало притекать начиная с декабря 1923 года года. Здесь запротестовали многие заинтересованные лица, например, правление Федерального резервного банка в Чикаго: члены правления не понимали, почему Америка должна разогре-

вать свою экономику ради интересов Нормана – следовательно, никакая мистификация не могла уже никого убедить, что дело обстояло по-иному (141). Именно в это время Бенджамин Стронг получил полупрезрительную кличку «ментального довеска» британского управляющего (142). Но невзирая на весь этот шум, шаг был сделан, и оказался необратимым.

Однако это облегчение, устроенное себе Лондоном, было лишь временным. Уже в июне приливная волна изменила направление. Случилось так, что из-за вновь оживившейся спекуляции краткосрочные деньги на Уолл-стрит прыгнули на поистине головокружительную высоту (20 процентов), и поэтому капиталы, которые до того уплывали из Нью-Йорка в Лондон, а оттуда в континентальную Европу, ринулись в Нью-Йорк, польстившись на более жирную наживку. Что больше всего должно было расстроить Нормана, так это то, что деньги начали одновременно уплывать и из Германии.

Короче говоря, мировая экономика вернулась к состоянию конца 1919 года, хотя на этот раз положение усугублялось массой кредита, увеличившейся на несколько порядков; экономика с грохотом, словно обезумевший поезд, летела по рельсам американской горки, разгоняемая англо-американским локомотивом, слетевшим со всяких тормозов.

Федеральный резервный банк решил мягко притушить эйфорию, сопровождая ее в том виде, в каком она сложилась. Американские банкиры решили постепенно так изменить банковский процент, чтобы понемногу выпустить пар из безмерно раздувшегося пузыря. Так, в июле Федеральный резервный банк Нью-Йорка поднял процентную ставку до 5 процентов, всего на 0,5 пункта больше, чем в Лондоне, но намного ниже ставки, свирепствовавшей на Уолл-стрит. С этим маневром игра изменилась радикальным образом; финансовые потоки между Лондоном и Нью-Йорком в июне 1924 года изменили направление (см. рис. 4.1). Так же как и в двадцатом году, это событие послужило для Нормана сигналом к жесткому вмешательству: крах должен был наступить как можно скорее – в противном случае фунт стерлингов и имперская политика будут ослаблены до полного бессилия. Норман не мог безучастно наблюдать, как Уолл-стрит высасывает из Британии золото, ранее накопленное Лондоном.

В это время, в конце 1928 года положение Британии ухудшилось; она продолжала терять золото на Уолл-стрит и опять-таки во Франции. Норман писал Шахту: «Евреи продолжают день за днем отбирать наше золото» (143). В довершение всех бед партнер Нормана Стронг в октябре умер от туберкулеза.

Норману не потребовалось много времени, чтобы обаять своими чарами Джорджа Гаррисона, преемника Стронга. Уже очень скоро заместители Гаррисона, члены совета директоров стали говорить, что их босс «живет и дышит так, как велит Норман» (144). Приласкав свою новую жертву, британский управляющий принялся умолять ее немедленно включиться в такую же гонку процентных ставок, как в 1920 году; другими словами, Норман хотел проткнуть пузырь ради сохранения британского золота. Доказав свою непреклонность, Норман сделал решительный шаг и 7 февраля 1929 года поднял ставку банковского процента на целый пункт, доведя ее до 5,5 процента (см. рис. 4.1), ожидая немедленной реакции от Нью-Йорка.

Но Нью-Йорк медлил. Сбой возник внутри американской банкирской решетки; Гаррисон и англофилы в Нью-Йорке хотели подыграть и поднять ставку до 6 процентов, но семь членов Федерального совета, надзирающего органа с резиденцией в Вашингтоне, кажется, вообще перестали понимать, что и с какими намерениями творят в Нью-Йорке. Десять раз подряд, с февраля по август 1929 года, боясь, что это неблагоприятно скажется на деловой активности, Совет отклонял предложение Нью-Йорка о повышении ставки до 6 процентов (145). Наконец, 9 августа 1929 года, на фоне бредового сближения двух стратегий, подталкиваемых диаметрально противоположными целями — Совет интерпретировал повышение как щедрый приспособительный жест в отношении рынка, а Нью-Йорк, наоборот, как давно ожидавшийся и ограничительный ответ встревоженному Норману — Совет федерального резерва, наконец, установил ставку на уровне 6 процентов.

Наконец дождавшись зеленого света из Нью-Йорка, 26 сентября 1929 года, через неделю после того, как цены акций достигли своего пика за всю историю (146), Норман поднял ставку до 6,5 процента и выпустил воздух из чрезмерно раздутого пузыря. «Тогда, совершенно внезапно, — писал финансовый редактор газеты «Нью-Йорк таймс» Александр Дана Нойес, — началось паде-

ние... Никто не мог объяснить нарастание числа продажных поручений, которые буквально хлынули потоком... Возможно, Лондон запустил беспорядочные международные продажи» (147). Лондон продавал, а золото потекло обратно в Британию.

Определенно ясно, что... повышение Лондоном банковской ставки до $6\frac{1}{2}$ процента... ускорило прекращение спекуляций в Соединенных Штатах... [и] и в октябре вызвало кризис и обрушение фондовой биржи (148).

Дело было сделано: Норман положил конец долгому сезону американских прибылей, длившемуся 15 лет, с 1914 по 1929 год, времени алчных грез и небывалого изобилия, подготовленных Британией и вдохновленных опустошением Европы. После этого банковские проценты Лондона и Нью-Йорка, переплетаясь, словно две обезумевшие змеи, покатались вниз (см. рис. 4.1): мировая экономика была изуродована долговыми обязательствами, заключенными во время бума под невысказанные высокие проценты, а крах центральных банков вызвал такое снижение цен, что деньги мгновенно ушли в землю; их заперли в подвалы — ставки снизились, банки прекратили кредитование, решетка закрылась. Начался кризис, равного которому не было нигде и никогда. То, что началось, было в действительности повторением саботажа Нормана—Стронга, устроенного в 1920 году.

Отношение золота к общему объему кредита в Америке в апреле 1929 года упало ниже 7 процентов, это самый низкий уровень за всю историю ее истории; когда крах поразил США, паралич был всеобщим (149): разоряя банки, американская элита спалила треть своей банкирской решетки, играя в британские игры. Для того чтобы выйти из депрессии, Соединенным Штатам потребовалось десять лет. С планом Дауэса было покончено, а вместе с ним и с займами, обеспечившими рынок пребывавшей в коме германской экономике: американцы потребовали назад свои деньги. В Америке внезапно и совершенно перестали покупать немецкие ценные бумаги (150).

После этого Норман занял выжидательную позицию. Начался медленный процесс удушения, который он хладнокровно наблюдал и у себя дома, но особенно в Германии. Там сбой

машины Дауэса, вызванный прекращением «потока», вызвало такое сильное политическое отчаяние, что в марте 1931 года Германия и Австрия, две страны, испытавшие на себе помощь Нормана, объявили о своем намерении создать таможенный союз (Zollverein), как средство преодоления торгового застоя в Центральной Европе. Но 11 мая 1929 года у ведущего банка Австрии, «Кредитанштальт», началась полоса неудач, после чего лопнула вся австрийская банковская система. Как именно это произошло, по сей день остается тайной. В сохранившихся и доступных документах есть упоминания о какой-то темной и «сложной системе встречных депозитов между [австрийской банкирской решеткой] и рядом американских и британских банков», установленной к 1929 году, то есть о «грязных деньгах», пользуясь словами Нормана. Какова была роль этой системы в развернувшихся событиях, неизвестно (151). Три недели спустя кризис поразил и Германию. Рейхсбанк обвинил в неприятностях иностранцев, а Федеральный резервный банк возложил вину за избыточный экспорт денег на немцев. Как бы то ни было, деньги спасались бегством, и Норман понимал, что следующей на очереди была Британия.

Норман уже давно, планируя свои действия, готовился к этой судьбоносной ситуации — по меньшей мере, эта подготовка длилась шесть лет, которые потребовались для полной отладки нового золотого стандарта. Действительно, этот стандарт был создан только для того, чтобы в нужный момент он сам собой распался; эта суть всей — если рассматривать ее в совокупности — банковской политики в тот период представляется неоспоримой.

Каждый раз, когда Норман начинал терять золото, он первый нарушал «правила игры», увеличивая денежную массу, вместо того чтобы ее сокращать (152); за период с 1924 по 1929 год значительная доля иностранных денег, привлеченных трюком с разностью процентной ставки между Лондоном и Нью-Йорком, принималась лондонскими акционерными банками, а затем неизменно переводилась в Германию, в количествах, превышавших ресурсы банков; все это делалось с полного ведома управляющего Английским банком (153). В процессе этих манипуляций лондонские банки ослабили «покрытие», сделав его вдвое меньше обычного. Официальное расследование этих не-

объяснимых «недосмотров», начатое после краха 1931 года, закончилось ничем (154).

Коротко говоря, после полного финансового краха Германии, происшедшего в середине июля, началась атака на фунт стерлингов.

13 июля Специальный чрезвычайный комитет, созданный для уяснения положения дел в британской экономике, завершил свою работу: доклад Макмиллана, обнаживший неприглядную внешнюю задолженность британских банков, был обнаружен в подозрительно подходящее время, причем в нем не была упомянута ни одна из «больших фигур» (155). Встревоженные докладом и кризисом в Берлине, центральные банки Франции, Голландии, Швейцарии и Бельгии ликвидировали небольшую часть своих стерлинговых счетов в Лондоне, изъяв оттуда 32 миллиона золотых фунтов — то есть около 20 процентов золотого запаса Нормана. То, что последовало дальше, больше похоже на сказки об инопланетянах.

Гаррисон незамедлительно телеграфировал Норману. «Можете ли вы пролить свет на происходящее?» — спрашивал он. «Я не могу объяснить это падение...» — ответил Норман (156). Эта ситуация, если выражаться мягко, была серьезной и требовала экстренных и решительных мер. Например, повышения ставки до 7–8 процентов, как признал сам Норман 23 июля, беседа с Гаррисоном по телефону (157). Как вы думаете, какое решение после всего этого принял Английский банк? 29 июля он поднял ставку банковского процента с 3,5 до 4,5, хотя 10 процентов могли бы «привлечь деньги с луны»... Поднять ставку всего на один пункт — это все равно что пытаться остановить сильное кровотечение тонкой газовой тряпочкой. Банкиры всего мира были буквально ошеломлены реакцией Лондона — непростительно глупой, как они посчитали.

В тот же день Норман, «плохо себя почувствовав», упал в обморок во время совещания в министерстве финансов (158). На время он оставил руководство банком. Сославшись на нездоровье и не афишируя свое имя в списке пассажиров, он 15 августа сел на быстроходный лайнер, направлявшийся в Квебек. Руководство банком взял на себя заместитель Нормана Эрнест Гарви, надлежащим образом проинструктированный. Вашингтон и Париж немедленно выступили с предложением помощи.

Гарви в ответ прикрылся дымовой завесой недочетов в действиях правительства. «...Которые,— заявил он,— являются причиной и источником наших бед; реально этому невозможно помочь». Никто ему не поверил, и международное банкирское братство продолжало настаивать на помощи Старой Даме с Треднидл-стрит*. 31 июля Париж и Нью-Йорк, дабы защитить фунт стерлингов, предложили Лондону кредиты, так сказать, боекомплект, с помощью которого Английский банк смог выкупить фунты, выбранные в Лондоне спекулянтами. 5 августа, когда фунт продолжал падать, а золото уплывать из страны, Гарви отказался принять франко-американские кредиты. Французы поинтересовались, что же он творит, на что Гарви ответил, что дает золоту уплывать, чтобы преподать урок министерству финансов и научить его составлять сбалансированный бюджет. Море, новый управляющий Французским банком, не верил своим ушам, «придя в совершенное замешательство» (160).

Гарви продолжал громоздить одну ложь на другую, утверждая, что источник утечки золота остается необъяснимым и что британские граждане имеют к ней только косвенное отношение, в то время как в банкирских кругах продолжало крепнуть убеждение, что именно сами финансисты Сити были главными спекулянтами, топившими собственную валюту (161). Фунт продолжал падать, и франко-американские кредиты были съедены в течение буквально нескольких дней. Французы и американцы, не смея сомневаться в честности британцев, продолжали настаивать на своем, и в конце августа предложили два дополнительных кредита — в долларах и франках,— чтобы организовать резервную линию обороны фунта. Английский банк, вместо того чтобы прибрать эти боеприпасы к рукам и отстреливаться с собственных позиций, направил эти средства в две крепости меньшего значения — в Британский заморский банк и в Английский международный банк, а эти последние частотой и размерами покупки фунтов открыли спекулянтам то, чего нельзя было открывать ни при каких обстоятельствах — величину самих резервов (162). Все поняли, что деньги, так сказать, готовы к употреблению, и что эта благодать долго не продлится,— и действительно, полученные средства были растрочены в мгновение ока.

* Жаргонное название Английского банка.

В середине сентября фунт стерлингов получил, наконец, *coup de grace*: никто не знает этого точно, но, по косвенным данным, последнее изъятие произошло через Нидерланды (163), хотя и не через официальные счета (164): центральные банки замерли и оцепенели. С этой последней диверсией Франция уже не могла поделаться ничем. Учитывая размеры ее фунтовых счетов, она теряла огромные суммы от падения курса британской валюты; действительно, в этот момент она начала лихорадочно покупать фунты стерлингов. То же самое касается и Голландского банка. Так кто же на самом деле ограбил Старую Даму?

Данные на этот счет очень «скудны», жалуются историки (165).

Отсюда следует вывод, что катастрофа была следствием деятельности серой безликой массы, которую очень удобно именуют «спекулянтами» или просто «рынком», — неких призрачных каперов, которые в сентябре обобрали подвалы банка в еще большей степени, доведя потери в последние два месяца до 200 миллионов фунтов в золоте и депозитах (166). Но при этом было хорошо известно, что

«В своих операциях с иностранными счетами Английский банк был постоянно вынужден прибегать к секретности и большой осмотрительности. Нет никакого сомнения в том, что его усилия в этом отношении были успешными, как подтверждают скудные догадки прессы и даже министерства финансов относительно истинных масштабов деятельности банка... Знание обществом того факта, что банк действительно обладает резервами, приписываемыми ему газетами... сделало бы его политику невозможной... В своих рыночных операциях [банк] преднамеренно маскировался. Имея ряд счетов в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, он не давал банкам — при платежах или приеме средств — никаких сведений о происхождении денег (167).»

Поскольку таковы были методы работы Старой Дамы, то трудно устоять перед искушением сделать вывод о том, что сам банк занимался спекуляциями под прикрытием секретных счетов в иностранных банках путем краткосрочных продаж и подобных операций, имея целью хитростью заманить все стадо в свою золотую святыню по пути «наименьшего сопротивления», —

об этом неопровержимо свидетельствуют абсурдно низкие дисконтные ставки в 4,5 процента и слабая сентябрьская оборона двух мелких банков.

В это же время, 15 сентября, в Инвергордоне, в Шотландии, 500 матросов подняли мятеж, требуя повышения жалованья. Газеты весьма живописно преподнесли эту историю, громко протрубив на весь мир, что британский флот пришел в полное расстройство. В официальных британских органах распространился психоз — всем казалось, что Британия стоит на пороге гибели. Находившийся в Новой Шотландии, действуя совместно с Гарви, Норман принялся составлять проект билля, отменяющего Золотой акт 1925 года. 18 сентября фунт стерлингов прекратил сопротивление и капитулировал. В тот день, когда Норман отплыл из Квебека на родину, на его имя из банка поступила телеграмма: «Старая Дама умерла в понедельник».

В понедельник 21 сентября на глазах у онемевшего от изумления мира Британия отменила платежи золотом.

В течение четырех недель ее примеру последовали восемнадцать стран, тоже отказавшись от золотого стандарта. Для того чтобы обуздать зарвавшихся спекулянтов, банк поднял процентную ставку до 6 пунктов, на этом уровне она оставалась в последующие четыре месяца (см. рис. 4.1).

Поначалу казалось, что случилась одна из непонятных потерь, и британцы не знали, радоваться им или огорчаться по этому поводу. Правда, вскоре «политики, пресса и общество пришли к убеждению, что те... кто отлучил Британию от золота, сделали правительству — против его воли — благословенный дар» (168).

Но это был еще не конец: правители империи для полноты картины завершили эту *pièce extraordinaire* торжественным финалом. Министр финансов и «преданный раб Нормана» Сноуден (169), выступая на официальных похоронах золотого стандарта в палате общин, с сентиментальным величием призвал собравшихся «не произносить никаких слов... в этот момент, ибо это сделает расставание еще более тягостным». Немногие скептики, чтобы не прослыть «шутниками в храме», предпочли удержать язык за зубами (170).

23 сентября Норман сошел на родную землю в Ливерпуле, а 28 сентября появился в банке. По слухам, «он был буквально

уничтожен, узнав страшную правду» (171). Очевидно, что Гарви и иже с ним просто «потеряли голову» (172).

Вот вам портрет Монтегю Нормана, противоречивого и явно больного человека, который руководил финансовыми делами империи до конца июля 1931 года, на целых девять лет больше положенного срока, человека, который в самый решительный, можно сказать, переломный момент новейшей экономической истории Британии покинул банк, передав руководство команде недостаточно компетентных людей. В результате падение отечественной валюты оказалось таким крутым, что пришлось отказаться от золотого якоря, и в результате вся мировая экономика по спирали устремилась в ад. Флот бурлил недовольством, а на управляющего банком по приезде набросилась волчья стая газетных карикатуристов, пригвоздивших его к позорному столбу. Фунт обесценился на тридцать процентов, потери на фунтовых счетах французских и голландских банков исчислялись миллиардами долларов. Возмущение голландцев этим надувательством было столь велико, что они попытались возбудить судебное преследование Английского банка; управляющий Нидерландским банком Виссеринг был немедленно отправлен в отставку.

А что сделала Британская империя? Уволила Нормана? Клеман Моро, управляющий Французским банком, за свою верность фунту стерлингов, был удостоен титула Рыцаря Британской империи в октябре 1929 года (173). Норман был утвержден управляющим и на следующий год — за которым последовали еще тринадцать лет его пребывания в этой должности.

Что же происходило дальше с ценами и золотом? Поползли ли цены в Британии, как опасались многие, вверх из-за падения фунта? Никак нет; Британия, о которой после этого все, кажется, забыли, не пострадала от изменений мировых цен, она сама их диктовала: медь, фрахт, пшеница, масла, джут, каучук и олово — все это квотировалось на рынках империи. Приспосабливаться приходилось другим (174).

А что же золото? В таблице 4.1 показана эволюция банковских запасов этого металла за период с 1925 по 1935 год (175).

К концу 1932 года золотой запас был не только восстановлен, он даже увеличился. Каким образом? Очень простым, естественно, разорением индийского раба, причем тем же способом, каким это было сделано десятью годами раньше. На период

с 1928 по 1930 год индийскому правительству было приказано выбросить на рынок треть избытка серебра (90 миллионов унций), что привело к снижению цены металла на 50 процентов (176). В 1931 году Индийский имперский банк, осаждаемый со всех сторон недовольными крестьянами и купцами, зафиксировал процентную ставку на 6 пунктах; даже директор банка, человек, лично подобранный Норманом, начал протестовать. Ограничение денежной массы касалось рупии, искусственная дороговизна которой в золотом эквиваленте поддерживалась на головокружительной высоте, и все это только для того, чтобы выполнить недвусмысленное желание Нормана снизить местные цены и устроить «опустошительный денежный голод» (177). Невзирая на всеобщее смятение и яростное негодование Ганди, у индийцев не оставалось никакой альтернативы, кроме того, чтобы выплачивать долги империи вырытым из земли металлом (178). Чем платить: золотом, сона, или серебром, чанди? Так как чанди теперь практически ничего не стоило, то расплачиваться с Британией можно было только посредством сона. Эти платежи в народе получили название «несчастья и горя». После сентября 1931 года и до конца десятилетия, волна золота, поднявшись в Индии, осела в сундуках лондонского Сити — поток был обильным и устойчивым. Вице-король Уиллингдон восторженно сообщал из Раджа: «Индийцы просто извергают золото...» (179)

Таблица 4.1.

Золотые резервы Английского банка, 1925–1935 годы

Год	Золотой резерв (в долларах по ценам 1929 года)
1925	695
1926	729
1927	737
1928	748
1929	710
1930	718
1931	588
1932	583
1933	928
1934	935
1935	973

Сентябрь 1931 года стал «переломным моментом периода между двумя войнами». Британская измена дала сигнал о «конце международной финансовой системы, установленной в двадцатые годы и подрыве основ международной экономики» (180).

Устанавливая золотой стандарт и имея в виду его будущую неизбежную отмену, Норман собрал воедино подразделения банковской решетки Британской империи: Южная Африка, Канада, Индия, Новая Зеландия и Австралия были перестроены в финансовом отношении; там были организованы или модернизированы центральные банки. Таким образом, сентябрь 1931 года стал империю финансово компактной и самодостаточной, обладающей огромным замкнутым рынком, защищенным имперскими преференциями, дополненными вскоре 20-процентным тарифом (октябрь 1932 года).

В октябре 1933 года, на обеде у лорд-мэра Сити в Мэншн-Хаус Уинстон Черчилль провозгласил тост за здоровье управляющего Нормана. «Британские банки,— витийствовал он,— продемонстрировали свою способность к гениальной изобретательности, каковая и внесла решающий вклад в укрепление нашей страны (оживление в зале)». Норман ответил арабской поговоркой: «Собаки лают, а караван идет» (181).

Последняя интрига Курта фон Шлейхера и конец Веймара

Гитлер был амнистирован в декабре 1924 года. В тюрьме он находился с 12 ноября 1923 года — то есть провел в заключении всего тринадцать месяцев. Верному Гессу он сказал, что ему потребуется около пяти лет, чтобы восстановить контроль над партией (182). Фюрер оказался провидцем: то были как раз те пять лет, что совпали с проведением в жизнь плана Дауэса. Не было больше речи о переворотах, восстаниях и тому подобном; Гитлер поклялся, что возьмет власть легальными способами. Рем, начальник штурмовых отрядов, не мог терпеть такую выжидательную тактику; он бросил все и отбыл в Боливию готовить офицерские кадры для туземной армии. Между тем англо-американские секретные службы уже с 1922 года с большим интересом следили за Гитлером (183).

Первый президент Веймарской республики Эберт умер в 1925 году, и на март были назначены новые президентские выборы. Нацисты бросили свой ничтожный пока политический вес на поддержку кандидатуры главного стратега Первой мировой войны генерала Людендорфа, который боролся теперь со своим бывшим соратником — фельдмаршалом Гинденбургом. Гинденбург победил, собрав 15 миллионов голосов, а его второе «я», Людендорф, азартный игрок, коему Гинденбург был обязан своей славой, собрал унижительно малый 1 процент народных симпатий: как политик Людендорф умер, и Гитлер, глубоко расстроенный, мог удовлетвориться тем, что избавился, наконец, от этого неуклюжего антикварного обломка прошлого.

Однако мера электорального поражения давала отчетливое представление и о степени упадка нацистского движения. До 1927 года Гитлер страдал и от того, что баварское правительство запретило ему выступать с публичными речами. Пруссия продержалась до 1928 года. «Золотые годы» Веймарской республики заткнули рот «барабанщику». Не имея возможности выступать, Гитлер передал заботу об организации деятельности партии ее ревностному левому крылу на северо-западе, где сильно влияние двух способных организаторов — братьев Грегора и Отто Штрассеров. Ветераны Великой войны, служившие в свое время в Добровольческом корпусе, братья Штрассеры воплощали собой антикапиталистическую тенденцию части немецкой мелкой буржуазии, движения, приверженного германскому утопизму позднего Возрождения. Согласно этим воззрениям, земля должна быть неотчуждаемой защищенной собственностью «крестьянской аристократии», промышленность должна быть поделена на цехи, а национальное объединение достигнуто через федерацию самоуправляющихся кантонов. Федеративная Германия, по мнению Штрассеров, означала федеративную Европу, антибританский альянс рабочих всей Евразии. Во взглядах Штрассеров, таким образом, мы не находим и следа гитлеровского религиозного расизма.

В 1926 году состоялось первое открытое столкновение Гитлера и Штрассера в связи с отношением к организованному коммунистами движению *Fürstenenteignung*; целью этого движения была немедленная экспроприация земли у аристократических собственников и передача ее в общественное пользова-

ние. Штрассер, желавший присоединиться к коммунистам, ратовал также за союз с Востоком и распространение социалистических идей на родине; то есть был, по существу, антиподом гитлеровской стратегии. 14 февраля 1926 года Гитлер созвал встречу в Бамберге, на которой в присутствии партийного руководства разнес в пух и прах линию Штрассера, назвав ее пустыми мечтаниями, *Spielerei* (184). Штрассер перестал устраивать Гитлера; даже молодой помощник Штрассера, Йозеф Геббельс, весьма воинственно настроенный в отношении неизбежной конфронтации, был разочарован ответными выступлениями своего шефа. На самом деле он, конечно, был околдован Гитлером, ореолом власти, телохранителями, дорогими лимузинами, на которых передвигались Гитлер и его окружение. Хромоногий Геббельс быстро сориентировался, и снова встал на сторону Гитлера, и был последним послан в Берлин, на должность гауляйтера (районного руководителя) — перед ним была поставлена сложная задача: сокрушить влияние красных, соблазнить рабочий класс идеями нацизма и вытеснить из столицы сторонников Штрассера. Грегор Штрассер покорно склонил голову и вернулся в гитлеровское стадо, но Отто продолжал упорствовать. Впрочем, окончательное уничтожение левого крыла движения было лишь вопросом времени; оно, это крыло, уже давно стало чужеродным телом внутри партии — оно могло мобилизовать недовольных, но не могло разжечь и вести войну в Европе. Но именно такая война была, по Гитлеру, совершенно необходимым условием основания и существования империи под знаменем со свастикой. Борьба же с аристократическим землевладением, банкирской решеткой, абсентеистами и капитанами тяжелой промышленности могла и подождать. По этому случаю, поскольку Демократическая партия Германии выступила в тот момент «против защиты частной собственности», управляющий рейхсбанком Шахт в раздражении немедленно покинул ее ряды (185). Фюрер и банкир сделали навстречу друг другу еще один, пусть и небольшой шаг. У движения коммунистов не стало будущего.

Лакмусовой бумажкой попытки заполучить в свои ряды Грегора Штрассера стали общенациональные выборы 1928 года, на которых НСДАП получила жалкие 2,6 процента (809 тысяч) голосов. Гитлер и его мюнхенские сподвижники возложили

вину за маргинализацию движения на Штрассера, но электоральные поползновения нацизма — как носителя идей всеобщего недовольства — особенно в сытые годы американских займов, могли привести только к нулевым результатам. Гитлеровцы прекрасно это понимали. Им нужна была нищета, такая же, как в 1923 году, и Монтегю Норман не замедлил погрузить Германию в нищету.

Когда в 1928 году Пруссия отменила запрет на публичные выступления нацистского лидера, которого Веймарская республика перестала опасаться, Уолл-стрит начал постепенно отзываться из Германии свои кредиты; еще немного, и Гитлера снова вызовут на авансцену — через пять лет после его выхода из тюрьмы, через пять лет после того, как была учреждена иностранная опека над немецкой экономикой.

Рвущаяся вперед, ведомая странной убежденностью своего фюрера Адольфа Гитлера в скором и неминуемом прорыве, нацистская партия как раз в это время закончила свои организационные приготовления, словно заранее зная о скором наступлении кризиса (186).

В целом, если не считать отвратительного духа времени 'современной эпохи, три клана внесли решающий вклад в захват нацистами власти: англо-американские финансисты, СССР и Ватикан — первые два сделали это совершенно обдуманно; последний был несколько менее расчетлив.

С крахом на Уолл-стрит в октябре 1929 года, крахом, который печатный орган нацистов «Фелькишер Беобахтер» даже не счел нужным упомянуть (187), и отменой золотого стандарта фунта стерлингов в сентябре 1931 года англо-американские финансисты прекратили вливания в германскую экономику, что автоматически, как мы увидим, привело к электоральному успеху нацистской партии. Через некоторый промежуток времени, верно следуя замыслам Лондона, Советы начали провоцировать гражданскую войну в Германии, чем было дано «боевое крепление» новоизбранной гитлеровской когорте.

Двухлетний период 1923–1924 годов стал временем исторического водораздела: ключевые фигуры, сыгравшие те или иные роли в первой фазе инкубации Германии, один за другим

сошли со сцены: Хафенштейн (ноябрь 1923 года), Парвус Гельфанд (декабрь 1924 года), Гельфрейх (апрель 1924 года), Вильсон (февраль 1924 года) и кардинал профессиональных революционеров Ленин (январь 1924 года). За пять лет, прошедших после смерти Ленина, Сталин очистил Советский Союз от всех «истинно верующих». То была группа людей, принадлежавших к старой ленинской гвардии, фанатично придерживавшихся лозунгов «перманентной революции». Опьянев от крови и успехов, достигнутых к тому времени в стране, которая совсем недавно была царской, такие люди, как Троцкий, были в 1924 году еще убеждены в неминуемой революции во всех странах индустриального Запада — от Германии и Франции до Америки. Троцкий, очевидно, витал в это время в собственном иллюзорном мире, и это нисколько не мешало бы его сопернику Сталину, не будь Троцкий до сих пор одним из символов СССР и, что было еще тревожнее, признанным лидером той группы в советском руководстве, которая искала мирного соглашения с социал-демократическими силами в Германии (188).

В 1927 году, после трех лет интриг, ударов в спину, множества маневров и высылки в Сибирь его приверженцев, Троцкий был выведен из состава Политбюро — свою последнюю защитительную речь он произносил, заслоняясь рукой от града летевших в него чернильниц, стаканов, книг и оскорблений (189). В 1929 году он был выслан из СССР.

В то же самое время Сталин готовил свою часть немецкой западни, фактически поддержав вынашивание нацизма на VI Конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в 1928 году.

Еще в 1925–1926 годах русские настояли на исключении из Коммунистической партии Германии (КПГ) тех ее членов, которые ставили превыше всего независимость своих взглядов. После этого Москва подчинила остальную часть КПГ «правлению» своего верного орудия Эрнста Тельмана: Сталин не желал усиления немецких коммунистов. Продолжая политику чисток, Сталин поощрял Тельмана и его уличных бойцов из Рот Фронта к схваткам со штурмовиками. Одновременно красные бойцы, выполнявшие грязную работу для Сталина, получали инструкции по расколу левого движения в Германии. Рисуя в своей официальной риторике вялых немецких социал-демократов как «социал-фашистов», то есть рассматривая их как врагов, Москва

стремилась запутать германский электорат и предотвратить создание прочной пролетарской плотины — за СДПГ и КПГ в общей сложности голосовало около 40 процентов населения — на пути наступления нацистов (190).

В течение всех следующих лет, вплоть до захвата нацистами власти и даже после этого [политика, заданная на конгрессе Коминтерна в 1928 году], не претерпела никаких изменений... В течение всего этого периода, пока тень нацистской жестокости все больше сгущалась на политическом горизонте Германии, отношение коммунистов к умеренным противникам Гитлера оставалось враждебным и деструктивным. Было ясно, что такая политика льет воду на мельницу нацистов... Менее чем за три месяца до нацистского переворота социал-демократы в отчаянии обратились непосредственно в советское посольство в Берлине с призывом разрешить немецким коммунистам поддержать СДПГ в ее борьбе с нацизмом... Секретарь посольства дал недвусмысленный ответ: «Москва убеждена, что путь к Советской Германии лежит через Гитлера» (191).

Были еще католики, составлявшие треть населения Германии при Веймарской республике. Гитлер не мог позволить себе роскошь оттолкнуть от себя — как паразитирующих собственников — адептов римско-католической церкви своим расистским гнозисом, в эзотерические детали которого были посвящены лишь идеологи нацизма. В религиозных делах партия заняла позицию нейтралитета.

В 1928 году, когда ежегодные выплаты по плану Дауэса возросли, Германия запротестовала столь яростно, что был создан новый комитет, возглавляемый на этот раз директором «Дженерал электрик» Оуэном Д. Янгом, имевший целью пересмотр исходного плана помощи. С февраля по июнь 1929 года клубы в Париже согласовывали окончательные размеры платежей «в карусели репарационных задолженностей, разыгрывая самый абсурдный эпизод мировой истории» (192); так родился план Янга. То было прямое следствие начатых в 1926 году совместных с французами действий по установлению связей между немецкими платежами и возмещением военных долгов союзни-

ков. Согласно этим условиям, Германия была обязана выполнить 59 несколько уменьшенных платежей до 1988 года. Часть этого долга могла быть, по условиям, возмещена в ценных бумагах, то есть сформирована в виде пакетов и продана частным инвесторам на денежных рынках Запада, чтобы выручить наличность для выплат вечно голодной Франции, которая взамен обязывалась к 1930 году вывести войска из Рейнской области, то есть на пять лет раньше исходно оговоренного в условиях Версальского договора срока. Для того чтобы облегчить задачу продажи ценных бумаг и облигаций, в Швейцарии, в Базеле, был учрежден новый банк — Международный расчетный банк. Должность генерального агента была упразднена, и Германия снова стала хозяйкой собственных железных дорог. Великая депрессия отпустила этому плану всего полтора года жизни.

Будучи президентом рейхсбанка и финансовым экспертом германской делегации, Шахт, подписал план Янга в июне 1929 года, но вскоре денежная волна из Нью-Йорка изменила направление и стала высасывать деньги из Германии. Предвидя, что произойдет дальше, Шахт, вероятно, впал в панику. Надо было срочно покинуть тонущий корабль. Так, в декабре, во время окончательных переговоров по уточнению деталей плана, Шахт возмутил стоячую воду, разослав официальное письмо, настоящую «бомбу» — в этом письме от отрекался от всех своих обязательств, используя для этого всю финансовую и дипломатическую иносказательную риторiku, на какую оказался способен. Правительство, заявлял он, внесло дополнения, которые нарушили условия исходного документа (193). Эффект был столь неблагоприятным, что министерство финансов порекомендовало Шахту подать в отставку, то есть сделать именно то, чего Шахт и хотел добиться своим озорством. В марте 1930 года президент Гинденбург, возмущенный тем, что показалось ему «позорным малодушием и внутренним бунтом перед лицом противника» (194), и не вполне способный оценить всю глубину мотивов поведения этого дерзкого и вздорного Шахта, высокомерно принял отставку банкира.

Надо отдать должное Шахту, он, не жалея усилий, хотя и безрезультатно, пытался все время своего пребывания на должности управляющего рейхсбанком (1924–1929 год) обуздать неумеренные заимствования у муниципалитетов, однако он практически

ничего не сделал для того, чтобы остановить гигантский поток американских денег и технологий в крупные промышленные центры Германии (195) — и не сделано это было по уважительной причине: именно такова была цель призового испытания, ради которой он подчинился Даллесу в 1922 году. В целом Норман и клубы были в восторге от Шахта. Он хорошо справился со своим поручением. Норман и клубы предполагали, что, как гьеродул великой решетки, он еще не до конца сыграл свою роль, но пока Шахт вышел в отставку и уехал в свое имение в Бранденбурге, наблюдая за ходом развития событий и почитывая на досуге «Майн Кампф».

1930 год: на фоне разразившейся финансовой катастрофы «Рот Фронт» и нацисты открыто выступили против католицизма. Кризис наконец ударил Германию с той силой, какую только способна придумать человеческая хитрость.

Безработица росла как на дрожжах. Только по официальным документам, к 1930 году она достигла трех миллионов человек. Многие люди в отчаянии сводили счеты с жизнью.

С республикой было покончено в марте 1930 года. После того как правительство не смогло провести в парламенте закон о повышении пособий по безработице, оно — последний из призрачных веймарских кабинетов — пало. Президент Гинденбург назначил следующим канцлером консервативного католика Генриха Брюнинга. Брюнинг был готов принимать суровые декреты, чтобы сбалансировать бюджет. Надеясь организовать приемлемую коалицию, способную поддержать его политику, он распустил рейхстаг в июле, назначив на сентябрь проведение парламентских выборов.

Эти выборы знаменовали электоральный прорыв нацистской партии: от 2,6 процента она прыгнула до 18,7 процента; за нацистов проголосовали 6,4 миллиона избирателей. Нацисты стали второй после социалистов (24,5 процента) политической силой в Германии. Католики получили 15 процентов голосов, коммунисты 13,5; в это же время националисты, пережиток империи Вильгельма, постепенно теряли свою значимость — в целом они собрали 47 процентов голосов в 1924 году, 39 процентов в 1928-м, 24 процента в 1930-м и, наконец, упали до 10 процентов в 1932 году (196). К тому времени инкубация была завершена; старая гвардия породила нацистское движение. 13 октября

1930 года, почти через шесть лет после выхода Гитлера из тюрьмы, 107 нацистов торжественно вошли в зал заседаний рейхстага. Полностью подконтрольные Москве, вооруженные и обученные агентами советской тайной полиции (ГПУ), проникавшими в Германию по фальшивым паспортам, один миллион красных бойцов потрясал дубинками, приветствуя выход нацистов в большую политику. Готовый к драке, в 1931 году из Боливии в январе 1931 года вернулся Рем.

Вскоре после того, как иссяк направленный в Германию поток иностранных денег, ловушка, изобретенная союзниками, захлопнулась. Поскольку закон о рейхсбанке от 1924 года запрещал центральному банку авансировать государству наличность сверх низкого установленного уровня, федеральные и региональные правительства бросились в частные коммерческие банки, прося денег у них. Банки, одалживая деньги по канонам прибыльности, не сумели приспособиться к новым условиям, и те из них, которые решились приобретать государственные облигации, в той же пропорции снизили свою активность в частном секторе, что усугубило напряженность на финансовом рынке и подстегнуло рост безработицы (197). Так же как в 1923 году, германская банкирская решетка оказалась буквально колонизована союзными инвесторами: в 1930 году более 50 процентов всех депозитов германских банков принадлежали иностранцам. (198). Это были деньги, которые испарятся при первых признаках краха. И, наконец, в довершение всех бед, неколебимое бремя репараций сковывало всякую свободную финансовую инициативу со стороны рейха. «Машина Дауэса» прочно и надежно пригвоздила Германию к кресту.

Когда в марте 1931 года Германия и Австрия объявили о своем желании создать таможенный союз, который *de facto* можно было назвать *Anschluss*'ом*, созданием более крупного немецкоязычного государства в республиканском обличье, жизненно важные денежные фонды были таинственным образом отозваны из Австрии в мае, а из Германии в июле, вскоре после того, как кабинет Брюнинга издал новый набор экстренных декретов. То были обдуманые меры — сокращение окладов правительственных чиновников, снижение государственных расходов,

* Аншлюс (букв.: присоединение) — аннексия Австрии Германией.

уменьшение военных пенсий и повышение налогов — все эти меры были названы дефляционной политикой. Единственное, чего этим добились — это сокращения денежной массы, чтобы сделать пропорционально более доступными золотой запас и иностранную валюту, которые, впрочем, также как в 1923 году, — видимо, случайно, — германские абсентеисты и иностранцы быстро перевели за границу.

Через несколько недель после этого мертворожденного аншлюса Соединенные Штаты, как и предсказывал швейцарский банкир Сомари в 1926 году*, провели тарифный акт Холи-Смута, согласно которому устанавливались тарифные ставки на уровне более 20 процентов, на самом высоком за всю историю США.

После заявления о возможном аншлюсе Германия превратилась в осажденный город с перерезанными коммуникациями и путями подвоза. Все припасы защитников города были урезаны недремлющими противниками... Раздававшиеся голоса все чаще упоминали имя библейского Самсона, намекая на единственный возможный теперь для Германии путь. Ибо в самой глубине всякой тевтонской души лежит неистребимое убеждение в том, что Германия не может пасть одна и что европейская цивилизация ненадолго переживет ее падение и крах (199).

20 июня на волне уплывающего из Германии золота и беспорядков, вызванных этим обстоятельством в ведущих банках Запада, президент США Гувер объявил о замораживании репараций и долгов сроком на один год. Эта мера была продиктована желанием дать передышку немецкой экономике и уберечь ее от полного краха и коллапса. Четыре дня спустя, после унижительных просьб со стороны канцлера Брюнинга и нового управляющего рейхсбанком Лютера, французские, американские и британские центральные банки, в дополнение к новому швейцарскому учреждению, выдали Германии заем — но это были крохи. Немцы попросили больше. 9 июля Лютер — с остановкой в Париже — прилетел в Лондон, чтобы умолить кредиторов оживить Веймарскую республику. Норман в ответ только покачал головой, как он сделал это за восемь лет до этого в присутствии управля-

* См. выше, стр. 261.

ющего Хафенштейна; он выразил сочувствие, но заявил, что в настоящий момент ничего не может сделать. Причина, с сожалением заключил он, скорее политическая, чем финансовая. В то же время Норман посоветовал Лютеру еще больше ограничить кредит (200). Очевидно, Норман был преисполнен решимости отстранить кабинет Брюнинга—Лютера от власти путем длительного финансового удушения. Уже до этого, после падения банка «Кредитанштальг», британский управляющий заявил корреспондентам газет, что Австрийскому банку был нужен иностранный «мясник» и что Шахт оказался «самым подходящим типом такого мясника» (201). Шахт был, видимо, польщен, но к этому времени он был уже «занят». Вероятно, ему так понравилось то, что он прочитал в «Майн Кампф», что он в январе 1931 года решил встретиться с автором, чтобы обсудить некоторые проблемы. «Стало совершенно ясно, что в то время, как французская политика направлена на сохранение статус-кво, Норман... делал все для установления нового порядка» (202).

Финансовые контуры «нового порядка» были обозначены летом 1931 года. В июле, после краха нескольких крупных банков и их реабилитации за государственный счет, самая острая фаза германского кризиса осталась позади, но никакого возвращения к «нормальным условиям» не произошло (203). Был введен строгий валютный контроль наряду с учреждением специальных банковских консорциумов для спасения самой здоровой части бедствующей экономики. Государственный контроль над экономическим аппаратом был значительно расширен. Эту систему потом унаследовали нацисты, и именно этот подход послужил топливом чудесного экономического выздоровления. Специальное соглашение о замораживании было заключено с кредиторами 1 сентября. При этом в Германии было заморожено долгов на сумму 1 миллиард 250 миллионов долларов. Из этих замороженных кредитов 30 процентов были британские краткосрочные займы; за пару недель до этого началась последняя «утечка» фунта стерлингов. Официальная безработица в Германии между тем достигла пятимиллионной отметки.

В октябре, как раз тогда, когда лопалась и трещала по швам международная финансовая система, офицеры королевских военно-воздушных сил сопровождали Альфреда Розенберга, гитлеровского расового теоретика, в его посещениях лондонских

клубов. Среди прочих Розенберг встретился с директором газеты «Таймс» Джеффри Доусоном; издателем газеты «Дейли Экспресс» и закадычным другом Черчилля лордом Бивербруком; и с самим «человеком-пауком» Норманом, которому Розенберг приглянулся своими антисемитскими изысканиями; кроме того, была встреча с одними из будущих влиятельных сторонников нацизма, директорами банкирского дома Шредера (204). Это был концерн, имевший большое влияние во всемирной банковской сети; официальным представительством Банка Шредера на Уолл-стрит было не что иное, как контора «Салливен и Кромвель», где завершили свое ученичество братья Даллесы, Джон Фостер, юрист американской делегации в Версале и будущий государственный секретарь США и Аллен, возглавлявший в годы холодной войны Центральное разведывательное управление (ЦРУ) (205). Бруно фон Шредер, патриарх компании, был в 1905 году одним из учредителей англо-германского «Юнион-Клуба» (206), и его банк вошел в «тот узкий круг лондонских финансовых домов, пользовавшихся признанным (пусть и неофициальным) влиянием... в правлении Английского банка» (207). «С началом войны Шредеры стали финансовыми агентами Германии в Лондоне» (208). С 1918 по 1945 год доверенным лицом Шредеров в Английском банке был человек по имени Фрэнк К. Тайаркс, занимавший последовательно ряд постов и должностей. Тайаркс участвовал в «немецком эксперименте» с самого его начала в 1918 году (209).

В течение какого-то времени германское правительство выплачивало пособия по безработице, но после краха 1931 года безработные были предоставлены своей судьбе. Боевики противоборствующих политических партий дрались на улицах, лилась кровь. В этой обстановке 10 октября 1931 года Гитлер, как представитель нового массового движения Германии, встретился с президентом Гинденбургом. Своевременность этой встречи просто поражает: прошло всего две недели после отказа Британии от золотого стандарта, а нацисты уже ищут встречи с президентом Германской республики, чтобы предъявить то, что с полным правом можно назвать законной претензией на власть. С точки зрения морских держав, предпосылки для такой встречи не могли быть более благоприятными: новый динамичный лидер националистов встречается лицом к лицу

с эрзац-кайзером Гинденбургом — герой войны и блистательный символ императорской эпохи. «Дело сделано» — так, должно быть, думали они.

Но дело не было сделано. Гинденбург испытывал глубочайшее отвращение к этому «богемскому ефрейтору»; он принял Гитлера, беседовал с ним и отпустил с ледяной холодностью. Германия сопротивлялась. Гинденбург решил до конца поддерживать своего канцлера Брюнинга.

Озлобленный Гитлер принял участие в крупной антиреспубликанской манифестации правых, состоявшейся 11 октября в Бад-Гарцбурге, где частные армии правых партий и толпы их сторонников маршировали по полю, а на помосте стояли лидеры, включая Шахта. Последний, ставший к тому времени официальным экономическим советником Гитлера, не мог скрыть своего восторга и произнес речь, весьма, кстати, подлую, в которой высмеял жалкие попытки Лютера — своего преемника на посту управляющего рейхсбанком — спасти положение.

Канцлер Брюнинг к тому времени правил исключительно декретами, воспользовавшись статьей 48 Конституции Веймарской республики, позволявшей канцлеру проводить противоречивые распоряжения через голову депутатов рейхстага; коллегиальное законотворчество в Германии прекратилось окончательно. Раздражающие меры, осуществленные Брюнингом в июле, были 8 декабря 1931 года подкреплены еще одним подобным декретом. Канцлер затеял опасную игру: он хотел эмоционально обезоружить кредиторов Германии, доведя до невыносимого предела страдания народа, надеясь таким образом добиться отмены репараций, а затем приступить к организации общественных работ. Но на самом деле выбора у него не было, так как иностранные кредиторы оказались безжалостными. Так же как и Веймар, канцлер Брюнинг был обречен с самого начала.

Наступил 1932 год, год избирательного сумасшествия. Прошел семилетний срок пребывания Гинденбурга на посту президента Германии. В марте состоялись президентские выборы. Гинденбург выставил свою кандидатуру, и после некоторых колебаний Гитлер решил бросить ему вызов. Нацисты потратили массу денег на предвыборную кампанию, а также на беспрецедентные полеты на аэроплане, сообщения о которых регулярно

печатались в газетах под броским лозунгом: «Гитлер над Германией» (210). В первом раунде Гинденбург набрал 49,6 процента голосов, а Гитлер 30,1 — это было разочарование. Гинденбург был переизбран президентом во втором туре голосования. Предвыборная борьба сопровождалась яростными уличными столкновениями, и правительство Брюнинга, опасаясь начала гражданской войны, запретило полувоенные формирования Гитлера: особым указом предписывался роспуск СА и СС.

Потом из туманов над застоявшейся водой министерских кабинетов стала медленно возникать фигура Курта фон Шлейхера. Это был «серый кардинал», тень которого маячила за каждым заговором и за каждой интригой, сотрясавших нелегкую жизнь несчастной «республики».

Шлейхер начал свою карьеру теневым кукловодом в генеральном штабе Людендорфа. Во время войны он планировал и организовывал отход и упорядоченное отступление германских войск; он был одним из тех генералов, которые вели переговоры с Эбертом во время восстания германских Советов в 1918–1919 годах; он был координатором подавления этих восстаний силами Белой армии; вместе с фон Сектом он планировал введение чрезвычайного положения в 1923 году; и именно он был архитектором секретного альянса с троцкистами и Красной Армией: человек с острым умом, высокообразованный офицер, очаровывавший всех своими блестящими и необыкновенными способностями. Это все, что мы о нем знаем. Шлейхер до сих пор остается истинной загадкой Веймарской республики. Никто до сих пор не понимает, чего на самом деле хотел этот человек. «Вопросительный знак с генеральскими эполетами», — сказал о нем Троцкий (211).

С 1929 года Шлейхер, как руководитель политического отдела министерства рейхсвера, неофициально являлся связующим звеном между армией и правительством.

28 апреля он пригласил к себе Гитлера и провел с ним серию секретных переговоров, имея целью опрокинуть правительство Брюнинга, прозванного к тому времени Канцлер Голод и имевшего репутацию человека, загнавшего Германию и самого себя в безнадежный тупик. План предусматривал отмену запрета СА и роспуск парламента в обмен на терпимое отношение национал-социалистов к новому правительству. В качестве

марионеточного канцлера Шлейхер выбрал католического аристократа Франца фон Папена, весьма беспристрастного джентльмена, увлекавшегося верховой ездой и плетением интриг. Папену было суждено возглавить баронский кабинет, управляемый из-за кулис Шлейхером и имеющий целью экономическое оздоровление Германии. Шлейхер сумел убедить в своей правоте «старика» Гинденбурга, и 30 мая 1932 года Брюнинг был отправлен в отставку, «за сто метров до финиша», как с горечью сказал он сам.

Действительно, в июне, во время международной конференции в Лозанне, — теперь, когда инкубация была завершена, — союзники по предложению Британии покончили со схемой выплаты репараций, потребовав уплаты символического куска в 3 миллиарда марок, которые Германия так и не заплатит, — в 1933 году Гитлер отказался платить репарации. Предсказания Веблена оправдались: Германия потратила на репарации около 10 процентов своего государственного дохода до 1923 года и ничего не потратила после этого; все деньги для этих целей были заимствованы, но никогда так и не были возвращены. С отменой репараций было одновременно покончено и с военными долгами. За период с 1918 по 1931 год Соединенные Штаты покрыли лишь 20 процентов кредитов, выданных союзникам (212). После этого американцы законодательно запретили символические платежи в счет долга, и никто не стал настаивать на дальнейших платежах — это был финал. На германские заимствования и союзные кредиты Америка потратила около 20 процентов своего ВВП в ценах 1914 года — такова была плата за европейскую авантюру (около 40 миллиардов долларов) (213), возмещение США получили во время Второй мировой войны, а после 1945 года с лихвой окупили свои вложения.

Папен, назначенный канцлером 31 мая 1932 года, начал с того, что распустил парламент. Германии предстояло пережить второй за этот год выборный марафон. На этот раз нацисты показали все, на что были способны. Тысячи ораторов разъезжали по всем уголкам Германии; заморский аэроплан Гитлера переносил его из одного города в другой, где он без усталости выступал с речами, радио ревело речами и музыкой, на каждом углу продавались виниловые грампластинки, по улицам

маршировали колонны, на прилавках громоздились груды товаров, крутилась кинохроника, прохожим раздавали булавки со свастикой, отличилась даже компания «Двадцатый век Фокс», отснявшая шикарный пропагандистский фильм по заказу Гитлера (214); горы памфлетов, километры открыток и плакатов, облепивших стены всех немецких городов, и повсюду флаги и знамена — воистину вавилонское столпотворение. Ставки были сделаны — теперь или никогда. Не в последнюю очередь, кроме того, благодаря популярности программы Грегора Штрассера, программы, предусматривавшей изъятие земли, организацию «крестьянских поселений» и общественных работ, каковые должны были финансировать некие взявшиеся ниоткуда, по мановению волшебной палочки «производственные кредиты», которые решетка должна будет предоставить после ее насильственной экспроприации ордами немецких бюргеров. НСДАП 31 июля 1932 года получила рекордное количество голосов — 37,3 процента, то есть 13,7 миллиона голосов (215). Это максимум того, что смогла собрать нацистская партия легальным путем, — это была весьма значительная доля, но не абсолютное большинство. Прорыв не состоялся.

Как только в июне был снят запрет штурмовых отрядов, красные и коричневорубашечники немедленно снова принялись рвать друг друга в клочья. В течение месяца полиция зарегистрировала более ста уличных убийств. Раненых было в три раза больше. Геббельс писал в своем дневнике: «Мы катимся к гражданской войне, но на Вильгельмштрассе это никого не волнует».

10 августа Гитлер встретился с Гинденбургом и потребовал пост канцлера. Гитлер без обиняков заявил президенту, что не собирается входить в кабинет, чтобы играть вторую скрипку при фон Папене, и не собирается сколачивать в парламенте поддерживающее его большинство. Он тоже желал править декретами: все или ничего. «Ничего», — резко ответил Гинденбург: он абсолютно не доверял Гитлеру. Тот кипел от ярости.

В этот переломный момент марионеточный Папен попытался разорвать нити, связывавшие его с Шлейхером, и начал в интересах англо-американских клубов плести интриги против своего патрона (215). Этот аристократ и любитель лошадей рассчитывал привести Гитлера к покорности и приручить его,

введя в свой баронский кабинет министров, финансово удушив его партию на следующих выборах, на которых, как верно чувствовал Папен, Гитлер будет выбит из седла — народ устал от избирательных кампаний и невыполненных обещаний. Для того чтобы провести этот план в жизнь, фон Папен убедил своих друзей — абсентеистов, банкиров и промышленников — прекратить финансирование фондов нацистской партии.

Кто финансировал нацистов с самого начала? Согласно гротескно смешной сказке, упорно насаждавшейся в обществе, нацисты финансировали себя сами, собирая деньги на митингах и пользуясь добровольными пожертвованиями, делая деньги на продаже штурмовиками безопасных лезвий Stürmer («Штурмовик») и маргарина Kampf («Борьба») (217). Десять лет небывалой политической активности по всей стране, участие в трех выборах, изобиловавших грязными выборными инновациями, проведение широко разрекламированных избирательных кампаний в обанкротившейся стране за счет продажи билетиков, мелочных подачек и маргарина?

Более достойную доверия версию выдвинул один первоклассный историк, два года проработавший с важнейшими документами. Согласно его утверждениям, с 1919 по 1923 год, год путча, нацизм финансировали из секретных фондов рейхсвера (армии), а потом эстафету приняли германские промышленники (218), такие, например, как стальной магнат Фриц Тиссен, начавший платить Гитлеру в 1931 году, перечисляя деньги на имя помощника фюрера Гесса, через счет одного голландского банка, связанного с филиалом Уолл-стрит — банком Union Banking Corporation. Этот последний был дочерней компанией банка Гарримана и братьев Браун, которым управлял некто Прескотт Буш (219). В 1934 году иностранный корреспондент газеты «Манчестер Гардиан» сумел доказать верность слухов о том, что большая часть денежных средств нацистской партии имеет иностранное происхождение:

Гитлер имел в своем распоряжении большие фонды, которые отнюдь не целиком формировались из германских источников. Он получал деньги от определенных капиталистических кругов в зарубежных странах, кругов, привлеченных его враждебностью к Советской России, или... его политикой,

требовавшей вооружения... Международные финансовые группы не испытывали ни малейшего отвращения к гитлеровскому режиму (220).

В сентябре Папен снова распустил рейхстаг, и новые выборы были назначены на 6 ноября. Надежды канцлера оправдались: нацисты потеряли два миллиона голосов — их процент снизился до 33,1. Они стали банкротами, быстро теряя набранные очки. Но Папен и сам ничего не приобрел на этих выборах, блок националистов, который он воплощал, потерпел сокрушительное поражение; он и его бароны оказались неспособными усмирить царивший в Германии разгул. Официальная безработица достигла уровня в шесть миллионов человек, если добавить к этому бродяг и неучтенные случаи, то орда новых бездельников составляла около девяти миллионов душ — приблизительно половину всего немецкого рабочего класса (221). Это был долговременный эффект «машины Дауэса», шедевра Монтегю Нормана. Сообщения о неопишуемых преступлениях, уличных драках, инцесте в деревнях и грабежах стали ежедневными обыденными новостями.

19 ноября Гитлер, все еще лидер ведущей в стране политической силы, снова постучался в дверь Гинденбурга, требуя от него президентского мандата. И снова получил отказ. «Кабинет, руководимый вами,— с солдатской прямоотой сказал Гинденбург фюреру,— необходимо станет диктаторской партией, следствием чего станет углубление конфликта, раздирающего немецкий народ... Я не могу отвечать за такие последствия ни перед моей присягой, ни перед моей совестью». Этот отказ прозвучал как окончательный приговор. Гитлер был напуган и сломлен: в тот момент он признался Геббельсу, что у него займет три минуты, чтобы выстрелом вышибить себе мозги, и это будет конец всему (222).

Теперь настал час коварного Шлейхера — следовало сильнее потянуть за нити, чтобы решительно завершить весь заговор, — он явился к Гинденбургу и попросил Старика позволить ему, генералу, взять бразды правления в свои руки. Содрогнувшись от дурного предчувствия, старый фельдмаршал согласился и 2 декабря назначил Курта фон Шлейхера последним рейхсканцлером Веймарской республики.

15 декабря генерал выступил по радио и обнародовал программу широкомасштабной попытки создания рабочих мест. Он явно обратил взор на левый фланг, рассчитывая создать всеобщий альянс, включавший множество сил — от католиков и социалистов до армии и левого штрассеровского крыла нацистской партии. Это был превосходный маневр, последнее наступление, предпринятое Германией в лице одного из ее генералов в попытке удержать себя от падения в бездну. Поистине этот маневр был плодом безмерного отчаяния. 19 декабря Шлейхер принял Максима Литвинова, русского министра иностранных дел, который на встрече вел себя очень сердечно (223). Но Литвинов обманывал человека, которого немецкая реакционная пресса уже поносила как внушающего страх и отвращение «красного генерала»: еще в первой половине октября Литвинов говорил Ивану Майскому, только что назначенному новому советскому послу в Лондоне, что нацисты скоро придут к власти (224).

Но несмотря ни на что, Шлейхер все же привел свой план в действие: пост вице-канцлера он предложил Штрассеру, желая оторвать от нацистов их левое крыло и привлечь его в свой лагерь. И Штрассер не сказал «нет»... Он распустит парламент и в оговоренный конституцией шестидесятидневный срок проведет новые выборы — Шлейхер был уверен, что сможет убедить старого президента Гинденбурга пойти и на это. Таким образом можно было бы поставить на место нацистов, чей избирательный успех таял на глазах. Если же этот толчок встретил бы сопротивление, то он был готов использовать армию в гражданском конфликте с гитлеровцами. Если бы по какому-то капризу судьбы этот маневр удался, то, вероятно, Германия была бы спасена.

Чтобы отразить этот удар, Папен 4 января 1933 года пригласил Гитлера на тайную встречу на вилле барона фон Шредера. Партнер банка Й. Х. Штейна в Кельне, немецкого филиала фирмы Шредеров, Курт фон Шредер, вместе с Шахтом и другими видными представителями германских деловых кругов в ноябре 1932 года подписал петицию, в которой содержался настоятельный призыв к Гинденбургу назначить канцлером Адольфа Гитлера.

На этой решающей сходке 4 января Гитлер, отрезвленный холодным душем, которым его окатили выборы, согласился

войти в коалиционное правительство, от чего он до сих пор упорно отказывался, и послужить главой квартета — скорее, по мысли фон Папена и его друзей, подставным главой — желавшего свергнуть республику (225). Отныне барон фон Шредер и его синдикат инвесторов начали оплачивать все долги партии: одним росчерком пера абсентеисты вручили нацистам новую связку ключей от банкирской решетки — они предоставили Гитлеру неограниченный «кредит» (226). 17 января Геббельс написал в своем дневнике: «Финансовая ситуация внезапно улучшилась».

Одновременно, спрошенный одним американским журналистом о возможном сроке, отпущенном режиму Шлейхера, находившийся в своем загородном доме Шахт уверенно ответил: «Три недели» (227).

Шпионы Шлейхера доложили генералу о состоявшейся тайной встрече, к тому же новость об интриге Папена просочилась в газеты. Но все заговорщики Германии ополчились против одного великого заговорщика. Юнкеры и представители крупного бизнеса, если даже не говорить об абсентеистах, паразитировавших на решетке, были весьма агрессивно настроены по отношению к коллективистским мерам Шлейхера. Левые, пожирая друг друга, тем не менее тоже нашли время на то, чтобы вцепиться ему в глотку, в то время как католики получали руководящие указания от папского посла монсеньора Эудженио Пачелли*. Как глава германской нунциатуры, он в течение всего времени существования Веймарской республики без устали тратил свои силы на то, чтобы добиться от каждой германской земли заключения соглашений между святейшим престолом и светскими земельными правительствами; эти соглашения должны были гарантировать права новообращенных католиков на доктрину, образование и отправление культа — то есть, нунций добивался заключения так называемого конкордата. На этом поприще в январе 1933 года, ободренный предложением благочестивого фон Папена заключить долгожданный конкордат со всем рейхом целиком, Пачелли побудил немецких католических лидеров исследовать «возможность некоего, по крайней мере, *modus vivendi* со всеми правыми, включая нацистов, ради

* Будущий папа Пий XII (1939–1958).

того, чтобы отразить угрозу со стороны левых» и кощунственных большевиков (228).

Каким бы невероятным это ни представлялось, но две крупнейшие «демократические» массовые партии, социалисты (СДПГ) и католики, вместе набравшие 35 процентов голосов, долю которых можно было увеличить до 52 процентов при союзе с коммунистами (то было бы подавляющее большинство), ощущали большую угрозу со стороны Шлейхера, чем со стороны Гитлера, и протянули друг другу руки, чтобы сбросить красного генерала (229).

Действительно, квартету, ведомому папеновской хунтой и поддержанному массивным вмешательством иностранного капитала, потребовалось ровно три недели для того, чтобы подкупить, улестить и переубедить остальную часть германского истеблишмента, в особенности его последний бастион, престарелого фельдмаршала Гинденбурга, и сместить наконец Шлейхера. «Вопросительный знак с генеральскими эполетами» не удержался на политической сцене и двух месяцев; президент отправил его в отставку 28 января 1933 года. Вскоре после этого видели, как Шлейхер кругами ходит по своему кабинету, что-то шепча и склонив голову на грудь (230).

По иронии судьбы, из всех крупных действующих лиц того времени именно армия меньше всего желала начинать следующую войну.

30 января 1933 года Гитлер был приведен к присяге рейхсканцлера. Папен стал вице-канцлером в кабинете, в котором было всего двое нацистов — Фрик и Геринг. Остальные были аристократы голубой крови.

Шесть месяцев спустя, день в день, Монтегю Норман без всяких объяснений и извинений публично объявил о продаже нацистских долговых обязательств на лондонских рынках (231). За три месяца до этого нацисты вновь призвали Шахта руководить рейхсбанком.

Часть 5

Рейх на мраморных скалах. Огонь, ловкость рук и маскарад — на пути к «Барбароссе»; 1933–1941 годы

Тот, кого учит и вдохновляет Бог, может творить лишь добро. Следовательно, все, что ни делает англичанин, есть, в самой своей основе, верх праведности. И даже если он однажды делает нечто постыдное с точки зрения общепринятой морали, то делает он это с единственной целью – уничтожить врага Господня, который не прав в любом случае, а в этом случае все средства священны и праведны.

Рейнгольд Хупс. «Английский самообман» (1)

Я считаю Галифакса наихудшим из лицемеров и лжецом... Черчилль – типичный образчик продажного и коррумпированного журналиста. Он сам пишет о том, что просто невероятно, сколь многого можно добиться ложью во время войны. Он – абсолютно аморальная, отвратительная тварь... Сталин наполовину зверь, наполовину гигант.

Адольф Гитлер. «Застольные беседы Гитлера» (2)

Мы вошли в населенные лемурами леса, где никому не ведомы человеческая справедливость и придуманные людьми законы; здесь было невозможно прославиться.

Эрнст Юнгер. «На мраморных скалах» (3)

МЕФИСТОФЕЛЬ:

*Под нашими непрерывными ударами
Наши враги были вынуждены отступить,
И, слабо отбиваясь,
Они сместились вправо
И смешали свой левый фланг
Своих главных, участвовавших в битве сил.*

*Сильное ядро нашей фаланги
Двигается вправо и словно молния
Ударяет в самое слабое место –
Разливаясь, как штормовая волна,
С равной силой во все стороны и с дикой
Яростью в единоборстве;
Никогда никто не видывал большей славы,
Чем та, что доставила нам эта битва!*

Гёте. «Фауст», часть вторая, акт четвертый (10640–10653) (4)

Нацистский переворот

Итак, в январе 1933 года Гитлера сделали канцлером – правда, что он и его сподвижники реально взяли власть, это пока не означало. На самом деле они пока заключили сделку с баронами – фон Папенем и его патронами, – которые надеялись сделать из Гитлера прирученную марионетку. Аристократы думали, что наконец укротили Гитлера. «За два месяца, – самодовольно говорил Папен одному консервативному критику, – мы так прижмем Гитлера, что он запищит» (5). В новом кабинете, считая и самого Гитлера, было всего три нациста, и поначалу действительно казалось, что они лишь добавляют штрих популистской легитимности тому, что в действительности было в общем-то, элитарно-фашистским ремиксом Второго рейха. Но фюрер уже вставил обутую в сапог ногу в приоткрытую дверь. Теперь следовало подумать, как прогнать патрициев вон, впустить в кабинет всех прочих нацистов и стать наконец в доме абсолютным хозяином. В обанкротившемся доме, кстати сказать. Собственно говоря, в средствах, которыми он достиг поставленной цели, не было ничего нового или оригинального: он прибегнул к обычным кровавым интригам, коими так славились левантийские царства, – обманы, удары в спину, физическая ликвидация и террор. Средства были действительно настолько привычными и обычными, что все действия Гитлера за период с 1933-го по 1934 год можно было предсказать, прочитав вторую часть «Фауста» (1831) Гёте, где повествуется об одном монархе, который с помощью дьявола (Мефистофеля) восстанавливает порядок в своей развалившейся империи. Действуя по указке Мефисто-

феля, он подчиняет себе массы, терроризируя их гигантским пожаром, а умирающую экономику оживляет печатанием специальных денежных знаков, гарантированных имперским правом на землю. Последняя инфляционная вспышка находит свое неизбежное разрешение в великой войне с ближними соседями, ставшими в одночасье «врагами».

В общих чертах опыт Третьего рейха мало чем отличался от сценария, написанного Гёте. Незадолго до мартовских выборов 1933 года, гитлеровцы и поддержавшие нацизм элементы германского истеблишмента совершили государственный переворот, прикрытый и обоснованный актом неслыханного вредительства — поджогом Рейхстага. Используя состряпанный внутри страны акт террора, нацисты провели ряд законов, ограничивающих гражданские права, и сумели запугать население до такой степени, что вкупе с традиционными консерваторами набрали — пусть и шаткое — парламентское большинство. После этого, опираясь на действие этого чрезвычайного законодательства, они в течение считанных месяцев на корню уничтожили всю левую оппозицию. Это означало также чистку внутри их собственного революционного крыла. Эта чистка состоялась в июне 1934 года, когда на повестке дня встал вопрос о преемнике президента: незадолго до смерти Гинденбурга Гитлер, устранив горячие головы из верхушки СА и передав рядовых штурмовиков в армию, купил себе такой ценой верность генералов.

Потом, на протяжении периода с 1933-го по 1938 год, нацисты активно занимались ликвидацией тяжелой экономической депрессии, превратив ее в небывалый рост, сопровождавшийся большими военными расходами. Нацистский подъем стал возможен благодаря умелому сотрудничеству Шахта и его команды в рейхсбанке с министерством экономики. Для облегчения и ускорения промышленного оживления Германии капитаны экономики Третьего рейха провели модернизацию и перестройку финансового аппарата, что позволило одновременно готовиться к войне и заставить всю хозяйственную систему работать без циклических подъемов и спадов. К 1939 году Германия завершила выполнение своего второго, после плана Дауэса, пятилетнего плана и была теперь готова к атаке.

Теперь возникает закономерный вопрос: что делали другие державы в то время, когда Гитлер перевооружался? Ответ за-

ключается в том, что все они — Британия, СССР и Соединенные Штаты — делали все, что было в их силах, чтобы облегчить ему выполнение этой задачи. Они обеспечивали нацистов ресурсами, военными технологиями, патентами, деньгами и оружием — и все это в очень больших количествах. Зачем? Для того чтобы утвердить нацистов, повести их вперед, а потом наконец сокрушить их, а в конце войны сделать Германию предметом торга. В течение всех тридцатых годов США, держась в тени Британии, которая дирижировала всем спектаклем, служили простыми поставщиками в Германию всего ей необходимого. Это шоу должно было завершиться участием Британии в мировом конфликте в качестве лидера коалиции союзных сил, воюющих с нацистской Германией. Гитлеровцев следовало обманным путем направить против России, дав гарантии того, что Британия, а следовательно, и Америка останутся нейтральными: Гитлер не захочет повторять ошибки Первой мировой войны. Поэтому Британии пришлось «раздвоиться», так сказать, на антинацистскую и пронацистскую фракции, причем обе были составными частями одного и того же жульничества. Сложное и весьма причудливое целое британской внешней политики в тридцатые годы было жутковатым театральным действием, призванным заставить гитлеровцев поверить в то, что в любой момент живописный лагерь нацистофилов сбросит ястребов партии войны, руководимой Уинстоном Черчиллем, и подпишет сепаратный мир с Германией. Тайной целью этого маскарада было отвлечь Гитлера от Средиземного моря в 1941 году и направить его в советские болота, которые Британия действительно позволяла ему «очищать» на протяжении трех лет, пока не наступило подходящее время для того, чтобы окружить нацистов и, наконец, сокрушить их.

Ничто из этого было бы невозможно, если бы не ничем не ограниченное сотрудничество Советской России. Советы действовали в унисон с антигерманскими директивами Британии, умиротворяли и успокаивали Гитлера и обильно снабжали всем необходимым германскую военную машину. Грузы имущества и продовольствия шли в Германию непрерывным потоком все время, пока нацисты вооружались. Более того, Россия приняла на себя страшный и опустошительный удар немецкой военной машины и поглотила ее, заплатив за это двадцатью миллионами

жизней. После этой резни нацисты были настолько измотаны и обескровлены, что сравнительно легко рухнули, когда союзники в июне 1944 года захлопнули мышеловку. Ради компенсации такой неслыханной жертвы англоамериканцы отдали половину Европы своим славянским сообщникам — старым, с 1917 года, благодарным бенефициариям.

* * *

Разрушение Веймарской республики, инкубатора нацизма, происходило в пять стадий (6); (1) при католике Брюнинге, Канцлере Голоде (27 марта 1930-го — 30 мая 1932 года), парламентский режим был практически отменен и правление осуществлялось президентскими декретами; (2) при фон Папене, ручном католическом аристократе, начавшем интриговать в интересах абсентеистов, но вначале назначенном на роль марионетки генерала фон Шлейхера (31 мая 1932-го — 17 ноября 1932 года), то была кратковременная попытка восстановления старого имперского порядка («кабинет баронов»), отмеченная подавлением левой оппозиции и робкими попытками организации общественных работ; (3) при фон Шлейхере, «красном генерале» (2 декабря 1932-го — 28 января 1933 года), дерзкий маневр, направленный против основ Версальского договора, удар, нацеленный армией на аграриев и финансистов, опиравшийся на популистскую поддержку социалистических профсоюзов и левого крыла нацистской партии; (4) при Гитлере; первая фаза породила патриотические законодательные акты, направленные против терроризма (30 января 1933-го — 5 марта 1933 года); (5) при нацистской Gleichschaltung [«унификации»] (6 марта 1933-го — 2 августа 1934 года) Гитлер выстраивает всю Германию в духе идеологии своей партии.

Теперь, когда нацистская тварь была порождена окончательно, она сделала именно то, чего от нее ожидали, — вырвалась из своей душной теплицы и в положенное время бросилась на Россию.

1 февраля 1933 года, спустя 48 часов после прихода к власти, Гитлер распустил рейхстаг. Ему пришлось потратить немного времени на то, чтобы добиться у президента Гинденбурга разре-

шения на это действие. «Зачем вам это нужно? — спросил он Гитлера. — Думаю, что у вас и без этого есть рабочее большинство...» Гитлер ответил не задумываясь: «Теперь настал момент раз и навсегда разделаться с коммунистами и социал-демократами» (7).

Теперь выборы были назначены на 5 марта. На фатерланд обрушился еще один электоральный вал. 31 января Геббельс записал в своем дневнике: «Были в общих чертах намечены пути ведения конфликта с красным террором во время встречи с Гитлером. Пока мы воздержимся от каких-либо контрмер. Мы удадим в нужный момент, только тогда, когда коммунисты начнут революцию» (8).

Предвыборный календарь Гитлера, составленный Геббельсом, был опубликован 10 февраля; в нем не было запланировано никаких мероприятий на 25, 26 и 27 февраля (9). 26 февраля модный берлинский прорицатель, известный мошенник по имени Гануссен, развлекавший верхушку СА в своем театральном заведении — фешенебельном публичном доме на Летценбургерштрассе, — «предсказал на широко разрекламированном спектакле, что коммунисты готовы превратить в факел важное правительственное здание, чтобы начать массовое восстание» (10).

В ночь на 27 февраля 1933 года купол Рейхстага осветился адскими языками пламени, здание пылало, как огромный кусок раскаленного угля, собрав вокруг толпу припозднившихся гуляк. Фюрера тотчас вызвали на место происшествия. Прибыв к дымящимся остаткам того, что только вчера было парламентом, Гитлер воскликнул: «Это знамение свыше... Теперь никто не помешает нам сокрушить коммунистов железным кулаком» (11). Приехал даже Геринг, выглядевший сильно взволнованным, — эмоции обоих вождей выглядели вполне естественно. Согласно официальной версии, поджог Рейхстага был «актом терроризма», преступлением коммунистов. Но в стране не было ни малейших признаков начинающегося восстания. Все было тихо. По давно составленным спискам были арестованы тысячи коммунистических и социал-демократических активистов — на сцене впервые появилось гестапо, и концентрационные лагеря приняли своих первых заключенных. 28 февраля КППГ (Коммунистическая партия Германии) была объявлена вне закона. Предвыборная гонка получила новый толчок — пронзительным скандированием лозунгов, факельными шествиями и парадами.

5 марта, в день выборов, несмотря на этот гротескный террористический акт и грузовики денег от, нацисты все же так и не смогли набрать большинство голосов: за них проголосовали 43,9 процента избирателей, и только вкупе с 8 процентами, набранными националистическим политическим трупом, они смогли сформировать квалифицированный кворум большинства в палате.

Начав войну с террором, правительство обнародовало два декрета — 28 февраля и 7 марта соответственно, «для защиты народа и государства», — которые ограничивали свободу прессы, личные свободы и право на собрания. 12 марта флаг со свастикой был объявлен официальным национальным символом.

Так как здание Рейхстага сгорело дотла, заседание парламента перенесли в оперный театр «Кроль». Первое заседание состоялось 23 марта. В палате не было ни одного коммуниста; в связи с «неявкой» тридцати новых депутатов социал-демократов количество их представителей уменьшилось до 109. Остальных депутатов попросили принять Уполномочивающий Акт, дающий право правительству в течение четырех лет править с помощью декретов, минуя парламент и без конституционных ограничений. Следствием принятия такого закона стало бы практическое уничтожение политического механизма в Германии и сведение его к однопартийному комитету, принимающему политически значимые государственные решения.

По результатам голосования — 441 «за», 94 «против» (социал-демократы) — Гитлеру была дана вся полнота власти. К 31 марта 1933 года нацистская Gleichschaltung была запущена на полную мощность: централизованная бюрократия заменила федеративное устройство, установленное еще Бисмарком, — все нити управления тянулись теперь из Берлина; на местах правили особые, назначенные центром уполномоченные (Statthalter), лояльные фюреру.

7 апреля 1933 годы в лесу близ Берлина было найдено изрешеченное пулями тело «ясновидящего» Гануссена.

В мае гитлеровцы принялись решительно искоренять всю партийную систему Веймарской республики: в полном составе было арестовано все руководство СДПГ; одним ударом организация, в которой состояли 4 миллиона рабочих и которая обла-

дала капиталом в 184 миллиарда рейхсмарок, была стерта в порошок. Ниоткуда не последовало ни малейшей реакции, не говоря уже о сопротивлении. После этого наступила очередь полувоенных националистических организаций типа Stahlhelm («Стальной шлем»). Потом пришла очередь католиков: им предложили сделку — самороспуск в обмен на конкордат между Святым престолом и нацистским рейхом. По условиям этого пакта Ватикан должен был официально признать нацистское государство, согласиться с тем, что епископы принесут присягу на верность этому государству, и смириться с запретом католическим священникам вмешиваться в политику — все это в обмен на обещание нацистов уважать право Церкви на просвещение паствы и на ее собственность. Государственный секретарь Ватикана Эудженио Пачелли буквально гнал 23 миллиона немецких католиков в этом направлении, по меньшей мере, с 1931 года. Генрих Брюнинг, бывший несчастливый канцлер, возглавлявший в тот момент католическую партию центра, скрепя сердце, только под давлением Ватикана, 4 июля согласился распустить столп германской политической истории — партию, в которой состоял некогда и Эрцбергер. Для того чтобы добавить унижительное оскорбление к этому мазохистскому страданию, нацисты отказали в приеме в свою партию бывшим членам партии центра, пожелавшим примкнуть к национал-социалистам Гитлера. Конкордат был подписан 8 июля и ратифицирован 10 сентября 1933 года.

Конкордат был нарушен почти сразу. Не прошло и десяти дней после его подписания, как гитлеровские штурмовики напали на парад Союза католической молодежи; избиения не прекращались и после этого; дело усугублялось ставшими систематическими преследованиями активных католических диссидентов — их интернировали в концентрационные лагеря или забивали насмерть дубинками. От своих иностранных посетителей Пачелли не скрывал своего отвращения и недовольства происходящим (13), но полагал, что у него не было иного выбора, состоявшего в умиротворении нацистов, — все могло быть гораздо хуже, вздыхал он: в Германии мог прийти к власти большевизм, и тогда священников просто начали бы убивать. Веблен предсказал почти все это: приход в рейхе к власти реакционного режима будет всячески поддерживаться

государственными мужами Запада как якобы форпост против (воображаемой) красной угрозы.

В течение всего лишь шести месяцев Гитлер и его черная гвардия разнесли веймарский инкубатор вдребезги — теперь оставалось только консолидировать национал-социалистскую революцию, заключив союз с передними ногами из пресловутой четверки — финансово-промышленными кругами и армией.

Тем временем, 21 сентября 1933 года, должен был начаться судебный процесс по делу мнимых поджигателей Рейхстага: молодого голландца, некогда сочувствовавшего коммунистам, по имени Маринус ван дер Люббе, и нескольких коммунистов, трое из которых были болгарами — большевистскими агентами. Все они были должным образом вовлечены в судебную процедуру, каковая обещала стать потрясающим спектаклем. Обвинение было выстроено слабо — и слишком поспешно; случай был сомнителен, судья смущен, прокурор растерян. Коммунисты защищались легко и непринужденно и были почти немедленно оправданы. Остался ван дер Люббе, обреченный «полезный идиот», сыгравший другой террористический сценарий: он один, как утверждалось в новом обвинительном заключении, сжег дотла 11 тысяч кубических метров государственной собственности. Во время судебных заседаний ван дер Люббе лгал, заливаясь смехом, — сообщалось о том, что смех этот был довольно странным (14). Обвиняемый нес чепуху; в его показаниях не было никакого смысла, он не понимал, что происходит. Полицейские обнаружили его, бродящего по залам Рейхстага, измученного, под пылающими занавесками. Комментаторы этого процесса были единодушны: человек, которого они видели, представлял собой душевнобольного, «несчастливого, накачанного наркотиками идиота» (15). Мир не раз становился свидетелем подобного и раньше; под конец этот идиот-самоубийца сам попросит правительственных чиновников скорее покончить с ним. Вот его обращение к судьям: «Я требую, чтобы меня наказали тюремным заключением или смертью» (16). Судебный процесс закончился в декабре; 10 января ван дер Люббе был казнен. Но даже в Нюрнберге в 1946 году, когда можно было все это выяснить, союзные следователи так и не смогли пролить свет на этот инцидент и выявить истинных виновников. Так истории была задана еще одна нерешенная загадка террористической

драмы с ее обычными ингредиентами: жертвующий собой «идиот», не имеющий ни малейшего мотива для преступления, заговор молчания и катастрофические последствия невиданного масштаба.

Но есть доказательства или нет доказательств, в силе остается следующее положение: в терроре всегда *is fecit cui prodest* делает тот, кому это выгодно, то есть в данном случае сами нацисты. На самом деле были и улики: все знали, что Рейхстаг подожгла группа штурмовиков, вероятно, с молчаливого согласия Геринга и Геббельса (17), некоторые лидеры СА сами громогласно рассказывали об этом публично (18). В конечном счете выходит, что ван дер Люббе был бродягой, которого отыскал Гануссен, модный гипнотизер, устранение которого в апреле было любезностью, сделанной некоторым «шишкам» из СА, клиентам Гануссена (19). Бродягу, гомосексуальными наклонностями которого попользовалась группа штурмовиков (20), они же заманили в здание Рейхстага, подожгли его в нескольких местах и «ушли через тайный подземный коридор, соединявший [рейхстаг] с резиденцией Геринга — председателя рейхстага» (21). Короче, эта «шалость» была подарком СА своему фюреру.

И Гитлеру действительно была страшно нужна ревущая поддержка толпы; 12 ноября 1933 года он обратился к народу: «Мужчины Германии! Женщины Германии! Нравится ли вам политика правительства? Готовы ли вы заявить, что эта политика выражает ваше мнение и вашу волю, и торжественно провозгласить эту политику вашей собственной?» На этот раз плебисцит принес Гитлеру успех — за него было подано больше 90 процентов голосов.

Но к весне 1934 года власть нацистов еще не окрепла, не окрепнула; в боку все еще сидела досадная колючка — штурмовые отряды Рема. Эта армия численностью около трех миллионов человек — то есть почти в три раза превышавшая дозволенную численность рейхсвера — требовала «второй революции». Что это значило с экономической точки зрения, неясно; возможно, пытались возродить ранние, якобы социалистические замыслы нацистской партии или изготовить нечто вроде второго издания идей Шлейхера — короче, это были наивные планы уничтожения наиболее могущественных интересов тех промышленных и финансовых кругов Германии, которых сознательно

и преднамеренно оставили в неприкосновенности творцы Версальского договора. То был мир аристократов и капиталистических набобов — ненавистных бонз, — «стоявших за законом и порядком, респектабельностью и филистерскими ценностями» (22). Рем не был экономистом, он был вечным фронтовым ландскнехтом; он хотел поглотить армию, но ни в коем случае не желал, чтобы она поглотила его, он хотел покончить с офицерской кастой и превратить Германию в огромную ферму, управляемую кланом гордых нацистских пастухов (его СА). Гитлер пытался урезонить Рема, но тщетно. Своим головорезам Рем вещал:

Адольф насквозь прогнил. Он предает нас. Он якшается с одними только реакционерами. Его старые товарищи теперь ему не пара. Он продался восточнопрусским генералам... Адольф прекрасно знает, чего я хочу... Я не хочу получить еще одну порцию кайзеровской армии... революционеры мы или нет?.. (23)

Начали циркулировать слухи о мятеже — заговоре с целью отстранения или убийства Гитлера. Иногда в этой связи всплывало имя неслгибаемого «красного генерала» фон Шлейхера, но заговор, если он и был, оставался весьма текучим и неопределенным. Гитлер тем не менее чувствовал, что почва у него под ногами пока не так тверда, как ему бы хотелось. Особенное нетерпение и недовольство непрекращающимися фракционными распрями, царившими среди нацистов, проявляли юнкеры в своих сельских конюшнях. В Кельне, на вилле chez Шредер, 4 января 1933 года Гитлер был продан в обмен на достижение национального единства — теперь фюреру приходилось исполнять свою часть сделки с финансовыми спонсорами.

В мае стало ясно, что Гинденбургу осталось недолго жить. Гитлер не мог допустить, чтобы пост президента остался вакантным. На встрече с министром обороны генералом фон Бломбергом на борту крейсера «Германия» он выторговал президентство в обмен на ликвидацию СА (24).

В июне, когда престарелый фельдмаршал заболел, Гитлер решил действовать. Штурмовикам был предоставлен месячный отпуск, и большая часть мятежной верхушки, ни о чем не подозревая, отправилась отдыхать на курорт у озера Висзее.

Чистка началась 30 июня. Отряды эсэсовцев были посланы в место отдыха Рема и его клики, окружили их и препроводили в мюнхенскую тюрьму Штадтхельм. После этого они один за другим, включая Рема, который отказался от предложения застрелиться самому, были расстреляны гитлеровскими преторианцами. Концы были связаны, старые счета свели убийством. Девять из десяти уцелевших штурмовиков, поджигателей рейхстага, исчезли в неизвестном направлении (25). Генерал фон Шлейхер, его жена и помощник Шлейхера генерал фон Бредов — оба генерала были врагами, хорошо осведомленными о связях рейхсвера и Красной Армии, — были расстреляны пулеметными очередями; Грегор Штрассер, бывшая угроза нацистскому движению, удалившийся из политики и ставший обычным частным лицом, был арестован. Ему выстрелили в шею и, истекающего кровью, бросили умирать в камере. Получая помощь из неведомых источников, его брат Отто, отколовшийся от НСДАП в 1930 году, повел, возглавив так называемый Черный Фронт, бесполезную пропагандистскую войну против Гитлера из Чехословакии, а потом из Франции. Когда началась война, он исчез в Канаде (26). Были также убиты многие видные католики — еще одно предупреждение Риму. И наконец, не забыли и предавшего гитлеровский пивной путч в Мюнхене в 1923 году фон Кара, который сдал Гитлера и его путчистов веймарской полиции. Его «увезли эсэсовцы, и позже он был найден забитым до смерти близ Дахау» (27). В Мюнхене залпы ружейных выстрелов были слышны в течение суток; все стихло только к рассвету. Полагают, что во время чистки было убито от 300 до 1200 человек (28). Президент насторожился; Гитлер, измученный напряжением всех этих ночей, уверил старика, что предотвратил страшный заговор. Генералы были удовлетворены.

В конце июля Гинденбург лежал на смертном одре; он спросил своего внимательного лечащего врача, знаменитого хирурга доктора Зауэрбруха: «Приятель Гейнц еще не вошел в дом?» — «Нет, — ответил врач. — Он еще не в доме, но уже бродит по саду» (29). 2 августа приятель Гейнц (смерть) все же вошел и забрал Старика — он прожил на свете 89 лет. Для Германии старый фельдмаршал сделал все, что мог, так же как и она сама сделала все, что могла, во время войны. Но этого оказалось

мало. На следующий день, на основании документов, подготовленных в имперской канцелярии, с молчаливого одобрения генералов, Гитлер объявил народу, что отныне сосредоточит в своих руках две должности — рейхсканцлера и президента, и впредь будет именоваться звучным титулом рейхсфюрер. 19 августа 1934 года он потребовал проведения еще одного референдума, претендуя на звание единоличного вождя, чем было бы санкционировано полное и окончательное упразднение Веймарской республики. «За» высказались 90 процентов голосовавших.

Мнимая гитлеровская революция отнюдь не была результатом движения истинной воли масс, но проявлением жестокого насилия, из которого правые политики рассчитывали извлечь выгоду, направив его в нужное русло... Это Папен, благодаря своему влиянию на Гинденбурга организовал государственный переворот. Этот переворот был не чем иным, как простой комбинацией, подготовленной пятнадцатью годами дьявольских интриг и впечатляющих массовых демонстраций. Этот переворот удался только благодаря терроризму... (30)

Магия денег, создание рабочих мест и иностранная помощь

«Есть две великих неизвестных величины в истории и политике Третьего рейха: армия и финансы» (31). Последние воплощал не кто иной, как сам «старый кудесник», Яльмар Шахт, финансовый друид, «раскрученный» в начале 1922 года Даллесом и англо-американской кликой и бывший президентом рейхсбанка с 1923-го по 1930 год. Франсуа Понсе, французский посол в Третьем рейхе, вспоминал его так:

Шахт был законченный циник, безумный хвастун, человек, обладавший необузданными амбициями. Высокий, сухощавый, страшный человек. Черты его лица вполне могли быть вырублены топором, а своей длинной, слегка искривленной шеей он напоминал хищную птицу (32).

Для такого честолюбивого и амбициозного человека было бы сущим мучением сидеть вдали от рычагов власти и влияния в течение трех бесконечных лет погруженным в спячку — с 1930-го по 1933 год. Учитывая происхождение и истоки его профессионализма, его спонсоров и его характер, не приходится удивляться тому, что с наступлением Великой депрессии мы находим его в стане нацистов. Из всех оппортунистов, примкнувших к нацистам после победоносных выборов сентября 1930 года (Septemberlinge [«сентябрыяты»]), как презрительно окрестил их Геббельс), Шахт пока был самым престижным (33).

В то время Шахт сказал себе, что должен, просто обязан это сделать; он не мог оставаться безучастным при одной мысли о том, что если Гитлер приступом возьмет канцлерское кресло, то Германия падет жертвой бессовестных финансовых махинаторов, коими изобиловали вторые эшелоны аппарата нацистской партии, — по мнению Шахта, места наверху должны были занять высокие профессионалы (34). Он должен вернуться и «сделать все как надо», к чему начиная с 1931 года публично побуждал Шахт его теперешний близкий и душевный друг Монтегю Норман. И Шахт в нужное время сделает этот шаг. Пока же он советует Гитлеру, чтобы его речи были как можно более туманными и неопределенными в том, что касается экономики.

Вопреки мрачным пророчествам относительно судьбы правительства Папена, летом 1932 года Германия переживала скромное оживление экономики. Правда состояла в том, что часть финансовой сети, поддерживавшая Папена, возложила определенные надежды на него и его баронов и развязала кошельки. Действительно, вялые попытки части воротил банкирской решетки впрыснуть в экономику наличные деньги продолжались около одного года.

Летом 1931 года, когда страна оказалась на краю пропасти, прекратился приток финансов из-за границы. Пошатнувшиеся банки, дававшие кредиты предприятиям, находившимся теперь в состоянии перманентного краха, бросились в центральное учреждение в надежде продать ему свои «замороженные бумаги» (долговые расписки обанкротившихся концернов), чтобы выручить «достаточное» количество наличности. Рейхсбанк, дисконтная ставка которого к августу круто взлетела до 10 процентов, был буквально раздавлен количеством и сомнительным

качеством этих бумаг. Для признания действительным вексель должен был иметь три подписи: трассанта (кредитора), трассата (дебитора) и гаранта. Подразделения банковского сообщества предложили, чтобы третья подпись исходила от специально созданного учреждения, акцептного банка, капитал которого был быстро сколочен корпоративными лидерами банкирской решетки. Когда все было сделано, цена спасения поднялась до десяти процентов плюс два процента комиссионных за посредничество акцептного банка: всего отхватывали кусок в 12 процентов на волне банкротств — это было неслыханно дорого (35).

К середине 1932 года рейхсбанк накопил объемистый кусок таких «замороженных векселей» в своем портфеле и получал от них весьма приличный доход. Но такое авансирование наличности по столь дорогой цене могло быть лишь жалкой каплей в море: безработица осталась на прежнем уровне. Проще говоря, германская банковская решетка абсолютно не верила в будущее республики.

В том, что государство терпело банкротство, не было никаких сомнений, но то, что у Германии не было денег или капиталов, не соответствовало действительности. Это правда, что в 1931 году иностранцы изъяли большие средства, так же как и покинувшие родину немцы, но основная масса иностранной валюты, накопленная во время великого американского пиршества двадцатых годов, надежно хранилась в подвалах, и, что еще важнее, сохранилось совокупное национальное достояние. Это достояние, по большей части в форме ценных бумаг, представляло ту дорогостоящую инфраструктуру и промышленный потенциал — второй в мире, — созданные на заимствования плана Дауэса и замершие на время в дремотном состоянии.

Закулисные махинации банкирских консорциумов с 1930-го по 1933 год были частью более широкого вмешательства части германских финансовых интересов в «ослабляющие» инвестиции: другими словами, это означало, что банки не использовали свои фонды для создания нового богатства или производительного капитала, но... просто ограничивались покупкой уже вложенных капиталов (фиксированной собственности, ценных бумаг и т. д.), существующих в виде реаль-

ных товаров. Накопленные и сбереженные средства поступали в промышленные и торговые обороты не в виде инвестиций, но за счет средств, расходуемых обнищавшими должниками и продавцами, которые теперь тратили деньги, чтобы покрыть расходы на жизнь или потери в бизнесе (36).

Другими словами, банковская система и крупные промышленные конгломераты в буквальном смысле слова использовали свои наличные деньги для скупки остатков страны, приобретая «собственность» (дела, акции, заложенную собственность и т. д.) по бросовым ценам у несостоятельных производителей и потребителей. Часть экономической активности, зарегистрированной в 1931 году под покровительством рейхсбанка, то есть деятельность акцептного банка и его филиалов, представляла собой именно такое перераспределение богатства из отраслевой экономики в банкирскую решетку, перераспределение, каковое, естественно, смещало и без того уже перекошенную концентрацию силы в руки банкиров. На пути от падения к выздоровлению стояла безработица; в то же время абсентеисты извлекали выгоду из повсеместной дешевизны, завладевая все большим объемом собственности. Именно таким образом Центральный банк к концу 1931 года приобрел в собственность значительные доли активов нескольких берлинских банков (37).

В 1932 году «деньги» в форме наличности, акций и облигаций были действительно погребены на счетах германской банкирской решетки. Министры, один за другим, вступали в переговоры с банкирами, упрашивали и умоляли их, изыскивая веские аргументы, способные заставить паразитирующих джентльменов открыть денежный кран. Брюнинг попробовал сделать это, когда шанс был уже упущен. При Папене, благодаря его связям, финансовые круги предоставили небольшое поле для пробного проведения реформы.

Главным инструментом, изобретенным летом 1932 года, стал «налоговый сертификат» (Steuerkarte) – вариант шаблона общего финансирования, который был одним из многих изощренных инструментов немецкой национальной политической экономии (38), превращенный Шахтом, как мы увидим дальше, в стандартизованный и быстродействующий механизм к услугам нацистов (39).

Идея, заложенная в налоговом сертификате, состояла в уступке крупному бизнесу в свете его будущего налогового бремени. Власти решили подсчитать количество фигур, от которых будут поступать налоги, и умножить это число на процент отчислений (возмещение); полученное произведение предполагали обратить в определенное число сертификатов, кои будут распределены между предпринимателями, которые смогут впоследствии возместить часть будущих налоговых расходов (40).

Сертификат выдавали под четыре процента: намерение состояло в том, чтобы заставить реципиента сертификата стучать в двери денежного рынка, заставляя банки дисконтировать бумаги в своих отделениях — что ясно, так как ставка в четыре процента была заманчивой для «инвесторов». Этот обходной механизм был не чем иным, как требованием правительства, высказанным от имени производителей, конкурировавших за займы в наличных деньгах у могущественных инвесторов; фирма получает наличность минус дисконт и надежду на процветание, а рейх платит процент по сертификатам за счет налогов, которые рассчитывали собирать с выздоровевшей экономики. По сути, эта схема представляла собой краткосрочный заем банков рейху и выгодный (беспроцентный) заем рейха бизнесу. Если события будут развиваться таким образом, то разницу можно будет покрыть долгосрочными займами от имени государства, что, принимая в расчет надежды на улучшение экономического положения, не должно было стать проблемой (41).

Что же стал делать бизнес с этими сертификатами? Большая часть предпринимателей потратили наличность либо на оплату долгов, либо использовали налоговую скидку для снижения цены на свою продукцию, чем еще более ухудшили положение, ибо падение цен было одной из основных причин хозяйственного паралича. Главной целью плана Папена было поощрение использования сертификатов как обеспечения кредитного авансирования, направленного на подъем заводов и увеличение объемов производства; что же касается массы безработных, то надо сказать, что предложение было направлено исключительно на стимуляцию частного потребления.

Но реформа забуксовала у самой стартовой черты: лишь небольшая часть рабочих оказалась востребованной, и, когда в се-

редине осени баронский кабинет фон Папена зашатался, банкирская сеть отпрянула от него с быстротой молнии. «Рынок не готов с такой быстротой принимать предложенные ценные бумаги» (42). Безработица, начавшая было уменьшаться, снова поползла вверх. Она продолжала увеличиваться и при Шлейхере, которого сильно опасалась финансовая и аристократическая элита, хотя он даже усилил фискальную политику своего предшественника*.

Весьма интересен тот факт, что в тяжелые дни ноября 1932 года, когда «красный генерал» был близок к канцлерскому креслу, сам он рассматривал Шахта как возможного кандидата на этот пост. Но банкира ни на минуту не соблазнила перспектива стать марионеткой Шлейхера. Кажется, генерал забыл, что банкир принадлежал к абсолютно иному и много более могущественному братству, нежели он сам. Кроме того, Шахт уже сделал свой выбор, став на сторону Гитлера. Тем не менее банкир согласился на беседу, чтобы разнюхать обстановку и оценить масштаб генеральского заговора. Даже в своих послевоенных мемуарах, в которых Шахт изо всех сил тщится показать себя образчиком благородства, не может он скрыть своей непримиримой клановой ненависти к Шлейхеру — вероятно, единственному из веймарских политиков, кому почти удалось на деле ликвидировать инкубацию нацизма. Шахт вспоминал:

* В это время главный мозговой центр Берлина (Институт конъюнктурных исследований) распространил миф о том, что падение экономики было приостановлено весной 1932 года; а после окончания Второй мировой войны либеральный истеблишмент взял его на вооружение, решив использовать против той точки зрения, что за последовавшим нацистским бумом скрывались целенаправленные действия; но такой взгляд был неприемлем; бум, таким образом, приписали «безличным», «непредсказуемым» колебаниям делового цикла. Сейчас мы в нескольких словах покажем, что это не так. Действительно, колебания уровня немецкой безработицы в двухлетний период с 1932-го по 1933 год можно легко увязать с политической ориентацией упомянутых элит: небольшая передышка, зарегистрированная весной 1932 года, наступила исключительно благодаря некоторому доверию, оказанному германскими клубами Папену, в то время как падение, происшедшее в конце 1932 года, стало знаком враждебности клубов по отношению к правительству Шлейхера.

Несмотря на то что я сразу же решил отказаться, мне было интересно понять его политические взгляды на сложившуюся ситуацию. Его высказывания были до того бесцветны, что у меня было время оценить убранство помещения. Как и речь генерала, оно было лишено всякого намека на характер — в обстановке не было ничего личного, — я не заметил ни одного штриха, говорящего об индивидуальности владельца... Свои последние надежды он возлагал на раскол в национал-социалистской партии. Когда он высказал эту идею в моем присутствии, я перебил его: «Думаю, генерал, что вы недооцениваете железную партийную дисциплину, которую Гитлер поддерживает очень ревностно». Шлейхер надменно улыбнулся. Впрочем, вскоре он перестал улыбаться (43).

Несомненно, Шахт не оплакивал смерть «красного генерала» на следующий день после чистки — 30 июня 1934 года. Шахт в это время уже прочно утвердился в должности гитлеровского управляющего рейхсбанком. Кроме того, он пользовался единодушной поддержкой со стороны армии и магнатов металлургической промышленности, которые поддержали его кандидатуру на пост экономического диктатора, сосредоточенного на проблеме перевооружения. Мечта, высказанная десятью годами раньше в памятной записке Шахта на имя Даллеса, становилась явью: Шахт был близок к единоличному монетарному господству над промышленной и финансовой олигархией. Правда, у Шахта был противник в лице министра экономики Курта Шмитта. Министр ратовал за развитие внутреннего потребительского рынка, и, больше того, Шмитт пользовался благосклонностью Рема (44).

Спустя несколько дней после чистки, в начале июля, министр Шмитт, ставленник страховых компаний, выступал на собрании германских экспортеров. Едва успев произнести первые слова: «Итак, что же нам делать?» — он потерял сознание и упал. Впоследствии он долго выздоравливал в уединении. Через четыре недели после этого Гитлер пригласил к себе Шахта и сразу взял быка за рога: «Я должен найти на этот пост кого-то другого и хотел бы в связи с этим, господин Шахт, спросить вас, готовы ли вы, помимо должности президента рейхсбанка, взять на себя и обязанности министра экономи-

ки?» Как мог Шахт сказать «нет»? «Оставалась одна-единственная возможность, — напишет Шахт в автобиографии, — возможность работать внутри системы» (45). В Нюрнберге он признает: «Я работал бы и с самим чертом ради великой и сильной Германии» (46).

30 июля 1934-го Шахт был официально утвержден в должности министра экономики; президент Гинденбург подписал указ о его назначении за три дня до своей смерти (47). Германия получила нового распорядителя мефистофельского типа: Шахт был президентом рейхсбанка и новоиспеченным министром экономики, наделенным почетным титулом *Generalbevollmächtigte für die Kriegswirtschaft* (Генеральный уполномоченный по военной экономике). Теперь его называли не иначе как экономическим диктатором Германии.

Июль 1934-го стал повторением марта 1933 года. 17 числа этого месяца Шахт был призван в Центральный банк направлять плавание корабля, покинутого им три года назад. По этому поводу между Гитлером и Шахтом состоялся следующий разговор:

[Гитлер]: «Господин Шахт, мы с вами оба согласны в том, что в настоящий момент у нового национального правительства Германии есть одна главнейшая обязанность, и она состоит в том, чтобы искоренить безработицу. Для этого предстоит изыскать очень большую сумму денег. Видите ли вы какую-то иную возможность найти такие деньги, нежели взять их в рейхсбанке?»

[Шахт]: «Я полностью согласен с вами, канцлер, что необходимо уничтожить безработицу. Но, независимо от того, сколько денег удастся взять из других источников, их все равно окажется недостаточно для выполнения задачи. Вам неизбежно придется обращаться в рейхсбанк».

[Гитлер]: «Вы должны быть в состоянии сказать, в какой степени рейхсбанк может — и должен — помочь».

[Шахт]: «Честно говоря, канцлер, в настоящий момент я не готов назвать какую-то конкретную сумму. Мое мнение таково: мы должны ликвидировать безработицу во что бы то ни стало, и поэтому рейхсбанк должен сделать все необходимое, чтобы с улиц исчез последний безработный».

За спиной Шахта, прозванного «американцем» (49), стояли влиятельные группы немецких абсентеистов и воротил англосаксонских финансов. Как вспоминал Гитлер, первое перечисление денег, предназначенных для перевооружения, сделанное рейхсбанком, составило 8 миллиардов марок; из этой суммы Шахт и рейхсбанк удержали в виде банковского процента 500 миллионов марок. Даже нацисты не были избавлены от необходимости платить процент — 6,25. И они платили не протестуя. Они смогли соблюдать обязательства, воспользовавшись властью собирать налоги. Цена была высока, Гитлер дымился от злости, но вел себя тихо.

В отличие от Рема и его штурмовиков, Штрассера и его левого крыла, гитлеровцы отчетливо осознавали экономическую реальность. Пожертвовав штурмовиками в пользу армии, Гитлер повел теперь осторожную игру с банкирской решеткой, которой он уже много задолжал и силу которой весьма трезво оценивал; отсюда его льстивый тон в разговоре с Шахтом. Это был его второй компромисс с противостоявшими ему силами: как и его старый товарищ Рем, Гитлер ненавидел банкиров, «эту банду... свору мошенников», и Шахта, «жулика», (50) не меньше, чем прусских генералов, но ему надо было любой ценой выполнить свою миссию на Востоке.

Шахт понимал, чего хочет от него Гитлер; именно теперь настало время сделать «то, что нужно». Прежде всего, Шахт надеялся высечь ту Initialzündung, первую искру, с помощью которой Папен пытался расшевелить германскую экономику в тяжелейшем 1932 году. Рывок — и в этом сходились все эксперты — можно было совершить только за счет правительственных расходов; но в том, что касалось остальных простых смертных, то у них «оставались большие проблемы, как и во все времена, где найти деньги» (51), или, другими словами, как «заставить появиться капитал, если, по видимости, его вовсе не существовало» (52).

Как было уже сказано выше, уровень безработицы, унаследованный Третьим рейхом, был без преувеличения катастрофическим: 9 миллионов безработных из числа трудоспособных двадцати миллионов — двое из каждых пяти немецких рабочих, занятых в 1929 году, оказались на улице зимой 1932–1933 годов (53).

С 1930 года, по мере того как трудящиеся лишались рабочих мест, а национальный доход стремительно падал, решетка нажила гигантское состояние на несчастьях Отечества, по дешевке скупая кипы ценных бумаг. Этот процесс концентрации финансов закончился к 1933 году, году прихода к власти Гитлера. Потом, словно материализовавшись из воздуха, появилось великое множество «полугосударственных» финансовых институтов, принявшихся печатать ценные бумаги и векселя на миллиарды рейхсмарок ежегодно. Эти векселя и ценные бумаги дисконтировали через банки, как в 1931 году; но на этот раз в этом процессе не было никакой неуверенности и алчности. Дело было поставлено с большим размахом, и бумаги продавались под весьма щедрые проценты. Так начиналось нацистское экономическое чудо — так называемый процесс создания рабочих мест.

В июне 1933 года экономисты Третьего рейха атаковали кризис на рабочем фронте. Операция была названа *Vorfinanzierung* — «Префинансирование».

Финансовым ухищрением, которым кредитные учреждения воспользовались для стимуляции экономической активности, стал особый вид ценных бумаг.

После великой инфляции обнародованный в 1924 году статут рейхсмарки запрещал неограниченное приобретение правительственных ценных бумаг. Единственным инструментом, позволявшим центральным учреждениям авансировать наличные деньги, стал коммерческий вексель, ибо только этот последний, по меньшей мере формально, мог гарантировать, что на эти деньги будет произведен осязаемый продукт (54). В 1933 году с помощью этого инструмента удалось обойти предписание закона* и найти легальный способ впрыскивания в экономику де-нежных средств.

Финансовая процедура в целом была оформлена следующим образом: сначала рейх занимал у рейхсбанка — так была взломана дверь к богатству банкирской решетки, усмирённой Шахтом. Потом правительство через специализированные кредитные агентства вновь одалживало эти кредиты провинциям, муниципалитетам, общинам и другим местным субъектам государства.

* Оно будет отменено в следующем году в рамках консолидирующего движения, которое будет описано ниже.

Частные предприниматели выполняли работы по контрактам с муниципалитетами. Главным инструментом финансирования стал так называемый вексель создания рабочих мест (*Arbeitsbeschaffungswechsel*), который предоставлялся подрядчикам уполномоченными городскими учреждениями и акцептировался (с дисконтом) банковским учреждением: в банке вексель немедленно превращали в денежный чек или наличные деньги, на которые нанимали безработных и начинали выполнение работ. Если дисконтное кредитное учреждение само испытывало недостаток наличных средств, то оно обращалось в материнское учреждение, то есть в рейхсбанк, за займом (см. рис. 5.1).

Конечно, эти векселя выдавались под определенный процент (4 процента), как и налоговые сертификаты,— таким образом, эти векселя были задуманы как идеальное средство ликвидных краткосрочных вложений. Номинально векселя подлежали оплате в течение трех месяцев, но на практике допускалось до двадцати автоматических продлений срока, после чего вексель мог быть предъявлен к оплате, что удлиняло срок его действия до пяти лет. По истечении срока действия государство оплачивало векселя за счет налоговых поступлений, ставших возможными благодаря префинансированию,— это обязательство представляло собой долгосрочную ответственность рейха за то количество средств, которое оно вначале ссужало по условиям краткосрочных кредитов через частные банки (55). Если обнажить суть этой кажущейся весьма сложной процедуры с векселями, то она сведется к финансированию государственных расходов кредитами Центрального банка, причем агентом, предоставлявшим кредиты государству, выступал рейхсбанк. В начале этой внезапно начавшейся кампании создания рабочих мест основное бремя «финансирования» легло целиком на плечи учреждения, возглавляемого Шахтом (56).

Проще говоря, это были те самые деньги 1931 года, которые исчезли в подвалах и не появлялись на поверхности в течение долгих и томительных трех лет. Потом пришли нацисты, и когда банкирская решетка направила своего финансового посла, Ялмара Шахта, в Центральный банк, то тем самым подала ему сигнал открыть денежный душ, который, пролившись, снова исчез в подземных коридорах финансовой сети. Так крупные

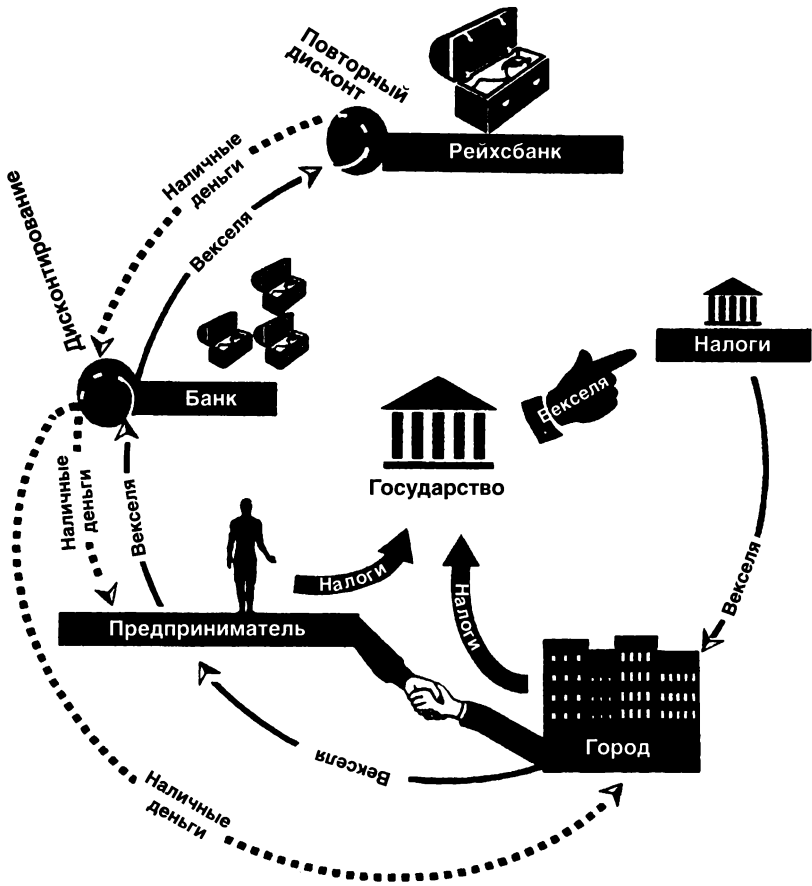

Рисунок 5.1. Цикл создания рабочих мест

берлинские банки решетки возвращали свои деньги, ссужая их государству, государство ссужало их городам, города передавали векселя гражданам, граждане несли их в свои коммерческие банки, которые обменивали их на чеки. Так поддерживалась жизнеспособность системы*.

* С технической точки зрения, крупные берлинские банки, стоявшие за спиной рейхсбанка, непрерывно впрыскивали сильные деньги в экономику, а коммерческие банки, действуя от имени всех остальных, менее

Начальные денежные вливания были предназначены для формирования инфраструктуры. Векселя получали наименования согласно той цели, ради которой их выпускали: «векселя для создания рабочих мест», «специальные дорожные векселя», «векселя на землю» и так далее. Предприниматели дисконтировали эти свои ценные бумаги и платили рабочим. Банки обращались к рейхсбанку, который приступил к эмиссии бумажных денег; этими деньгами банки расплачивались по долгам, которые они не могли выплачивать во время застоя. Так началось выздоровление экономики. Люди снова стали находить работу, им не приходилось много тратить; отложенные деньги автоматически реинвестировались в накопления банков, включаясь в самоподдерживающийся оборот государственных расходов.

Гитлер торжествовал; он лично рыл лопатой землю перед обезумевшими толпами; он вынимал из земли «первые лопаты» (*erste Spatenstiche*) на строительствах нескольких автострад (автобанов), которые начали прокладывать по всей стране. Первая такая дорога связала Гейдельберг и Франкфурт 23 сентября 1933 года (57).

В августе 1933 года происходит решающее событие: встреча Шахта с германскими стальными королями — среди последних гиганты Крупп и Сименс. Все вместе они учреждают Metallургическое научное общество (*Metallforschungsgesellschaft*), или сокращенно Мефо. Это была фиктивная корпорация с крошечным уставным капиталом (250 тысяч марок), под который с 1934-го по 1938 год было выпущено векселей на 12 миллиардов рейхсмарок, предназначенных на выполнение военных заказов по той же, только что описанной процедуре. Вексель «Мефо» был искрой, запустившей процесс перевооружения Германии. Несмотря на то что до начала военных действий только 20 процентов всех расходов на вооружение было профинансировано таким образом, доля «Мефо» в расходах на во-

крупных абсентеистов, поддерживали обеспеченность векселей и способствовали увеличению их эмиссии, умножая депозиты: четырехпроцентная ставка приема векселей работала как магнит (для всех остальных скрытых депозитов), созданный рейхсбанком в фазу профинансирования.

енные заказы составила в первые годы 50 процентов. «Абсолютная секретность этого соглашения сохранялась вплоть до самого конца войны» (58).

Вексель «Мефо» был уникальной ценной бумагой: он обеспечивался виртуальными ценностями — символами собственности, каковая в сумерках Веймарской республики сосредоточилась в руках немногих паразитирующих собственников, новых неоспоримых хозяев Германии. Вексель «Мефо» был плодом тесного союза между экономическими правителями и черным рыцарством, между высшими немецкими кланами и нацистами, которые, обладая монополией на насилие и обещая войну, создали, соответственно, две фундаментальные экономические предпосылки: они обеспечивали сбор налогов и гарантировали доход, обещанный нацистским векселем, — те 4 процента, проставленные в штампе на ценной бумаге. Именно цена золота, денег, каковая в мире, искаженном неистовым протекционизмом, могла, как надеялись нацисты, быть возмещена за счет грабительской войны. Гитлер сам подтвердил это на третьем году войны:

Выплата долгов... не представляет никаких проблем. Во-первых, территории, которые мы захватили силой оружия, представляют нам ценности, намного превосходящие затраты на ведение войны; во-вторых, дешевый труд двадцати миллионов иностранцев в германской промышленности представляет собой экономию, размер которой опять-таки намного превосходит суммы долговых обязательств государства (59).

В действительности это был очевидный мошеннический трюк: нацистские векселя не были обеспечены ни одним граммом золота, за ними стояли совершенно иные системы отношений, которые, по определению, изменялись соответственно политическим веяниям времени. За векселем «Мефо» не стояло ничего, кроме призрачных будущих дивидендов, несуществующей корпорации, доброй воли немецких стальных королей, пресловутой дисциплины и трудолюбия тевтонов и активного участия местных банкиров и международных финансовых кругов, которые с помощью своих сетей смогли поставить, как мы подробно покажем ниже, сырье, необходимое для неслыханно быстрого оснащения грозной непобедимой армии.

Основываясь на этих впечатляющих монетарных предположениях, экономисты Третьего рейха реконструировали капиталистическую машину. Надо было преодолеть две главные трудности: (1) освободить экономику от непропорционально высоких накладных расходов и (2) найти выход огромному производственному потенциалу современной промышленности, причем такой, чтобы компенсации, доход и прибыль были в достаточной степени сбалансированы.

Для того чтобы достичь первой цели, рейхсбанк должен был открыть шлюзы. Повторным дисконтированием векселей, переданных ему кредитными учреждениями, банк-эмитент обеспечил решающее вливание ликвидности в экономику. Часть этой денежной массы шла на погашение долгов ослабленных кризисом предприятий (фирм и банков) (60), часть шла на оживление экономики. На этот раз у Германии появились немецкие деньги, а не заимствованное покрытие золота, фунта или доллара. По официальным данным, золотой резерв покрывал в 1936 году 1 процент циркулирующих в обращении бумажных денег (61); в глазах народа для доверия к этим купюрам было достаточно государственной печати; бумажные деньги брали без колебаний — это были действительно настоящие деньги.

Приход к власти нацистов совпал с великим торжеством: были практически аннулированы все частные задолженности. В начале 1933 года процентная ставка составляла более 8 процентов (62); к 1935 году с помощью с размахом проведенных махинаций с другими, по-разному называвшимися векселями, распространяемыми по Германии, Шахт сумел ужать ставку банковского процента до 2,81 процента (63). В Германии снова появилась настоящая ликвидность.

Затем в игру вступили нацистские экономические министерства; все их внимание было сосредоточено на промышленном секторе: прежде всего, в июле 1933 года они декретировали образование «принудительных картелей», то есть добились концентрации всех основных концернов; потом последовала льгота на капитал, так называемое *Preisfinanzierung* (ценовое финансирование).

Рейх размещал заказы на производство товаров и строительство и соглашался на цены, которые, в дополнение к доходу предпринимателя, включали оплату ускоренной амортизации

(то есть при допущении по умолчанию, что изнашивание оборудования происходит быстрее, чем обычно), что было равносильно возмещению затрат на выплату процента и к уступке бонуса, который фирма должна была использовать на расширение производства (схема самофинансирования). В 1937 году отношение ставки процента к стоимости продажи снизилось до 0,4 процента (64).

Коммерческим банкам были делегированы чисто дисконтные функции: они все же сохранили привилегированное право взыскивать процент за векселя, предоставленные государством, но, однако, им пришлось отказаться от куда более важной прерогативы диктовать сущность и направление инвестиций, так же как и от высокой, полученной этим последним способом ренты (65). Эта рента присваивалась не коммерческими банками, а государством, которое и отдавало ее предпринимателям в виде *Preisfinanzierung* (ценового финансирования).

В течение этого цикла уровень заработной платы рабочих был заморожен на уровне депрессии 1932–1933 годов, то есть на 21 процент ниже, чем в благополучном 1929 году (66). Декрет, ограничивавший цены, был издан, однако, только в ноябре 1936 года. Таким образом, на фоне ограничения потребления было увеличено производство вооружений, а исходные заимствования из краткосрочных превратились в долгосрочные; так началась консолидация.

Теперь немцам говорили, что вложенные ими деньги будут заморожены – истечение срока действия государственных ценных бумаг постепенно было продлено (28 лет с момента проведения первого аукциона государственных облигаций в 1935 году под 4 процента годовых). Война должна была сделать доступной оплату всех счетов. Экономика тем временем находилась на подъеме: с 1933-го по 1936 год германский ВВП увеличивался в среднем на 9,5 процента в год, а производительность труда на заводах и в мастерских на 17,2 процента. Средний уровень государственного потребления увеличивался в год на 18,7 процента, в то время как частное потребление увеличивалось ежегодно всего лишь на 3,6 процента (67).

В 1936 году военные расходы составили приблизительно половину всех государственных затрат. И эта доля с тех пор стала быстро расти.

Нацистские векселя первоначально оплачивались за счет налогов, но по мере консолидации финансовые руководители пришли к выплате одних только процентов по долгосрочным займам, отложив выплату основного долга до окончания войны. Откладывая таким способом наступление «черного дня», отмечали специалисты Английского банка в 1939 году (68), нацисты смогли выровнять кривую циклических падений и подъемов «на десять, а возможно, и на двадцать лет»: создавалось впечатление, что все усилия были проникнуты легкостью заимствования под нулевой процент.

Гитлер слепо верил в свои дивизии. По-видимому, эту веру разделяли и те, кто поддерживал Гитлера финансово. Через четыре года Гитлер мобилизовал свои армии, дав к 1938 году работу девяти миллионам безработных (69), перераспределив богатства путем установления прогрессивного налога (70), улучшив в какой-то степени качество жизни к 1939 году и подавив малейшие инфляционные поползновения.

Наконец, избыток современных промышленных мощностей, которые искусственно сдерживались низким уровнем цен и развитие которых не подчинялось логике получения прибыли. Какой отсюда выход? Война. Шахт помог Гитлеру выманить на поверхность те денежные накопления, которые лежали под спудом в течение трех долгих лет, для того, чтобы под три-четыре процента финансировать войну. «[Шахт]: Мне надо было найти способ извлечь из сейфов этот дремавший на депозитах и в карманах капитал... а не ждать, что он и дальше останется там или потеряет свою ценность» (71).

В течение всего нацистского бума собственники денег накапливали проценты; им следовало дожидаться окончания конфликта на Востоке — таково было общее понимание событий, — чтобы получить назад весь свой капитал. Они поэтому позволили Гитлеру израсходовать на выполнение этой миссии более 100 миллиардов марок (72). Это не было экономическим выздоровлением, а лихорадочной, замешенной на соленом поте, подготовке к последнему подвигу Геракла.

Не остались в стороне и зарубежные участники событий.

Из 34 видов сырья, без которых не может нормально жить и развиваться любая нация, Германия в достаточном количестве обладала только двумя — поташом и каменным углем (73). Что

касается остального, то здесь она полностью зависела от химической промышленности и поставки иностранных друзей.

Шахт и его сотрудники из министерства экономики предпринимали зарубежные турне, заключая соглашения о компенсациях или клиринге с целыми странами. Эти соглашения предусматривали создание общего счета, на который германские импортеры вносили платежи в марках; эти же самые марки получали германские экспортеры в уплату за поставки своих товаров иностранным партнерам. Обменный курс не мог свободно меняться и часто устанавливался заново при каждой транзакции. Эта система, вытеснившая все предыдущие методы расчетов, стала основой почти 65 процентов германской внешней торговли (74). Играя на (1) завышенном клиринговом курсе марки и на (2) покупках, объем которых в денежном выражении превосходил объем продаж (75), Шахт вовлек в такие двусторонние отношения более 25 стран: Латинскую Америку, Балканы, Грецию, Турцию и Восточную Европу — Румынию, Болгарию, Венгрию, откуда Германия получала масличные культуры, семена масличных культур, волокна, соевые бобы, бокситы, нефть, поставляя в обмен металл и вооружение (76), по большей части к вящей выгоде пушечного короля Круппа (77).

И что же делал в это время промышленно развитый Запад, например, Англия и Америка?

Конечно же Британия теперь, когда нацизм созрел, прилагала особенно много усилий, чтобы как можно лучше и тщательнее его выпестовать. В июле 1934 года, как раз в то время, когда Шахт был увенчан короной экономического диктатора, она заключила с Германией Англо-германское трансфертное соглашение, считавшееся одним из «столпов британской политики по отношению к Третьему рейху» (78). По нормам этого соглашения Третьему рейху разрешалось накапливать значимый избыток в торговле с Британией; этот избыток можно было переводить в свободно конвертируемый фунт стерлингов, какой нацисты могли использовать на приобретение любых нужных для перевооружения товаров на мировых имперских рынках Британии; главными статьями такого импорта были каучук и медь (79).

К концу десятилетия нацистская Германия стала основным торговым партнером Британии. Например, в 1937 году она

приобрела британских товаров в два раза больше, чем два континента, вместе взятые, и в четыре раза больше, чем Соединенные Штаты (80).

К тому же оставалась эта вечная головная боль с долгами по плану Дауэса и всеми теми деньгами, какие Германия задолжала лондонским банкам, но отнюдь не горела желанием их возвращать. Прикрываясь легитимным предлогом так называемого моратория по долгам, то есть моратория на сделки по кредитам, замороженным в Германии и по которым дебитор был обязан выплачивать только проценты, Британия, несмотря на протесты некоторых ведущих банкиров, отвергавших такое положение как «недоразумение» (81), не только возобновила заключенный в 1931 году мораторий, но и добавила новые кредиты к уже имевшимся, что продолжала не раз делать на протяжении всего периода взлета нацистов (1933–1939 годы) (82).

4 декабря 1934 года Норман авансировал нацистам заем приблизительно в 4 миллиона фунтов для «облегчения мобилизации германского коммерческого кредита»: то есть снова дал денег для расплаты по старым долгам — или, лучше сказать, сделал подарок (83). Не удовлетворившись этим, в полном противоречии с той частью британских интересов, которые настоятельно требовали возвращения германских долгов, Норман ногтями и зубами бился против заключения клирингового соглашения между Британией и Германией: действительно, такой клиринг автоматически направил бы «свободный фунт стерлингов» на оплату долга, и Шахт неизбежно потерял бы драгоценную долю в фунтах, которую он получил на приобретение за границей сырья и других материалов (84).

В лондонском Сити раздавались голоса, говорившие и о других деньгах, не имевших отношения к мораторию; эти деньги Британия одалживала частным германским концернам, таким как, например, «И. Г. Фарбен». Сам Английский банк инструктировал своих служащих открыто не обсуждать эту проблему ввиду ее «конфиденциальности» (85). Действительно, в архивах банка невозможно найти какие-либо свидетельства на этот счет; эти другие дружеские «ослабления» могли, однако, быть весьма значительными.

К 1939 году Германия вернула своим кредиторам менее 10 процентов иностранных денег, которые составляли ее долг

в 1932 году (86). Несмотря на это, международные деловые круги продолжали нежно гладить гитлеровскую Германию мягкой кошачьей лапкой — в особенности немецких производителей оружия. В 1935 году было учреждено Англо-германское общество, членами которого стали «Юнилевер», «Данлоп Раббер», Британская сталелитейная экспортная ассоциация и «Бритиш Петролеум» (87). Знаменитый британский производитель тяжелых пушек, брони и военных кораблей Виккерс-Армстронг — очень любопытно, что именно этот концерн был спасен лично Монтегю Норманом во время депрессии (88) — уже в начале 1932 года в официальном печатном органе германской армии «*Militär-Wochen-Blatt*» рекламировал свои танки и бронев автомобили (89). На ежегодном собрании акционеров компании 1934 года сэра Герберта Лоуренса, председателя компании «Виккерс», попросили дать уверения в том, что корпорация не используется для тайного перевооружения Германии. Последовал такой ответ: «Я не могу дать вам определенных уверений, но могу сказать, что мы не делаем ничего без санкции и одобрения нашего собственного правительства» (90).

Вильям Додд, профессор истории, был американским послом в Берлине с 1933-го по 1938 год. «*Der gute* Додд, — со снисходительной жалостью говорил о нем Гитлер, — едва знает немецкий язык и вообще ничего не понимает» (91). Вероятно, Додд и в самом деле неважно говорил по-немецки, но он достаточно хорошо писал по-английски, чтобы 19 октября 1936 года сообщить следующее своему президенту Рузвельту:

В настоящий момент более ста американских корпораций имеют здесь дочерние предприятия или сотрудничают с местными предпринимателями. У Дюпона здесь три союзника: (1) Главный: «И. Г. Фарбен». (2) «Стандард Ойл» вкладывал сюда по 500 миллионов долларов в год, помогая Германии создавать заменитель топлива для военных нужд, однако при этом «Стандард Ойл» имеет право вывозить полученную прибыль только в виде товаров. Как свидетельствуют их прибыли в США, они получают здесь весьма малый доход, но никак не объясняют эти факты. (3) Президент «Интернешнл Харвестер Компани» говорил мне, что их обороты здесь растут на 33 процента в год (думаю, речь идет о производстве военной

продукции), но они ничего не могут отсюда вывозить. Даже люди из нашей авиационной промышленности заключили секретные соглашения с Круппом... Зачем компания «Стандард Ойл», штаб-квартира которой находится в Нью-Йорке, перевела сюда в декабре 1933 года один миллион долларов, чтобы помочь немцам производить бензин из битуминозного угля для использования в случае войны? Почему сотрудники «Интернешнл Харвестер» продолжают производить продукцию в Германии, не имея права ничего вывезти отсюда? (92)

Рузвельт вел себя уклончиво, но побуждал Додда и дальше держать его в курсе дел. Не удовлетворенный официальными разъяснениями (о том, что Германии надо разрешить перевооружиться, чтобы восстановить статус мировой державы), беспристрастный и честный посол зафиксировал в своем дневнике несколько подозрительных сделок, состоявшихся после его прибытия в Германию: 19 сентября 1934 года в Германию было доставлено первоклассное, изготовленное в США оборудование для авиационных заводов стоимостью 1 миллион золотых долларов, — по поводу этой сделки Додд встретился с Шахтом; сначала последний пытался все отрицать, но, видя, что Додд готов предъявить ему копию соглашения, сдался и подтвердил факт. 19 октября того же года настала очередь британцев: Виккерс продал нацистам груз военных материалов и, невзирая на все разговоры о моратории и пресловутой несостоятельности Германии, новость об этой поставке заполнила ежедневные газеты — писали, что немцы платили за материалы наличными. Додд бросился к британскому послу сэру Эрику Фиппсу, который выразил притворное удивление (93).

Это всего лишь отрывочные фрагменты глубокой и сложной связи, которую поддерживали между собой союзники и нацистский режим. Союзники, как хорошо известно, интенсивно торговали с Гитлером; они «торговали с врагом». И представляется, что в действительности «эффективное влияние иностранного капитала, влияние, выражавшееся прежде всего в прямых инвестициях, а не в кредитах, сильно выросло при нацистском режиме» (94). «К моменту нападения японцев на Перл-Харбор американские инвестиции в экономику нацистской Германии составили 475 миллионов долларов. В немецкую экономику «Стандард Ойл»

вложил 120 миллионов; «Дженерал моторс» 35 миллионов; «ИТТ» 30 миллионов, и «Форд» 17,5 миллиона» (95).

Фрэнк Нокс, министр Военно-морского флота США (1940–1944 годы), признал, что в течение двух лет, с 1934-го по 1935 год, Гитлер получил от Америки сотни современных авиационных двигателей, а сенатская комиссия в 1940 году пришла к заключению, что американские промышленники с согласия правительства продали Германии массу военных патентов: «Пратт и Уитни», «Дуглас», «Бендикс Эвиэйшн» (контролируемая «Дженерал моторс», которая, в свою очередь, находилась тогда под контролем компании «Морган») — это всего лишь часть списка корпораций, которые передали «БМВ», «Сименсу» и другим множество военных авиационных секретов (96), а бомбардировщики «Юнкерс-87» строились по технологиям, вывезенным из Детройта.

Западные ученые мужи всегда находили удобные способы выкрутиться, объясняя эти предательские действия пресловутыми преступными деяниями прогнивших жирных котлов, сотрудничавших с деспотами ради получения «быстрых долларов», — прибегая к обычной литании по поводу «алчности корпораций». Такое объяснение действительно годится для нескольких сделок, за которые Германия платила золотом — в этих случаях нацисты не имели никакой выгоды, — но оно не подходит для колоссальных инвестиций союзников, безвозвратно вложенных в Германию без малейшей надежды получить прибыль, не говоря уже о том, чтобы вернуть хотя бы затраченное в обозримой перспективе, — отсюда и озадаченность и недоумение Додда. Многие из этих «зарубежных» военных объектов позволили союзникам сэкономить на бомбах в конце войны, а потом людей заставляют удивляться тому, что легитимные правительства Британии и Соединенных Штатов начали рассматривать Европу как свой частный домен — новый западный придаток империи, — а Гитлера и его режим как надоедливую неприятность, которую сначала создали и вооружили, а потом уничтожили в длительном мировом конфликте.

Можно удивиться и поведению управляющего рейхсбанком Шахта. В течение нескольких лет, оставаясь практически глухим к заклинаниям Гитлера относительно «натиска на Восток» (*Drang nach Osten*), Шахт настаивал на возвращении Германии

ее африканских колоний. Представляется, что он тоже видел рейх господствующим над Центральной Европой — великогерманский рейх, включающий как минимум Австрию и Чехословакию, но надежно соединенный со своими экзотическими аванпостами мощным военным флотом. Но Гитлер не интересовался колониями.

К началу 1935 года внутри нацистского истеблишмента сформировались два блока, представлявшие различные мировоззрения и соперничавшие за главенство: проанглосаксонская банковско-промышленная группировка, объединявшаяся вокруг «американца» Шахта, против партии «И. Г. Фарбен» — «Дойче Банк», целью которой был отрыв Германии от рынков, находившихся под господством Британии, и создание замкнутого евразийского экономического блока (97) — наполовину автаркической крепости, протянувшейся от Одессы до Бордо.

В августе 1936 года Гитлер составил секретный доклад о втором четырехлетнем плане перевооружения нацистской Германии. Душой этого проекта в действительности была корпорация «И. Г. Фарбен», а Геринг стал ответственным за его выполнение. Однако новый четырехлетний план, который вступил в действие в сентябре, был лишь толчком, ускорившим подготовку к войне: отечественное производство продовольствия, минеральных и синтетических эрзац-материалов*, о котором упоминается в плане, были задачами, выполнение каковых было скоординировано предварительно уже Шахтом, — это производство надо было просто развернуть в более широком масштабе (98).

Согласно слухам, которые он сам и распускал, Шахт горячо и открыто критиковал Геринга за расточительное расходование ресурсов и иностранной валюты, и, боясь неконтролируемой инфляции, которая могла стать результатом превращения еще большего количества масла в пушки, он дистанцировался от фюрера и потерял благосклонное отношение нацистской элиты (99). Этот слух породил другой слух — о том, что конфликт с «Фарбен» стал со временем причиной падения банкира (100).

Как и в 1930 году, Шахт почувствовал, что почва начинает уходить у него из-под ног, но на этот раз, как мы увидим дальше,

* В особенности заменителей каучука и бензина.

позиция Британии стала настолько двусмысленной, что даже хитрый «американец» не был уверен в том, какой линии поведения ему следует придерживаться. То, что война неизбежна, было ясно: сам Шахт с помощью ценных бумаг «Мефо» поднял вермахт из мертвых — Шахт ни в коем случае не был пацифистом. Но какой войны он ожидал? Возникновение в Британии антинацистской партии войны во главе с Черчиллем вселили в Шахта тревогу, и он решил немного отступить, подстраховавшись публичными спорами с Герингом. История о протестах Шахта относительно риска инфляции и неэкономного использования иностранной валюты — всего лишь басня. На самом деле, как вспоминал позже Гитлер:

[Инфляционный] кризис мог возникнуть только после окончательного преодоления безработицы, а этого не произошло до конца 1937-го или даже до начала 1938 года. До тех пор единственными трудностями, с которыми нам приходилось сталкиваться, были трудности с иностранной валютой. Шахт сказал мне, что мы располагали зарубежным кредитом в полтора миллиарда марок, и именно на этом финансовом основании я задумал мой четырехлетний план, который никогда не внушал мне ни малейшей тревоги... так обстоят дела и сегодня [в августе 1942 года], мы не испытываем ни малейшего стеснения в деньгах (101).

26 ноября 1936 года Шахт был освобожден от должности министра экономики и поста уполномоченного по военной экономике; его деятельность теперь ограничивалась управлением рейхсбанком.

После Kristallnacht, ночи 9 ноября 1938 года, в течение которой по всей Германии оскверняли и разрушали синагоги, Шахт получил от Гитлера последнее предложение, последнюю возможность: он должен был предложить влиятельным еврейским деятелям англо-американских финансовых кругов план эвакуации евреев из Германии — осуществлять общее руководство этим делом должен был Монтегю Норман. В целом план Шахта заключался в конфискации богатства немецких евреев для обеспечения выпуска пятипроцентного международного займа, на который должны были подписаться богатые зарубежные

единоверцы германских иудеев: конфискованные средства предполагалось направить на погашение долга. Четверть долларовых поступлений по займу предполагалось использовать на оплату выезда из страны экспатриантов (102).

«Это было отнюдь не идеальное предложение», — признал Шахт (103), но, рассуждал он, это было все же лучше, чем оставить евреев на милость нацистской партии. Несомненно, его план был воровским и вымогательским и послужил объектом издевательства со стороны Рузвельта в Соединенных Штатах и Чемберлена и Галифакса в Британии; за три дня — с 14 по 17 декабря, поощряемые недовольством своих политиков, еврейские банкиры напрягли мускулы и саботировали предполагавшуюся конференцию (104), решив дать отпор и не подчиняться нацистскому шантажу.

Шахт потерпел неудачу, но не был незаменимым человеком: 21 февраля 1939 года он был уволен с поста президента рейхсбанка. Почетный титул министра без портфеля он сохранял до 21 января 1943 года.

Британский маскарад и повторный обман Германии

«*Nostra maxima culpa*» («Наша самая тяжелая вина») — так называлась глава в одной из многих, похожих друг на друга книг, посвященных британскими историками тому волнующему периоду британской истории, получившему наименование «периода умиротворения» (105). «*Culpa*», «вина», «заблуждение», «достойная сожаления ошибка» — так стыдливо обозначают попытку умиротворить гитлеровский режим, который нельзя было умиротворить никакой доброй волей. В лучшем случае это называют ошибкой. В худшем — постыдным эпизодом, но в любом случае это представляют следствием заблуждения.

Согласно этому мифу, из-за того, что элита вдруг, совершенно неожиданно для себя, обнаружила, что в своей внешней политике она глубоко расколота на несколько непримиримых течений, Британия, исполненная самых добрых намерений, но совершенно ослепленная, оказалась не в состоянии разгадать замыслы нацистов и в результате невольно оказалась отчасти

виновной в последовавшей мировой катастрофе. На поверхности британского политического ландшафта действительно появляются реальные фракции, которые мы воочию видим, у этих фракций есть реальные лидеры, они ведут яростную борьбу друг с другом по поводу жизненно важных для империи вопросов. Выгадав на этих политических раздорах — как говорят апологеты британского истеблишмента, — Гитлер и дал волю своим безумным амбициям.

Правда же заключается совсем в ином. Британский истеблишмент всегда был монолитной структурой; разногласия среди правителей, если они и были, касались только политики, но никогда принципов и целей, которые у них всех были одинаковы. Британцы никогда не испытывали сомнений по поводу того, что надо делать с Гитлером. Было очевидно: в нужное время уничтожить его и стереть Германию с лица земли — этого требовала имперская логика. Напротив, прагматический вопрос заключался в том, когда нацисты окажутся настолько обманутыми, что их снова удастся заманить в западню войны на два фронта? Ответ был очевиден: для этого с ними некоторое время надо было потанцевать. И Британия танцевала, выделявая замысловатые па по полу дипломатического бального зала тридцатых годов, кружась самым замысловатым способом, но в действительности выписывая заранее обдуманную и предсказуемую траекторию.

Тактика, которой придерживалась Британия, предусматривала оживление трех политических направлений — это было похоже на заготовку инструментов различных размеров, чтобы потом, если появится возможность, можно было воспользоваться самым подходящим.

Со времен Версаля элита раскололась на три течения: (1) антибольшевистское, (2) группу «Круглого стола» и (3) умиротворителей (см. рис. 5.2). С 1919-го по 1926 год в правительстве доминировала первая группа, в которую входили ведущий специалист по иностранным делам сэр Эрик Саймон, посол в Берлине д'Эбернон и южноафриканский имперский министр Ян Сматс; в начале двадцатых годов они выступили как антифранцузская фракция, благословившая тайное перевооружение Германии, имея в виду создать из последней «бастион» против коммунизма (106). Вполне вероятно, что именно эту группу

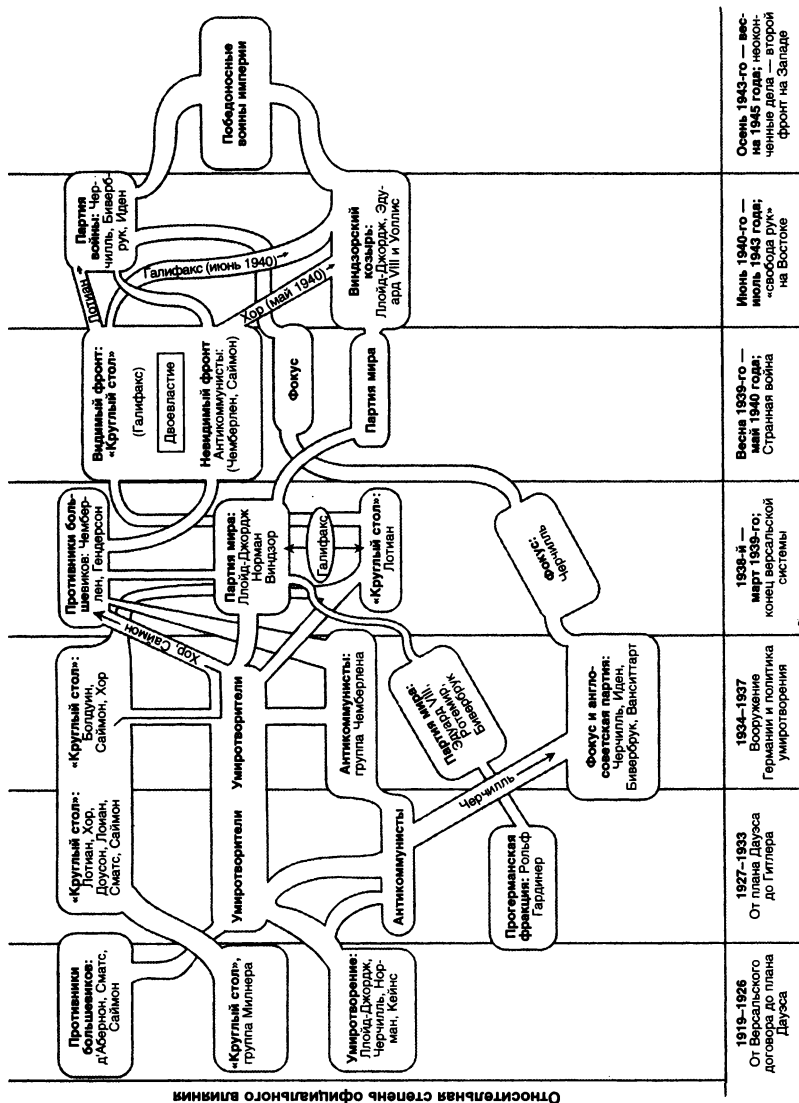

Рисунок 5.2. Маскарад политиков и дипломатов Его Величества.

имел в виду Веблен, когда в 1920 году намекал на то, что эти влиятельные государственные мужи плели в Версале заговор с целью восстановить германскую реакцию против русского большевизма. Но заговор оказался «круче», чем мог вообразить себе даже Веблен.

Истинным ядром имперского монолита была группа Милнера, позиция которой регулярно печаталась в ежемесячном обозрении «Круглый стол»*. К этой партии также примыкали Саймон и Сметс, так же как и издатель «Таймс» Джеффри Доусон; два ключевых игрока министерства иностранных дел лорд Лоттиан (Филипп Керр) и лорд Галифакс (Эдвард Вуд) и Сэмюэл (скользящий Сэм) Хор, имперский фактотум на все руки, происходивший из старинного банкирского семейства, который провел в России всю Первую мировую войну, будучи сотрудником британской разведки, — «который был настолько тонким знатоком своего дела, что царь обвинил его в том, что он заранее знал о готовящемся убийстве Распутина» (107).

В период между 1919-м и 1924 годом эти группы вместе контролировали пятую часть кабинета министров, четверть — в период с 1931-го по 1935 год и одну треть — с 1935-го до 1940 года (108). Для того чтобы успешно вести такую двойственную политику и ждать, как будут разворачиваться события, «Круглый стол» делал вид, что поддерживает — в качестве своей официальной политики — абсолютно фальшивый сценарий «мира из трех блоков», согласно которому Германия могла свободно распоряжаться в Центральной Европе, ограниченная, правда, на западе защитным валом Британии и Франции, а на востоке оборонительными линиями «отдаленной... и едва обозримой Российской империи» (109).

Версальский договор (1919) и план Дауэса (1924) были преимущественно плодом усилий этих двух групп (110).

Была, наконец, группа умиротворителей, включавшая в себя разнородное собрание парламентских заднескамеечников, таких как Черчилль и Ллойд Джордж, рекомендовавших «почетный мир» (111), «беспартийные» технократы типа Нормана и ряд интеллектуалов — публицистов и писателей типа Кейнса. Все они наперебой старались проявлять благодушие

* См. главу 1.

по отношению к вчерашнему врагу и завязывать с ним дружеские отношения во имя «честности и уважительного отношения к сопернику».

Таким образом, в самый разгар действия плана Дауэса империя располагала добротным набором из трех масок: дружеской маски умиротворителей, маски непримиримых и твердолобых антикоммунистов и безмятежной маски умеренного подхода «Круглого стола». К концу периода веймарской инкубации антикоммунисты отошли на задний план, в то время как стали набирать силу умиротворители, но над всеми возвышалась чопорная физиономия джентльменов «Круглого стола», и, более того, в политическом спектре появилась даже такая грань, как прогерманская партия, руководимая Рольфом Гардинером и подобными ему чувствительными личностями, тяготевшими к общему с немцами наследию нордического фольклора (см. рис. 5.2). Это было, однако, маргинальное движение, лишенное народной поддержки и политического влияния (112). Британия в целом не испытывала прогерманских чувств, а такие движения были рассчитаны на левоверную публику.

Но настоящий маскарад начался после того, как Гитлер продержался у власти полгода.

На дипломатическом фронте фюрер начал с того, что 26 января 1934 года подписал союз с Польшей: это был сигнал к окончанию прежней секретной политики германских генералов, которые совместно с Россией вооружались, намереваясь также вместе напасть на Польшу, своего общего врага. Гитлер, напротив, желал видеть Польшу вовлеченной в антибольшевистскую кампанию, которую предстояло возглавить нацистской Германии.

9 апреля 1934 года Германия публично объявила о своем перевооружении — вопреки условиям Версальского договора. Франция встревожилась. В это время Германия принимала гостей: капитана Королевских военно-воздушных сил Уинтерботам, разведчика, который сопровождал Розенберга во время осеннего турне последнего по лондонским клубам в 1931 году*, посетившего теперь своего бывшего гостя и самого фюрера. Уинтерботам был сотрудником Ми-16, британской контрразвед-

* См. главу 4, стр. 287–289.

ки, и офицером разведывательного подразделения военно-воздушного министерства. В разыгрывавшейся пантомиме именно ему было поручено исполнение одной из главных ролей: он должен был представляться «восторженным почитателем» режима — непреклонным умиротворителем — с момента первого избирательного успеха нацистов, и, надо сказать, он сумел завоевать полное доверие своих немецких партнеров. Нацисты сказали ему все: они сказали ему, как вместе с Англией они собираются искоренить коммунизм, как тщательно готовят они план «Отто», позже переименованный в план «Барбаросса», то есть план вторжения в Россию (113).

25 июля 1934 года отряд австрийских нацистов, натасканный людьми из СС — с одобрения Гитлера, — совершили неуклюжую попытку переворота в Вене: они убили премьер-министра Дольфуса, но на большее оказались не способны. Итальянский диктатор Муссолини, выступив на защиту Австрии, стянул к ее границам войска; после этого он обратился к Франции и Британии с призывом совместно примерно наказать зарвавшийся новый — дикарский — немецкий режим. Франция в ожидании ответа обернулась в сторону Британии, а Британия сказала «нет»: никакого военного наказания Германии не будет — игра не стоила свеч. Французам стало ясно, что Британия списала Австрию со всех счетов (114). И она действительно это сделала: Муссолини не забудет британского предательства, не забудет его и Гитлер — с благодарностью; что же касается Австрии, то следующую попытку фюрер ненадолго отложил.

В том же месяце лидер консервативной партии Стэнли Болдуин, старая лиса, которому предстояло вскоре стать премьер-министром (июнь 1935-го — май 1937 года), принялся публично «отстаивать» право Германии на воссоздание также и военно-воздушных сил: «Все аргументы говорят в ее пользу, так как Германия беззащитна в воздухе, то она имеет полное право позаботиться о своей безопасности» (115).

Однако летом 1934 года Черчилль выбрался из своего парламентского болота и выступил с важным планом: он начал обхаживать советского посла в Лондоне Майского, напевая ему песни о своей любви к Британской империи — бывшей для него «началом и концом всего», — закончив эти оды обращенным к русским предложением объединиться с Британией против

Гитлера (116). Немедленно после этого Черчилль буквально затопил палату общин своими будоражащими речами, в которых он, между прочим, «предрекал, что в течение недельной атаки на Лондон германские люфтваффе смогут убить и искалечить 30 тысяч человек. Болдуин поручил Ллойд Джорджу отчитать Черчилля за его непонимание всей важности для Британии сильного рейха — бастиона против коммунизма (117).

То был великолепный маневр: теперь в британской пантомиме появилась четвертая маска (см. рис. 5.2) — антинацистское, пророссийское ядро, организованное Черчиллем; в то же время росло влияние умиротворителей, стоявших за спиной Ллойд Джорджа. Это было очень демократично: несколько напряженное лицо, обращенное Британией к миру, — лицо, на котором выражение циничного прагматизма (умиротворения) было в какой-то степени смягчено умеренностью милнеровского братства и открытым бунтом Черчилля. Так выглядел последовательный плюрализм в действии.

В январе 1935 года барон Вильгельм де Ропп, двойной прибалтийский агент, работавший на команду Уинтерботама, встретился в Лондоне с двумя из четырех сыновей короля Георга V: будущим Эдуардом VIII, принцем Уэльским, и принцем Джорджем, герцогом Кентским, чтобы «дать им исчерпывающее представление о качествах Гесса, Розенберга и других германских лидеров» (118).

То была увертюра к самому живописному и эффектному акту бурлеска: создание пронацистской партии мира, возглавляемой не кем-нибудь, а принцем крови. Теперь британская разведка занялась поиском среди королевских отпрысков кандидата, подходящего на роль антагониста в гипотетическом сценарии, согласно которому Британия будет якобы расколота на доминирующую антинацистскую партию войны и на подпольную пронацистскую партию мира. На эту роль идеально подошел Эдуард, ведущий красивую жизнь вечно молодого идола британских подростков: он бегло говорил по-немецки и всегда с удовольствием вспоминал те сладчайшие летние месяцы, которые он проводил в обществе любимого «дяди Вилли», бывшего кайзера Вильгельма II, двоюродного брата его отца (119). Эдуард прошел конкурс.

6 марта 1936 года, оказавшись перед лицом вооружения Германии, Франция вновь ввела у себя воинскую повинность. Гит-

лер поступил так же — опять-таки в нарушение статей Версальского договора. Британия «выразила протест», но — что любопытно — не забыла при этом поинтересоваться у германских властей: «Не отказывается ли германская сторона принять сэра Эрика Саймона и Энтони Идена, как это было запланировано ранее?» Едва ли такая вежливость уместна в отношениях с врагом. 25 марта британские государственные деятели приземлились в Берлине. Немецкий переводчик Пауль Шмидт вспоминал, как Саймон отечески, с искренней любовью поглядывал на Гитлера большими карими глазами. Иден вел себя более осмотрительно и отчужденно.

На встрече с ними Гитлер снова принялся распространяться о необходимости создания единого фронта против большевизма и — это была новость — предрек возможность взаимопонимания в вопросе о пределах вооружения Германии: нельзя ли, скажем, для начала позволить Германии тоннаж флота, равный 35 процентам тоннажа британского военного флота. Британцы не ответили «нет».

Переговоры прошли с большим успехом и завершились торжественным приемом в британском посольстве, где посол, сэр Эрик Фиппс, выстроил в шеренгу своих детей, которые, вскинув руки в нацистском приветствии, прокричали: «Sieg Heil!» Этот театральный эффект, по мнению немецкого переводчика, был, пожалуй, «немного постыдным» (120). Все было бы просто отлично, если бы Иден, покинув Берлин, не направился сразу в Москву.

Это был самый первый пример двоедушной пантомимы, разыгранной британским министерством иностранных дел; немцам показали два лица: искреннее сочувствие Саймона и скептическую мину Идена. Первый был представлен как фигура из высших эшелонов власти, а второй сразу же после визита отправился в гости к врагам нацизма. Это представление было предназначено для немцев, так же как и для европейской дипломатии: опираясь на свою вечную двусмысленность, Британия была теперь наилучшим образом подготовлена к выполнению своего плана.

После мартовской встречи, вдохновленный ее результатами, Гитлер отправил в Лондон англофила Иоахима фон Риббентропа, бывшего торговца шампанским, женатого на пред-

ставительнице старой винной династии и нашедшего свой путь к нацистам через фон Папена, заключать с Британией соглашение о «35 процентах тоннажа» для германского военно-морского флота.

«Ни на минуту не забывайте,— предупреждал Риббентропа японский военный атташе в Лондоне капитан флота Арата Ока,— что британцы — самые коварные люди на свете и что они достигли непревзойденного мастерства в искусстве переговоров, а также в искусстве манипулировать прессой и общественным мнением» (121). Но ни Риббентроп, ни другие нацистские лидеры не имели все же ни малейшего представления о том, с каким именно коварством им придется иметь дело.

Переговоры начались 24 мая 1934 года в здании министерства иностранных дел в присутствии благодушного Саймона. Риббентроп, как и ожидалось, потребовал британского согласия на соотношение тоннажей, предложенное Гитлером в марте. Но Саймон неожиданно побагровел от ярости: он находит это требование неслыханным, а такие хвастливые угрозы совершенно неприемлемыми и нетерпимыми. На этом дискуссия была закончена. Риббентроп и его спутники были, мягко говоря, смущены и растеряны. Однако два дня спустя германскую делегацию пригласили в обшитые дубовыми панелями залы Адмиралтейства, где заместитель Саймона сэр Роберт Крэйги хладнокровно объявил, что Британия принимает предложение Германии; от такой неожиданной удачи спутники Риббентропа лишились дара речи (122). После этого Риббентропу позвонил Гитлер. «Отличная работа,— гремел он в трубку,— сегодня самый счастливый день в моей жизни» (123). Все было бы просто отлично, если бы буквально через несколько дней члены совета Итонского колледжа не отказали в приеме сыну Риббентропа (124).

В течение шести месяцев, прошедших с момента заключения инспирированного Норманом англо-германского платежного соглашения в конце 1934 года и англо-германского морского соглашения, подписанного в 18 июня 1935 года, Гитлер заручился — ни много ни мало — официальной британской финансовой и военной поддержкой. Фюрер ликовал.

Растерянная и взъерошенная Франция просто не знала, что делать: в середине мая 1935 года, в полном отчаянии, она заключила пакт о взаимопомощи с Россией и Чехословакией.

19 июня 1935 года Эдуард VIII дебютировал в роли пронацистского кандидата: в Тронном зале королевы он, обращаясь к бывшим солдатам и офицерам Легиона, призвал их навсегда забыть порожденную Великой войной враждебность между Британией и Германией. Присутствующие поднялись со своих мест и устроили принцу бурную овацию; британский флаг мирно соседствовал с флагом со свастикой. Речь эта наделала много шума, и король Георг V выразил по ее поводу вполне понятную озабоченность (125). Прошел месяц, и теперь уже Гитлер принимал в имперской канцелярии британских ветеранов: немцы и британцы вспоминали проведенные в траншеях годы с такой страстью, словно в те времена они были товарищами по оружию и стреляли из одних окопов (126).

Апогей умиротворения пришелся на двухлетие с 1936-го по 1937 год. Начало было весьма многообещающим: 19 января 1936 года заснул вечным сном король Георг V. А чтобы «Таймс» могла объявить о его кончине в утреннем выпуске, смерть монарха несколько ускорили инъекцией морфина и кокаина (127). Наследовать корону должен был Эдуард, принц Уэльский, кандидат на трон от пронацистской партии. Церемония коронации была назначена на май следующего года.

Затем, в марте 1936 года, Германия вступила на тропу войны, и это был необратимый шаг; рейх был готов к своему первому гамбиту — оккупации демилитаризованной Рейнской области. Как мы уже видели, Версальский договор оценивал последствия такого шага вполне недвусмысленно. Появление хотя бы одного немецкого солдата в Рейнской области автоматически означало начало войны: Британия, Италия и Бельгия должны были немедленно обнажить меч в защиту Франции.

В 1936 году новоиспеченный вермахт Гитлера не мог идти ни в какое сравнение с испытанными ударными силами Франции. «Франция,— признал в Нюрнберге генерал Йодль,— разнесла бы нас вдребезги» (128).

Игнорируя опасность, Гитлер «блефовал». 7 марта, обвинив Францию в заключении соглашения с Советским Союзом и воспользовавшись этим предлогом, Гитлер приказал трем неполным батальонам пересечь Рейн. Французские вооруженные силы на линии Мажино были приведены в боевую готовность; к границам Германии был придвинут французский

Северо-Африканский корпус — ожидали только сигнала из Лондона. Фон Нейрат, германский секретарь по иностранным делам, был в ужасе; Гитлер, дрожа от возбуждения не меньше, чем его министр, произносил как заклинание слова уверенности: не бойтесь, шептал он, Британия не двинется с места.

Британия действительно не двинулась с места: уже к вечеру седьмого числа ведущие политики принялись наперегонки оправдывать нацистский демарш. Газетные магнаты, лорд Бивербрук из «Дэйли экспресс», заодно обхаживавший от имени своего близкого друга Черчилля Россию с июня 1935 года (129), и лорд Роттимер из «Дэйли мейл» громко одобрили действия Гитлера и Германии. «[Гитлер:] Весь круг Бивербрука—Роттимера явился ко мне и дружно заявил: в прошлой войне Британия была не на той стороне» (130).

Из Лондона лорд Лотиан и лорд Астор, повторяя на все лады старый рефрен о том, что Германия есть бастион против большевизма, укоряли своих французских коллег за излишнюю «сварливость» (131) по поводу вполне понятного желания Германии войти на свой «задний двор» (132). Вслед за этим Иден и лорд Галифакс поспешили в Париж, чтобы нанести французам двойной удар. По прибытии Иден ультимативно посоветовал «воздерживаться от любых действий, могущих привести к войне; Англия желает мира». Идену вторил Галифакс: «Этот конфликт следует уладить путем переговоров». Фланден, министр иностранных дел Франции, недоумевал. «Если Англия будет действовать,— настаивал он,— то она поведет Европу... это ее последний шанс. Если Британия не остановит Германию сейчас, то все будет потеряно...»

Французы не читали Макиндера.

Единственное, что британцы дали Франции после решающей вылазки нацистов в качестве подачи, было публичное заседание в Лондоне, в Совете Лиги Наций, 14 марта. По этому случаю Иден, явив, к вящему удовольствию нацистов, образчик двусмысленных речевых конструкций британского Форин офиса, утверждал, что оккупация Рейнской области, несомненно, является нарушением Версальского договора, но не представляет угрозы миру. Она подорвала мощь Франции, но не ее безопасность. Французы цепенели от изумления.

Британия самым вопиющим образом нарушила свои обязательства гаранта безопасности в Европе. На следующий день, словно ничего не произошло, Иден пригласил на завтрак Риббентропа, чтобы обсудить с ним пути развития германской геополитики. 29 марта, не теряя драгоценного времени, Геббельс призвал к проведению в Рейнской области еще одного референдума — для одобрения ее включения в состав рейха: «за» проголосовали 99 процентов (133).

Согласно сценарию британской постановки, такое усиление позиций умиротворителей не могло не вызвать реакции: после оккупации Рейнской области антинацистская фракция во главе с Черчиллем, воспользовавшись фондами состоятельных еврейских кругов, превратилась в более компактную, четко оформленную и сугубо секретную группировку, известную под названием «Фокус». Согласно пожеланиям его лидера, никогда и нигде не публиковались никакие подробности о составе и деятельности этой группы (134).

Но Гитлера нимало не тревожили ни Черчилль, ни его партия — для фюрера они были не более чем докучливыми говорунами, не способными ни на что, кроме пустых речей. После марта нацисты с еще большим упоением отделились своей безрасудной страсти к британцам — шампанское лилось рекой, бесчисленные празднества и конференции сменяли друг друга, в Германии были проведены летние и зимние Олимпийские игры, немцы открывали англичанам свои военные секреты. Но фюреру был нужен более значимый символ — встреча в верхах, скажем, с премьер-министром Болдуином. Болдуин, однако, сохранял трезвую голову и вежливо отклонил приглашение Гитлера (135). Премьер-министр выудил на задворках британского лагеря умиротворителей Ллойд Джорджа и послал его в Баварские Альпы, в резиденцию «Орлиное гнездо» на встречу с Гитлером вместо себя.

Таким образом, состоялось событие с совершенно иным символическим значением: 4-го сентября 1936 года Гитлер пожал руку не своему британскому противнику, а одной из самых удачливых повивальных бабок нацизма: тому самому Ллойд Джорджу, который заключал Версальский договор. Гитлер и его гость с воодушевлением беседовали о войне, политике и рабочем классе. Фюрер был очарован Ллойд Джорджем, которого он

в своих отзывах описывал как «гения». Гитлер рассчитывал представить гостя на съезде партии, но Ллойд Джордж, проявив разумную осторожность, отказался, хотя при этом не удержался от злословия в адрес чехов (136) — это был довольно прозрачный намек.

В целом встреча могла считаться успешной; Ллойд Джордж по возвращении в Британию превозносил фюрера в газетах, называя его «величайшим немцем нашей эпохи».

В связи с этим эпизодом вполне правомерно был поднят вопрос: «Кто кого здесь одурачил?» (137). Здесь не ставится вопрос о том, дурачило ли Гитлера британское правительство, — ответ на этот вопрос может быть только утвердительным; причем несущественно, был ли сам Ллойд Джордж активным действующим лицом или не осознававшим своих действий орудием этих манипуляций, — и с полной определенностью можно сказать одно — ни Гитлер, ни нацисты ни разу не смогли никого ввести в заблуждение.

Надувательство тем временем продолжалось со все возрастающей изобретательностью. В то время у короля Эдуарда VIII была возлюбленная, американка миссис Уоллис Симпсон.

В последние месяцы 1936 года премьер-министр Стэнли Болдуин, с полного одобрения Эдуарда, был готов к постановке феноменального спектакля. Вероятно, принца Уэльского специально проинструктировали, чтобы он на публике вечно повторял одну и ту же мантру: «Ни свадьбы, ни коронации». При всем том он публично поставил следующее условие: если коронация состоится, то принц Уэльский возведет на престол в качестве своей королевы Уоллис Симпсон — дважды разведенную американскую проститутку. Болдуину предстояло проследить, затем организовать газетную кампанию и запросить мнение доминионов относительно допустимости такого брака — с тем чтобы и доминионы, и пресса единодушно осудили такое бракосочетание (138). Болдуин осуществил этот сценарий 16 ноября; после этого у Эдуарда осталось три альтернативных возможности: (1) отказаться от миссис Симпсон и сохранить трон, (2) уволить в отставку Болдуина и его кабинет и (3) отречься.

Несмотря на то что Уоллис умоляла принца сохранить трон, оставив ее при своей особе в качестве всемогущей наложницы (139), Эдуард из-за «любви» сделал наименее целесообразный

выбор и 10 декабря 1936 года отрекся от престола. «Боже, храни короля!» — воскликнул он, заканчивая свою речь. На престол, под именем Георга VI, взошел Альберт, герцог Йоркский; таким образом, королевское достоинство было поделено между обычным регентом и его братом, пронацистским принцем Эдуардом, который после отречения принял титул герцога Виндзорского.

Нацисты ошибочно приняли это отречение за результат внутренней борьбы и очищения королевской семьи от почитателей нацизма, каковых там никогда на деле не было, и хотя Гитлер был расстроен происшедшим (140), цель британской правящей элиты оставалась прежней — постоянно держать Гитлера в напряженном неведении, то подмигивая ему, то отгоняя прочь, как надоедливую муху. До сих пор такая тактика превосходно себя оправдывала.

В июне 1937 года Эдуард и Уоллис поженились во Франции, а в октябре их пригласили в Германию совершить большой тур по рейху; герцога и герцогиню повсюду ожидал восторженный прием и приветствия «хайль!», на которые Эдуард отвечал нацистским салютом. 12 октября 1937 года, на следующий день после приезда в Германию, Эдуард, в доме Роберта Лея, главы нацистского трудового фронта, был представлен Гиммлеру, Геббельсу и Гессу (141) — к этой встрече британская разведка готовила принца на протяжении двух с половиной предыдущих лет.

Наконец, в ноябре 1937 года, после всего этого потока гениальных действий со стороны Британии, настало время на деле подтолкнуть Гитлера к реальной войне. Миссия лорда Галифакса 19 ноября 1937 года — его визит в альпийскую резиденцию Гитлера — стала поворотным пунктом в цепи событий, приведших к развязыванию Второй мировой войны. К этому времени рыхлый конгломерат британских умиротворителей раскололся на две основные «партии» (142): антикоммунистов, которые обрели своего лидера в лице Невилля Чемберлена, и участников «Круглого стола». Обе эти партии приняли пропагандистскую эстафету от партии мира, члены которой примыкали то к первым, то ко вторым (см. рис. 5.2). Нацисты взирали теперь на три не похожие друг на друга грани единого фронта, и эти разногласия поощрили их на расширение их европейской цитадели до решающей агрессии против Советов.

Вкратце то, что Галифакс сказал Гитлеру, можно выразить так: (1) Британия считает Германию бастионом против коммунизма, (2) Британия не возражает против присоединения к Германии Австрии, Чехословакии и Данцига; и (3) Германия не должна использовать силу для достижения своих целей в Европе.

В свете (1) концепции, изложенной в «Майн Кампф», которую внимательно изучили все британские правители, (2) невиданной всемирной гонки вооружений, (3) постоянных и щедрых поставок британского и американского оружия, которое нацисты получали все прошедшие четыре года и (4) пресловутой подготовки рейха к исполнению плана «Барбаросса» Гитлер мог совершенно спокойно игнорировать особое предупреждение о недопустимости применения силы, — коротко говоря, Британия просто подталкивала его в спину. Об этих осенних переговорах и тайном сговоре ничего не сказали ни простым британцам, ни остальному миру.

So oder so, так или иначе, но в январе 1938 года Гитлер решил за австрийцев осуществить самоопределение их страны; другими словами, он решил ее аннексировать. В феврале британский премьер-министр Невилл Чемберлен и министр финансов сэр Эрик Саймон заявили в палате общин, что не следует ожидать, что Британия поддержит независимость Австрии. Это был сигнал.

3 марта Гитлер вошел в Австрию и только после этого обратился к австрийцам с просьбой санкционировать аннексию на референдуме: высказавшись за великогерманское единство, «за» проголосовали 99,7 процента избирателей — натиск на Восток начался. Следующей в списке жертв стояла Чехословакия.

21 апреля 1938 года генерал Кейтель получил от Гитлера приказ «разработать план вторжения в Чехословакию» (143).

Очень важно подчеркнуть, что в тот момент ни один маневр в военных приготовлениях Гитлера не был плодом его самостоятельной стратегии или его личного воображения: устроители Версальского договора подготовили этот маршрут много лет назад, и британские правители только облегчали движение фюрера по этому пути.

Оставив 3,4 миллиона судетских немцев на территории искусственно созданного в 1918–1920 годах* чехословацкого госу-

* См. главу 2, стр. 108.

дарства (22 процента населения), авторы договора снабдили Гитлера великолепным предложением потребовать возвращения этих немцев в лоно рейха во имя «этнического самоопределения» — и Гитлер воспользовался этим предложением.

Британская пресса — опять-таки в лице «Дэйли мейл», умиротворителя Ротимера — открыла заградительный огонь, опубликовав 6 мая передовую статью, в которой клеймила Чехословакию как отвратительное государство, населенное исключительно расистами, чье безобразное отношение к германоязычным жителям Судет Британия не может дольше терпеть (144).

И снова Франция, эта беспомощная Марианна, брошенная британцами на произвол судьбы, принялась лихорадочно искать возможных союзников в запоздалой попытке создать единый фронт против надвигавшейся нацистской колесницы, созданию которой Франция сама же и способствовала в течение 15 лет своей непомерной гордыней.

В мае Франция умоляла русских выступить вместе с ней против Германии. Представляется, что французы совершенно не понимали, что ни Россия, ни Британия, действовавшие в тандеме, не имели ни малейшего намерения останавливать Гитлера.

Россия ответила, что готова оказать помощь Франции только в том случае, если Польша и Румыния разрешат проход советских войск по их территориям (см. рис. 5.3). Это был блеф, так как Советский Союз не сделал ничего для того, чтобы рассеять подозрительность и вражду, какую испытывали по отношению к нему Польша — с одной стороны, и Румыния — с другой. Франция обратилась с просьбами к этим странам, но получила отказ: Польша и Румыния не доверяли русским, особенно русским, оказавшимся в их доме. «Отступитесь, — заявили в Польше французам, — Чехословакия уже мертва».

Так как Франция все же продолжала настаивать, многоопытный русский министр иностранных дел Литвинов раз и навсегда отменил попытки Франции направить советские дивизии на Запад, предложив план советского нападения на Польшу; Россия может сделать это, импровизировал Литвинов, во имя защиты Чехословакии от алчности поляков, которые хотят отнять у Чехословакии угольный бассейн в Тешене. Таким образом, Советы одним ударом разрубили сложный клубок созданных Францией

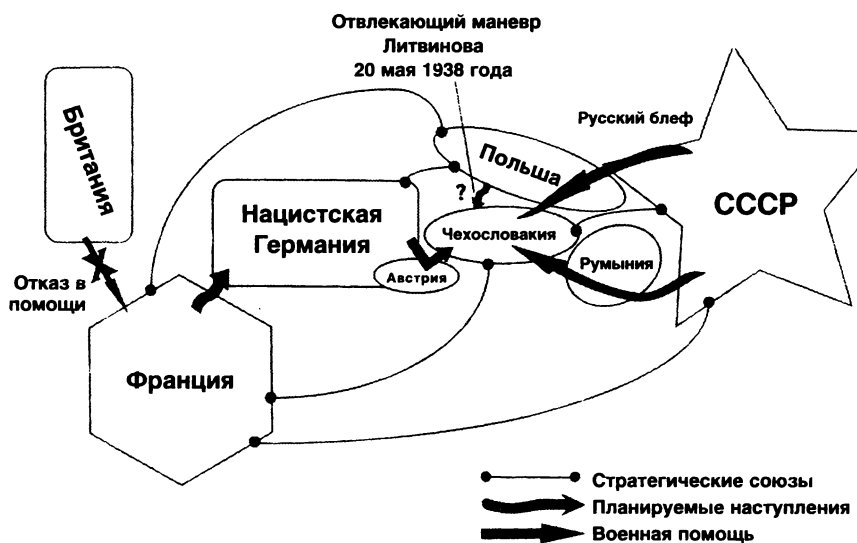

Рисунок 5.3. Союзы и угрозы накануне чехословацкого кризиса

союзов. В конце мая Британия снова, и на этот раз навсегда, перехватила инициативу (145).

Польша оказалась ключевым пунктом предвоенного кризиса, потому что: (1) благодаря Версальскому договору у нее могли возникнуть разногласия с Германией по поводу Данцигского коридора; (2) она была союзницей Франции; (3) она действительно находилась во враждебных отношениях с Чехословакией, также бывшей союзницей Франции; (4) она была временной союзницей Германии — врагом Франции, и (5) она была глубоко враждебна СССР, смертельному врагу Германии. Буферное положение Польши позволяло Британии выиграть драгоценное время и направить движение Гитлера в нужное русло.

Объединенные вооруженные силы Британии, России, Чехословакии и Франции в 1938 году были способны стереть вермахт в мелкую пыль: все вовлеченные в кризис стороны это превосходно понимали (146). В особенности хорошо понимали это

в Британии, которая в течение двух недель, последовавших за гитлеровской аннексией Австрии, приложила максимум усилий, чтобы ослабить Чехословакию и позволить Гитлеру (и себе) полностью закончить подготовку к войне.

Уже 24 марта Невилл Чемберлен дал нацистам сигнал, заявив, что Британия не окажет помощи чехам в случае нападения на них, или Франции, если она придет к ним на помощь.

В конце мая 1938 года Гитлер назначил дату удара по Чехословакии — 1 октября. После этого группа генералов во главе с начальником генерального штаба Людвигом Бекем составила заговор, выполнение которого планировали осуществить в три фазы: (1) сначала попытаться уговорить Гитлера отказаться от плана; (2) убедить Британию заявить о твердой поддержке Чехословакии и о намерении воевать с Гитлером в случае его нападения на последнюю; (3) если Гитлер все же отважится на начало войны, то генералы планировали убить его; покушение должно было состояться 28 сентября 1938 года. «Несмотря на то что в Британию в первые две недели сентября слали депешу за депешей... британцы отказались поддерживать заговорщиков» (147).

Наоборот, влиятельные деятели империи — Галифакс, Саймон, Хор, британский посол в Берлине Гендерсон и многие другие — развернули беспрецедентную кампанию дезинформации и запугивания. Начались нескончаемые запутанные переговоры, в ходе которых британцы пытались уговорить чехов отдать рейху населенные немцами Судеты, где — и это было самое важное — находились первоклассные фортификационные сооружения, которые могли стать серьезным препятствием для возможного наступления нацистов.

Чтобы аргументировать свои действия, Британия выдвинула следующие доводы: (1) Чехословакия неминуемо будет разгромлена в военном столкновении с Германией (это была неправда); (2) русский военный потенциал был равен нулю (что тоже было неправдой); (3) Советы не выполняют свои союзнические обязательства перед Чехословакией (это было правдой только в том случае, если бы от выполнений союзнических обязательств отказалась бы и Британия) и (4) Германия удовлетворится возвращением Судетской области (это была ложь) и Данцигским коридором (это была правда). «Для того чтобы сделать свои планы

более привлекательными, британцы принялись на все лады восхвалять ценности «автономии» и «самоопределения» (148).

Британский план — это совершенно ясно — предусматривал расчленение Чехословакии, которая, имея в своем распоряжении 34 надежные дивизии численностью 1 миллион превосходно обученных, проникнутых высоким моральным духом солдат, вполне могла остановить Гитлера в Центральной Европе.

В это же самое время, для того чтобы скормить публике всю эту невероятную ложь, капитаны британской политики развернули кампанию нагнетания страха, раздуваемого партией мира, всемерно преувеличивая военную мощь Германии, преуменьшая военный потенциал чехов и предрекая абсурдную угрозу воздушного нападения люфтваффе и газовой атаки на Лондон: в первые недели сентября были проведены учебные воздушные тревоги, а лондонцам раздали противогазы (149).

Затем, чтобы уберечь Гитлера от заговора генерала Бека, Чемберлен в сентябре дважды — 15 и 22 числа — летал в Германию ради заключения соглашения о недопустимости войны Германии с Чехословакией — в интересах самих нацистов. Престарелый премьер-министр впервые в жизни садится в самолет только для того, чтобы... поспешить в Германию. Это было неслыханно. «[Во время чехословацкого кризиса Чемберлен] через секретных курьеров дал знать Гитлеру, чтобы тот не обращал внимания на резкие правительственные заявления, которые могут последовать в ближайшие дни со стороны Британии и Франции по поводу Чехословакии» (150).

Вся эта возня вылилась в позорное выступление Чемберлена по радио 27 сентября: «Как ужасно, фантастично и невероятно, что мы вынуждены рыть траншеи и примерять противогазы из-за ссоры в далекой стране, ссоры между людьми, о которых мы вообще ничего не знаем».

На следующий день, в тот самый день, когда генералы собирались стрелять в фюрера, представители Франции, Германии, Англии и Италии собрались в Мюнхене, чтобы разделить Чехословакию, не проконсультировавшись ни с кем, и в первую очередь с самими чехами: у них теперь отбирали Отечество, дарованное англичанами и французами в 1919 году в благодарность за провокацию в Сибири. Предусматривалось, что Германия в четыре этапа займет предназначенные

для ее оккупации хорошо укрепленные области, а целостность оставшейся территории Чехословакии будет гарантирована Францией и Британией — кстати говоря, такие гарантии так и не были даны. Чехословацкая армия была распущена, а 10 октября чехи отдали полякам еще одну часть своей урезанной территории.

21 октября Гитлер отдал приказ о вторжении на территорию Чехословакии и о преобразовании ее в протекторат, что и было в точности исполнено 14 марта 1939 года — чехи не сопротивлялись. В это же время Монтегю Норман, очистив карманы невинной жертвы, предательски передал рейхсбанку 6 миллионов фунтов — чехословацкий золотой запас, находившийся на хранении в Английском банке. То, что Норман был тесно связан с партией Чемберлена, совершенно ясно (иначе просто не могло быть), но этот факт, так же как и подробности их взаимоотношений, никогда не разглашался (151).

Теперь единственным препятствием для полного уничтожения плодов Версальского договора оставалась Польша — после устранения этого препятствия Гитлер оказывался у ворот Советского Союза: капитан Уинтерботам, британский разведчик, только что вернулся из Восточной Пруссии, где местный лидер уверил его в том, что план «Барбаросса» может быть приведен в действие уже в мае 1941 года (152). Таким образом, для Англии в этих делах не было ничего тайного.

Лидеры британской политики еще раз сменили костюмы (см. рис. 5.2). С умиротворением, как с государственной политикой, было покончено; после вторжения Гитлера в Чехословакию эту политику было уже невозможно «скармливать» массам. На сцене была разыграна следующая пьеса: пронацистская партия мира отошла на задний план, заняв позицию фрондирующей элиты, а «Круглый стол» и антикоммунистическая партия слились в неформальную диархию (двоевластие), при этом фасад, возглавляемый Галифаксом, притворялся, что готов жестко разговаривать с нацистами, в то время как невидимый фронт, ведомый группой Чемберлена, продолжал настаивать на уступках Гитлеру и на «дружеских» уверениях последнему в том, что Британия не будет воевать (153).

Гитлер зашел настолько далеко, насколько ему позволили; теперь для Британии настало время успокоить Гитлера отно-

сительно Западного фронта и спровоцировать его на начало военных действий. 31 марта 1939 года, «точно в середине срока между публичным разрывом с Германией и тайным возобновлением... экономических переговоров с ней» (154), Чемберлен проинформировал палату общин о том, что «в случае любых действий, угрожающих независимости Польши, правительство Его Величества будет считать себя обязанным немедленно предоставить польскому правительству любую помощь, какую Британия будет в силах оказать».

Это было очень необычное заверение. Начиная с 1918 года британское правительство решительно отказывалось от всяких двусторонних соглашений, содержащих гарантии в отношении какого бы то ни было европейского государства. Теперь же Британия делала одностороннее заявление, причем Британия, не получая ничего взамен, давала гарантии государству в восточной части Европы; при этом британцы возлагали на это государство ответственность решения относительно того, когда должны быть выполнены эти гарантии; это было нечто беспрецедентное (155).

Стратегия Британии, независимо от ее сложности и прозрачности во всем, что касалось реализации и согласованности во времени, всегда оставалась одной и той же: натравливать друг на друга врагов, а страны-сателлиты превращать в мины, подведенные под выбранного основного противника, — в данном случае под Германию. То, что было накануне Первой мировой войны сделано Британией с Бельгией, теперь повторялось в отношении Польши.

Переговоры Гитлера с Польшей начались 21 октября 1938 года; немцы — вполне предсказуемо — просили уступить им город Данциг и километровую полосу вдоль польского коридора с шоссейной дорогой и четырехколейной железной дорогой под юрисдикцией Германии. Эти, надо сказать, весьма скромные требования были предъявлены польскому союзнику в весьма сердечной и дружеской форме; речь шла о возвращении последнего пустяка, потерянного Германией по условиям Версальского договора. Гитлер не желал завоевывать Польшу; напротив, он хотел использовать ее как союзника в грядущем наступлении на

Россию (156). Правда, Польша к концу марта проявила склонность к спорам и придиркам, и поначалу фюрер, не понимая, что Британия успела тайно сделать какие-то предложения Польше, недоумевал по поводу «непонятно откуда взявшегося польского упрямства» (157).

Не удовлетворившись обманом нацистов, британцы точно так же соблазняли и Польшу, уверяя последнюю в том, что Британия и Франция начнут полномасштабное наступление на Германию, в случае если она решится напасть на Польшу. Однако до самого конца весны 1939 года никакая помощь — ни в виде военной техники, ни в виде солдат — не поступила из союзных стран в Польшу. «Британия притворилась глухой, когда Польша начала просить экономической и военной помощи для подготовки к отражению германской агрессии» (158). В мае Гитлер приказал своим генералам считать Британию на данный момент наиболее вероятным противником.

Группа Чемберлена продолжала из Лондона заигрывать с нацистами, обещая не позднее августа «полноценное политическое партнерство в обмен на мир» (159), в то время как «Круглый стол» продолжал требовать от поляков, чтобы они не уступали немцам.

Гитлер отказывался верить, что англичане и французы настроены серьезно, — это была уловка, рассудил фюрер. Он был вооружен, потерял союзника в лице Польши и был вынужден нанести удар — короче, он был готов начать нужную ему войну.

Весной 1939 года тайный эмиссар Рузвельта, верховный судья Феликс Франкфуртер — человек, близкий к Американскому еврейскому комитету, каковой, в свою очередь, стоял за спиной «Фокуса», — нанес визит в Лондон. Вскоре после его отъезда из британской столицы Черчилль повел шумную пропагандистскую кампанию (160). На авансцену британской политики вытолкнули теперь партию войны (см. рис. 5.2), жаждавшую помериться с Гитлером силами на поле боя. В мае 1937 года, когда Гитлер списал Черчилля со счетов как никчемного политического легковеса, этот старый прожженный бульдог британского истеблишмента предупреждал Риббентропа: «Никогда не стоит недооценивать Англию... Она очень умна. Если вы вовлечете нас в следующую Великую войну, то мы поднимем против вас весь мир» (161).

Правда, прежде чем начать, фюрер совершил нечто абсолютно немыслимое: для того чтобы убрать с дороги Польшу, он подписал мирный договор с большевистской Россией.

Советская легенда о безумии и самопожертвовании

Нацистов умиротворяли все: папа римский из страха, Британия по заранее обдуманному плану, а русские для того, чтобы выиграть время. Сталин тоже читал «Майн Кампф» (162) и не питал никаких иллюзий: он знал, что рано или поздно Гитлер пожалует и в Россию.

Россия начала выполнять свой первый пятилетний план в октябре 1928 года, на четыре года позже Германии, — именно оттуда Советский Союз импортировал большое количество капитального оборудования и машин. Крупн и самолетостроительная компания Юнкерса имели в антикапиталистической России свои заводы; так же как имели свои предприятия и такие корпоративные жемчужины, как «Стандард Ойл», восторженный поклонник фюрера Форд и ряд других английских и американских концернов, занимавшихся добычей золота и нефти. Для того чтобы оправдать такую ускоренную индустриализацию страны, Сталин воспользовался призраком агрессии с Запада и довел дело до конца за счет 25 миллионов крестьянских хозяйств — так называемых кулаков. Пять миллионов их были убиты, хозяйства уничтожены и коллективизированы. Экологические и экономические последствия таких невероятных жертв, не говоря уже о страданиях людей, были настолько тяжелы, что к 1930 году привели сталинскую Россию в такой безвыходный тупик, что только капиталистическая поддержка, спасение, пришедшее с Запада, позволила Сталину благополучно довести караван своей диктатуры до последней сцены предвоенного спектакля. Например, строительство днепровской плотины — величайшего воплощения таких спасительных вложений — финансировалось американцами, а возведением руководил один британский концерн (163).

Когда Гитлер пришел к власти, Сталин принялся внимательно за ним наблюдать. Он с поистине нескрываемым и хладнокровным отчуждением взирал на преследование германских

коммунистов — такова была заслуженная судьба сменяемых марионеток, служивших большевикам с начала двадцатых годов. В июне, когда Гитлер устроил чистку недовольных в своем логове, Сталин понял, что инкубация закончилась и что Гитлер — это тот сотворенный в Версале трубоч, которому суждено вскоре повести свои орды в Россию.

В тот момент и Сталину пришлось умиротворять Гитлера. Британская игра была абсолютно прозрачной: так же как и в Первую мировую войну, она хотела, чтобы Россия за нее выиграла войну в Евразии, поглотив и пожрав Германию, как Белую армию, в бескрайних степях в ходе затяжного кровопролития. Болдуин так суммировал этот подход в своем разговоре с Черчиллем в июле 1936 года: «Если в Европе должна начаться война, то я бы хотел видеть противниками в ней большевиков и нацистов» (164).

Было ясно, что намечавшийся конфликт призван уничтожить Германию, а не Россию, как ошибочно предполагал Веблен. И СССР, мнимый противник англо-американской олигархии, сделает ей такое одолжение. Для этого, однако, надо было очистить путь от всяческих раздоров, от всякого рода устаревшей большевистской фразеологии — скажем, фразеологии Троцкого и всех ему подобных, кто хотел слишком скорых побед, кто хотел до времени перешагнуть границы России, согласованные с планами морских держав, прикрываясь избитыми лозунгами типа «мировая революция» и «социалистическое братство». Теперь был востребован не корпус доктринеров, но двуликих стратегов, каковые должны были отныне возглавлять Красную Армию и Политбюро ЦК. И Гитлер — своим поджогом Рейхстага и «ночью длинных ножей» — вселил в красногара воодушевление.

Вследствие истребления кулаков и последующих катастроф большая часть армии, крестьянство, комиссары и 90 процентов партийного аппарата ополчились против сталинского режима (165).

Давление уже грозило достичь критической точки, когда 1 декабря 1934 года сталинская номенклатура решила действовать и обезглавить оппозицию. Взяв под контроль очередного «полезного идиота», чекисты Ленинграда должным образом «сориентировали» этого ничем не примечательного и якобы

страдавшего «истерическими припадками» (166) студента по фамилии Николаев и направили его в коридоры Смольного института*. Там Николаев и застрелил Сергея Кирова, старого товарища Сталина, ставшего теперь его главным соперником: дважды охрана останавливала Николаева, который, вооруженный, бродил вокруг Смольного, и дважды — по непонятным приказам свыше — его отпускали, до тех пор, пока не прогремел выстрел, убивший Кирова.

Сталин примчался в Ленинград так же, как незадолго до этого Гитлер примчался к догоравшему Рейхстагу, и разведка преподнесла ему «пожар» и «поджигателя» на блюдечке с голубой каемочкой. Этот поджигатель, как потом лживо было объявлено народу, был лишь верхушкой огромной террористической сети, сплетенной бандой троцкистских вредителей и заговорщиков, сотрудничавших с германской реакцией, — это была заезженная вариация «террористической лжи», каковой, как правило, начинают дворцовый переворот наиболее консервативные и неразборчивые в средствах круги деспотического режима.

Через два дня после совершенного им убийства Николаев при загадочных обстоятельствах погибает в Ленинграде при перевозке в чекистском «воронке»; в это время первая волна чисток уже обрушилась на правящий аппарат советской власти; сотни человек были арестованы, подвергнуты тяжким пыткам и убиты; сотни тысяч были отправлены в Сибирь. И это было лишь началом пятилетней бойни, апофеозом которой стали безумные показательные процессы сталинской эры.

Не случайно первая часть этих театральных показательных процессов была начата Сталиным через несколько дней после вступления германских войск в Рейнскую область в марте 1936 года, — перед доведенной до белого каления и совершенно обезумевшей публикой бывшие аппаратчики сначала признавали свою вину, называя себя и других подсудимых протухшими изворотливыми червями, после чего их волокли к стенке. Глядя в лица солдат расстрельного взвода, они выкрикивали лозун-

* В царское время — учебное заведение для женщин благородного происхождения. Из здания Смольного Ленин руководил большевистским переворотом 25 октября 1917 года; позже в Смольном располагалась ленинградская организация партии большевиков.

ги, прославлявшие Сталина и революцию,— точно так же как мятежные командиры штурмовиков, которые падали под пулями эсэсовцев с криками «Sieg Heil!».

Таким образом, старая ленинская гвардия была смыта в сточную канаву; одна ее фракция за другой представляла перед судом, оговаривая следующую и взваливая на нее фальшивые обвинения, заранее отпечатанные на бумаге, которые потом зачитывали тщательно подобранные на роли свидетелей инквизиторы. Пик британской политики умиротворения в 1937 году пришелся на очередной пароксизм сталинского террора, который был всего лишь вторым кругом массового очищающего жертвоприношения, начатого Лениным после Гражданской войны для того, чтобы сделать вечно уступчивым и податливым захваченный большевиками российский муравейник.

Радек, как один из ближайших сподвижников Троцкого, тоже был обречен. Хитрый и ловкий пропагандист множества кровосмесительных русско-германских сделок, один из тех привилегированных соратников, сопровождавших Ленина в организованной Парвусом в 1917 году поездке через Германию, Радек был посажен на скамью подсудимых и тоже притворился преступником, сделав это, так же как и многие другие до него, только ради того, чтобы уберечь от расправы свои семьи. 23 января 1937 года, в ходе своих «признательных» показаний, в ответ на требование следователя рассказать о сети заговорщиков, Радек обронил имена Путны и Тухачевского.

Путна был малоизвестным генералом, но Тухачевский был живой легендой. Первый был представителем мозга Красной Армии; в то время Путна служил военным атташе при советском посольстве в Лондоне, в то время как второй был самым влиятельным командиром Красной Армии — прославленным Тухачевским. Он родился в Москве, в дворянской семье, в 1893 году. В Великой войне от участвовал как офицер царской армии. В 1915 и 1916 годах он дважды попадал в немецкий плен, но оба раза находил самые невероятные способы бежать, проявив при этом такое мужество и солдатскую доблесть, что слух об этом славянском Монте-Кристо опередил его возвращение в Россию. Тухачевский с глубочайшим отвращением наблюдал картину распада и разложения русских армий во время краткого интермеццо Керенского, и, когда большевики захватили власть, он

стал одним из тех офицеров, которые, в отличие от белых, отбросили свои дворянские доспехи и надели красные звезды, в душе смирившись с тем, что миру, который они знали и любили, не суждено вернуться и что Россию предстоит строить и создавать заново.

В возрасте двадцати шести лет он становится генералом в преобразованной Троцким армии — и после этого, словно воплощенная Немезида, обрушивается на белых. В его послужном списке подавление мятежа чехословацкого корпуса, разгром Колчака в Сибири и, наконец, нанесение решающего удара по армии Деникина. На его счету подавление крестьянского восстания, когда он не остановился перед применением отравляющих газов. К середине двадцатых годов он становится некоронованным принцем среди прочих «военспецов», став в авангарде молодых «специалистов», мечтавших превратить старую императорскую армию в механизированный, высокоэффективный инструмент ведения современной войны. Нет поэтому никакой случайности в том, что именно он сыграл решающую роль в установлении тайных связей с германским военно-промышленным комплексом в период между 1926-м и 1932 годом. Русские тогда многому научились у немцев: революционной теории танковой войны генерала Гудериана, как и многим другим секретам, полученным от высших чинов рейхсвера: Шлейхера, Бредова, Бломберга...

К 1935 году «спецы» достигли таких успехов в превращении старой русской армии в построенный на строгих иерархических принципах монокл своей мечты, что Сталин произвел амбициозного Тухачевского, которого он называл «Наполеончиком» (167), и группу других командиров в маршалы Советского Союза — Тухачевский был самым молодым из них, ему в тот момент исполнилось сорок два.

К тому времени, хорошо зная положение в Германии (после того как он много лет общался с ее офицерской кастой во время инкубации нацизма), Тухачевский сумел верно угадать, разбирая их пункт за пунктом, цели и планы гитлеровцев. Нельзя было терять ни минуты: Россия, Франция, Чехословакия и Британия должны были немедленно объединиться и сокрушить нацизм в победоносной наступательной войне.

В январе 1936 года, когда умер король Георг V, Сталин как представителя СССР на похоронах монарха отправил в Лондон

Тухачевского. Это была великолепная возможность: после похорон он рассчитывал встретиться с высокими чинами британского генерального штаба, с которыми Путна заранее договорился о встрече от имени Тухачевского. Введенный, как и многие другие, в заблуждение относительно истинных целей и сущности Британской империи, он был уверен, что не понадобится много времени, чтобы убедить британских генералов согласиться на предложения, которые представлялись Тухачевскому неотразимыми (168).

Приводя конкретные цифры, Тухачевский призывал британцев подумать о том, что к 1937 году темпы вооружения Германии будут все еще значительно отставать от суммарного производства вооружений во Франции и Чехословакии. Более того, растущее российское производство боевых самолетов, танков и артиллерийских орудий, которые можно было доставить в Чехословакию по «воздушному мосту» через Польшу и Румынию и развернуть против немцев, могло настолько усилить оборонительный арсенал союзников, что даже упреждающая молниеносная война против Германии не нанесла бы им существенного ущерба, но позволила бы немедленно нейтрализовать нацистов.

И что же британцы? Они вежливо слушали и качали головами, не проявляя к сказанному никакого интереса. Для оправдания своей пренебрежительной реакции они пустили в ход ложь о том, что Тухачевский завышает цифры, — такую же ложь, какой они воспользовались в 1938 году, когда занимались деморализацией чехов. И разве лорд Лотиан не уверял в 1935 году группе приехавших в Британию германских министров, что «немцы войдут в Россию как нож в масло»?

Расстроенный Тухачевский покинул Лондон. Он попытался повторить свой маневр в Париже. Но в то время французы не были настроены воевать, предпочитая отсиживаться за фортификационными сооружениями линии Мажино. «Но потом будет поздно», — увещевал их Тухачевский. Прошло всего два месяца, и уже Фланден, министр иностранных дел Франции, после вступления немецких войск в Рейнскую область кричал британцам те же самые слова.

Потерпев поражение в Лондоне и Париже, молодой маршал вернулся в Москву как раз вовремя, чтобы принять участие

в сессии Верховного Совета. Тухачевский был, мягко говоря, потрясен, выслушав речи министра иностранных дел Литвинова и премьер-министра Молотова и почувствовав себя глубоко уязвленным тем снисходительным, почти добрым тоном, в котором эти руководители говорили о Германии.

Тухачевский поднялся на трибуну и выступил с речью, где не жалел разящих язвительных слов, направленных не только против нацистов, но и против вождей партии, и эти шипы, как ни странно, подействовали успокаивающе. Тухачевский говорил с уверенностью генерала, за спиной которого стоит мощная, подчиненная ему армия.

Если среди советских военачальников и были такие, которых боялся Сталин, то Тухачевский, несомненно, был одним из них: безрассудно смелый и самой природой предназначенный привлекать к себе организованное недовольство, молодой маршал ставил под удар всю сталинскую и британскую политику умиротворения.

Согласно одной версии, которую многие отмечают как фантастическую, советская секретная служба (ГПУ) сумела добыть в белоэмигрантском центре в Париже некое досье, якобы сфабрикованное гестапо, в котором Сталину были представлены «неопровержимые доказательства» того, что Тухачевский, Путьна и их сообщники не прекращали своей предательской деятельности против России в течение более десяти лет, передавая Германии советские секретные документы (169).

12 июня 1937 года на последних страницах советских газет были опубликованы короткие сообщения о казни Тухачевского и Путьны. За этим последовала ликвидация 35 тысяч офицеров — примерно половина всего командного состава Красной Армии. Всего в сталинских чистках погибли две трети русского правящего класса — приблизительно 1 миллион человек.

Существует легенда о том, что Сталин обезглавил Красную Армию, чтобы отвести от Советского Союза угрозу нацистского вторжения и направить немцев на Запад — на Британию и Францию, где, как он надеялся, вермахт будет сокрушен и уничтожен. Но если бы это действительно было так, то зачем тогда Сталин другой рукой всемерно усиливал немецкую военную машину, с бульдожьим упорством проводя с 1935 года политику экономического сотрудничества с рейхом?

Действительно, когда в марте 1938 года Энтони Иден прибыл в Москву из Берлина, там находились советские дипломатические представители, которые вели с Шахтом переговоры о предоставлении Советскому Союзу долгосрочного кредита в 200 миллионов марок; этот кредит Сталин шумно рекламировал как «свой величайший триумф» (170). За этот и другие, большие по размерам кредиты нацисты получали из России неиссякающий поток куда более важных материалов: нефть, зерно, каучук и марганец, без которых, как это признают все, вермахт был бы не в состоянии начать войну в 1939 году (171). Сотрудничество было таким тесным, что в апреле 1937 года фюрер лично принял главного сталинского экономического представителя Канделаки. Русские эшелоны с военными материалами регулярно шли в Германию вплоть до самого нацистского вторжения, до дня, когда вступил в действие план «Барбаросса», то есть до утра 22 июня 1941 года (172).

В итоге можно сказать, что Британия справа и СССР слева с 1919 года спланировали и построили здание нацистского рейха: первая дипломатическими ухищрениями, американскими займствованиями, умиротворением, имперскими рынками и поддержкой со стороны Английского банка; второй — красным террором, подавлением в Германии левой оппозиции и поставкой материалов, жизненно необходимых для подготовки и развязывания войны. Россия и Британия действовали в полном согласии. Предоставленные самим себе нацисты не смогли бы зайти так далеко.

В марте 1938 года Советы без протестов признали факт аншлюса, а в мае, как мы видели, сорвали запоздалую попытку Франции создать коалицию против Германии. 10 марта 1939 года, обсуждая вопрос о недавних территориальных приобретениях Германии, Сталин так добродушно отзывался о нацистском рейхе, что три дня спустя Гитлер захватил оставшуюся часть Чехословакии.

Весной 1939 года начался последний акт раскрученного маскарада.

С одной стороны выступали британские умиротворители, которые продолжали давать нацистам соблазнительные обещания, и повторили эти лживые клятвы 16 марта 1939 года, ратифицировав заключенный с Германией договор о принципах

будущих торговых отношений (173). С другой стороны выступила партия войны во главе с Черчиллем: эта партия высказалась за немедленное заключение союза с Россией и Францией, но поскольку Черчилль не занимал никаких официальных постов, это заявление было сделано только ради шумового эффекта.

19 мая Чемберлен, отвечая Черчиллю, официально отказался связывать Британию какими бы то ни было союзами и, уловив момент, гротескно похвалил Польшу. Эту «мужественную нацию, — ораторствовал Чемберлен, не дрогнув ни одним мускулом, — которая готова оказать нам любую помощь, какая будет в ее силах».

В то время как призрачная приманка британского партнерства продолжала раскачиваться перед глазами нацистов до начала августа (и после), Британия в апреле 1939 года начала вести фиктивные переговоры с Россией и Францией, — фиктивные переговоры, единственной целью которых было загипнотизировать Францию и заставить ее поверить в то, что Британия всерьез готова выступить против Гитлера в ближайшем будущем, что британцы и исполнили, направив 11 августа в Москву делегацию второстепенных генералов, не имевших никаких полномочий (174).

Россия не была одурачена всеми этими играми — на самом деле она была готова вступить в непосредственные переговоры с Германией еще в начале мая, когда Молотов был назначен министром иностранных дел, сменив на этом посту Литвинова, который, будучи евреем, не подходил для переговоров с нацистами.

Все разрешилось 19 августа. В этот день Польша, окончательно потеряв голову, раз и навсегда отказалась пропустить через свою территорию советские войска, хотя Румыния наконец дала свое согласие. В этот же день Германия и Россия заключили торговое соглашение, и было объявлено, что для его подписания в Москву прибудет Риббентроп.

23 августа 1939 года новый министр иностранных дел Гитлера приземлился в Москве, а поздним вечером дело было сделано: нацистская Германия и большевистская Россия подписали поразительный Пакт о ненападении — пакт Молотова — Риббентропа. Жемчужиной этого документа стал секретный про-

токол, предусматривавший раздел Польши между двумя договаривающимися сторонами, — то была передышка перед великой бойней.

Потом в присутствии нацистских гостей красный царь выпил за здоровье фюрера, дождался отъезда Риббентропа и откровенно высказался в узком кругу: «Конечно, все это игра, в которой каждый стремится обвести другого вокруг пальца. Я понимаю, чего хочет Гитлер. Он думает, что перехитрил меня, но на самом деле это я перехитрил его... мы немного оттянем начало войны...» (175)

До начала Второй мировой войны оставалось меньше недели.

12 августа, всего за две недели до заключения русско-германского мирного договора, Эрнст Юнгер завершил окончательный вариант своего романа «На мраморных скалах», который будет опубликован осенью того же 1939 года. Эта книга стала главным романом Третьего рейха, романом, написанным певцом германской военной касты (176). При аллегорическом прочтении книга представляет собой эзотерическое повествование о превратностях судьбы Германии с момента окончания Великой войны до кануна войны Второй мировой; символика книги была временно использована гитлеровцами в их политических целях.

В романе «На мраморных скалах» рассказана история двух братьев, которые, будучи рыцарями, принимали участие в войне за Альта-Плану, но потом бросили мечи и предались благочестивым размышлениям за монастырскими стенами. Святилище монастыря — о происхождении ритуала в книге ничего не сказано — наполнено змеями, клубок которых периодически распутывается, и тогда становится видимым геральдическое пылающее колесо — свастика.

Однажды братья были посвящены в члены братства, называемого орденом Мавританцев (177). Сила была тем началом, которому поклонялись в их ложах, а устав братства требовал, чтобы господство проявлялось бесстрастно, как в смутные времена, так и в эпохи мира и порядка, поэтому нет ничего удивительного в том, что в подземных коридорах Мавритании можно было видеть мирно беседующими между собой членов смертельно враждовавших между собой партий. Все они были учениками одного и того же мастера. Таким мастером был

Главный Смотритель, страшный великан, более величественный, чем сама жизнь, наполовину гигант, наполовину зверь — грозный тиран, земной до мозга костей, но соблазненный «методом».

Угнездившись на мраморных скалах, возвышавшихся над процветающими графствами Марины, отшельники с вожделем взирали на простиравшуюся к югу Бургундию и на остров Альта-Плану, покрытый вечными льдами. На севере, за кромкой скал лежали пределы Кампании, переходившие в болотистую местность по мере приближения к полукружью густых и диких зарослей лесных владений Главного Смотрителя. Там, в месте, известном как Роща Живодера, можно было украдкой наблюдать, как приспешники Смотрителя с неслыханной жестокостью приносят кровавые жертвы.

Война на границах Альта-Планы навсегда покончила с порядком и миром, царившими в прибрежных владениях: там исчезло самое понятие о чести. Марина, ставшая теперь гнездом преступников, кишела чужеземными агентами и шпионами, явившимися туда из темных северных лесов. Из-за войны командующий армией Биденгорн приобрел значительное влияние. В гуще беспорядков и смуты его расположения искали как предводителя кланов, так и всякий сброд, с которым он пошел на компромисс, уступив им власть в некоторых областях. Дурная кровь хлынула из лесов в жилы мира, и слабые восстали против закона, который господствовал над ними ради их же блага. Сопротивление мятежной ярости охотников и еще более грубых и диких лесных жителей олицетворял собой гордый Беловар, главный пастух Кампании. Этого Беловара часто видели в монастыре. Ферма его была домом для многих сынов земли, не желавших смириться перед силами тьмы.

Однажды Бракмарт, член братства Мавританцев, одержимый мечтой о возрождении солнечных храмов старой расы богов, явился к отшельникам в сопровождении молчаливого юного принца и заговорил о своем плане. Бракмарт поведал принявшим его отшельникам о своем намерении попытаться счастья на севере, где он воплотит в жизнь свою теорию, и в новом людском муравейнике хозяева будут отделены от рабов, и никогда больше не будет им позволено смешиваться между собой.

По совету таинственного священнослужителя, главы матриархальной церкви, маячившей на заднем плане сцены, Бракмарт и принц, вместе с присоединившимися к ним братьями, двинулись на завоевание демонического леса. Их поддержали в этом предприятии Беловар и Сомбор, дородный сын Беловара, которые натравили на мастифов Смотрителя две своры своих рычащих псов, возбужденных кровью, которую они слизали с флагов своих хозяев.

Собаки Беловара — гордость старика — храбро дрались в ужасных нечестивых зарослях, но красные собаки Смотрителя, леденящий хохот которых был слышен издалека, одолели их числом. Красная Тряпка, огромный молосс, ведущий за собой красную свору, с такой невиданной яростью набросился на Беловара и его собак, что вскоре ряды пастухов дрогнули. Они были подавлены превосходящей силой: один за другим они погибали, безжалостно убитые врагами. Отступая, братья увидели на опушке Роши Живодера отрубленные и насаженные на пики головы Бракмарта и принца. Когда они вернулись в Марину, было уже поздно: взору рассказчика открылась картина страшного разрушения, он долго не мог отвести взгляд от руин городов, которые превратились в дымящиеся развалины, среди золы которых, словно рубины, пылали огни пожара.

В сумрачном финале фантазии Юнгера Красная Тряпка ведет свои полчища в последнюю атаку на убежище отшельников в мраморных скалах, но когда собаки ада врываются в ущелье, на них набрасываются священные змеи и душат собак одну за другой.

Между тем крестьяне сбиваются в толпы и на перегруженных кораблях устремляются из поверженной и разрушенной Марины в Бургундию и Альга-Плану. Братья садятся на один из таких кораблей и достигают на нем ледяного поля, окружающего видимый остров, где их — в уютной усадьбе — принимают гостеприимные друзья, — друзья, бывшие некогда рыцарями, с которыми сражались братья в той давней войне. При виде этого убежища рассказчик заключает: «Мы почувствовали, что вернулись домой».

Рассказчиком был сам Эрнст Юнгер, а братом Одо его младший брат Фридрих Георг, оба они — в унтер-офицерском чине — ревностно сражались на Западном фронте в Первую мировую

войну, в той «давней» войне с Британией — ледяным Альбионом, выведенным в романе под названием Альта-Плана, находившаяся напротив Бургундии, то есть Франции. Марина — это Германия, а прибежище отшельников — это что-то вроде ложи Туле: место обитания элиты, оккультистов, наивысшее достижение духа созидателей Новой Германии — протонацистов типа Юнгера, который с самого начала был причастен великой сети власти. Орден Мавританцев — это антипод Туле, братство франкмасонов, порождающее тиранию во всех ее формах; отсюда реальная возможность увидеть в коридорах этого ордена националистов разных сброд — большевиков и профессиональных революционеров, — таких людей, как, скажем, Парвус или Трещич.

Состояние упадка, в котором оказалась Марина после войны, — это прозрачный намек на пораженную невиданной коррупцией Веймарскую республику, в течение всего одной ночи Германия превратилась в дом греха, где клятвопреступники смешались с рабами, охотниками и лесными бродягами. Охотники — это социалисты, с которыми Биденгорн, командующий рейхсвером (Гренер, Сект, Шлейхер...), заключил зловеющий пакт от имени кланов (высших классов) ради подавления Советских республик. Эти советы, в свою очередь, были инфильтрированы лесными бродягами, то есть коммунистическими агентами, явившимися из лесов — кровавых лесов большевистской России — и заполонившими равнины Кампании (Центральной Европы).

Ополчением против этих дьявольских орд стали Беловар с сыном Сомбором и двумя сворами собак: явно подразумевались Гитлер, тучный Геринг, СС и СА, маршировавшие под знаменами, обгаженными кровью мучеников 9 ноября 1923 года*, —

* «В воскресенье утром состоялась самая уникальная церемония Третьего рейха — освящение флагов. Перед фюрером ставили «знамя крови», то самое знамя, которое несли повстанцы, убитые во время подавленного путча 1923 года перед Домом полководцев в Мюнхене... Одной рукой канцлер брал полотнище кровавого флага и полотнища флагов, которые подлежали освящению. Вероятно, фюрер считал, что является проводником каких-то флюидов и через него благословение павших мучеников передавалось на новые символы германской Отчизны. Чисто символическая церемония? Я так не думаю. В душе Гитлера, как и в душе каждого немца, неистребимо живет идея о своего рода мистической трансфигурации, аналогичной той, что подразумевают под

намек на ритуал освящения флагов, введенный Гитлером в 1926 году (178).

Сюжет строится вокруг начавшейся экспедиции Бракмарта и принца: это вторжение в Россию — операция «Барбаросса», которую возглавили руководители СС (Бракмарт и его одержимость археологией предков) и юнкеры вермахта, символизируемые немим принцем, молчание которого возвещает трагическое предчувствие неминуемого конца. Юнгер, считавший своим долгом служить в армии*, был, однако, убежден, что «пастухи» Германии будут пожраны Сталиным — Красной Тряпкой, — которого поддерживал сам сатана, Главный Смотритель. В конце романа большевики опустошают всю Европу, а посвященные нацисты покидают мраморные скалы и «возвращаются домой», в дубовые рощи своих рыцарственных братьев в Британии. Пораженческое повествование о грядущей битве со Сталиным побудило некоторых нацистских цензоров, включая Геббельса, требовать запрещения книги и наказания автора, но Гитлер, лично вмешавшись в это дело, запретил кому бы то ни было трогать барда. Такая аллегория, написанная к тому же писателем, который искренне полагал себя одним из величайших литераторов двадцатого столетия, своим акцентом на (1) религиозной ненависти к красной империи на Востоке, (2) неизбежности духовной победы над врагом — змеи душат красных собак, и (3) руке, судорожно протянутой в сторону британских братьев по расе, стала поистине тем закодированным посланием, какое фюрер страстно хотел довести до людей, которых он искренне считал своими союзниками, — представителей британской партии мира. Нацисты, чувствуя, что почва, на которой им

благословением воды католическим священником, если даже не евхаристии. Тот, кто не усматривает аналогии между освящением флага и освящением хлеба, тот ничего не понимает в нацизме. Я не знаю, какой была Германия в стародавние времена. Но сегодня это великое, странное государство, более чуждое нам, нежели даже Индия или Китай. Сам флаг подчеркивает это поразительное восточное впечатление...» (Робер Бразильяш. «Les sept couleurs». Paris: Plon, 1939. pp. 123–124)

* Он действительно вступил в армию во время Второй мировой войны и служил офицером — некоторое время в оккупированном Париже, а потом короткое время на Восточном фронте.

приходилось делать первые шаги на пути к войне, продолжает колебаться у них под ногами — а эти колебания были результатом непрекращавшейся британской симуляции,— изо всех сил старались укрепить это ускользавшее из рук партнерство с Британской империей, в каком-то они видели единственный залог возможности построить свой ацтекский муравейник на украинских равнинах.

Но даже метафоры Юнгера были бессильны повлиять на решения, принятые задолго до того, как Сталин дошел до мраморных скал, принятые людьми, которые никогда не были и не будут друзьями немцев.

Ложная война на Западе и истинный натиск на Восток

Польша отказалась вести переговоры с Германией, и последняя 1 сентября 1939 года объявила ей войну. 27 сентября 1939 года пала Варшава. По решению покоривших Польшу варваров страна была разделена пополам, а население стали рассматривать как мятежное — немцы сделали то, что они сделали, а русские использовали свои обычные методы, предварительно расстреляв в затылок 22 тысячи представителей польской интеллигенции — офицеров, интеллектуалов, чиновников, трупы которых зарыли в землю неподалеку от Катыни.

Что же в это время делала благородная Британия, растрюбившая на весь мир, что гарантирует независимость «мужественной польской нации»? Ничего. Она бесстрастно наблюдала за происходящим.

Все повторялось: когда разразилась война, Чемберлен вызвал к себе Черчилля и назначил его первым лордом адмиралтейства — то есть доверил ему тот самый пост, с высоты которого он столь же бесстрастно в 1915 году наблюдал за гибелью «Лузитании» в расчете на то, что эта трагедия заставит США вступить в войну.

Формально Британия теперь была обязана объявить войну и России, но она, конечно, этого не сделала. Джозеф Кеннеди, американский посол в Лондоне, очарованный хитроумием британской дипломатии, спросил Черчилля — почему. Тот отве-

тил: «Опасность для мира исходит от Германии, а не от России...» (179)

Во время польской кампании численность франко-британских сил на Западном фронте равнялась полутора миллиону солдат и офицеров. Этим армиям противостояли 350 тысяч немцев. Ясно, что у союзников просто не было никакого желания воевать. Вместо бомб союзные самолеты сбрасывали на Германию листовки, в которых немецкое население уверяли в том, что союзники воюют не с ним, а с его правителями (180). Королевские военно-воздушные силы получили строжайший приказ — не бомбить скопления наземных сил противника, и этот приказ оставался в силе вплоть до апреля 1940 года. «Когда некоторые члены парламента начали требовать от правительства бомбардировок немецких военных заводов в Шварцвальде, сэр Кингсли Вуд (министр авиации) дал таким требованиям суровую отповедь: “Вы понимаете, что это частная собственность?”» (181)

Тем временем блокада Германии оставалась чисто формальной; в течение войны нацистский режим по самым разнообразным каналам снабжал свои предприятия сырьем со всего мира.

12 октября Гитлер впервые публично обратился к Британии с мирными предложениями: помимо желания достичь взаимопонимания, он заговорил о возможности переселения евреев в находившуюся под германским контролем Польшу. Британия отвергла это обращение.

10 февраля 1939 года умер папа римский Пий XI; Пачелли, старый дипломатический лис Ватикана и бывший нунций в Германии, был избран следующим папой 12 марта и принял имя Пия XII.

В конце ноября Пачелли решил искупить некоторые проклятые ошибки прошлого. И он начал действовать, согласившись стать связующим звеном между католическим сопротивлением в Германии и британским министерством иностранных дел, — речь шла об очередной серьезной попытке физического устранения фюрера. «Опасность такого заговора для папы, курии и всех сил, союзных Ватикану, едва ли можно преувеличить» (182). 5 декабря он пригласил британского министра Осборна в Ватикан и передал ему следующую информацию от немецких антифашистов: (1) на следующую весну Гитлер планирует начать

крупное наступление на западе, и (2) это наступление не состоится, если верхушке германского генералитета удастся свергнуть гитлеровский режим, при условии — на этом особенно настаивали будущие немецкие мятежники — британских гарантий почетного для Германии мира.

Осборн передал полученные сведения министру иностранных дел лорду Галифаксу, который в свою очередь сообщил их премьер-министру Невиллу Чемберлену. Все эти заговоры против Гитлера только раздражали и смущали британцев; они пока не желали смерти драгоценному плоду своих усилий, потраченных на сотворение фюрера; во всяком случае, британцы не желали ему такой скорой и преждевременной смерти. Правители Британии саботировали предложенный заговор. Осборн жаловался папе, что заговор «безнадежно туманен», а Галифакс лицемерно сокрушался по поводу того, что Британия не сможет сотрудничать с немецкими заговорщиками до тех пор, пока они не покажут ей свое лицо и не представят четкую программу своих намерений. Папа продолжал настаивать, но Осборн, проинструктированный своими начальниками, не стал вести долгие переговоры. «Если вы желаете сменить в Германии правительство, — без обиняков заявил он Пачелли, — то можете делать это и дальше. Я же не вижу возможности заключить мир до тех пор, пока неизменной сохраняется немецкая военная машина» (183).

Тем не менее союзники отказывались вести активные военные действия — в народе эту войну называли *drôle de guerre*; «странной», «чудной» или «сидячей» войной — *Sitzkrieg*.

В течение двух месяцев — с апреля по май 1940 года — Гитлер оккупировал Норвегию и Данию. Первого мая началось вторжение во Францию и Нидерланды. Девять месяцев «сидячей» войны канули в прошлое.

Наконец, после долгого и томительного — с 1934 года — пребывания в бездействии партия войны была вызвана на авансцену для дальнейшего представления британской комедии масок: пришло время Уинстона Черчилля (см. рис. 5.2). Вопреки тому, что старались внушить публике с помощью яростных открытых дебатов, смена караула между Чемберленом и Черчиллем прошла на удивление гладко: действительно, эти двое всего лишь довели до логического конца заговор, который был плодом их же

совместных усилий в течение многих лет (184): 10 мая 1940 года Уинстон Черчилль надел шлем империи, став премьер-министром, главным поборником антифашистского крестового похода. Удивительный факт — подавляющее большинство либеральных историков очень редко (лучше сказать, никогда) интересовались следующим простым вопросом: если вся та вражда и разногласия между отдельными представителями британского истеблишмента в отношении Германии были реальными, а не мнимыми, то почему тогда Черчилль, твердолобый противник Германии, оставил в кабинете министров и в разведке большую часть ближайших сподвижников Чемберлена (185)? Действительно, он сохранил на прежних постах тех самых умиротворителей, тех самых якобы профашистски настроенных политиков прошлой эпохи, многие из которых всегда были «его людьми» (например, Сэмюэл Хор), продолжать заниматься тем, чем они, проявляя непревзойденные способности, занимались все предшествовавшие годы, то есть дурачили нацистов перспективой заключения союза, — вводили их в заблуждение, чтобы направить рейх против России и получить запас времени, в течение которого можно было бы втянуть в войну американцев.

15 мая пала Голландия. Проявив милосердие, Гитлер 24 мая позволил союзникам эвакуировать в Британию из Дюнкерка отступающий франко-британский контингент — 375 тысяч солдат и офицеров, треть которых были французы. Бельгия капитулировала 27 мая, а 14 июня 1940 года нацисты вошли в Париж.

Взорвав динамитом достопамятный вагон в Компьене близ Парижа, в котором в ноябре 1918 года Эрцбергер подписал унизительную для Германии капитуляцию, немцы оккупировали север Франции, с тем чтобы внимательно следить за Британией, отдав остальную часть страны своим «коллорабационистам», генералу Петену, вероятно, в награду за то, что победа нацистов оказалась такой легкой и скорой.

Как премьер-министр, Черчилль теперь становится главным режиссером-постановщиком маскарада: имея за плечами тридцатилетний опыт работы в разведке и обладая блестящим талантом к театральным жестам, он как нельзя лучше подходил для организации финального, самого рискованного акта разыгрываемого спектакля. Настало время снова пустить в ход козырного туза — Виндзора.

Теперь идея состояла в том, чтобы создать плацдарм фиктивного британского умиротворения на Пиренейском полуострове. Приманкой и должен был стать Виндзор. В тот момент Эдуард в чине генерал-майора служил в штабе объединенного союзного командования, находившемся в Париже. 16 мая он внезапно, без разрешения вышестоящих начальников, «дезертировал со своего поста — такой поступок подлежал военно-полевому суду — и вместе с герцогиней отбыл на юг Франции» (186). То, что с поверхности казалось безумным актом бегства от наступавших немецких дивизий, на деле оказалось секретной миссией в нейтральной Испании. 20 июня Эдуард всплыл в Барселоне.

Приблизительно в то же самое время, 19 мая, Черчилль назначает Сэмюэла Хора британским послом в Мадриде; бывшего умиротворителя, которому доверяли нацисты.

Более того, через Швецию британцы в конце мая подбросили нацистам дезинформацию о том, что основное ядро умиротворителей, оппозиционных Черчиллю, группируется вокруг Галифакса (187). Мнимый раскол британского истеблишмента на два противоборствующих клана, каковое уже однажды использовалось для внедрения Требича в 1920 году, на этот раз был в новом, куда более грандиозном масштабе приспособлен для постановки последнего действия в великом обмане Третьего рейха (см. рис. 5.2), — и не случайно, что за кулисами обеих операций стоял все тот же Черчилль.

Двойные агенты типа барона де Роппа в то время убеждали нацистов в том, что «только после крупных сражений, в которых исчезнут последние сомнения в военной мощи Германии», партия мира сможет опрокинуть кабинет Черчилля (188).

Нацисты поверили всему: они много лет преданно смотрели в глаза лидеров этой партии, бросавшей огромную тень на все британское общество: дипломатический корпус, разведывательные службы и весь правящий класс. Все они были, так или иначе, вовлечены в те или иные фашистские движения, готовые совершить переворот, если состоится вторжение в Британию и она будет принуждена к миру. Таких фашистских групп было множество, и назывались они по-разному — «Связь», «Правый клуб», «Нордическая лига»... (189) Но лишь немногие из них были настоящими движениями.

3 июля Виндзор был уже в Лиссабоне — там он и стал ждать приезда нацистов. Он остановился в доме своих богатых португальских друзей, связанных с германской разведкой. Принц много говорил, и содержание всех его разговоров немедленно передавалось в Берлин для сведения Риббентропа. Утверждали, что 12 июля принц рекомендовал нацистам, не жалея сил, бомбить Британию, для того чтобы вынудить ее пойти на немедленный мир с Гитлером (190).

С 10 июля 1940 года люфтваффе начало бомбить британские порты и тыловые базы. Воззвав «еще раз к разуму и здравому смыслу», Гитлер предложил Британии мир в своем обращении от 19 июля 1940 года. И снова Британия ответила отказом. За три дня до этого фюрер насторожил своих генералов, приказав им подготовить план вторжения в Британию через Ла-Манш, — то была великая нацистская мистификация, названная операцией «Морской лев» (Seelöwe): естественно, Гитлер не собирался осуществлять ее на деле. И Черчилль прекрасно это понимал (191).

Потом, в конце июля, в Лиссабоне приземлился высокопоставленный нацистский представитель. Документы, касающиеся этой миссии, были строго засекречены самим Черчиллем (192), достоянием гласности стали лишь несколько зашифрованных донесений. Из заслуживающей доверия реконструкции данных следует, что Вальтер Шелленберг, один из ведущих деятелей нацистской разведки, присоединился в Лиссабоне к своему шефу Рейнгарду Гейдриху ни много ни мало для того, чтобы сопровождать заместителя фюрера Рудольфа Гесса, прилетевшего из Германии для завершения раунда предварительных секретных переговоров с герцогом — давним знакомым Гесса с 1937 года (193).

О чем они говорили 28 июля, неизвестно, но содержание переговоров становится понятным из дальнейшего развития военных событий и из заявлений, сделанных герцогом своей свите: именно что в данный момент он не готов рисковать гражданской войной в Британии ради возвращения трона, но бомбежки могут образумить Британию и, возможно, подготавливают страну к его скорому возвращению с Багамских островов, управление которыми он в тот момент принял по предложению Черчилля. 1 августа 1940 года Виндзоры сели в Лиссабоне

на лайнер, направлявшийся в Карибское море, и окончательно сошли с политической сцены.

«Недовольный скромными результатами рейдов люфтваффе, [в тот же день Гитлер] объявил о своем намерении ужесточить кампанию и приказал беспощадно и непрерывно бомбить Англию, этой воздушной войне он присвоил кодовое название «Орлиный налет» («Adlerangriff») (194). Этот план был представлен как своего рода громоподобная преамбула к воображаемому вторжению в Британию, каковое, будучи по самой своей природе чистым блефом, была, соответственно, отложена Гитлером на неопределенный срок. Воздушная битва над Британией, которую Гитлер начал с нескрываемой неохотой, началась 13 августа. Гитлер никогда не желал всерьез воевать с Британией, очевидно, что и в этот момент он не готовился к войне с нею: Германия имела в Атлантике всего десять подводных лодок, а ее бомбардировщики были непригодны для широкомасштабной воздушной войны. «Ясно, что ее военно-воздушные силы никогда не предназначались для такой цели» (195). Неудивительно, что «Орлиный налет» потерпел фиаско — официально он был отменен 17 сентября, спустя 36 дней после начала воздушной битвы за Англию, а de facto налеты закончились 10 мая 1941 года после обмена бессистемными воздушными рейдами с противником.

Виндзор отлично послужил целям Черчилля: он спровоцировал Гитлера на тот «воздушный разбой», которого Черчилль ждал как манны небесной с 1934 года и который он — с осени 1939 года — предъявлял как главный козырь американцам в своих попытках втянуть их в войну. Почти два года Черчилль шантажировал Соединенные Штаты, грозя, что Британия может сдать свой флот Гитлеру, если тот бомбежками принудит ее к капитуляции. «Британцы ежечасно,— предсказывал посол Кеннеди,— будут измышлять способы запугать нас в свои сети» (196).

Правда, однако, заключалась еще и в том, что Британии война стоила полтора миллиарда долларов в месяц,— повторялся сценарий Первой мировой войны: Америку надо было всеми силами заманить в британскую евразийскую интригу. Но Рузвельт и стоявшие за его спиной клубы не нуждались в убеждении — с 1938 года они перевооружились, причем сделали это в колоссальных масштабах; того, чего не удалось добиться с помощью «Нового курса», добились с помощью перевооружения: после

игры в русскую рулетку с Монтегю Норманом в 1929 году, Америка в следующем десятилетии получила десятиmillionную безработицу. Со временем Америка подобрала их — по одному — и одела в хаки, превратив к 1940 году резервную армию безработных в вымуштрованную боеспособную армию из одиннадцати миллионов Джи-Ай. Соединенные Штаты рвались в бой.

После бесславной кончины немецких репараций в 1932 году американцы поклялись, что не будут продавать оружие воюющим и агрессивным странам, а если и будут, то только за наличные деньги. Однако в 1939 году законодательство было пересмотрено, и американцы снова начали продавать оружие воюющим странам, а к концу 1940 года, под давлением неплатежеспособной Британии, американцы согласились продавать оружие в кредит. «Предположим, что у моего соседа горит дом,— с пафосом говорил Рузвельт в обращении к американскому народу 7 декабря 1940 года.— Я не стану говорить ему: «Мой шланг стоит 15 долларов... Мне не нужны 15 долларов — я хочу, чтобы ты вернул мне шланг, когда пожар будет потушен» (197). Этот образчик задушевной притчи обернулся законом от 6 января 1941 года,— известным как соглашение о ленд-лизе, два месяца спустя ратифицированном конгрессом,— Черчилль, безмерно довольный таким ходом событий, назвал новый закон «самым бескорыстным актом в истории нашего народа». «Мы должны,— вторил ему Рузвельт,— стать великим арсеналом демократии» (198).

После этого американская администрация даже не потрудилась отклониться от процедур 1916 года: американское правительство настояло на военно-морском конвоировании караванов кораблей с оружием и военными материалами для Британии, имея в виду «войну» с нацистскими подводными лодками (199). Однако необходимость в дополнительном законе отпала, так как через четыре дня после Перл-Харбора, 11 декабря 1941 года, Гитлер объявил войну Соединенным Штатам.

Тем временем, с января по апрель 1941 года, мнимая британская партия мира продолжала таинственно подмигивать нацистам (200).

Подготовка плана «Барбаросса» завершилась 18 декабря 1930 года; предварительная дата наступления была назначена на середину мая 1941 года.

В апреле 1941 года британцы информировали Сталина о приближении германского нападения. «Пусть идут, — ответил красный царь, — мы готовы их принять!» (201)

Однако с марта по июнь 1941 года военные действия немцев в Средиземноморском бассейне были настолько успешными, что британское министерство иностранных дел всерьез озабочилось перспективой полного крушения всей оборонительной системы на Среднем Востоке. В мае 1941 года, после побед Ромеля в Киренаике* и успешной десантной операции на Крите, немецкие самолеты стали садиться на аэродромах в Ираке; дальнейшее развертывание германских воздушно-десантных войск в Сирии, Ираке и Иране могло отрезать Британию от источников нефти и позволить немцам, пройдя через Индию, соединиться с японцами, воюющими на азиатских театрах военных действий.

Но 10 мая 1941 года исчез Рудольф Гесс.

Куда он исчез, каким образом и что случилось с ним потом, не знает никто. История о том, что, опасаясь войны на два фронта, ревнуя к растущей близости своего заместителя Бормана к Гитлеру, сумасшедший Гесс по собственному капризу решил на трудный перелет в Шотландию, чтобы встретиться с кликой умиротворителей, сбился с курса, выпрыгнул, рискуя жизнью, из фонаря кабины с парашютом, приземлился на поле, вывихнул лодыжку и представился какому-то изумленному шотландскому пахарю капитаном Альфредом Горном, — не более чем дешевый миф, сфабрикованная ложь, которую ни британцы, ни нацисты, ни лояльные им архивисты никогда не пытались опровергнуть.

На самом деле представляется, что было два Гесса (202), два самолета, вылетевших с разных аэродромов (203), два комплекта военной формы (204), самозванец, сидевший в тюрьме Шпандау (205), и страдающий амнезией, ступорозный обвиняемый в Нюрнберге (206), последовательно признаваемый психиатрической экспертизой союзников «слабоумным аутичным психопатом», «симулянтом», «загадочным случаем» или «шизоидом» (207). Человек, который двадцать восемь лет отказывался от встречи с женой и умерший при загадочных обстоятельст-

* Восточная Ливия.

вах — вероятно, задушенный «специалистами» (208) — за день до своего предполагаемого освобождения в 1987 году.

Но какова бы ни была истина, факты ясно говорят сами за себя. После исчезновения Гесса:

1. Развертывание немецких сил на Среднем Востоке прекратилось — Роммель был остановлен у ворот Египта; приказ о наступлении на юго-восток и высадка на Мальте и на Кипре были отменены. Все наличные германские силы были направлены к русским границам. Если бы Роммель преуспел в Северной Африке... если бы он дошел до Суэца, пересек Ближний Восток и устремился на соединение с японцами... то, возможно, глобальная стратегия германского генерального штаба имела бы шансы на достижение глобальной победы... Провал нацистской кампании в Северной Африке должен занять свое место в ряду других великих «если» мировой истории (209).
2. Ночь исчезновения Гесса совпала с последним налетом люфтваффе на Британию.

22 июня 1941 года, спустя месяц с небольшим после этого события, в три часа тридцать минут утра, когда немецкие самолеты бомбили Белоруссию, гитлеровские «пастухи» вторглись в русский лес — это был механизированный легион, состоявший из трех миллионов немцев, хорватов, финнов, румын, венгров и итальянцев — с эсэсовским жалом в хвосте этого воинства. Эту силу ждала равная ей по численности армия «красных собак», которых за время кровавой бойни стало в четыре раза больше.

Нацисты сдали Гесса как некое поручительство, как заложника или гаранта, и британские «умиротворители» выполнили свою часть сделки. Черчилль и его генеральный штаб не давали американцам открыть второй фронт в течение трех лет невиданного в истории кровопролития; они дали нацистам обещанную «свободу рук» на Востоке (210). Они дали немцам достаточно времени завязнуть и утонуть в русском болоте, а потом, вместе с американцами, британцы явились прикончить нацистов и завоевать наконец вожделенный германский фатерланд (211).

Уже 26 июля 1941 года Сталин потребовал немедленной интервенции союзников в Западную Европу. Черчилль отказался

это сделать (212). В апреле 1942 года американский генерал Маршалл обсуждал в Лондоне план вторжения в Европу через Ла-Манш; Черчилль очень «неохотно» принимал участие в этой дискуссии. В январе 1943 года в Касабланке американские генералы вновь оказали давление на Британию. Но даже в ноябре 1943 года, во время встречи «большой тройки» в Тегеране, Черчилль не допустил обсуждения этой темы до решения вопроса о территориальных компромиссах (213).

Сэр Алан Брукс, начальник имперского генерального штаба, противился всем планам такого нападения, в то время как другие, подобно Черчиллю, желали отложить вторжение на неопределенный срок... Американцы настаивали на форсировании Ла-Манша возможно большими силами в самом ближайшем будущем (214).

Вместо открытия второго фронта русские получили от союзников оружия на 10 миллиардов долларов, а потом, как объяснил Болдуин Черчиллю, который, впрочем, не нуждался в разъяснениях, надо было дать большевикам возможность медленно, но верно разнести нацистов на куски. Обман продолжался без перерыва на протяжении всей операции «Барбаросса»: в январе 1942 года еще слышали, как Гитлер высказывал пожелание, чтобы Хор взял власть в Британии (215); осенью 1943 года фюрер высказывал надежду, что Виндзор свергнет своего брата (216). Гитлер так и остался жертвой этой самой поразительной иллюзии до самого конца.

Только в мае 1944 года Британия наконец согласилась форсировать Ла-Манш и открыть второй фронт (провести операцию «Оверлорд»), чему предшествовала робкая высадка американцев на Сицилии, осуществленная с помощью местной мафии (операция «Эскимос») в июле 1943 года. К тому времени германская армия на Восточном фронте была настолько измотана и обескровлена, что «стало очевидным, что Советский Союз способен в одиночку разгромить нацистскую Германию» (217).

Тогда и только тогда Британия посчитала, что настало время разделаться с нацистской тварью, уже смертельно раненной, с тварью, которую она же сама вскармливала в течение четверти века во имя своих евразийских амбиций.

Заключение

Необходимо еще хитрить и притворяться, ибо люди так простодушны и так склонны опускать руки в тяжелые моменты, что тот, кто обманывает, всегда найдет тех, кто готов обмануться.

Макиавелли. «Государь» (XVIII, 3)

«E sono tanto semplici gli uomini...»

Ликвидация германской угрозы, маячившей с 1900 года, обошлась Британии дорогой ценой: потерей имперского величия, утратой военной и экономической мощи. Но англоязычная идея, имперское мировоззрение и усиление олигархических наклонностей — все это стало определяющими признаками, завещанными ею своему естественному островному наследнику, — эти идеалы живут и здравствуют в американском истеблишменте. Британия приняла осознанное решение — она знала, чем рискует.

Современная геополитическая стратегия Соединенных Штатов является прямым и абсолютно последовательным продолжением старой имперской стратегии Британии. Это безошибочно узнаваемый коктейль агрессии, подрывной деятельности и массового геноцида, который неуклонно проводится в узловых точках материкового массива от Палестины и Центральной Азии до ворот Китая — до Кореи и Тайваня, в любом месте эта политика имеет целью взорвать любое движение, направленное к объединению народов, способному соединить континентальную основу в евразийскую лигу социально-политического сотрудничества и противостояния (англо-американскому натиску).

Потребовались два мировых конфликта для того, чтобы устранили германскую угрозу. Первая мировая война была выполненной по всем правилам осадой, в которой Британии пришлось пожертвовать приблизительно одним миллионом человек, — то было первое кровопускание, потрясшее империю до основания. Во втором круге, ставшем необходимым, учитывая, что Первая мировая война оставила нетронутым территорию рейха, такие потери были неприемлемы — Британия принесла в жертву 400 тысяч своих солдат. Для того чтобы наверняка втянуть Германию в войну на два фронта, использовали грандиозный обман.

То, что именно в этом состояли смысл и цель Версальского договора, не подлежит никакому сомнению, — свидетельство тому поразительные пророчества Веблена. Правда, этим я не хочу сказать, что интриганы «Круглого стола» преднамеренно сотворили авторов окончательного решения еврейского вопроса. В книге приводятся аргументы, призванные показать, что скорее они создали реакционный режим, который затем надо было заманить в русские болота, что само по себе было достаточно зловеще.

Во всем этом деле самой большой загадкой предстает позиция России. Тайнственным представляется даже само происхождение этой позиции. Но определенно можно сказать лишь одно — никогда, ни в период между войнами, ни даже в ходе «холодной войны», Советский Союз не выступал против Запада прямо. Именно это дало повод египетскому президенту Анвару Садату назвать СССР «мнимым врагом» Запада. Скорее Советский Союз имитировал медленные, неповоротливые движения огромного циркового медведя, укротитель которого прятался за кулисами, — опора на Востоке, которая старательно, в меру своей неуклюжести, перемещала в нужном направлении свой гигантский вес, чтобы держать под контролем положение в Евразии, не допуская ее объединения. Иначе становятся совершенно необъяснимыми афера Требича, германско-большевистская секретная антанга, создание террористического агитпропа КПГ, саботаж создания единого фронта социалистов и коммунистов к вящей выгоде Гитлера, уничтожение командных кадров Красной Армии и умиротворяющие действия Сталина: этот последний всегда проводил политическую линию, со-

гласованную с британскими геополитическими интересами. Помимо этого, большевики были всем обязаны Западу: низложением царя, устранением Распутина, политическим вакуумом после падения Керенского, получением грязных денег — немецких, и не только, предательством Белого движения, капитальным промышленным оборудованием, гигантскими инвестициями в экономику и военными технологиями.

Когда в 1923 году гиперинфляция достигла своего апогея, стал ясно виден наилучший кандидат, способный возглавить Radialisierung. Из всех демагогов Германии Гитлер не только был самым харизматическим; он был англофилом, англофилом до безумия: для Британии это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ни в коем случае нельзя оспаривать тот факт, что вдохновителем британских фантазий Гитлера был профессор Хаусхофер. Этот Хаусхофер и сам был достаточно таинственной личностью, о которой хотелось бы знать неизмеримо больше*. Очевиден, правда, идиотизм утверждения о том, что Гитлер состряпал нацистскую философию и геополитические планы в бредовом одиночестве своей захламленной спальни.

Крах на Уолл-стрит, инициированный Норманом, стал сигналом того, что Германия завершила свой первый неформальный пятилетний план; после этого стала ясна неизбежность назначения Гитлера рейхсканцлером. Правда, Германия оказала более сильное сопротивление, чем ожидали британские правители: за все время существования Веймарской республики нацисты ни одного раза не получили на выборах больше одного голоса из трех, причем даже в самой катастрофической социальной обстановке. Но к 1933 году, под «усилившимся внешним давлением», круг замкнулся.

Узор британского взаимодействия с нацистами в действительности представлял собой невиданное в истории согласованное коллективное притворство и надувательство, постепенно обнаружившее себя в течение более десяти лет (с 1931-го по

* Так же как в 1987 году заключенный номер семь крепости Шпандау — человек, которого называли Рудольфом Гессом, — Хаусхофер также был убит вместе с женой агентами британской секретной службы в мартовские иды 1946 года (это предположение впервые появилось в книге Мартина Аллена «Мистификация Гитлера — Гесса»).

1943 год). Но то были не блистательные импровизации, а заранее обдуманное действие с силами, причем силами «внешними», «другими», — и опять-таки Веблен интуитивно ощутил этот зловещий крен еще в 1915 году. Британия раздувала огонь и в конце концов пожелала всеожожения — холокоста войны и евреев.

Большевики приняли на себя главный удар немецкого наступления и заплатили за это жизнями двадцати миллионов человек, половина которых были мирными жителями. Вероятно, Тухачевский не хотел, чтобы его народ платил такую цену. Нельзя также забывать и о том, что в конце этой игры были убиты три с половиной миллиона мирных немецких граждан.

Если верно то, что британские правители интриговали в Версале с целью создания реакционного движения, питаемого радикализмом и склонного искать войны на Востоке; если верно то, что англоамериканцы активно торговали с нацистами и предлагали им финансовую поддержку — постоянно и непрерывно, начиная с займов по плану Дауэса в 1924 году и кончая солидными кредитами, проведенными через банк международного урегулирования в Базеле в конце 1944 года (1); если верно то, что встреча в Кельне на вилле фон Шредера 4 января 1933 года была решающей в деле назначения Гитлера канцлером; если верно то, что такая финансовая поддержка была задумана с тем чтобы сделать нацизм настолько сильным врагом, чтобы в войне получить от него мощный ответ и тем самым сделать победу союзников отчетливой и окончательной; если верно то, что умиротворение было комедией начиная с 1931 года; если верно то, что Черчилль всяческими ухищрениями оттягивал открытие второго фронта в течение трех лет, ожидая, что немцы настолько глубоко и безнадежно увязнут в трясине, что завершающий удар со стороны Британии будет максимально безболезненным для нее; и если, наконец, верно то, что Гесс привез с собой в Британию план переселения евреев на остров Мадагаскар, ибо таково было последнее политическое решение германского правительства, прежде чем оно занялось окончательным решением еврейского вопроса (2), — этот план, как теперь совершенно очевидно, не имел последствий; если все перечисленное верно, то по справедливости прямую ответственность за инкубацию нацизма и планирование Второй мировой войны и косвенную ответст-

венность за уничтожение евреев надо возложить на англо-американский истеблишмент.

Ясно, что в течение последних шестидесяти лет неутомимые и наиболее доверенные имперские архивисты вкупе с легионом не менее доверенных ученых, публицистов и кинорежиссеров сделали все, что было в их силах, для того, чтобы в наиболее категорической форме опровергнуть каждое из вышеприведенных утверждений.

Для начала эти люди просто-напросто игнорируют писания Веблена: Кейнс считается единственным признанным «классиком» Версаля.

«Естественно, это преувеличение,— читаем мы в учебниках,— считать, будто займы по плану Дауэса привели в действие планы массивных иностранных вливаний со стороны Соединенных Штатов...» (3); напротив, нас уверяют в том, что эти заимствования были просто одной из волн кредитов, на которых Америка рассчитывала сорвать приличный куш, и проявлением мифической «корпоративной алчности» — но ничем более.

Финансовый крах и кризис? Эти неприятности, доверительно сообщает нам прославленный лауреат Нобелевской премии, были не чем иным, как «продуктом случайного сочетания структурных факторов с ошибками монетарной политики» (4).

С другой стороны, нам говорят, что коллапс золотого обменного стандарта и сюрреалистическое обесценивание фунта произошли вследствие «неизбежной ошибки... британцев, которые не осознали тяжести проблем, с которыми им пришлось столкнуться и под прессом которых им пришлось работать» (5); нам говорят, что управляющий Английским банком был «периодически» слишком сильно «болен» для того, чтобы сохранять порядок во вверенном ему запущенном учреждении, и «даже когда он был здоров, [его] отвлекали другие неотложные дела» (6). Остается только поинтересоваться, что же это были за «неотложные дела»...

Таким образом, в том, что касается Монтегю Нормана — вероятно, одного из величайших управляющих Центральным банком, человека, проведшего четверть века во главе самого могущественного финансового учреждения той эпохи,— мы должны удовлетвориться тем, что он был не более чем карикатура на

психопатического дядюшку Скруджа старой школы, имевшего весьма шаткие представления о современной ему динамике финансов.

Фон Шредер? Шредера вообще никто не принимает всерьез; по его поводу мы слышим: он был просто партнером, представителем среднего провинциального банка... (7)

Что же касается того отвратительного шоу, известного под названием «британское умиротворение» (Гитлера), то нам говорят, что это была ошибочная политика «слабоумного министерства иностранных дел» (8), которое желало совместить «нравственность и выгоду» (9). Как же быть тогда с тузами партии мира, которые преднамеренно затягивали войну, чтобы выиграть время? Этот цинизм объясняют тем, что империи пришлось вести борьбу за выживание (10), когда в действительности она жертвовала миллионы жизней ради того, чтобы избавиться себя от участия в кровавой мясорубке, которую она же сама и выковывала с 1919 года.

Как быть, кроме того, с вермахтом: действительно ли это была первоклассная, до зубов вооруженная армия, снабженная самым современным оружием? Конечно же нет, возражает «американец» Шахт: «Зарубежные исследования — некоторые из них были проведены с надлежащей точностью — германского финансирования военных расходов однозначно показали, насколько неадекватным было наше вооружение и насколько несостоятельным оказалось распределение финансирования» (11). Это типичный образчик послевоенной апологетической продукции, изготовленной человеком, которого в день его шестидесятилетия в 1937 году еженедельный орган германской армии «*Militär Wochenblatt*» восхвалял как деятеля, «который сделал возможным возрождение вермахта» (12). Тот вред, который причинил во время войны вермахт своим противникам, тоже не остался незамеченным и был зарегистрирован, невзирая на ложь, к которой прибегнул в Нюрнберге Шахт, спасая свою шкуру и выгораживая имена своих покровителей. Он прятался за следующими лживыми утверждениями: (1) нацисты пришли к власти с помощью самофинансирования; (2) армия Германии была никуда не годной, (3) гитлеровцы изнасиловали экономику и (4) нацистский экономический эксперимент с самого начала был в целом неудачным.

Профессиональная литература на эту тему лихорадочно ухватилась за шахтовскую фальшивку: про германскую армию до сих пор говорят, что она представляла собой «хаос соперничавших управлений», усугубленный «параноидным гитлеровским стилем руководства» (13). Создание нацистами рабочих мест описывают как «фрагментированное» и «децентрализованное» мероприятие, которое не было ничем обязано нацистскому руководству, кроме «принуждения» (14). Но даже очевидный комментарий по поводу крутого внезапного взлета, пережитого Германией после января 1933 года в ликвидации безработицы, росте производства и социального страхования, — именно того факта, что исключительно скорое выздоровление от страшной, порожденной нищетой болезни было целенаправленным действием, осуществленным германскими и англо-американскими финансовыми элитами в сотрудничестве с гитлеровцами, — тонет в нескончаемых абсурдных дебатах относительно того, что в действительности якобы нацистский бум явился не более чем горьким плодом везения, а не обдуманного вмешательства и эффективного управления экономикой (15).

Естественно, истеблишменту выгодно, чтобы продолжала циркулировать старая сказка о том, что «случилась неожиданность во второй половине 1932 года» (16), поднялся «некий естественный порыв экономического ветра», который весьма удачно надул паруса Гитлера. Эта вредоносная басня позволяет одним движением смахнуть все колючки, которые торчат из периода 1932–1933 годов, — именно зарубежное финансирование нацистов, фальсифицированное назначение Гитлера рейхсканцлером и наличие решающих сил, стоявших за резким и стремительным оживлением экономической активности в Третьем рейхе.

Более того, нацистская экономика, подогретая мощной смесью свободного предпринимательства, призывов к коммунистическому обобществлению, индустриального совершенства, великолепной структуры, удачной политики распределения, антиплутократических инвектив, виртуозного владения новыми технологиями, строгого регулирования, умелого управления денежными потоками и эффективного планирования, — это феномен, признать факт существования которого неудобно никому — ни либералам, апологетам крупного бизнеса, ни левым

доктринерам и даже ни анархистским реформаторам, сторонникам дробления экономики, — упомянутый феномен вызывает глубокое смущение, ибо он обладает любимыми чертами каждого из этих течений, и лучше о нем либо вовсе не упоминать, либо по возможности исказить.

Сказанное еще более справедливо в свете тех массивных инвестиций, которые были вложены в Третий рейх союзниками. Эти инвестиции делались не из циничного желания получить доход, но ради будущей реконструкции Германии под эгидой Соединенных Штатов Америки — клубы просчитали свои действия на два хода вперед. То, что Гитлер со временем проиграет войну, было ясно — и это несмотря на отсрочку, которую нацисты получили благодаря такой экономической «помощи». После войны, в 1949 году, после того как Германия была разделена на два государства — восточное и западное, новой Федеративной Республике не пришлось платить репарации наличными деньгами: она просто отдавала союзникам натурой 4 процента произведенных ею товаров. Ценные бумаги немецких абсентеистов были временно секвестрированы оккупационными властями, гигантские промышленные конгломераты прошлого были разделены на более мелкие концерны, которые были затем интегрированы в европейский Общий рынок, который путем создания новых клиринговых механизмов, Международного валютного фонда и плана Маршалла был накрепко привязан к рынкам сбыта американской империи. Теперь Вашингтон получил Германию и Средиземноморье вместе с Римским Папой, отпущение грехов которым было куплено вложением в банк Ватикана миллионов долларов, ассигнованных на проамериканскую деятельность (17).

И как быть с холокостом? Англо-американские элиты наложили вето на план Шахта конца 1938 года. В мае 1939 года Соединенные Штаты — родина массы будущих музейных холокоста — просто отказали в убежище тысяче состоятельных евреев, которым Гитлер позволил отплыть на пароходе из Гамбурга (18). Ничего не вышло и из мадагаскарского плана, а когда эсэсовцы вторглись в русские леса, Черчилль, исходя из собственных, и только собственных планов и соображений, позволил им в течение трех лет решать их «задачи», предположительно зная о намерениях черных легионов до того, как они приступили к делу (19).

Невероятна огромна гора лжи, которую нагромодили представители англо-американского истеблишмента для того, чтобы сохранить в глазах обществ своих стран миф о том, что Вторая мировая война была «хорошей» войной, в которой восторжествовала справедливость. Доказательства лживости таких утверждений находятся во множестве папок, документируя различные фазы этой интриги. Эти доказательства до сих пор остаются недоступными для общества — как говорят, из соображений «национальной безопасности».

По сути, союзные элиты рассказали сказку. Сказку о том, что немцы всегда были возмутителями спокойствия; один раз они нарушили мир и были за это наказаны, правда, пожалуй, слишком сурово. Вследствие пустяковой избыточности наказания невесть откуда материализовалась сила Зла — сила, зло которой намного превосходила снисходительную суровость союзников. Так и получилось, что союзники, сами того не желая, породили силу Зла. Далее в сказке говорится о том, что злокозненность этой силы возросла настолько, что для ее искоренения потребовался жесточайший глобальный конфликт.

Это не просто безобидная небылица, это — оскорбление. И что еще хуже — с каждым днем все больше и больше людей ради своего душевного спокойствия предпочитают верить этой лжи. Дело в том, что индивиды, как писал Макиавелли в своем «классическом» руководстве по нечеловеческому поведению, «просты» и сами хотят верить в слова, произносимые законной властью. Законной властью, каковую мы считаем воплощением нашей воли, но которая в действительности есть не что иное, как высокие крепостные стены, скрывающие олигархию и ее ложь. И с тем и с другим история в конце концов сведет свои счета.

Примечания

Часть 1

1. Robert Deacon, *John Dee. Scientist, Astrologer & Secret Agent to Elizabeth I* (London: Frederick Muller, 1968), pp. 92, 94.
2. Thorstein Veblen, *Imperial Germany and the Industrial Revolution* (London: Macmillan & Co., 1915), pp. 50–84.
3. David Fromkin, *A Peace to End All Peace. The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East* (New York: Avon Books, 1989), p. 27.
4. Paul M. Kennedy, *The Rise of Anglo-German Antagonism, 1860–1914* (London: Ashfield Press, 1980), pp. 41–58.
5. Michael Balfour, *The Kaiser and His Times* (New York: W. W. Norton & Co., 1972), pp. 54–5.
6. Paolo Giordani, *L'impero coloniale tedesco* (Milano: Fratelli Treves, 1915), pp. 30, 89 ff.
7. Balfour, *The Kaiser*.
8. Kennedy, *Anglo-German Antagonism*, p. 110.
9. Bernhard von Büllow, *La Germania Imperiale* (Prodenone: Edizioni Studio Tesi, 1994 [1914]), p. 87.
10. Veblen, *Imperial Germany*, pp. 231–2.
11. Michael Stürmer, *L'impero inquieto, 1866–1918* (Das ruhelose Reich, Bologna: Il Mulino, 1993 [1983]), p. 326.
12. Kennedy, *Anglo-German Antagonism*, p. 362.
13. S. L. A. Marshall, *World War I* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1992), p. 114.
14. Andreas Dorpalen, *The World of General Haushofer. Geopolitics in Action* (New York: Farrar & Rinehart Inc., 1942), p. 52.
15. *Ibid.*, pp. 194, 196, 198, 200; emphasis added.
16. Carlo Jean, *Geopolitica* (Bari: Laterza, 1995), pp. 29–31.
17. F. von Bernhardi, *Germany and the Next War* (New York: Longmans, Green & Co., 1914 [1911]), pp. 18, 25, 52, 90ff.
18. Niall Ferguson, *The Pity of War* (New York: Basic Books, 1999), pp. 169–73.

19. Robert L. Owen, *The Russian Imperial Conspiracy [1892–1914]* (New York: Albert and Charles Boni, 1927), p. vii.
20. Ibid., pp. 3, 25–6.
21. См., например, Donald Kagan, *On the Origins of War, and the Preservation of Peace* (New York: Doubleday, 1995), pp. 206–12.
22. Evgheni Tarle, *Breve storia d'Europa* (Bologna: Editori Riuniti, 1959 [1928]) p. 354. (Вероятно, имеется в виду книга: Е.В. Тарле «Европа в эпоху империализма», 1927).
23. Stürmer, *Impero inquieto*, p. 440.
24. T. H. Meyer (ed.), *Light for the New Millennium. Rudolf Steiner's Association with Helmuth von Moltke. Letters, Documents and After-Death Communications* (London: Rudolf Steiner Press, 1997), p. 3.
25. Carroll Quigley, *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time* (New York: Macmillan Company, 1966), p. 100.
26. Dmitri Volkogonov, *Trotsky, the Eternal Revolutionary* (New York: The Free Press 1996), p. 42. (Д. Волкогонов, «Троцкий. Политический портрет», Москва: Новости, 1994 г.).
27. Tarle, *Breve storia*, p. 143. (Е.В. Тарле «История...»)
28. A. S. Erusalimskij, *Da Bismarck a Hitler. L'imperialismo tedesco nel XX secolo* (Roma: Editori Riuniti, 1974), p. 185. (А. С. Ерусалимский, «Германский империализм: история и современность», М., 1964).
29. Greg King, *The Man Who Killed Rasputin. Prince Felix Youssoupov and Murder That Helped Bring Down the Russian Empire* (New York: Citadel Press, 1995), p. 27.
30. Fromkin, *Peace*, p. 31.
31. Erusalimskij, *Bismarck*, p. 198 (Ерусалимский, «Германский империализм...»).
32. Balfour, *The Kaiser*, p. 328.
33. Ibid., p. 203.
34. Quigley, *Tragedy*, pp. 226, 228.
35. Léon Degrelle, *Hitler: Born at Versailles* (Costa Mesa: Institute for Historical Review, 1987), p. 111.
36. Erusalimskij, *Bismarck*, p. 255 (Ерусалимский, «Германский империализм...»).
37. Quigley, *Tragedy*, p. 221.
38. Owen, *Russian Imperial Conspiracy*, p. 15.
39. Leon De Poncins, *The Secret Powers Behind Revolution* (San Pedro, CA: GSG Publishers, 1996 [1929]), p. 78.
40. Degrelle, *Hitler*, pp. 14–15.

41. Таким эпитетом, в частности, наградили Тимоти МакВиха (человека, бросившего бомбу в здание ФБР в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года), современного Гаврило Принципа, в публичных дискуссиях по поводу его дела (Gore Vidal, *Perpetual War for Perpetual Peace: How We Got to Be So Hated*. New York: Thunder's Mouth Press, 2002, p. 121).
42. Erusalimskij, *Bismarck*, p. 234. (Ерусалимский, «Германский империализм...»).
43. Ibid., p. 235.
44. Философ Бертран Рассел писал: «Уже несколько лет назад я заметил, как старательно сэр Эдвард Грей лгал, чтобы скрыть от общества те методы, какими он убеждал нас поддерживать Францию в случае войны» (Fromkin, *Peace*, p. 125).
45. Tarle, *Breve storia*, p. 279. (Тарле, «Европа...»).
46. Quigley, *Tragedy*, pp. 316–17.
47. Owen, *Russian Imperial Conspiracy*, p. 14.
48. Erusalimskij, *Bismarck*, p. 269. (Ерусалимский, «Германский империализм...»).
49. Balfour, *The Kaiser*, p. 351.
50. Цитируется по книге: Geminello Alvi, *Dell'estremo occidente. Il secolo americano in Europa. Storie economiche* (Firenze: Marco Nardi Editore, 1993), p. 75.
51. Degrelle, *Hitler*, p. 86.
52. Fromkin, *Peace*, p. 125.
53. Erusalimskij, *Bismarck*, pp. 255–56. (Ерусалимский, «Германский империализм...»).
54. Adolf Hitler, *Mein Kampf* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1971 [1924–1926]), pp. 163–4.
55. Meyer, *Millennium*, p. 89.
56. Quigley, *Tragedy*, p. 230.
57. Dennis Wheatley, *Red Eagle. The Story of the Russian Revolution* (London: Book Club, 1938), p. 103.
58. В. Н. Liddell Hart, *The Real War, 1914–1918* (Boston: Little, Brown, & Company, 1930), p. 113.
59. Richard Pipes, *A Concise History of the Russian Revolution* (New York: Vintage Books, 1995), p. 77.
60. John Maynard, *Russia in Flux* (New York: Macmillan Company, 1948), p. 173.

61. King, *Rasputin*, pp. 148-62.
62. R. H. Bruce Lockart, *British Agent* (London: G. P. Putnam & Sons, 1933), p. 161.
63. При валовом национальном продукте, равном 20 миллиардам рублей в 1913 году (*Paul Gregory, Russian National Income (1885-1913)* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982), p. 56) и при курсе 17,3 рубля за один фунт стерлингов в 1917 году (*Angiolo Forzoni, Rublo. Storia civile e monetaria della Russia da Ivan a Stalin* (Roma: Valerio Levi Editore, 1991), p. 226). Британия в то время была должна Соединенным Штатам 497 миллионов фунтов стерлингов (*Alvi, Occidente*, p. 75).
64. Alvi, *Occidente*, p. 75.
65. Pietro Zveteremich, *Il grande Parvus* (Milano: Garzanti, 1988), p. 195.
66. Alvi, *Occidente*, pp. 77ff.
67. Degrelle, *Hitler*, p. 271.
68. Henri Vibert, *Fronte a l'Inghilterra* (Firenze: Beltrami Editore, 1936), p. 111.
69. Z. A. B. Zeman and W. B. Scharlan, *The Merchant of Revolution. The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867-1924* (London: Oxford University Press, 1965), p. 151.
70. *Ibid.*, p. 152.
71. *Ibid.*, pp. 182, 199.
72. Pipes, *Concise History*, p. 122.
73. Alvi, *Occidente*, p. 79.
74. Leon Trotsky, *The Russian Revolution. The Overthrow of Tzarism & the Triumph of the Soviets* (New York: Doubleday Anchor Books, 1959 [1930]), pp. 131-47. (Л. Троцкий, «Историческое подготовление Октября. Часть I. От февраля до октября»).
75. *Ibid.*, p. 84.
76. Zveteremich, *Parvus*, p. 249.
77. Anthony C. Sutton, *Wall Street and the Bolshevik Revolution* (New Rochelle, NY: Arlington House Publishers, 1981), pp. 25-8.
78. N. Gordon-Levin Jr., *Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution* (Oxford: Oxford University Press, 1968), p. 60.
79. Alfred Döblin, *Karl & Rosa* (New York: Fromm International Publishing Corporation, 1983 [1950]), p. 50.
80. Sutton, *Bolshevik Revolution*, pp. 72, 82.
81. Maynard, *Russia*, p. 190.

82. Pipes, *Concise History*, p. 120.
83. Maynard, *Russia*, p. 195.
84. Quigley, *Tragedy*, p. 250.
85. «“Лузитания” была британским торговым судном... имевшим на борту груз 2.400 ящиков с винтовочными патронами и 1250 ящиков с шрапнельными снарядами. Капитан имел приказ при встрече атаковать немецкие подводные лодки. Погибли 785 из 1257 пассажиров, включая 128 из 197 американцев. Тяжесть потерь была усугублена неверными действиями капитана, так же как и таинственным “вторым взрывом”, прогремевшим после удара немецкой торпеды. Судно, считавшееся “непотопляемым”, затонуло в течение восемнадцати минут. Капитан шел курсом, который был запрещен ему приказом; кроме того, он шел с малой скоростью; на борту был неопытный экипаж; иллюминаторы были открыты; спасательные шлюпки не были подготовлены; учения по спуску на воду шлюпок не проводились...» (Quigley, *Tragedy*, pp. 250–1)
86. Degrelle, *Hitler*, p. 267.
87. Tarle, *Breve storia*, p. 362. (Тарле, «Европа...»).
88. Liddell Hart, *Real War*, p. 386.
89. Quigley, *Tragedy*, pp. 249–50.
90. Edward House, *The Intimate Papers of Colonel House, Arranged as a Narrative by Charles Seymour* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1926), p. 60.
91. Thorstein Veblen, ‘Dementia Praxos’; in Thorstein Veblen, *Essays in Our Changing Order* (New York: Augustus M. Kelley, 1964 [1922]), p. 424.
92. Thorstein Veblen, *An Inquiry into the Nature of Peace and the Terms of Its Perpetuation* (New Brunswick: Transaction Books, 1998 [1917]), p. 38.
93. Veblen, ‘Dementia’; p. 434.
94. Degrelle, *Hitler*, p. 244.
95. Carroll Quigley, *The Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden* (San Pedro, CA: GSGS & Associates Publishers, 1981), pp. 10, 130, 131.
96. Fromkin, *Peace*, p. 271.
97. Ibid., pp. 281–2. Пять лет спустя, заняв пост министра колоний, Черчилль повторил: «Еврейское государство под протекторатом Британской Короны... будет особенно хорошо гармонировать с высшими интересами Британской империи» (ibid. p. 519).
98. Fromkin, *Peace*, p. 217.
99. Ibid., pp. 217, 312.
100. Quigley, *Tragedy*, p. 236.

Часть 2

1. Christopher Marlowe, *The Tragedy of Doctor Faustus* (New York: Washington Square Press, 1959 [1588]), pp. 26–7.
2. Volker Berghahn, *Imperial Germany, 1871–1914* (Providence, RI: Berghahn Press, 1994), p. 336.
3. Sebastian Haffner, *The Failure of a Revolution. Germany 1918–1919* (Chicago: Banner Press, 1986 [1969]), p. 16.
4. D. Authier and J. Barriot, *La sinistra comunista in Germania* (Milano: La Salamandra, 1981 [1976]), p. 40.
5. Thorstein Veblen, *The Theory of the Leisure Class* (New York: Penguin Books, 1979 [1899]), p. 198.
6. Ibid., p. 204.
7. Thorstein Veblen, *The Vested Interests and the Common Man (The Modern Point of View and the New Order)* (New York: B. W. Huebsch, Inc., 1919), p. 165.
8. Thorstein Veblen, 'The Economics of Karl Marx II', in Thorstein Veblen, *The Place of Science in Modern Civilization* (New York: Capricorn Books, 1969 [1907]), pp. 453–4.
9. Haffner, *Failure*, p. 16.
10. Ibid., p. 28.
11. Ibid., p. 57.
12. Bernhard von Bülow, 'Revolution in Berlin', in A. Kaes, M. Jay and E. Dimendberg (eds), *The Weimar Republic Sourcebook* (Berkeley: University of California Press, 1994), pp. 56–7.
13. Morgan Philips Price, *Dispatches from the Weimar Republic. Versailles and German Fascism* (London: Pluto Press, 1999 [1919–29]), p. 23.
14. Ernst Toller, /was a German. The Autobiography of Ernst Toller (New York: William Morrow and Company, 1934), pp. 141–2.
15. Klaus Epstein, *Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy* (Princeton: Princeton University Press, 1959), pp. 274–82.
16. Adolf Hitler, *Mein Kampf* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1971 [1925]), pp. 204–6.
17. George F. Kennan, *Russia and the West under Lenin and Stalin* (Boston: Little, Brown & Co., 1960), p. 155.
18. Tacitus, *Agricola, Germania, Dialogus* (Cambridge, MA: Harvard University Press, Loeb Classical Library, 1992 [98 AD]), p. 152.
19. Kennan, *Russia*, p. 158.
20. Ernst Jünger, 'Fire' (1922), in Kaes et al., *Weimar Sourcebook*, p. 19.

21. Ernst Von Salomon, *Iproscritti (Die Geächteten)* (Parma: Edizioni all'insegna del veltro, 1979 [1930]), p. 49.
22. Ibid., pp. 36–40, 86.
23. Haffner, *Failure*, p. 161.
24. Freya Eisner, Kurt Eisner: die Politik des libertären Sozialismus (Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1979), p. 110.
25. I. Benoist-Méchin, *Histoire de l'armée allemande* (Paris: Éditions Albin Michel, 1966), Vol. 1, p. 270.
26. Rudolf Von Sebottendorff, *Prima che Hitler venisse. Storia della Società Thule Bevor Hitler kam* (Torino: Edizioni Delta-Arktos, 1987 [1933]), pp. 73–143.
27. Eugene Lunn, *Prophet of Community. The Romantic Socialism of Gustav Landauer* (Berkeley: University of California Press, 1973), p. 331. Густав Ландауэр проводил свои реформы, будучи уполномоченным по просвещению и народному образованию. Сильвио Гезель, бывший бизнесмен, ставший гуру анархистов и реформатором денежного обращения и назначенный Мюнхенским советом министром финансов, получил возможность провести в жизнь свои предложения и начал печатать деньги (бумажные сертификаты с определенным сроком годности). (Silvio Gesell, *The Natural Economic Order* (San Antonio: Free-Economy Publishing Co., 1920, pp. 130 ff.).
28. Kennan, *Russia*, p. 160.
29. Walt Whitman, *Leaves of Grass* (New York: Penguin Books, 1986 [1855]), p. 42.
30. Von Sebottendorff, *Hitler*, pp. 121ff.
31. Ian Kershaw, *Hitler: 1889–1936: Hubris* (New York: W. W. Norton & Co., 1998), p. 120.
32. Douglas Reed, *Nemesi? La storia di Otto Strasser* (Roma: Edizioni delle catacombe, 1944), p. 55.
33. Kershaw, *Hubris*, p. 126.
34. Joachim Fest, *Hitler* (New York: Vintage Books, 1975 [1973]), p. 118.
35. Kershaw, *Hubris*, p. 140.
36. Benoist-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 2, pp. 225–6.
37. Gustav Meyrink, *The Golem* (Sawtry, Cambs: Dedalus, 1995 [1915]), p. 59.
38. Jean-Michel Angebert, *The Occult and the Reich. The Mystical Origins of Nazism and the Search for the Holy Grail* (New York: Macmillan Publishing, 1974 [1971]), p. 165.
39. Fest, *Hitler*, p. 116, and René Alleau, *Hitler et les sociétés secrètes. Enquête sur les sources occultes du nazisme* (Paris: Éditions Bernard Grasset, 1969), p. 139.

40. Nicholas Goodrick-Clarke, *The Occult Roots of Nazism. Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology* (New York: New York University Press, 1985), p. 151.
41. Werner Gerson, *Le Nazisme société secrète* (Paris: J'ai lu, 1969), pp. 176–7.
42. Ernst Jünger, *Das abenteuerliche Herz. Figuren und Capriccios* (Hamburg: Hanseatische Verlaganstalt, 1938), pp. 75–6.
43. Kershaw, *Hubris*, p. 155.
44. Jünger, *Herz*, p. 66.
45. Dietrich Eckart, 'Jewishness In and Around Us: Fundamental Reflections', in B. Miller Lane and L. Rupp (eds), *Nazi Ideology Before 1933. A Documentation* (Austin: University of Texas Press, 1978 [1919]), pp. 23–5.
46. Von Sebottendorff, *Hitler*, p. 55.
47. *Ibid.*, p. 208.
48. Goodrick-Clarke, *Occult Roots*, p. 152.
49. Ernst Jünger, *On the Marble Cliffs* (Norfolk, CT: New Directions, 1947 [1939]), p. 28.
50. N. Gordon-Levin Jr., *Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution* (Oxford: Oxford University Press, 1968), pp. 91–5.
51. *Ibid.*, p. 219.
52. Angiolo Forzoni, *Rublo. Storia civile e monetaria delle Russia da Ivan a Stalin* (Roma: Valerio Levi Editore, 1991), p. 342.
53. Richard Pipes, *A Concise History of the Russian Revolution* (New York: Vintage Books, 1995), p. 235.
54. Gordon-Levin, *Woodrow Wilson*, pp. 78–80.
55. Peter Fleming, *The Fate of Admiral Kolchak* (New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1963), p. 49.
56. *Ibid.*, p. 51.
57. George Stewart, *The White Armies of Russia: A Chronicle of Counter-Revolution and Allied Intervention* (New York: Macmillan Company, 1933), pp. 83–91.
58. Pipes, *Concise History*, p. 92.
59. Stewart, *White Armies*, pp. 137–8.
60. Kennan, *Russia*, p. 108.
61. Stewart, *White Armies*, pp. 135–6.
62. В Сибирь Британия, Франция и Италия отправили 1400, 1400 и 1200 солдат, соответственно. (*ibid.*, p. 226).

63. Jonathan Smele, *Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), pp. 72, 97–9, 418.
64. Stewart, *White Armies*, p. 153.
65. Richard Lockett, *The White Generals. An Account of the White Movement in Russia and the Russian Civil War* (New York: Viking Press, 1971), p. 231.
66. Pipes, *Concise History*, p. 235.
67. «Не должно быть никаких попыток покорить большевистскую Россию силой оружия... Не надо использовать антибольшевистские армии для реставрации старого царского режима... [и] возложения на крестьян старых феодальных повинностей [!], в условиях которых они владели землей...» (Lloyd George, quoted in *ibid.*, p. 250).
68. Carroll Quigley, *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time* (New York: Macmillan Company, 1966), p. 261.
69. Наибольших успехов в борьбе с Советами Белое движение добилося в сентябре 1919 года.
70. Stewart, *White Armies*, p. 166.
71. Pipes, *Concise History*, p. 252.
72. Léon Degrelle, *Hitler: Born at Versailles* (Costa Mesa; Institute for Historical Review, 1987), p. 430.
73. Stewart, *White Armies*, p. 173.
74. Lockett, *White Generals*, p. 257.
75. Stewart, *White Armies*, p. 162.
76. Gordon-Levin, *Woodrow Wilson*, p. 224.
77. Geminello Alvi, *Del'estremo occidente. II secolo americano in Europa. Storie economiche* (Firenze: Marco Nardi Editore, 1993), p. 158.
78. Smele, *Civil War*, pp. 419–20.
79. Lockett, *White Generals*, p. 226.
80. Stewart, *White Armies*, p. 296.
81. *Ibid.*, p. 286.
82. *Ibid.*, p. 314.
83. Smele, *Civil War*, p. 201.
84. Niall Ferguson, *The Pity of War* (New York: Basic Books, 1999), p. 337.
85. Margaret Macmillan, *Paris 1919. Six Months that Changed the World* (New York: Random House, 2002), p. 222.
86. Stewart, *White Armies*, p. 243.
87. Forzoni, *Rublo*, p. 342.
88. Fleming, *Kolchak*, p. 71.

89. Как это, например, делал Анвар Садат, заместитель Насера, позже ставший президентом Египта, говоря так об СССР всякий раз, когда в геополитическом анализе упоминали мнимую враждебность России (John K. Cooley, *Unholy Wars. Afghanistan, America and International Terrorism* (London: Pluto Press, 2000), p. 33).
90. Gordon-Levin, *Woodrow Wilson*, p. 231.
91. *Ibid.*, p. 230.
92. Pipes, *Concise History*, p. 250.
93. *Ibid.*, p. 270.
94. *Ibid.*, p. 250.
95. R. H. Bruce Lockart, *British Agent* (London: G. P. Putnam & Sons, 1933), p. 222.
96. Anthony Sutton, *Wall Street and the Bolshevik Revolution* (New Rochelle, NY: Arlington House Publishers, 1981), p. 158.
97. Edward Jay Epstein, *Dossier: The Secret Story of Armand Hammer* (New York: Random House, 1996), pp. 45–85.
98. Giovanni Preziosi, *Giudaismo, bolscevismo, plutocrazia e massoneria* (Torino: Arnoldo Mondadori, 1941), p. 127.
99. Kennan, *Russia*, p. 113.
100. *Ibid.*, pp. 117–18.
101. John Maynard Keynes, *The Economic Consequences of the Peace* (New York: Penguin Books, 1995 [1920]), p. 153.
102. *Ibid.*, p. 165.
103. Macmillan, *Paris 1919*, p. 181.
104. *Ibid.*, p. 192.
105. Charles L. Mee Jr., *The End of Order, Versailles 1919* (New York: E. P. Dutton, 1980), pp. 209–210.
106. Quigley, *Tragedy*, p. 272.
107. *Ibid.*
108. Macmillan, *Paris 1919*, p. 466.
109. *Ibid.*, p. 472.
110. Epstein, *Erzberger*, p. 323.
111. Quigley, *Tragedy*, p. 277.
112. Bernhard von Bülow, *Le memorie del Principe di Bülow, Volume III, 1901–1920* (Milano: Arnoldo Mondadori, 1931), p. 322.
113. Один миллион немцев остался в Польше, три миллиона в Чехословакии, по полмиллиона в Венгрии и Югославии и 700 тысяч в Румынии (Quigley, *Tragedy*, p. 280).

114. Hans Mommsen, *The Rise & Fall of the Weimar Democracy* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989), p. 110.
115. Mee, *End of Order*, p. 222.
116. Keynes, *Economic Consequences*, p. 146.
117. Erich Eyck, *Storia della repubblica di Weimar, 1918–1933* (Geschichte der weimarer Republik) (Torino: Giulio Einaudi Editore, 1966 [1956]), p. 131.
118. Keynes, *Economic Consequences*, p. 200.
119. Mee, *End of Order*, p. 256.
120. Keynes, *Economic Consequences*, pp. 289–90, 294.
121. *Ibid.*, pp. 296–7.
122. Alvi, *Occidente*, p. 141.
123. Keynes, *Economic Consequences*, pp. 269.
124. Graham Hutton, *Is it Peace?* (New York: Macmillan Company, 1937), pp. 73–4.
125. Hamilton Armstrong, *Peace and Counterpeace. From Wilson to Hitler* (New York: Harper & Row Publishers, 1971), p. 98.
126. Thorstein Veblen, *Imperial Germany and the Industrial Revolution* (London: Macmillan & Co., 1915), p. 69.
127. E. W. Jorgensen and H. I. Jorgensen, *Thorstein Veblen. Victorian Firebrand* (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1999), p. 149.
128. Thorstein Veblen, *The Nature of Peace and the Terms of its Perpetuation* (New Brunswick: Transaction Books, 1998 [1917]) p. 277.
129. Veblen, *Imperial Germany*, pp. 54–5.
130. *Ibid.*, p. 58, emphasis added.
131. Jorgensen and Jorgensen, *Thorstein Veblen*, p. 150.
132. Veblen, *Nature of Peace*, p. 142.
133. *Ibid.*, p. 150.
134. *Ibid.*, p. 270.
135. *Ibid.*, p. 280.
136. *Ibid.*, p. 295.
137. Thorstein Veblen, *The Engineers and the Price System* (New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1963 [1921]).
138. Thorstein Veblen, ‘Bolshevism is a Menace – to Whom?’ (1919), in Thorstein Veblen, *Essays in Our Changing Order* (New York: Augustus M. Kelley, 1964), p. 400.
139. Thorstein Veblen, ‘The Economic Consequences of the Peace’ (1920), in Veblen, *Essays*, pp. 462–3; emphasis added.

140. Ibid., p. 466.
141. Ibid., p. 468; emphasis added.
142. Ibid., p. 469; emphasis added.
143. Ibid.
144. Ibid., p. 470.
145. Quigley, *Tragedy*, p. 312.
146. Veblen, 'Economic Consequences', p. 470.
147. Gerald Feldman, *The Great Disorder. Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924* (Oxford: Oxford University Press, 1997), p. 148.

Часть 3

1. Friedrich Hölderlin, *Hyperion, Empedokles* (Weimar: Erich Liechtenstein Verlag, 1922 [1799]), p. 207.
2. Friedrich Hölderlin, *Hymns and Fragments* (trans. Richard Siebuhr) (Princeton: Princeton University Press, 1984 [1801–06]), pp. 61–3.
3. Carroll Quigley, *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time* (New York: Macmillan Company, 1966), p. 418.
4. Peter Gay, *Weimar Culture. The Insider as Outsider* (New York: W. W. Norton & Company, 2001), pp. 1–2.
5. I. Benoist-Méchin, *Histoire de l'armée allemande*, (Paris: Éditions Albin Michel, 1966) Vol. 3, p. 105.
6. Harry Kessler, *Rathenau* (Bologna: Il Mulino, 1995 [1928]), p. 314.
7. George Kennan, *Russia and the West under Lenin and Stalin* (Boston: Little, Brown & Co., 1960), p. 203.
8. Quigley, *Tragedy*, p. 422.
9. Arthur Moeller van den Bruck, *Il Terzo Reich (Das dritte Reich)* (Roma: Edizioni Settimo Sigillo, 2000 [1923]), p. 152.
10. D. J. Goodspeed, *Ludendorff. Soldier, Dictator, Revolutionary* (London: Rupert Hart-Davis, 1966), pp. 223–4.
11. Paul von Hindenburg, 'The Stab in the Back', in A. Kaes, M. Jay and E. Dimendberg (eds), *The Weimar Republic Sourcebook* (Berkeley: University of California Press, 1994), p. 15.
12. Klaus Epstein, *Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy* (Princeton: Princeton University Press, 1959), p. 54.
13. Ibid., p. 323.
14. F. W. Henning, *Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1972* (Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1974), pp. 42–3.

15. Matthias Erzberger, *Reden zu Neuordnung des deutschen Finanzwesens* (Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1919), pp. 4–6.
16. Ludwig Holtfrerich, *L'inflazione tedesca 1914–1923* (Die deutsche Inflation) (Bari: Laterza, 1989 [1980]), p. 280.
17. Epstein, *Erzberger*, pp. 336–43.
18. Costantino Bresciani-Turroni, *The Economics of Inflation* (New York: Augustus M. Kelley Publishers, 1968 [1931]), p. 55.
19. *Ibid.*, pp. 357–9.
20. Johannes Erger, *Der Kapp-Lüttwitz Putsch. Ein Beitrag zur deutschen Innenpolitik.* (Düsseldorf: Droste Verlag, 1967), p. 77.
21. *Ibid.*, p. 78.
22. Epstein, *Erzberger*, p. 342.
23. Erich Eyck, *Storia della repubblica di Weimar, 1918–1933* (Geschichte der Weimarer Republik) (Torino: Giulio Einaudi Editore, 1966 [1956]), p. 152.
24. Epstein, *Erzberger*, p. 367.
25. Ernst Troeltsch, *La democrazia improvvisata, la Germania dal 1918 al 1922* (Napoli: Guida Editori, 1977 [1924]), p. 111.
26. Arthur Rosenberg, *Storia della repubblica tedesca* (Deutsche Republik) (Roma: Edizioni Leonardo, 1945 [1934]), pp. 99–100.
27. Edward Hallett Carr, *The Bolshevik Revolution 1917–1923*, Vol. 3 (London: Macmillan & Co. Ltd., 1953), p. 310.
28. Eyck, *Weimar*, p. 150.
29. Morgan Philips Price, *Dispatches from the Weimar Republic. Versailles and German Fascism* (London: Pluto Press, 1999 [1919-29]), p. 66.
30. Erger, *Kapp-Lüttwitz Putsch*, p. 41.
31. *Ibid.*, p. 42.
32. Erwin Könnemann, 'Kapp-Putsch gegen die weimarer Republik. Ein Spiel mit den Roten und den weissen Russen', in *Der Tagesspiel* (March 14, 2000), p. 2.
33. E. J. Feuchtwanger, *From Weimar to Hitler. Germany, 1918–1933* (New York: St. Martin's Press, 1995), p. 73.
34. Könnemann, 'Kapp-Putsch', p. 2.
35. Bernard Wasserstein, *The Secret Lives of Trebitsch-Lincoln* (New York: Penguin Books, 1988), chapters 1–8.
36. *Ibid.*
37. Werner Gerson, *Le Nazisme société secrète* (Paris: J'ai lu), p. 278. Donald McCormick, *The Mask of Merlin. A Critical Study of David Lloyd George* (London: Macdonald, 1963), p. 75.

39. Ibid., p. 80.
40. Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 343.
41. Maurice Laporte, *Bouddha contre l'Intelligence Service* (Paris: Alexis Redier Éditeur, 1933), p. 82.
42. Imre Gyomaï, *Trebitsch-Lincoln. Le plus grand aventurier du siècle* (Paris: Les Éditions de France, 1939), p. 100.
43. Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 148.
44. Laporte, *Bouddha*, p. 82.
45. Felix Gross, *I Knew Those Spies* (London: Hurst & Blackett, 1940), pp. 81–2.
46. Wasserstein, *The Secret Lives*, pp. 155, 166.
47. David Lampe and Lazlo Szenasi, *The Self-made Villain. A Biography of I. T. Trebitsch-Lincoln* (London: Cassell, 1961), p. 110.
48. Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 336.
49. Sidney T. Felstead, *German Spies at Bay. Being an Actual Record of the German Espionage in Great Britain during the Years 1914–1918 (Compiled from Official Sources)* (London: Hutchinson & Co., 1920), p. 61.
50. Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 166, and Gyomaï, *Trebitsch*, pp. 150–151.
51. Louis Dupeux, *National-Bolchévisme en Allemagne, sous la République de Weimar (1919–1933)* (Paris: Librairie Honoré Champion, 1974), p. 147.
52. Ibid., p. 148.
53. Erger, *Kapp-Lüttwitz Putsch*, p. 105.
54. Könemann, 'Kapp-Putsch', p. 5.
55. Benoist-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 2, pp. 79–81.
56. Könemann, 'Kapp-Putsch', p. 6.
57. John Wheeler-Bennett, *The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918–1945* (London: Macmillan & Co., 1961), p. 73.
58. Alex De Jonge, *The Weimar Chronicle. Prelude to Hitler* (New York: Meridian Books, 1978), p. 64.
59. Benoist-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 2, p. 96.
60. Wheeler-Bennett, *Nemesis of Power*, p. 76.
61. Anton Golecki (ed.), *Das Kabinett Bauer (21 Juni 1919 bis 27 März 1920). Akten der Reichkanzlei weimarer Republik* (Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag, 1980), p. 687.
62. Heinrich August Winkler, *La repubblica di Weimar, 1918–1933: storia della prima repubblica tedesca* (Roma: Donzelli Editore, 1998 [1993]), p. 135.
63. Carr, *Bolshevik Revolution*, p. 172.

64. Hagen Schulze, *La repubblica di Weimar, la Germania dal 1918 al 1933* (*Weimar, Deutschland 1918-1933*) (Bologna: Il Mulino, 1993 [1983]), pp. 262-3.
65. Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 185.
66. Ian Kershaw, *Hitler: 1889-1936: Hubris* (New York: W. W. Norton & Co., 1998), p. 153.
67. Gerson, *Nazisme*, p. 84.
68. Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 186.
69. *Ibid.*, p. 189.
70. Feuchtwanger, *From Weimar to Hitler*, p. 77.
71. Rosenberg, *Repubblica tedesca*, p. 117.
72. L. Riddell, *Intimate Diary of the Peace Conference and After, 1918-1923* (New York: Reynal & Hitchcock, 1934), p. 177.
73. Lampe and Szenasi, *Self-made Villain*, p. 139.
74. Gerson, *Nazisme*, p. 83.
75. Dupeux, *National-Bolchévisme*, p. 129.
76. Benito Mussolini, *Opera omnia, Vol. XIV (1919-1920)* (Firenze: La Fenice, 1954), pp. 374-5.
77. Dupeux, *National-Bolchévisme*, p. 150.
78. Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 182.
79. Sigrid Schultz, *Germany Will Try It Again* (New York: Reynal & Hitchcock, 1944), pp. 58-9.
80. Carr, *Bolshevik Revolution*, p. 160.
81. Dupeux, *National-Bolchévisme*, p. 149.
82. Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 191.
83. *Ibid.*, p. 183.
84. David Stafford, *Churchill and the Secret Service* (New York: Overlook Press, 1999), p. 24.
85. Riddell, *Intimate Diary*, p. 177.
86. Dupeux, *National-Bolchévisme*, p. 168.
87. *Ibid.*, p. 157.
88. Lampe and Szenasi, *Self-made Villain*, p. 148.
89. *Ibid.*, p. 166, and Wasserstein, *The Secret Lives*, p. 324.
90. Kershaw, *Hubris*, p. 140.
91. Epstein, *Erzberger*, p. 387.
92. Quigley, *Tragedy*, p. 305.

93. Gerald Feldman, *The Great Disorder. Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924* (Oxford: Oxford University Press, 1997), p. 400.
94. Geminello Alvi, *Dell'estremo occidente. Il secolo americano in Europa. Storie economiche* (Firenze: Marco Nardi Editore, 1993), p. 177.
95. Quigley, *Tragedy*, p. 306.
96. Holtfrerich, *Inflation*, p. 128.
97. Feldman, *Great Disorder*, p. 449.
98. Alvi, *Occidente*, p. 175.
99. Feldman, *Great Disorder*, p. 333.
100. Robert Musil, *The Man Without Qualities (Der Mann ohne Eigenschaften)* (New York: Vintage books, 1995 [1930–52]), p. 206.
101. Feldman, *Great Disorder*, p. 345.
102. Kessler, *Rathenau*, p. 275.
103. Benoist-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 2, p. 208.
104. Musil, *Man Without Qualities*, p. 203.
105. Quigley, *Tragedy*, pp. 231, 235, and Kessler, *Rathenau*, p. 169.
106. Walther Rathenau, *In Days to Come (Von kommenden Dingen)* (London: George Allen & Unwin, 1921 [1917]), p. 158.
107. Kennan, *Russia*, p. 212.
108. *Ibid.*, p. 213.
109. *Ibid.*, p. 219.
110. Kessler, *Rathenau*, p. 303.
111. *Ibid.*, pp. 280, 305, 306.
112. Von Salomon, *Die Geächteten*, p. 234.
113. *Ibid.*, 176.
114. *Ibid.*, p. 242.
115. Benoist-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 2, p. 214.
116. *Ibid.*, p. 217.
117. Von Salomon, *Die Geächteten*, p. 249.
118. Richard Hanser, *Putsch!* (New York: Pyramid Books, 1970), p. 256.
119. *Ibid.*, p. 257.
120. Ernst von Salomon, *The Answers of Ernst von Salomon. The 131 Questions in the Allied Military Government. 'Fragebogen'* (London: Putnam, 1954 [1951]), p. 56.
121. Hanser, *Putsch!*, p. 259.

122. Hebert Helbig, *Die Träger der Rapallo Vertrag* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1958), p. 123.
123. Carr, *Bolshevik Revolution*, pp. 310–11.
124. Cecil F. Melville, *The Russian Face of Germany* (London: Wishart & Co., 1932), pp. 86–97, and Hans W. Gatzke, 'Russo-German Military Collaboration During the Weimar Republic', in H. W. Gatzke (ed.), *European Diplomacy Between Two Wars, 1919–1933* (Chicago: Quadrangle Books, 1972), pp. 50-4.
125. Walther Goerlitz, *History of the German General Staff 1657–1945* (New York: Frederick A. Praeger Publishers, 1962), pp. 231–3.
126. Quigley, *Tragedy*, p. 425.
127. Stephanie Salzmann, *Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and After, 1922–1934* (Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2003), p. 21.
128. Gatzke, 'Russo-German Military Collaboration', p. 59.
129. Rosenberg, *Repubblica tedesca*, p. 126.
130. Benoit-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 2, p. 205, and André Fourgeaud, *La dépréciation et la revalorisation du Mark allemand, et les enseignements de l'expérience monétaire allemande* (Paris: Payot, 1926), p. 11.
131. Max Hermant, *Les paradoxes économiques de l'Allemagne moderne 1918–1931* (Paris: Librairie Armand Collin, 1931), pp. 31–3.
132. Holtfrerich, *Inflation*, p. 14.
133. *Ibid.*, p. 149.
134. Quigley, *Tragedy*, p. 307.
135. Rosenberg, *Repubblica tedesca*, p. 152.
136. Bresciani-Turroni, *Inflation*, p. 329.
137. Rosenberg, *Repubblica tedesca*, p. 155.
138. Fritz K. Ringer, *The German Inflation of 1923* (New York: Oxford University Press, 1969), p. 94; emphasis added.
139. Viscount D'Abernon, *The Diary of an Ambassador* (New York: Doubleday, Doran & Company Inc., 1929), p. 329; emphasis added.
140. Holtfrerich, *Inflation*, p. 132.
141. F. D. Graham, *Exchange, Prices and Production in Hyper-Inflation Germany, 1920–1923* (Princeton: Princeton University Press, 1930), pp. 52ff.
142. Fourgeaud, *Dépréciation*, pp. 93–4.
143. Germany's GDP in 1923, in terms of 1913 prices, was 34,9 billion marks; \$2 billion correspond, at the rate of 4,2 marks per dollar, to approximately 9 billion marks, that is, 25 percent of 1923 GDP.

144. Fourgeaud, *Dépréciation*, pp. 94–6.
145. Jan Van Zanden, *The Economic History of the Netherlands, 1914–1995* (London: Routledge, 1997), pp. 102–4.
146. *Ibid.*, p. 118.
147. Bresciani-Turroni, *Inflation*, p. 58.
148. Fourgeaud, *Dépréciation*, p. 13.
149. Alvi, *Occidente*, p. 181, and Hermant, *Paradoxes*, pp. 54–5.
150. Holtfrerich, *Inflation*, pp. 290–5.
151. Hermann Jacques, *Allemagne, société à responsabilité limitée* (Paris: Éditions de la revue mondiale, 1932), pp. 118, 141.
152. Riddell, *Intimate Diary*, p. 40.
153. Причины уничтожения германских финансов можно уяснить исходя из следующих статистических данных:

Таблица

Инфляционное расплавление германской валюты

Год	Возмещение фундирован- ного долга (Грэхем)	Проценты по государ- ственному долгу (Хеннинг)	Обслуживание процентов + выплаты по долгам	Расходы государства учетных векселей (Хеннинг)	Рост объема (Брешиани- Туррони)
1919	–	10,4	10,4	54,9	31,2
1920	10,8	36,2	47,0	145,3	66,4
1921	20,0	30,0	50,0	298,8	94,3
1922	23,0	33,0	56,0	327,9	1247,9

Все цифры приведены в миллиардах марок по текущему курсу того времени. Данные в первой колонке получены умножением величины стоимости золотых марок (Graham, *Hyper-Inflation*, pp. 40–1, Table IV) на среднегодовой обменный курс золотой марки, выраженный в бумажных марках (Bresciani-Turroni, *Inflation*, p. 441). В 1922 году было возмещено дополнительных 23 миллиарда марок отсроченного долга, но к этому времени инфляция превратила этот последний взнос в ничто. Итак, за период с 1920 по 1922 год 50 процентов *Kriegsanleihe* были превращены в наличные деньги. Цифры во второй и четвертой колонках взяты из двух наборов данных, приведенных Хеннингом (*Industrialisierte Deutschland*, pp. 59–60), в то время как суммарное изменение стоимости государственных учетных векселей, заимствованное

из работы Брешиани-Туррони (*Inflation*, pp. 439–40), воспроизведено в пятой колонке. Данные в третьей колонке представляют собой суммы данных первой и второй колонок. После 1922 года частный сектор, который до тех пор поглощал приблизительно половину каждого выпуска государственных облигаций, начал вообще избегать правительственных ценных бумаг, предоставив рейхсбанку одному нести бремя ответственности за векселя и ценные бумаги государства, за которые — en masse — расплачивалась экономика, то есть, народное хозяйство (Graham, *Hyper-Inflation*, pp. 60–1, и Fourgeaud, *Dépréciation*, p. 118). В 1923 году сокращение объема ценных бумаг государства стало определяющей чертой инфляции, и к 1923 году погашение ценных бумаг наличными деньгами превзошло объем их дисконтирования и окончательно уничтожило германскую марку. Таким образом, сумма процента и возмещенного долга (то есть выплата наличных денег по военному займу) за период между 1919 и 1920 годами (то есть 57,4 миллиарда марок — сумма данных в двух первых строках колонки 3) достигла почти 30 процентов (28,7) всех расходов государства за этот период (сумма данных в первых двух строках колонки 4) и соответствовала почти 60 процентам (58,8) общего количества созданных за этот период денег (то есть, дисконтированные рейхсбанком ценные бумаги: 97,6 миллиарда марок: сумма данных первых двух строк колонки 5, учитывая, что никакая часть этого долга не могла быть покрыта за счет налогов).

154. Marcel Mauss, *Écrits politiques* (Paris: Librairie Arthème Fayard, 1997 [1924]), p. 665.
155. Adolf Hitler, *Hitler's Secret Conversations 1941–1944* (New York: Farrar, Straus & Young, 1953), p. 54.
156. Holtfrerich, *Inflation*, p. 155.
157. Quigley, *Tragedy*, p. 312.
158. W. G. Krivitsky, *In Stalin's Secret Service* (New York: Enigma Books, 2000 [1941]), pp. 28–38.
159. Konrad Heiden, *Der Fuehrer. Hitler's Rise to Power* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1944), pp. 130–1.
160. Von Salomon, *The Answers*, p. 242.
161. Цитируется по книге: Louis Kilzer, *Churchill's Deception. The Dark Secret that Destroyed Germany* (New York: Simon & Schuster, 1994), p. 100.
162. Hitler, *Mein Kampf*, (Boston: Houghton Mifflin Company, 1971 [1925]), pp. 687.
163. Claus-Ekkehard Bärsch, *Die politische Religion des Nationalsozialismus* (München: Wilhelm Fink Verlag, 1998), pp. 63-70.
164. *Ibid.*, p. 90.
165. Adolf Hitler, *Mein Kampf*, pp. 131-43; emphasis added.

166. David Irving, *The War Path: Hitler's Germany, 1933-1939* (London: Michael Joseph, 1978), p. 56.
167. Ian Kershaw, *Hubris*, p. 151.
168. Arthur Moeller van den Bruck, *L'uomo politico (Der politische Mensch)* (Roma: Settimo Sigillo, 1997 [1918]), p. 93.
169. Paul Harrison Silfen, *The Völkisch Ideology & The Roots of Nazism. The Early Writings of Artur Moeller van den Bruck* (New York: Exposition Press, 1973), p. 11.
170. Ernst Hanfstaengl, *Hitler: The Missing Years* (New York: Arcade Publishing, 1994 [1957]), p. 64.
171. Alfred Rosenberg, *Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit* (München: Honeichen-Verlag, 1934), p. 640.
172. См., например: *Detlev Rose, Die Thule-Gesellschaft. Legende, Mythos, Wirklichkeit* (Tübingen: Grabert Verlag, 1994), pp. 176-7.
173. Karl Haushofer, *Weltmeere und Weltmächte*. (Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1937), p. 284.
174. Woodruff D. Smith, *The Ideological Origins of Nazi Imperialism* (Oxford: Oxford University Press, 1986), p. 223.
175. Hitler, *Mein Kampf*, p. 610.
176. *Ibid.* pp. 615-19.
177. *Ibid.*, pp. 662, 663.
178. *Ibid.*, pp. 660-2.
179. *Ibid.*, pp. 664.

Часть 4

1. Louis-Ferdinand Céline, *Voyage au bout de la nuit* (Paris: Gallimard, 1952 [1932]), p. 26.
2. Erich Kästner, *Lärm im Spiegel* (Berlin: Deutsche Verlag-Anstalt, 1929), pp. 70, 71.
3. Erich Kästner, *Fabian: The Story of a Moralist* (Evanston: Northwestern University Press, 1990 [1931]), p. 44.
4. Silvio Gesell, *The Natural Economic Order* (San Antonio: Free Economy Publishing Co., 1920), Part I.
5. *Ibid.*, pp. 275-8.
6. Jacques Rueff, *De l'aube au crépuscule. Autobiographie de l'auteur*. (Paris: Librairie Plon, 1977), p. 307.

7. Webster G. Tarpley, and Anton Chaitkin, *George Bush. The Unauthorized Biography* (Washington DC: Executive Intelligence Review, 1992), p. 31.
8. Francis Williams, *A Pattern of Rulers* (London: Longman, 1965), p. 201.
9. *Ibid.*, p. 199.
10. *Ibid.*, p. 203.
11. Henry Clay, *Lord Norman* (London: Macmillan & Co., 1957), p. 475.
12. Williams, *Pattern*, p. 203.
13. Andrew Boyle, *Montagu Norman* (London: Cassell, 1967), p. 67.
14. *Ibid.*, p. 85.
15. Williams, *Pattern*, p. 204.
16. *Ibid.*
17. Percy Arnold, *The Bankers of London* (London: Hogarth Press, 1938), pp. 9, 16–17.
18. *Ibid.*, p. 11.
19. Boyle, *Norman*, pp. 129–30.
20. *Ibid.*, p. 133.
21. *Ibid.*, p. 131.
22. Carroll Quigley, *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time* (New York: Macmillan Company, 1966), p. 326.
23. Boyle, *Norman*, pp. 133–4, 137–8; emphasis added.
24. William Adams Brown Jr., *England and the New Gold Standard, 1919–1926* (New Haven: Yale University Press, 1929), p. 55.
25. Boyle, *Norman*, p. 217.
26. *Ibid.* p. 185.
27. G. Balachandran, *John Bullion's Empire: Britain's Gold Problem and India Between the Wars* (Richmond, Surrey: Curzon Press, 1996), p. 64.
28. Maxwell S. Stewart, 'Silver – Its International Aspects', *Foreign Policy Reports*, Vol. VII, No. 13 (1931), p. 242.
29. Adams Brown, *England*, p. 84.
30. Balachandran, *John Bullion's Empire*, p. 91.
31. *Ibid.*, p. 89.
32. *Ibid.*, pp. 98, 100.
33. *Ibid.*, p. 202.
34. Boyle, *Norman*, p. 138.
35. Stanley Lebergott, *The Americans. An Economic Record* (New York: Norton & Co., 1984), p. 396.

36. Clay, *Lord Norman*, p. 129.
37. Boyle, *Norman*, p. 68.
38. Clay, *Lord Norman*, p. 135.
39. *Ibid.*, p. 132.
40. Barry Eichengreen, *Golden Fetters. The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939* (New York: Oxford University Press, 1992), p. 118.
41. Charles O. Hardy, *Is There Enough Gold?* (Washington DC: Brookings Institution, 1936), pp. 103, 153.
42. *Ibid.*, p. 154.
43. Marcello De Cecco, *Moneta e impero. Il sistema finanziario internazionale dal 1890 al 1914* (Torino: Piccola biblioteca Einaudi, 1979), p. 157.
44. Balachandran, *John Bullion's Empire*, p. 92.
45. William Adams Brown Jr., *The International Gold Standard Reinterpreted, 1914–1934* (New York: National Bureau of Economic Research, Inc., 1940), p. 295.
46. Hardy, *Enough Gold?*, p. 93.
47. Adams Brown, *Gold Standard*, p. 294.
48. *Ibid.*, p. 290.
49. *Ibid.*, p. 301.
50. Eichengreen, *Golden Fetters*, p. 164.
51. Boyle, *Norman*, pp. 147-8.
52. Melchior Palyi, *The Twilight of Gold 1914–1936. Myths and Realities* (Chicago: Henry Regnery Company, 1972), p. 144.
53. Hjalmar Schacht, *My First Seventy-six Years. The Autobiography of Hjalmar Schacht* (London: Allen Wingate, 1955), p. 131.
54. *Ibid.*
55. Anton Chaitkin, *Treason in America, from Aaron Burr to Averell Harriman*. (New York: New Benjamin Franklin House, 1985), p. 545.
56. *Ibid.*, p. 546; emphasis added.
57. Schacht, *Autobiography*, p. 188.
58. Clay, *Lord Norman*, p. 197.
59. Bank of England, G1/44–419, p. 123, quote from an article of Carl von Ossietzky on the *Weltbühne*, November 27, 1928.
60. Boyle, *Norman*, p. 169.
61. *Ibid.*, p. 171.
62. Schacht, *Autobiography*, p. 194.

63. Boyle, *Norman*, p. 171.
64. Charles L. Mowat, *Britain Between the Wars, 1918–1940* (Chicago: University of Chicago Press, 1955), p. 373.
65. Boyle, *Norman*, p. 159.
66. Geminello Alvi, *Dell'estremo occidente. Il secolo americano in Europa. Storie economiche* (Firenze: Marco Nardi Editore, 1993), p. 195.
67. *Ibid.*, p. 197.
68. Paul R. Leach, *That Man Dawes* (Chicago: Reilly & Lee Co., 1930), pp. 206–7.
69. *Ibid.*, p. 194.
70. Quigley, *Tragedy*, p. 308.
71. Alvi *Occidente*, pp. 197–8.
72. *Ibid.*, p. 199.
73. Maurice Callot, *Le mark allemand depuis 1924* (Paris: Librairie Arthur Rousseau, 1934), p. 20.
74. Boyle, *Norman*, p. 197.
75. Alvi, *Occidente*, p. 208.
76. Démètre Delivanis, *La politique des banques allemandes, en matière de crédit á court terme* (Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1934), p. 53.
77. Alvi, *Occidente*, p. 198.
78. Louis T. McFadden, *Collected Speeches of Congressman Louis T. McFadden, as Compiled from the Congressional Record* (Hawthorne, CA: Omni Publications, 1970), p. 204.
79. Quigley, *Tragedy*, p. 308.
80. Theo Balderston, *The Origins and Causes of the German Economic Crisis, November 1923 to May 1932* (Berlin: Haude & Spener, 1993), p. 134.
81. Garl T. Schmidt, *German Business Cycles, 1924–1933* (New York: National Bureau of Economic Research, 1934), p. 71.
82. Balderston, *Origins and Causes*, p. 140.
83. Garett Garrett, *The Rescue of Germany & As Noble Lenders* (New York: The Chemical Foundation, 1931), p. 3.
84. McFadden, *Collected Speeches*, p. 57.
85. Derek Aldcroft, *From Versailles to Wall Street, 1919–1929* (New York: Penguin Books, 1978), p. 90, and Quigley, *Tragedy*, p. 309.
86. Paul Oesterfeld, *La leggenda dell'oro* (Roma: Casa Editrice Mediterranea, 1943), pp. 171, 182–3.
87. Garrett, *Rescue of Germany*, pp. 36–40.

88. Arthur Rosenberg, *Storia della repubblica tedesca (Deutsche Republik)* (Roma: Edizioni Leonardo, 1945 [1934]), p. 193.
89. Kästner, *Fabian*, p. 33.
90. Rosenberg, *Storia della repubblica tedesca*, pp. 198, 199, 210.
91. Delivanis, *Politique des banques*, p. 52.
92. Joseph Borkin, *The Crime and Punishment of I. G. Farben* (New York: The Free Press, 1978), p. 7.
93. Richard Sasuly, *I. G. Farben* (New York: Boni & Gear, 1947), p. 40.
94. Borkin, *Crime and Punishment*, p. 21.
95. Ibid., p. 1.
96. Ibid., p. 28.
97. Anthony C. Sutton, *Wall Street and the Rise of Hitler* (Sudbury, Suffolk: Bloomfield Books, 1976), p. 33.
98. William Manchester, *The Arms of Krupp, 1857–1968* (Boston: Little, Brown and Company, 1968), pp. 348–50.
99. Borkin, *Crime and Punishment*, p. 45.
100. Ibid., p. 54.
101. Sasuly, *I. G. Farben*, p. 148.
102. Sutton, *Rise of Hitler*, p. 35.
103. Sasuly, *I. G. Farben*, p. 149.
104. Sutton, *Rise of Hitler*, pp. 35, 36.
105. Ibid., p. 22; emphasis added.
106. Andrej Gromyko, *L'espansione internazionale del capitale, storia e attualità* (Roma: Editori Riuniti, 1985 [1982]), p. 139.
107. Sutton, *Rise of Hitler*, pp. 51–66.
108. Palyi, *Twilight of Gold*, p. 155.
109. Quigley, *Tragedy*, p. 308.
110. Garrett, *Rescue of Germany*, p. 29.
111. Stephen V. O. Clarke, *Central Bank Cooperation, 1924–1931* (New York: Federal Reserve Bank of New York, 1967), p. 85.
112. Adams Brown, *England*, p. 206.
113. Ibid., pp. 213–14, 220–1, and Adams Brown, *Gold Standard*, 1940, p. 368.
114. В результате особых положений «Золотого акта» 1925 года, касающихся конвертируемости, доля золота в мировом денежном обращении равнялась к 1928 году до 8 процентов, в то время как в 1913 году эта доля составляла 45 процентов, при том что были

- закрыты китайский и индийский золотые запасы (Edwin F. Gay, «The Gold Problem», *Foreign affairs*, Vol. 9, January 1931, p. 198).
115. Quigley, *Tragedy*, p. 322.
 116. Rueff, *De l'aube au crépuscule*, p. 313.
 117. Hardy, *Enough Gold?*, p. 101; emphasis added.
 118. Emile Moreau, *Souvenirs d'un Gouverneur de la Banque de France, histoire de la stabilisation du franc (1926–1928)*. Paris: Librairie de Medicis, 1954), p. 48.
 119. Boyle, *Norman*, p. 194.
 120. Quigely, *Tragedy*, p. 326.
 121. Felix Somary, *Die Ursache der Krise* (Tübingen: J. C. B. Mohr, 1932), p. 11.
 122. *Ibid.*, pp. 4, 11–13.
 123. Moreau, *Souvenirs d'un Gouverneur*, p. 40. «Норман – очень жесткий бизнесмен, и очень умный».
 124. *Ibid.*, pp. 48–9.
 125. Alfred Sauvy, *Histoire économique de la France entre les deux guerres* (Paris: Fayard, 1965), p. 158.
 126. McFadden, *Collected Speeches*, p. 158.
 127. Moreau, *Souvenirs d'un Gouverneur*, p. 308.
 128. Boyle, *Norman*, p. 228.
 129. Clay, *Lord Norman*, p. 486.
 130. Boyle, *Norman*, p. 135.
 131. *Ibid.*, p. 228.
 132. Moreau, *Souvenirs d'un Gouverneur*, pp. 329–31. f
 133. *Ibid.*, p. 333.
 134. Aldcroft, *From Versailles to Wall Street*, pp. 165–6.
 135. Clay, *Lord Norman*, p. 484.
 136. Clarke, *Central Bank Cooperation*, p. 124.
 137. George B. Robinson, *Monetary Mischief* (New York: Columbia University Press, 1935), p. 30.
 138. Hardy, *Enough Gold?*, p. 155.
 139. Adams Brown, *Gold Standard*, p. 487.
 140. Clarke, *Central Bank Cooperation*, pp. 130, 134.
 141. Moreau, *Souvenirs d'un Gouverneur*, p. 383.
 142. Diane Kunz, *The Battle for Britain's Gold Standard in 1931* (London: Croom Helm, 1987), p. 18.

143. Bank of England, G1/453, Norman to Schacht, 11 December 1928.
144. Clarke, *Central Bank Cooperation*, p. 157.
145. Robinson, *Monetary Mischief*, p. 43.
146. J. R. Levien, *Anatomy of a Crash – 1929* (New York: Traders Press, 1966), p. 45.
147. Alexander Dana Noyes, *The Market Place. Reminiscences of a Financial Editor* (Boston: Little, Brown & Company, 1938), pp. 329, 330.
148. Francis W. Hirst, *Wall Street and Lombard Street. The Stock Exchange Slump of 1929 and the Trade Depression of 1930* (New York: Macmillan Company, 1931), pp. 6, 9.
149. Robinson, *Monetary Mischief*, p. 37.
150. Frank Simonds, *Can Europe Keep the Peace?* (New York: Blue Ribbon Books, Inc., 1934), p. 307.
151. Lago Gil Aguado, 'The Creditanstalt Crisis of 1931 and the Failure of the Austro-German Customs Union Project', *Historical Journal*, Vol. 44, No. 1 (2001), p. 201.
152. Lionel Robbins, *The Great Depression* (New York: Macmillan Company, 1934), p. 28, and Rueff, *De l'aube au crépuscule*, p. 301.
153. R. J. Truptil, *British Banks and the London Money Market* (London: Jonathan Cape, 1936), p. 289.
154. Walter A. Morton, *British Finance, 1930–1940* (New York: Arno Press, 1978), pp. 32–4.
155. Clay, *Lord Norman*, p. 396.
156. Boyle, *Norman*, p. 263.
157. Clarke, *Central Bank Cooperation*, p. 203.
158. Kunz, *The Battle*, p. 84.
159. McFadden, *Collected Speeches*, p. 229.
160. Kunz, *The Battle*, p. 91.
161. *Ibid.*, pp. 122, 130.
162. Paul Einzig, *The Tragedy of the Pound* (London: Kegan, Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1932), pp. 90–1.
163. Adams Brown, *Gold Standard*, p. 1015.
164. Clarke, *Central Bank Cooperation*, p. 214.
165. *Ibid.*
166. Palyi, *Twilight of Gold*, p. 155.
167. D. E. Moggridge, *British Monetary Policy, 1924–1931. The Norman conquest of \$4.86* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972), pp. 184, 185.

168. Morton, *British Finance*, p. 45; emphasis added.
169. Williams, *Pattern*, p. 210.
170. Morton, *British Finance*, p. 46.
171. Boyle, *Norman*, p. 275.
172. Palyi, *Twilight of Gold*, p. 272.
173. Kindleberger, *The World in Depression, 1929–1939* (New York: Penguin Books, 1987), p. 157.
174. Robert Wolff, *Économie et finances de la France, passe et avenir* (New York: Brentano's, 1943), p. 175.
175. Hardy, *Enough Gold?*, p. 92.
176. Francis W. Hirst, *Money, Gold, Silver and Paper* (New York: Charles Scribner's Sons, 1934), p. 162, and Balachandran, *John Bullion's Empire*, p. 152.
177. Balachandran, *John Bullion's Empire*, p. 177.
178. Alvi, *Occidente*, p. 376.
179. Balachandran, *John Bullion's Empire*, p. 181.
180. Clarke, *Central Bank Cooperation*, p. 218.
181. John Hargrave, *Montagu Norman* (New York: Greystone Press, 1942), pp. 308–10.
182. I. Benoist-Méchin, *Histoire de l'armée allemande* (Paris: Éditions Albin Michel, 1966), Vol. 3, p. 11.
183. Chaitkin, *Treason in America*, p. 541.
184. Martin Broszat, *Hitler and the Collapse of Weimar Germany* (Leamington Spa: Berg, 1987 [1984]), p. 65.
185. Schacht, *Autobiography*, pp. 230–1.
186. Broszat, *Hitler and the Collapse*, p. 66.
187. Ian Kershaw, *Hitler: 1889–1936: Hubris* (New York: W. W. Norton & Co., 1998), p. 318.
188. Edward H. Carr, *German-Soviet Relations between the Two World Wars, 1914–1939* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1951), p. 36.
189. Dimitri Volkogonov, *Trotsky, the Eternal Revolutionary* (New York: The Free Press), p. 270. [Дмитрий Волкогонов, «Троцкий. Политический портрет». Москва, Новости, 1994 г.]
190. George F. Kennan, *Russia and the West under Lenin and Stalin* (Boston: Little, Brown & C., 1960), p. 286.
191. Ibid.
192. Simonds, *Can Europe Keep the Peace?*, p. 306.

193. Hjalmar Schacht, *Das Ende der Reparationen* (Oldenburg: Gerhard Stalling, 1931), pp. 97–127.
194. Alvi, *Occidente*, p. 318.
195. Rosenberg, *Storia della repubblica tedesca*, p. 204.
196. Broszat, *Hitler and the Collapse*, p. 83.
197. Balderston, *Origins and Causes*, p. 313.
198. Eichengreen, *Golden Fetters*, p. 272.
199. Simonds, *Can Europe Keep the Peace?*, pp. 151–2.
200. Karl Erich Born, *Die deutsche Bankenkrise 1931, Finanzen und Politik* (München: R. Piper & Co. Verlag, 1967), p. 100.
201. Boyle, *Norman*, p. 260.
202. Clarke, *Central Bank Cooperation*, p. 196.
203. Adams Brown, *Gold Standard*, p. 1045.
204. Alvi, *Occidente*, pp. 512–13, and René Alleau, *Hitler et les sociétés secrètes. Enquête sur les sources occultées du nazisme* (Paris: Éditions Bernard Grasset, 1969), p. 209.
205. Eustace Mullins, *Secrets of the Federal Reserve. The London Connection* (Staunton, VA: Bankers Research Institute, 1991), pp. 81, 98.
206. Paul M. Kennedy, *The Rise of Anglo-German Antagonism, 1860–1914* (London: Ashfield Press, 1980), p. 304.
207. Arnold, *The Bankers*, p. 23.
208. Truptil, *British Banks*, p. 148.
209. David Williamson, *The British in Germany, 1918–1933. The Reluctant Occupiers* (New York: Berg Publishers, 1991), p. 43.
210. Broszat, *Hitler and the Collapse*, p. 90.
211. Leon Trotsky, *The Struggle Against Fascism in Germany* (New York: Pathfinder Press, 1971 [1931–33]), p. 338.
212. Aldcroft, *From Versailles to Wall Street*, p. 95.
213. Garrett, *The Rescue of Germany*, p. 72.
214. Hans Mommsen, *The Rise & Fall of the Weimar Democracy* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989), p. 339.
215. Udo Kissenkoetter, *Gregor Straßer und die NSDAP* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978), p. 120.
216. Quigley, *Tragedy*, p. 433.
217. Henry A. Turner Jr., *German Big Business and the Rise of Hitler* (Oxford: Oxford University Press, 1985), p. 117.
218. Quigley, *Tragedy*, pp. 429–30.

219. Tarpley and Chaitkin, *Bush Biography*, pp. 29–31; information recently reconfirmed in the Sarasota Herald Tribune, November 12, 2000.
220. Robert Dell, *Germany Unmasked* (London: Martin Hopkins Ltd., 1934), pp. 61–70.
221. Kershaw, *Hubris*, p. 404.
222. Benoist-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 3, p. 77.
223. Heinrich August Winkler, *La repubblica di Weimar, 1918–1933: storia della prima repubblica tedesca* (Roma: Donzelli Editore, 1998 [1993]), pp. 651–652.
224. Ivan Maisky, *Who Helped Hitler?* (London: Hutchinson, 1964 [1962]), pp. 16; 19.
225. Quigley, *Tragedy*, p. 433.
226. James Pool and Suzanne Pool, *Who Financed Hitler. The Secret Funding of Hitler's Rise to Power, 1919–1933* (London: MacDonald and Jane's), p. 444.
227. Karl R. Bopp, *Hjalmar Schacht: Central Banker* (University of Missouri Studies, 1939), p. 62.
228. Stewart A. Stehlin, *Weimar and the Vatican, 1919–1933* (Princeton: Princeton University Press, 1983), p. 365.
229. Winkler, *Weimar*, p. 671.
230. John Gunther, *Inside Europe* (New York: Harper and Brothers, 1938), 41.
231. Hargrave, *Montagu Norman*, pp. 219–20.

Chapter 5

1. Reinhold Hoops, *Englands Selbst-täuschung* (Berlin: Zentralverlag NSDAP Franz Eher Nachfolger GmbH, 1940), p. 37.
2. Adolf Hitler, *Hitler's Secret Conversations 1941–1944* (New York: Farrar, Straus & Young, 1953), pp. 166, 259, 534, 507.
3. Ernst Jünger, *On the Marble Cliffs* (Norfolk, CT: New Directions, 1947, p. 93.
4. Johann Wolfgang von Goethe, *Goethe's Faust Part Two* (Prose translation by Max Dietz) (Pennsylvania: Bryn Mawr, 1949), p. 191.
5. Klaus Fischer, *Nazi Germany. A New History* (New York: Continuum, 1996), p. 268.
6. Carroll Quigley, *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time* (New York: Macmillan Company, 1966), p. 430.
7. I. Benoist-Méchin, *Histoire del'armée allemande* (Paris: Éditions Albin Michel, 1966), Vol. 3, p. 87.

8. Jacques Delarue, *Gestapo. A History of Horror* (New York: Dell, 1964), p. 65.
9. Ibid.
10. John Toland, *Adolf Hitler* (Garden City, NY: Doubleday & Co., 1976), p. 569.
11. Fischer, *Nazi Germany*, p. 272.
12. Joseph Borkin, *The Crime and Punishment of I. G. Farben* (New York: The Free Press, 1978), p. 56.
13. John Cornwall, *Hitler's Pope. The Secret History of Pius XII* (New York: Viking, 1999), p. 154.
14. Hans Mommsen, 'The Reichstag Fire and Its Political Consequences', in Hajo Holborn (ed.), *Republic to Reich. The Making of the Nazi Revolution. Ten Essays* (New York: Vintage, 1972), p. 147.
15. André François-Poncet, *The Fateful Years. Memoirs of a French Ambassador in Berlin, 1931-1938* (London: Victor Gollancz, 1949), p. 55.
16. Mommsen, 'Reichstag Fire', p. 150.
17. Delarue, *Gestapo*, p. 67.
18. Max Gallo, *The Night of the Long Knives* (New York: Da Capo Press, 1997 [1972]), pp. 41-2.
19. John Weitz, *Hitler's Banker: Hjalmar Horace Greeley Schacht* (Boston: Little, Brown & Company, 1997), p. 140.
20. Delarue, *Gestapo*, pp. 70-71.
21. François-Poncet, *Fateful Years*, p. 55.
22. Fischer, *Nazi Germany*, p. 285.
23. Ibid.
24. Gallo, *Long Knives*, p. 100.
25. Delarue, *Gestapo*, p. 141.
26. Douglas Reed, *The Prisoner of Ottawa, Otto Strasser* (London: Jonathan Cape, 1953).
27. Ian Kershaw, *Hitler: 1889-1936: Hubris* (New York: W. W. Norton & Co., 1998), p. 515.
28. François-Poncet, *Fateful Years*, p. 133.
29. Ibid., p. 153.
30. Edmond Vermeil, *Germany's Three Reichs. Their History and Culture* (London: Andrew Dakers Limited, 1945), p. 291.
31. Paul Maquenne, *L'hérésie économique allemande* (Paris: Guerre 39, Union Latine, 1940), p.115.
32. François-Poncet, *Fateful Years*, p. 221.

33. Hans Ulrich Thamer, *Terzo Reich (Verführung und Gewalt, Deutschland 1933–1945)* (Bologna: Il Mulino, 1993 [1986]), p. 222.
34. Hjalmar Schacht, *My First Seventy-six Years: The Autobiography of Hjalmar Schacht* (London: Alien Wingate, 1955), p. 295.
35. Karl Erich Born, *Die Deutsche Bankenkrise 1931, Finanzen und Politik* (München: R. Piper & Co. Verlag, 1967), p. 118.
36. N. J. Johannsen, *A Neglected Point in Connection with Crises* (New York: Augustus M. Kelley Publishers, 1971 [1908]), pp. 35, 80; emphasis added.
37. Born, *Deutsche Bankenkrise*, pp. 174ff.
38. Karl Schiller, *Arbeitsbeschaffung und Finanzordnung in Deutschland* (Berlin: Junker und Dünnhaupt Verlag, 1936), pp. 35–67.
39. Jan Marczewski, *Politique monétaire et financière du III Reich* (Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1941), p. 58.
40. Kenyon Poole, *German Financial Policies 1932–1939* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1939), p. 37.
41. Marczewski, *Politique monétaire*, pp. 32–3.
42. Poole, *German Financial Policies*, p. 47.
43. Schacht, *Autobiography*, p. 297.
44. Gallo, *Long Knives*, p. 158.
45. Schacht, *Autobiography*, p. 320.
46. Weitz, *Hitler's Banker*, p. 157.
47. Norbert Mühlen, *Schacht: Hitler's Magician. The Life and Loans of of Dr. Hjalmar Schacht* (New York: Alliance Book Corporation, 1939), p. 157.
48. Schacht, *Autobiography*, p. 302.
49. Peter Padfield, *Himmler, Reichsführer-SS* (London: Macmillan, 1990), p. 115.
50. Hitler, *Secret Conversations*, p. 350.
51. Edward Norman Peterson, *Hjalmar Schacht: For and Against Hitler* (Boston: Christopher Publishing House, 1954), p. 149; emphasis added.
52. Poole, *German Financial Policies*, p. 29.
53. R. J. Overy, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford: Clarendon Press, 1994), p. 38.
54. Otto Nathan, *Nazi War Finance and Banking* (NBER Paper No. 20, 1944), p. 43.
55. Samuel Lurie, *Private Investment in a Controlled Economy* (New York: Columbia University Press, 1947), p. 15.

56. Ibid., pp. 58–9.
57. Thamer, *Terzo Reich*, p. 414.
58. Avraham Barkai, *Nazi Economics. Ideology, Theory and Policy* (New Haven: Yale University Press, 1990), p. 165.
59. Hitler, *Secret Conversations*, p. 372.
60. Poole, *German Financial Policies*, p. 111.
61. Lurie, *Private Investment*, p. 36, and Barkai, *Nazi Economics*, p. 255.
62. Marczewski, *Politique monétaire*, p. 88.
63. Poole, *German Financial Policies*, pp. 118–20.
64. Lurie, *Private Investment*, p. 158.
65. Ibid., p. 59.
66. Ibid., pp. 57–8, 154.
67. Barkai, *Nazi Economics*, p. 158.
68. Bank of England, OV 34/9, from two memoranda, respectively, by G. H. S. Pinsent, 6 December 1938 (p. 79), and C. F. Cobbold, 24 August 1939 (p. 231).
69. Overy, *War and Economy*, p. 42.
70. David Schoenbaum, *Hitler's Social Revolution. Class and Status in Nazi Germany, 1933–1939* (New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1980 [1966]), pp. 145–8.
71. Schacht, *Autobiography*, p. 317.
72. Fischer, *Nazi Germany*, p. 377.
73. Stephen Roberts, *The House That Hitler Built* (New York: Harper & Brothers Publishers, 1938), p. 172.
74. H. W. Arndt, *The Economic Lessons of the Nineteen Thirties* (London: Oxford University Press, 1944), pp. 187–8.
75. Bruno Bettelheim, *L'économie allemande sous le nazisme: un aspect de la décadence du capitalisme* (Paris: Librairie Marcel Rivière et Cie., 1946), p. 180.
76. Mühlen, *Schacht*, pp. 120–35.
77. Weitz, *Hitler's Banker*, p. 206.
78. Neil Forbes, *Doing Business With the Nazis. Britain's Economic and Financial Relations With Germany, 1931–1939* (London: Frank Cass, 2000), p. 97.
79. Ibid., p. 107.
80. Cleona Lewis, *Nazi Europe and World Trade* (Washington DC: Brookings Institution, 1941), p. 16.
81. Forbes, *Doing Business*, p. 181.

82. Английский банк, Документ 34/201, стр. 10, меморандум, датированный 14 октября 1934 года, в котором говорится о моратории по ценным бумагам, выданным по выделенным до июля 1931 года кредитным линиям (выделено мною.— Г. П.), что можно расценить, как обеспечение для начала нового цикла заимствований германским импортерам через такие краткосрочные ценные бумаги, которые возобновлялись тотчас после их оплаты.
83. John Gimther, *Inside Europe* (New York: Harper & Brothers, 1938), p. 99.
84. Forbes, *Doing Business*, pp. 113, 116.
85. Ibid., pp. 173, 174.
86. Mühlen, *Schacht*, p. 35.
87. Martin Gilbert, *The Roots of Appeasement* (New York: New American Library, 1966), p. 155.
88. Henry Clay, Lord Norman (London: Macmillan & Co., 1957), pp. 318–22.
89. Dorothy Woodman, *Hitler Rearms. An Exposure of Germany's War Plans* (London: John Lane; Bodley Head Limited, 1934), p. 201.
90. John Hargrave, *Montagu Norman* (New York: Greystone Press, 1942), p. 218.
91. Ernst Hanfstaengl, *Hitler: The Missing Years* (New York: Arcade Publishing, 1994 [1957]), p. 204.
92. Anthony Sutton, *Wall Street and the Rise of Hitler* (Sudbury: Suffolk: Bloomfield Books, 1976), pp. 15–16.
93. William Dodd, *Ambassador Dodd's Diary, 1933–1938* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1941), pp. 166, 170, 176.
94. Bettelheim, *L'économie allemande*, p. 78.
95. Charles Higham, *Trading With the Enemy: An Expose of the Nazi-American Money Plot, 1933–1949* (New York: Delacorte Press, 1983), p. xvi.
96. Andrej Gromyko, *Uespansione internazionale del capitale, storia e attualità* (Roma: Editori Riuniti, 1985 [1982]), p. 151.
97. Padfield, *Himmler*, p. 206.
98. Schacht, *Autobiography*, p. 370.
99. Ibid. pp. 366ff.
100. Padfield, *Himmler*, p. 208.
101. Hitler, *Secret Conversations*, pp. 514–15.
102. Weitz, *Hitler's Banker*, p. 240.
103. Schacht, *Autobiography*, pp. 383–4.
104. Ron Chernow, *The Warburgs. The Twentieth-Century Odyssey of a Remarkable Jewish Family* (New York: Random House, 1993), pp. 480–5.
105. Gilbert, *Appeasement*, pp. 138–50.
106. Quigley, *Tragedy*, p. 581.
107. Gunther, *Inside Europe*, p. 278.

108. Carroll Quigley, *The Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden* (San Pedro, CA: GSG & Associates Publishers, 1981), pp. 227–8.
109. Quigley, *Tragedy*, p. 653.
110. *Ibid.*, p. 582.
111. Gilbert, *Appeasement*, pp. 79–80.
112. *Ibid.*, p. 120.
113. Louis Kilzer, *Churchill's Deception. The Dark Secret that Destroyed Germany* (New York: Simon & Schuster, 1994), p. 117.
114. François-Poncet, *Fateful Years*, pp. 152–3.
115. Цитата приведена в книге Клемента Лейбовича (Clement Leibowitz) и Алвина Финкеля (Alvin Finkel): *In Our Time. The Chamberlain-Hitler Collusion* (New York: Monthly Review Press, 1998), p. 23.
116. Ivan Maisky, *Who Helped Hitler?* (London: Hutchinson, 1964 [1962]), p. 55.
117. David Irving, *Churchill's War: Vol. 1, The Struggle for Power* (Bullsbrook, Australia: Veritas Publishing Company, 1987), pp. 39–40.
118. Charles Higham, *The Duchess of Windsor. The Secret Life* (New York: McGraw&Hill, 1988), p. 109.
119. Peter Alien, *The Windsor Secret. New Revelations of the Nazi connections* (New York: Stein & Day Publishers, 1984), p. 34.
120. Paul Schmidt, *Da Versaglia a Norimberga* (Roma: L'arnia, 1951), pp. 271–80.
121. Benoist-Mechin, *Armée allemande*, Vol. 3, p. 263.
122. Schmidt, *Da Versaglia*, p. 291.
123. Benoist-Mechin, *Armée allemande*, Vol. 3, p. 267.
124. Hanfstaengl, *Missing Years*, p. 228.
125. Higham, *Duchess of Windsor*, p. 117.
126. Schmidt, *Da Versaglia*, p. 293.
127. Higham, *Duchess of Windsor*, p. 130.
128. Alien, *Windsor Secret*, p. 68.
129. Maisky, *Who Helped Hitler?*, p. 57.
130. Hitler, *Secret Conversations*, pp. 556–7.
131. Hajo Holborn, *A History of Modern Germany* (Princeton: Princeton University Press, 1969), p. 769.
132. Alien, *Windsor Secret*, p. 69.
133. Benoist-Mechin, *Armée allemande*, Vol. 3, pp. 286–95.
134. Irving, *Churchill's War*, pp. 54–5.
135. Alfred Smith, *Rudolf Hess and Germany's Reluctant War, 1939–1941* (Sussex: Book Guild Ltd., 2001), p. 61.

136. George Lentin, *Lloyd George and the Lost Peace. From Versailles to Hitler, 1919–1940* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001), p. 103.
137. Ibid., p. 99.
138. Lord Beaverbrook, *The Abdication of King Edward VIII* (New York: Atheneum, 1966), p. 63.
139. Higham, *Duchess of Windsor*, p. 188.
140. Alien, *Windsor Secret*, p. 97.
141. Greg King, *The Duchess of Windsor. The Uncommon Life of Wallis Simpson* (New York: Citadel Press, 1999), p. 280.
142. Quigley, *Tragedy*, p. 583.
143. Ibid., p. 777.
144. Benoist-Mechin, *Armée allemande*, Vol. 5, p. 307.
145. Ibid., Vol. 5, pp. 340–5.
146. Quigley, *Anglo-American Establishment*, pp. 286–8.
147. Quigley, *Tragedy*, p. 631.
148. Ibid., p. 627.
149. Ibid., p. 633.
150. Leibovitz and Finkel, *In Our Time*, p. 144.
151. Ibid., p. 182.
152. Alien, *Windsor Secret*, p. 253.
153. Quigley, *Tragedy*, pp. 642–3.
154. Ibid., p. 646.
155. Ibid., p. 648.
156. Benoist-Mechin, *Armée allemande*, Vol. 6, p. 179.
157. David Irving, *The War Path: Hitler's Germany, 1933–1939* (London: Michael Joseph, 1978), p. 193.
158. Leibovitz and Finkel, *In Our Time*, p. 208.
159. Ibid., pp. 256, 232.
160. Irving, *Churchill's War*, pp. 167–8.
161. Kilzer, *Churchill's Deception*, p. 124.
162. Simon S. Montefiore, *Stalin, the Court of the Red Tsar* (New York: Alfred Knopf, 2004), p. 307.
163. Angiolo Forzoni, *Rublo. Storia civile e monetaria delle Russia da Ivan a Stalin* (Roma: Valerio Levi Editore, 1991), p. 533.
164. Irving, *Churchill's War*, p. 61.
165. Ibid., p. 162.

166. Edward Radzinsky, *Stalin* (New York: Doubleday, 1996), p. 323. (Э. С. Радзинский «Сталин: жизнь и смерть», изд-во «Вагриус»).
167. Montefiore, *Stalin*, p. 222.
168. Benoist-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 4, pp. 210–70.
169. W. G. Krivitsky, *In Stalin's Secret Service* (New York: Enigma Books, 2000 [1941]). pp. 205–8.
170. *Ibid.*, p. 12.
171. Edward E. Ericson, *Feeding the German Eagle. Soviet Economic Aid to Nazi Germany, 1933–1941* (Westport, CA: Praeger, 1999), p. 182, and Thamer, Terzo Reich, p. 793.
172. David Irving, *Hitler's War* (New York: Avon Books, 1990), p. 360.
173. Quigley, *Anglo-American Establishment*, p. 298.
174. Maisky, *Who Helped Hitler?*, p. 171.
175. Montefiore, *Stalin*, p. 312.
176. Jünger, *Marble Cliffs*, 1947.
177. Исследованию вопроса о мавританцах Юнгера посвящена книга Jülien Hervier *Deux individus cintre l'histoire: Pierre Drieu la Rochelle; Ernst Jünger* (Paris: Editions Klincksieck, 1978), p. 191.
178. Benoist-Méchin, *Armée allemande*, Vol. 3, p. 23.
179. Irving, *Churchill's War*, p. 193.
180. Smith, *Rudolf Hess*, p. 109.
181. Quigley, *Tragedy*, p. 667.
182. Cornwell, *Hitler's Pope*, p. 236.
183. *Ibid.*, p. 238.
184. Smith, *Rudolf Hess*, p. 138.
185. Leibovitz and Finkel, *In Our Time*, p. 231.
186. Higham, *Duchess of Windsor*, p. 276.
187. Kilzer, *Churchill's Deception*, p. 231.
188. *Ibid.*, p. 229.
189. Higham, *Duchess of Windsor*, p. 265.
190. Alien, *Windsor Secret*, p. 200.
191. Irving, *Churchill's War*, p. 379; Irving, *Hitler's War*, p. 306.
192. Irving, *Churchill's War*, p. 376.
193. Alien, *Windsor Secret*, pp. 224–33, and Smith, *Rudolf Hess*, p. 245.
194. Michael Veranov (Ed.), *The Mammoth Book of the Third Reich at War* (New York: Carroll & Graf Publishers Inc. 1997), p. 141.

195. Smith, *Rudolf Hess*, p. 55.
196. Irving, *Churchill's War*, p. 193.
197. Quigley, *Tragedy*, p. 715.
198. Irving, *Churchill's War*, pp. 483–9.
199. Quigley, *Tragedy*, p. 720.
200. Kilzer, *Churchill's Deception*, p. 270.
201. Irving, *Hitler's War*, p. 358.
202. Hugh Thomas, *The Murder of Rudolf Hess* (New York: Harper & Row Publishers, 1979).
203. Richard Deacon, *A History of the British Secret Service* (London: Frederick Muller, 1969), p. 319.
204. Alien, *Windsor Secret*, p. 261.
205. Gordon Thomas, *Journey into Madness. The True story of Secret CIA Mind Control and Medical Abuse* (New York: Bantam Books, 1989), pp. 152–3.
206. International Military Tribunal, *Trial of the Major War Criminals, 14 November 1945–1 October 1946, Vol. XXII* (Nuremberg, 1948), pp. 368–72.
207. John K. Lattimer, *Hitler & the Nazi Leaders. A Unique Insight into Evil* (New York: Hippocrene Books, Inc., 2001), pp. 109–17.
208. Smith, *Rudolf Hess*, pp. 457–8.
209. Edmund Walsh, *Total Power. A Footnote to History* (New York: Doubleday & Company, 1948), p. 9.
210. Kilzer, *Churchill's Deception*, p. 283.
211. В недавно вышедшей книге Мартина Аллена, озаглавленной «The Hitler/Hess Deception» (London: HarperCollins, 2004), автор утверждает, что нашел, наконец разгадку тайны Гесса. Очень хотелось бы, чтобы это было правдой. Аллен «открыл» новые архивные документы, доказывающие, что партия мира, делавшая многозначительные намеки немецким правителям вплоть до прилета в Англию Гесса, была всего лишь фикцией, созданной британской секретной службой. Далее Аллен утверждает, что все дипломатические уловки, хитрости и мошенничества, продемонстрированные в период с 1940 по 1941 год такими «выдающимися марионетками», как Хор, Галифакс и иже с ними, только для того, чтобы заманить нацистов в западню, придали окончательную полноту и завершенность дезинформации, задуманной и осуществленной в Уобернском аббатстве, где располагался особый отдел разведки, занимавшийся разработкой специальных операций. Эта дезинформация и обман противника имели целью, прежде всего, отвести опустошительный удар рвавшихся

в бой нацистов от Среднего Востока и Средиземноморского побережья, направив этот удар против Советской России. Таким образом, представляется, что находки Аллена всего лишь подтверждают самое простое предположение, которое не раз на протяжении, по меньшей мере, двух десятилетий высказывалось учеными, исследовавшими этот вопрос. Например, Луис Килцер уже высказывал свои догадки на эту тему в книге «Churchill's Desertion» — но эту работу Аллен добросовестно игнорирует. Более того, и это кажется еще более важным, Килцер задает себе вопрос: не явились ли три страшных года необузданных нацистских зверств на Востоке наградой Британии за добровольное пленение Гесса Аллен не обсуждает ни одну из этих ключевых проблем; не объясняет он и того, как именно были одурочены нацисты, если миссия Гесса в конечном итоге закончилась провалом, а именно это автор, рассматривая шотландский экспромт Гесса с традиционной точки зрения, и старается опровергнуть. Иными словами, остается совершенно непонятным, по какой причине Гитлер отважился на осуществление плана «Барбаросса», несмотря на то что не получил от Британии отчетливых гарантий того, что она не ударит его в спину с Запада, когда он обрушится на Восток. Мы не понимаем, зачем автор еще раз занимает наше внимание рассказом истории о том, как «нацистский бонза выпрыгнул с парашютом над Дангэйвелским имением», если мы, в который уже раз, должны считать этот эпизод дипломатическим фиаско. Аллен тщательно объясняет причину этого ужасного обмана (он будет стоить жизни десяткам миллионов людей) «отчаянным» положением, в каком оказалась Британская империя весной 1941 года; нам предлагают принять это как «циничную политику самозащиты», к которой правители империи были вынуждены прибегнуть как к последнему средству «пережить годину военных бедствий». Суть книги, таким образом, заключается в том, что такой обман, который вообще сработал бог знает как, был неизбежной ценой, которую пришлось уплатить, чтобы Британская империя выстояла до тех пор, пока нацизм, хуже которого не может быть ничего на свете (вечное молчаливое допущение), не будет разбит на Западе американцами, а на Востоке (хотя это и не очень желательно) русскими. На это мы можем ответить, что если даже обстановка 1941 года действительно была бы критической для Британской империи, то стоит вспомнить, что эта обстановка была создана самой Британией — и, очевидно, не случайно. Этот страшный ход событий, ставший результатом безумных положений Версальского договора 1919 года; Британия сделала все, что могла для создания версальской системы (надо сказать, блистательно сделала), и, в конце

- концов, она увенчала свои западные амбиции уничтожением Германии и подчинением Европы англо-американскому диктату.
212. Dmitri Volkogonov, *Stalin. Triumph and Tragedy* (New York: Grove Weidenfeld, 1991), p. 485. (Дмитрий Волкогионов «Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина»).
 213. Radzinsky, *Stalin*, p. 497.
 214. Quigley, *Tragedy*, p. 758.
 215. Hitler, *Secret Conversations*, p. 208.
 216. Michael Bloch, *Operation Willi. The Plot to Kidnap the Duke of Windsor, July 1940* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1984), p. 223.
 217. Volkogonov, *Stalin*, p. 485.

Часть 6

1. Charles Higham, *Trading With the Enemy: An Exposé of the Nazi-American Money Plot, 1933–1949* (New York: Delacorte Press, 1983), pp. 8-20.
2. Alfred Smith, *Rudolf Hess and Germany's Reluctant War, 1939–1941* (Sussex: Book Guild Ltd., 2001), pp. 341–391.
3. Charles Kindleberger, *The World in Depression, 1929–1939* (New York: Penguin Books, 1987), p. 39.
4. Пола Сэмюэлсона цитирует Кеннет Мур: Kenneth Moure, *The Gold Standard Illusion. France, the Bank of France, and the International Gold Standard, 1914–1939* (Oxford: Oxford University Press, 2002), p. 4 (курсив мой, Г. П.).
5. Kindleberger, *World in Depression*, pp. 32, 52; emphasis added.
6. Stephen Clarke, *Central Bank Cooperation, 1924–1931* (New York: Federal Reserve Bank of New York, 1967), p. 142.
7. Henry Ashby Turner Jr., *German Big Business and the Rise of Hitler* (Oxford: Oxford University Press, 1987), pp. 314–15; emphasis added.
8. R. H. Knickerbocker, *Is Tomorrow Hitler's?* (New York: Reynal & Hitchcock, 1941), p. 271.
9. Martin Gilbert, *The Roots of Appeasement* (New York: New American Library, 1966), p. 187.
10. Martin Alien, *The Hitler/Hess Deception* (London: HarperCollins, 2004), pp. xviii, 72.
11. Hjalmar Schacht, 1933: *Wie eine Demokratie stirbt* (Düsseldorf: Econ-Verlag, 1968), p. 88.
12. Peter Alien, *The Windsor Secret New Revelations of the Nazi Connections* (New York: Stein & Day Publishers, 1984), p. 98.

13. Klaus Fischer, *Nazi Germany. A New History* (New York: Continuum, 1996), p. 443.
14. Dan P. Silverman, *Hitler's Economy. Nazi Work Creation Programs, 1933–1936* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998), pp. 146, 243.
15. F. W. Henning, 'Die zeitliche Einordnung der Überwindung der Wirtschaftskrise in Deutschland in Harald Winkel (ed.)', *Finanz- und Wirtschaftspolititische Fragen der Zwischenkriegszeit, Band 73* (Berlin: Duncker & Humblot, 1973).
16. Pierre Ayçoberry, *The Social History of the Third Reich, 1933–1945* (New York: The New Press, 1999), p. 158.
17. John Cornwell, *Hitler's Pope. The Secret History of Pius XII* (New York: Viking, 1999), p. 328.
18. John Weitz, *Hitler's Banker: Hjalmar Horace Greeley Schacht* (Boston: Little, Brown & Company, 1997), p. 243.
19. Согласно сообщению американского военного атташе в Лондоне, утверждавшего, что он говорил с Гессом после прилета последнего в Англию, заместитель фюрера, предположительно, признался свидетелемствовавшему его британскому психиатру, что нацисты готовы начать истребление евреев [Louis Kilzer, *Churchill's deception. The Dark Secret that Destroyed Germany* (New York: Simon & Schuster, 1994), pp. 60–2]. Более того, автор — Альфред Смит — сообщает, что 13 мая 1941 года, всего через три дня после приземления Гесса, Черчилль направил памятную записку своему коллеге, Энтони Идену... Записка заканчивалась следующими словами: «Подобно другим нацистским лидерам, этот человек — потенциальный военный преступник, он и его сподвижники могут быть объявлены вне закона в конце войны. Его раскаяние здесь может пойти ему на пользу». Смит задает вопрос: «Почему Черчилль пишет о Гессе, как о потенциальном военном преступнике?.. «Преступления против человечества» и, в частности, холокост, не имели места вплоть до начала операции «Барбаросса» в июне 1941 года, то есть в течение месяца после полета Гесса». Смит заключает: «Единственное умозаключение, придающее смысл ремарке Черчилля, состоит в том, что он знал о военных преступлениях, которые должны были совершиться в будущем» (Smith, *Rudolf Hess*, p. 341).

Избранная библиография

- Adams Brown, William Jr. 1929. *England and the New Gold Standard, 1919–1926*. New Haven: Yale University Press.
- Adams Brown, William Jr. 1940. *The International Gold Standard Reinterpreted, 1914–1934*. New York: National Bureau of Economic Research, Inc.
- Aguado, Lago Gil. 2001. 'The Creditanstalt Crisis of 1931 and the Failure of the Austro-German Customs Union Project', *Historical Journal*, Vol. 44, No. 1.
- Aldcroft, Derek A. 1978. *From Versailles to Wall Street, 1919–1929*. New York: Penguin Books.
- Alleau, René. 1969. *Hitler et les sociétés secrètes. Enquête sur les sources occultes du nazisme*. Paris: Éditions Bernard Grasset.
- Alien, Martin. 2004. *The Hitler/Hess Deception*. London: HarperCollins.
- Alien, Peter. 1984. *The Windsor Secret New Revelations of the Nazi Connections*. New York: Stein & Day Publishers.
- Alvi, Geminello. 1993. *Dell'estremo occidente. Il secolo americano in Europa. Stone economidie*. Firenze: Marco Nardi Editore.
- Angebert, Jean-Michel. 1974. *The Occult and the Reich. The Mystical Origins Nazism and the Search for the Holy Grail*. New York: Macmillan Publishing [1971].
- Armstrong, Hamilton F. 1971. *Peace and Counterpeace. From Wilson to Hitler*. New York: Harper & Row Publishers.
- Arndt, H. W. 1944. *The Economic Lessons of the Nineteen Thirties*. London: Oxford University Press.
- Arnold, Percy. 1938. *The Bankers of London*. London: Hogarth Press.
- Authier, D., and Barriot, J. 1981. *La sinistra comunista in Germania*. Milano: La Salamandra [1976].
- Ayçoberry, Pierre. 1999. *The Social History of the Third Reich, 1933–1945*. New York: The New Press.
- Balachandran, G. 1996. *John Bullion's Empire: Britain's Gold Problem and India Between the Wars*. Richmond, Surrey: Curzon Press.
- Balderston, Theo. 1993. *The Origins and Causes of the German Economic Crisis, November 1923 to May 1932*. Berlin: Haude & Spener.
- Balfour, Michael. 1972. *The Kaiser and His Times*. New York: W. W. Norton & Co.

- Bank of England. Archives of the Bank of England.
- Barkai, Avraham. 1990. *Nazi Economics. Ideology, Theory and Policy*. New Haven: Yale University Press.
- Bärsch, Claus-Ekkehard. 1998. *Die politische Religion des Nationalsozialismus*. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Beaverbrook, Lord. 1966. *The Abdication of King Edward VIII*. New York: Atheneum.
- Beck, Earl. 1955. *Verdict on Schacht: A Study in the Problem of Political Guilt*. Tallahassee: Florida State University Berghahn Press.
- Benoist-Méchin, I. 1966. *Histoire de l'armée allemande*. Paris: Éditions Albin Michel.
- Berghahn, Volker R. 1994. *Imperial Germany, 1871–1914*. Providence, RI: Berdahn Press.
- Bettelheim, Bruno. 1946. *Leconomie allemande sous le nazisme: un aspect de la decadencedu capitalisme*. Paris: Librairie Marcel Riviere et Cie.
- Bloch, Michael. 1984. *Operation Willi. The Plot to Kidnap the Duke of Windsor, July 1940*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Bopp, Karl R. 1939. *Hjalmar Schacht: Central Banker*. University of Missouri Studies.
- Borkin, Joseph. 1978. *The Crime and Punishment of I. G. Farben*. New York: The Free Press.
- Born, Karl Erich. 1967. *Die deutsche Bankenkrise 1931, Finanzen und Politik*. München: R.Piper & Co. Verlag.
- Boyle, Andrew. 1967. *Montagu Norman*. London: Cassell.
- Bresciani-Turroni, Costantino. 1968. *The Economics of Inflation*. New York: Augustus M. Kelley [1931].
- Broszat, Martin. 1987. *Hitler and the Collapse of Weimar Germany*. Leamington Spa: Berg [1984].
- Bruce Lockart, R. H. 1933. *British Agent*. London: G. P. Putnam & Sons.
- Callot, Maurice. 1934. *Le mark allemand depuis 1924*. Paris: Librairie Arthur Rousseau.
- Carr, Edward Hallett. 1951. *German-Soviet Relations Between the Two World Wars, 1914–1939*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Carr, Edward Hallett. 1953. *The Bolshevik Revolution 1917–1923*, Vol. 3. London: Macmillan & Co. Ltd.
- Chaitkin, Anton. 1985. *Treason in America, from Aaron Burr to Averell Harriman*. New York: New Benjamin Franklin House.
- Chernow, Ron. 1993. *The Warburgs. The Twentieth-Century Odyssey of a Remarkable Jewish Family*. New York: Random House.

- Clarke, Stephen V. O. 1967. *Central Bank Cooperation, 1924–1931*. New York: Federal Reserve Bank of New York.
- Clay, Henry. 1957. *Lord Norman*. London: Macmillan and Co.
- Cornwell, John. 1999. *Hitler's Pope. The Secret History of Pius XII*. New York: Viking.
- D'Abernon, Viscount. 1929. *The Diary of an Ambassador*. New York: Doubleday, Doran & Company, Inc.
- Dana Noyes, Alexander. 1938. *The Market Place. Reminiscences of a Financial Editor*. Boston: Little, Brown & Company.
- Deacon, Richard. 1968. *John Dee. Scientist, Geographer, Astrologer & Secret Agent to Elizabeth I*. London: Frederick Muller.
- Deacon, Richard. 1969. *A History of the British Secret Service*. London: Frederick Muller.
- De Cecco, Marcello. 1979. *Moneta e impero. Il sistema finanziario internazionale dal 1890 al 1914*. Torino: Piccola Biblioteca Einaudi.
- Degrelle, Léon. 1987. *Hitler: Born at Versailles*. Costa Mesa: Institute for Historical Review.
- De Jonge, Alex. 1978. *The Weimar Chronicle. Prelude to Hitler*. New York: Meridian Books.
- Delarue, Jacques. 1964. *The Gestapo. A History of Horror*. New York: Dell.
- Delivanis, Démètre J. 1934. *La politique des banques allemandes, en matière de crédit à court terme*. Paris: Librairie du Recueil Sirey.
- Dell, Robert. 1934. *Germany Unmasked*. London: Martin Hopkins Ltd.
- De Poncins, Leon. 1996. *The Secret Powers Behind Revolution*. San Pedro, CA: GSG Publishers[1929].
- Döblin, Alfred. 1983. *Karl & Rosa*. New York: Fromm International Publishing Corporation[1950].
- Dodd, William. 1941. *Ambassador Dodd's Diary, 1933–1938*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Dorpalen, Andreas. 1942. *The World of General Haushofer. Geopolitics in Action*. New York: Farrar & Rinehart Inc.
- Dupeux, Louis. 1974. *National-Bolchévisme en Allemagne, sous la République de Weimar (1919–1933)*. Paris: Librairie Honoré Champion.
- Eckart, Dietrich. 1978. 'Jewishness In and Around Us: Fundamental Reflections', in Barbara Miller Lane and Leyla J. Rupp (eds.), *Nazi Ideology Before 1933. A Documentation* [1919]. Austin: University of Texas Press.
- Eichengreen, Barry. 1992. *Golden Fetters. The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939*. New York: Oxford University Press.

- Eisner, Freya. 1979. Kurt Eisner: die Politik des libertären Sozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Einzig, Paul. 1932. *The Tragedy of the Pound*. London: Kegan, Paul, Trench, Tmbner & Co., Ltd.
- Epstein, Edward Jay. 1996. *Dossier. The Secret Story of Armand Hammer*. New York: Random House.
- Epstein, Klaus. 1959. *Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy*. Princeton: Princeton University Press.
- Erger, Johannes. 1967. *Der Kapp-Lüttwitz Putsch. Ein Beitrag zur deutschen Innenpolitik*. Düsseldorf: Droste Verlag.
- Ericson, Edward E. 1999. *Feeding the German Eagle. Soviet Economic Aid to Nazi Germany, 1933–1941*. Westport, CT: Praeger.
- Erusalimskij, A. S. 1974. *Da Bismarck a Hitler. L'imperialismo tedesco nel XX secolo*. Roma: Editori Riuniti.
- Erzberger, Matthias. 1919. *Reden zu Neuordnung des deutschen Finanzwesens*. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing.
- Eyck, Erich. 1966. *Storia della repubblica di Weimar, 1918–1933* (Geschichte der weimarer Republik). Torino: Giulio Einaudi Editore [1956].
- Feldman, Gerald. 1997. *The Great Disorder. Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924*. Oxford: Oxford University Press.
- Felstead, Sidney Theodore. 1920. *German Spies at Bay. Being an Actual Record of the German Espionage in Great Britain during the Years 1914–1918 (Compiled from Official Sources)*. London: Hutchinson & Co.
- Ferguson, Niall. 1999. *The Pity of War*. New York: Basic Books.
- Fest, Joachim. 1975. *Hitler*. New York: Vintage Books [1973].
- Feuchtwanger, E. J. 1995. *From Weimar to Hitler. Germany, 1918–1933*. New York: St. Martin's Press.
- Fischer, Klaus P. 1996. *Nazi Germany. A New History*. New York: Continuum.
- Fleming, Peter. 1963. *The Fate of Admiral Kolchak*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc.
- Forbes, Neil. 2000. *Doing Business With the Nazis. Britain's Economic and Financial Relations With Germany, 1931–1939*. London: Frank Cass.
- Forzoni, Angiolo. 1991. *Rublo. Storia civile e monetaria delle Russia da Ivan a Stalin*. Roma: Valerio Levi Editore.
- Fourgeaud, André. 1926. *La dépréciation et la revalorisation du Mark allemand, et les enseignements de l'expérience monétaire allemande*. Paris: Payot.
- François-Poncet, André. 1949. *The Fateful Years. Memoirs of a French Ambassador in Berlin, 1931–1938*. London: Victor Gollancz.

- Fromkin, David. 1989. *A Peace to End all Peace. The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East*. New York: Avon Books.
- Gallo, Max. 1997. *The Night of the Long Knives*. New York: Da Capo Press [1972].
- Garrett, Garet. 1931. *The Rescue of Germany & As Noble Lenders*. New York: The Chemical Foundation.
- Gatzke, Hans W. 1972. 'Russo-German Military Collaboration During the Weimar Republic', in H. W. Gatzke (ed.), *European Diplomacy Between Two Wars. 1919-1933*. Chicago: Quadrangle Books.
- Gay, Edwin F. 1931. 'The Gold Problem', in *Foreign Affairs*, January, Vol. 9.
- Gay, Peter. 2001. *Weimar Culture. The Insider as Outsider*. New York: W. W. Norton & Company.
- Gerson, Werner. 1969. *Le Nazisme société secrète*. Paris: J'ai lu.
- Gesell, Silvio. 1920. *The Natural Economic Order*. San Antonio: Free-Economy Publishing Co.
- Gilbert, G. M. 1995. *Nuremberg Diary*. New York: Da Capo Press [1947].
- Gilbert, Martin. 1966. *The Roots of Appeasement*. New York: New American Library.
- Giordani, Paolo. 1915. *L'impero coloniale tedesco*. Milano: Fratelli Treves Editori.
- Goerlitz, Walther. 1962. *History of the German General Staff 1657-1945*. New York: Frederick A. Praeger Publishers.
- Goethe, Johann Wolfgang. 1949. *Goethe's Faust, Part Two* (Prose translation by Max Dietz). Pennsylvania: Bryn Mawr [1831].
- Golecki, Anton (ed.). 1980. *Das Kabinett Bauer (21 Juni 1919 bis 27 März 1920). Akten der Reichkanzlei weimarer Republik*. Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag.
- Goodrick-Clarke, Nicholas. 1985. *The Occult Roots of Nazism. Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology*. New York: New York University Press.
- Goodspeed, D. J. 1966. *Ludendorff. Soldier, Dictator, Revolutionary*. London: Rupert Hart-Davis.
- Gordon Levin, N. Jr. 1968. *Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Graham, F. D. 1930. *Exchange, Prices and Production in Hyper-Inflation Germany, 1920-1923*. Princeton: Princeton University Press.
- Gregory, Paul. 1982. *Russian National Income (1885-1913)*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Gromyko, Andrej. 1985. *Lespansione internazionale del capitale, storia e attualità*. Roma: Editori Riuniti [1982].
- Gross, Felix. 1940. *Al Knew Those Spies*. London: Hurst & Blackett.
- Gunther, John. 1938. *Inside Europe*. New York: Harper & Brothers.
- GyomaI, Imre. 1939. *Trebitsch-Lincoln. Le plus grand aventurier du siècle*. Paris: Les Éditions de France.
- Haffner, Sebastian. 1986. *Failure of a Revolution. Germany, 1918-1919*. Chicago: Banner Press [1969].
- Hanfstaengl, Ernst. 1994. *Hitler: The Missing Years*. New York: Arcade Publishing [1957].
- Hanser, Richard. 1970. *Putsch!* New York: Pyramid Books.
- Hardy, Charles O. 1936. *Is There Enough Gold?* Washington DC: Brookings Institution.
- Hargrave, John. 1942. *Montagu Norman*. New York: Greystone Press.
- Haushofer, Karl. 1937. *Weltmeere und Weltmächte*. Berlin: Zeitgeschichte Verlag.
- Heiden, Konrad. *Der Fuehrer. Hitler's Rise to Power*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Helbig, Herbert. 1958. *Die Träger der Rapallo Vertrag*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Henning, F. W. 1973. 'Die zeitliche Einordnung der Überwindung der Wirtschaftskrise in Deutschland', in Harald Winkel (ed.), *Finanz- und Wirtschaftspolitische Fragen der Zwischenkriegszeit*, Band 73. Berlin: Duncker & Humblot.
- Henning, F. W. 1974. *Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1972*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Hermant, Max. 1931. *Les paradoxes économiques de l'Allemagne moderne 1918-1931*. Paris: Librairie Armand Collin.
- Hervier, Julien. 1978. *Deux individus contre l'histoire: Pierre Drieu la Rochelle, Ernst Jünger*. Paris: Editions Klincksieck.
- Higham, Charles. 1983. *Trading With the Enemy: An Exposé of the Nazi-American Money Plot, 1933-1949*. New York: Delacorte Press.
- Higham, Charles. 1988. *The Duchess of Windsor. The Secret Life*. New York: McGraw & Hill.
- Hirst, Francis W. 1931. *Wall Street and Lombard Street. The Stock Exchange Slump of 1929 and the Trade Depression of 1930*. New York: Macmillan Company.
- Hirst, Francis W. 1934. *Money, Gold, Silver and Paper*. New York: Charles Scribner's Sons.

- Hitler, Adolf. 1953. *Hitler's Secret Conversations 1941-1944*. New York: Farrar, Straus & Young.
- Hitler, Adolf. 1971. *Mein Kampf*. Boston: Houghton Mifflin Company [1925].
- Holborn, Hajo. 1969. *A History of Modern Germany*. Princeton: Princeton University Press.
- Hölderlin, Friedrich. 1922. Hyperion, Empedokles. Weimar: Erich Liechtenstein Verlag [17991].
- Hölderlin, Friedrich. 1984. *Humns and Fragments* (trans. Richard Sieburth). Princeton: Princeton University Press [1801-1806].
- Holtfrerich, Ludwig. 1989. *L'inflazione tedesca, 1914-1923* (Die deutsch Inflation). Bari: Laterza [1980].
- Hoops, Reinhold. 1940. *Englands Selbst-täuschung*. Berlin: Zentralverlag NSDAP Franz Eher Nachfolger GmbH.
- House, Edward. 1926. *The Intimate Papers of Colonel House, Arranged as Narrative by Charles Seymour*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Hutton, Graham. 1937. *Is it Peace?* New York: Macmillan Company.
- International Military Tribunal. 1948. *Trial of the Major War Criminals*, 14 November 1945-1 October 1946, Vol. XXII. Nuremberg.
- Irving, David. 1978. *The War Path: Hitler's Germany, 1933-1939*. London: Michael Joseph.
- Irving, David. 1987. *Churchill's War: Vol. 1, The Struggle for Power*. Bullsbrook, Australia: Veritas Publishing Company.
- Irving, David. 1990. *Hitler's War*. New York: Avon Books.
- Jaques, Hermann. 1932. *Allemagne, société à responsabilité limitée*. Paris: Éditions de la revue mondiale.
- Jean, Carlo. 1995. *Geopolitica*. Bari: Laterza.
- Johannsen, N. J. 1971. *A Neglected Point in Connection with Crises*. New York: Augustus M. Kelley Publishers [1908].
- Jorgensen, Elizabeth W., and Jorgensen, Henry I. 1999. *Thorstein Veblen. Victorian Firebrand*. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
- Jünger, Ernst. 1938. *Das abenteuerliche Herz. Figuren und Capriccios*. Hamburg: HanseatischeVerlaganstalt.
- Jünger, Ernst 1947. *On the Marble Cliffs*. Norfolk, CT: New Directions.
- Kaes, A., Jay, M., and Dimendberg, E. (eds.). 1994. *The Weimar Republic Sourcebook*. Berkeley: University of California Press.
- Kästner, Erich. 1990. *Fabian: The Story of a Moralistic Evanston*. Northwestern University Press [1931].

- Kennan, George E. 1960. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston: Little, Brown & Co.
- Kennedy, Paul M. 1980. *The Rise of Anglo-German Antagonism, 1860–1914*. London: Ashfield Press.
- Kershaw, Ian. 1998. *Hitler: 1889–1936: Hubris*. New York: W. W. Norton & Co.
- Kessler, Harry. 1995. *Rathenau*. Bologna: Il Mulino [1928].
- Keynes, John Maynard. 1995. *The Economic Consequences of the Peace*. New York: Penguin Books [1920].
- Kilzer, Louis. 1994. *Churchill's Deception. The Dark Secret that Destroyed Germany*. New York: Simon & Schuster.
- Kindleberger, Charles P. 1987. *The World in Depression, 1929–1939*. New York: Penguin Books.
- King, Greg. 1995. *The Man Who Killed Rasputin. Prince Felix Youssoupov and the Murder That Helped Bring Down the Russian Empire*. New York: Citadel Press.
- King, Greg. 1999. *The Duchess of Windsor. The Uncommon Life of Wallis Simpson*. New York: Citadel Press.
- Kissenkoetter, Udo. 1978. *Gregor Straßer und die NSDAP*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Knickerbocker, H. R. 1941. *Is Tomorrow Hitler's?* New York: Reynal & Hitchcock.
- Könnemann, Erwin. 2000. 'Kapp-Putsch gegen die weimarer Republik. Ein Spiel mit den roten und den weissen Russen', *Der Tagesspiel* (March 14, 2000).
- Krivitsky, W. G. 2000. *In Stalin's Secret Service*. New York: Enigma Books [1941].
- Kunz, Diane. 1987. *The Battle for Britain's Gold Standard in 1931*. London: Groom Helm.
- Lampe, David, and Szenasi, Lazlo. 1961. *The Self-made Villain. A Biography of I. T. Trebitsch-Lincoln*. London: Cassell.
- Laporte, Maurice. 1933. *Bouddha contre l'Intelligence Service*. Paris: Alexis Redier Éditeur.
- Lattimer, John K. 2001. *Hitler & the Nazi Leaders. A Unique Insight into Evil*. New York: Hippocene Books, Inc.
- Leach, Paul R. 1930. *That Man Dawes*. Chicago: Reilly & Lee Co.
- Lebergott, Stanley. 1984. *The Americans. An Economic Record*. New York: Norton & Co.
- Lee, Marshall M., and Michalka, Wolfgang. 1987. *German Foreign Policy, 1917–1933: Continuity or Break?* Leamington Spa: Berg.

- Leibovitz, Clement, and Finkel, Alvin. 1998. *In Our Time. The Chamberlain-Hitler Collusion*. New York: Monthly Review Press.
- Lentin, Anthony. 2001. *Lloyd George and the Lost Peace. From Versailles to Hitler, 1919–1940*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Levien, J. R. 1966. *Anatomy of a Crash – 1929*. New York: Traders Press.
- Lewis, Cleona. 1941. *Nazi Europe and World Trade*. Washington DC: Brookings Institution.
- Liddell Hart, B. H. 1930. *The Real War, 1914–1918*. Boston: Little, Brown & Company.
- Lockett, Richard, 1971. *The White Generals. An Account of the White Movement in Russia and the Russian Civil War*. New York: Viking Press.
- Lunn, Eugene. 1973. *Prophet of Community. The Romantic Socialism of Gustav Landauer*. Berkeley: University of California Press.
- Lurie, Samuel. 1947. *Private Investment in a Controlled Economy*. New York: Columbia University Press.
- Macmillan, Margaret. 2002. *Paris 1919. Six Months that Changed the World*. New York: Random House.
- Maisky, Ivan. 1964. *Who Helped Hitler?* London: Hutchinson [1962].
- Manchester, William. 1968. *The Arms of Krupp, 1857–1968*. Boston: Little, Brown and Company.
- Maquenne, Paul. 1940. *L'hérésie économique allemande*. Paris: Guerre 39, Union Latine.
- Marczewski, Jan. 1941. *Politique monétaire et financière du III Reich*. Paris: Librairie du Recueil Sirey.
- Marlowe, Christopher. 1959. *The Tragedy of Doctor Faustus*. New York: Washington Square Press [1588].
- Marshall, S. L. A. 1992. *World War I*. Boston: Houghton Mifflin Company [1964].
- Mauss, Marcel. 1997. *Écrits politiques*. Paris: Librairie Arthème Fayard [1924].
- Maynard, John. 1948. *Russia in Flux*. New York: Macmillan Company.
- McCormick, Donald. 1963. *The Mask of Merlin. A Critical Study of David Lloyd George*. London: Macdonald.
- McFadden, Louis T. 1970. *Collected Speeches of Congressman Louis T. McFadden, as Compiled from the Congressional Record*. Hawthorne, CA: Omni Publications.
- Mee, Charles L. jr. 1980. *The End of Order, Versailles 1919*. New York: E. P. Dutton.
- Melville, Cecil F. 1932. *The Russian Face of Germany*. London: Wishart & Co.

- Meyer, T. H. (Ed.). 1997. *Light for the New Millennium. Rudolf Steiner's Association with Helmuth von Moltke, Letters, Documents and After-Death Communications*. London: RudolfSteiner Press.
- Meyrink, Gustav. 1995. *The Golem*. Sawtry, Cambs: Dedalus [1915].
- Moeller van den Bruck, Arthur. 1997. *Luomo politico (Der politische Mensch)*. Roma: Settimo Sigillo [1918].
- Moeller van den Bruck, Arthur. 2000. *Il terzo Reich (Das dritte Reich)*. Roma: Edizione Settimo Sigillo [1923].
- Moggridge, D. E. 1972. *British Monetary Policy 1924–1931. The Norman Conquest of \$4.86*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mommsen, Hans. 1972. 'The Reichstag Fire and Its Political Consequences', in Hajo Holborn (ed.), *Republic to Reich. The Making of the Nazi Revolution. Ten Essays*. New York: Vintage.
- Mommsen, Hans. 1989. *The Rise & Fall of the Weimar Democracy*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Montefiore, Simon S. 2004. *Stalin, the Court of the Red Tsar*, New York: Alfred Knopf.
- Moreau, Emile. 1954. *Souvenirs d'un Gouverneur de la Banque de France, histoire de la stabilisation du franc (1926–1928)*. Paris: Librairie de Médicis.
- Morton, Walter A. 1978. *British Finance, 1930–1940*. New York: Arno Press.
- Mowat, Charles Loch. 1955. *Britain Between the Wars, 1918–1940*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mühlen, Norbert. 1939. *Schacht: Hitler's Magician. The Life and Loans of Dr. Hjalmar Schacht*. New York: Alliance Book Corporation.
- Mullins, Eustace. 1991. *Secrets of the Federal Reserve. The London Connection*. Staunton, VA: Bankers Research Institute.
- Musil, Robert. 1995. *The Man Without Qualities (Der Mann ohne Eigenschaften)*. New York: Vintage books [1930–1952].
- Mussolini, Benito. 1954. *Opera omnia, Vol. XIV (1919–1920)*. Firenze: La Fenice.
- Nathan, Otto. 1944. *Nazi War Finance and Banking*. NBER Paper No. 20.
- Noakes, J., and Pridham, G. 1984. *Nazism 1919–1945, Vol. 2: State, Economy and Society, 1933–1939*. Exeter: University of Exeter Press.
- Oesterfeld, Paul. 1943. *La leggenda dell'oro*. Roma: Casa Editrice Mediterranea.
- Overy, R. J. 1994. *War and the Economy in the Third Reich*. Oxford: Clarendon Press.
- Owen, Robert. L. 1927. *The Russian Imperial Conspiracy [1892–1914]*. New York: Albertand Charles Boni.

- Padfield, Peter. 1990. *Himmler, Reichsführer-SS*. London: Macmillan.
- Palyi, Melchior. 1972. *The Twilight of Gold 1914–1936. Myths and Realities*. Chicago: Henry Regnery Company.
- Peterson, Edward Norman. 1954. *Hjalmar Schacht: For and Against Hitler*. Boston: Christopher Publishing House.
- Philips Price, Morgan. 1999. *Dispatches from the Weimar Republic. Versailles and German Fascism*. London: Pluto Press [1919–1929].
- Pipes, Richard. 1995. *A Concise History of the Russian Revolution*. New York: Vintage Books.
- Pool, James, and Pool, Suzanne. 1978. *Who Financed Hitler. The Secret Funding of Hitler's Rise to Power, 1919–1933*. London: MacDonald and Jane's.
- Poole, Kenyon. 1939. *German Financial Policies 1932–1939*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Preziosi, Giovanni. 1941. *Giudaismo, bolscevismo, plutocrazia e massoneria*. Torino: Arnoldo Mondadori.
- Quigley, Carroll. 1966. *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time*. New York: Macmillan Company.
- Quigley, Carroll. 1981. *The Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden*. San Pedro, CA: GSG & Associates Publishers.
- Radzinsky, Edvard. 1996. *Stalin*. New York: Doubleday.
- Rathenau, Walther. 1921. *In Days to Come (Von kommenden Dingen)*. London: George Alien & Unwin [1917].
- Rathenau, Walther. 1964. *Schriften und Reden*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.
- Reed, Douglas. 1944. *Nemesi? La storia di Otto Strasser (Nemesis? The History of Otto Strasser)*. Roma: Edizioni delle catacombe.
- Reed, Douglas. 1953. *The Prisoner of Ottawa, Otto Strasser*. London: Jonathan Cape.
- Riddell, L. 1934. *Intimate Diary of the Peace Conference and After, 1918–1923*. New York: Reynal & Hitchcock.
- Ringer, Fritz K. 1969. *The German Inflation of 1923*. New York: Oxford University Press.
- Robbins, Lionel. 1934. *The Great Depression*. New York: Macmillan Company.
- Roberts, Stephen H. 1938. *The House That Hitler Built*. New York: Harper & Brothers Publishers.
- Robinson, George Buchan. 1935. *Monetary Mischief*. New York: Columbia University Press.

- Rose, Detlev. 1994. *Die Thule-Gesellschaft. Legende, Mythos, Wirklichkeit*. Tübingen: GrabertVerlag.
- Rosenberg Alfred. 1934. *Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit*. München: Honeichen-Verlag.
- Rosenberg, Arthur. 1945. *Storia della repubblica tedesca (Deutsche Republik)*. Roma: Edizioni Leonardo [1934].
- Rueff, Jacques. 1977. *De l'aube au crépuscule. Autobiographic de l'auteur*. Paris: Librairie Plon.
- Salzmann, Stephanie. 2003. *Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and After, 1922–1934*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press.
- Sasuly, Richard. 1947. 1. *G. Farben*. New York: Boni & Gear.
- Sauvy, Alfred. 1965. *Histoire économique de la France entre les deux guerres*. Paris: Fayard.
- Schacht, Hjalmar. 1931. *Das Ende der Reparationen*. Oldenburg: Gerhard Stalling.
- Schacht, Hjalmar. 1955. *My First Seventy-Six Years. The Autobiography of Hjalmar Schacht*. London: Alien Wingate.
- Schacht, Hjalmar. 1968. *1933: Wie eine Demokratie stirbt*. Düsseldorf: Econ-Verlag.
- Schiller, Karl. 1936. *Arbeitsbeschaffung und Finanzordnung in Deutschland*. Berlin: Junkerund Dünnhaupt Verlag.
- Schmidt, Carl T. 1934. *German Business Cycles, 1924–1933*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Schmidt, Paul. 1951. *Da Versaglia a Norimberga*. Roma: L'arnia.
- Schoenbaum, David. 1980. *Hitler's Social Revolution. Class and Status in Nazi Germany, 1933–1939*. New York: W. W. Norton & Company, Inc. [1966].
- Schulze, Hagen. 1993. *La repubblica di Weimar, la Germania dal 1918 al 1933 (Weimar, Deutschland 1918–1933)*. Bologna: Il Mulino [1983].
- Schultz, Sigrid. 1944. *Germany Will Try It Again*. New York: Reynal & Hitchcock.
- Silfen, Paul Harrison. 1973. *The Völkisch Ideology & The Roots of Nazism. The Early Writings of Artur Moeller van den Bruck*. New York: Exposition Press.
- Silverman, Dan P. 1998. *Hitler's Economy. Nazi Work Creation Programs, 1933–1936*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Simonds, Frank H. 1934. *Can Europe Keep the Peace?* New York: Blue Ribbon Books, Inc.
- Smele, Jonathan. 1996. *Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Smith, Alfred. 2001. *Rudolf Hess and Germany's Reluctant War, 1939-1941*. Sussex: Book Guild Ltd.
- Smith, Woodruff D. 1986. *The Ideological Origins of Nazi Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Somary, Felix. 1932. *Die Ursache der Krise*. Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Stafford, David. 1999. *Churchill and the Secret Service*. New York: Overlook Press.
- Stehlin, Stewart A. 1983. *Weimar and the Vatican, 1919-1933*. Princeton: Princeton University Press.
- Stewart, George. 1933. *The White Armies of Russia: A Chronicle of Counter-Revolution and Allied Intervention*. New York: Macmillan Company.
- Stewart, Maxwell S. 1931. 'Silver - Its International Aspects', *Foreign Policy Reports*, Vol. VII, No. 13.
- Stürmer, Michael. 1993. *L'impero inquieto, 1866-1918 (Das ruhelose Reich, 1867-1918)*. Bologna: II Mulino [1983].
- Sutton, Anthony C. 1981. *Wall Street and the Bolshevik Revolution*. New Rochelle, NY: Arlington House Publishers.
- Sutton, Anthony C. 1976. *Wall Street and the Rise of Hitler*. Sudbury. Suffolk: Bloomfield Books.
- Tacitus. 1992. *Agricola, Germania, Dialogus*. Cambridge, MA: Harvard University Press (Loeb Classical Library) [98 AD].
- Tarle, Evgheni V. 1959. *Storia d'Europa, 1871-1919*. Bologna: Editori Riuniti [1928].
- Tarpley, Webster Griffin, and Chaitkin, Anton. 1992. *George Bush. The Unauthorized Biography*. Washington DC: Executive Intelligence Review.
- Thamer, Hans Ulrich. 1993. *Il Terzo Reich (Verführung und Gewalt, Deutschland 1933-1945)*. Bologna: II Mulino [1986].
- Thomas, Gordon. 1989. *Journey into Madness. The True story of Secret CIA Mind Control and Medical Abuse*. New York: Bantam Books.
- Thomas, Hugh. 1979. *The Murder of Rudolf Hess*. New York: Harper & Row Publishers.
- Toland, John. 1976. *Adolf Hitler*. Garden City, NY: Doubleday & Co.
- Toller, Ernst. 1934. *I Was a German. The Autobiography of Ernst Toller*. New York: William Morrow and Company.
- Troeltsch, Ernst. 1977. *La democrazia improvvisata, la Germania dal 1918 al 1922*. Napoli: Guida Editori [1924].
- Trotsky, Leon. 1959. *The Russian Revolution. The Overthrow of Tzarism & the Triumph of the Soviets*. New York: Doubleday Anchor Books [1930].

- Trotsky, Leon. 1971. *The Struggle Against Fascism in Germany*. New York: Pathfinder Press [1931–1933].
- Truhtil, R. J. 1936. *British Banks and the London Money Market*. London: Jonathan Cape.
- Turner, Henry Ashby Jr. 1985. *German Big Business and the Rise of Hitler*. Oxford: Oxford University Press.
- Van Zanden, Jan. 1997. *The Economic History of the Netherlands, 1914–1995*. London: Routledge.
- Veblen, Thorstein. 1915. *Imperial Germany and the Industrial Revolution*. London: Macmillan & Co.
- Veblen, Thorstein. 1919. *The Vested Interests and the Common Man (The Modern Point of View and the New Order)*. New York: B. W. Huebsch, Inc.
- Veblen, Thorstein, 1963. *The Engineers and the Price System*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc. [1921].
- Veblen, Thorstein. 1964. *Essays in Our Changing Order*. New York: Augustus M. Kelley [1915].
- Veblen, Thorstein. 1969. *The Place of Science in Modern Civilization*. New York: Capricorn Books [1907].
- Veblen, Thorstein. 1979. *The Theory of the Leisure Class*. New York: Penguin books [1899].
- Veblen, Thorstein. 1998. *The Nature of Peace*. New Brunswick: Transaction Books [1917].
- Veranov, Michael (ed.). 1997. *The Mammoth Book of the Third Reich at War*. New York: Carroll & Graf Publishers Inc.
- Vermeil, Edmond. 1945. *Germany's Three Reichs. Their History and Culture*. London: Andrew Dakers Limited.
- Vibert, Henri. 1936. *Fronte a l'Inghilterra*. Firenze: Beltrami Editore.
- Volkogonov, Dmitri. 1996. *Trotsky, the Eternal Revolutionan*: New York: The Free Press.
- Volkogonov, Dmitri. 1991. *Stalin. Triumph and Tragedy*. New York: Grove Weidenfeld.
- Von Bernhardi, F. 1914. *Germany and the Next War*. New York: Longmans, Green & Co. [1911].
- Von Bülow, Bernhard. 1931. *Le memorie del Principe di Bülow, Volume III, 1901–1920*. Milano: Arnoldo Mondadori.
- Von Bülow, Bernhard. 1994. *La Germania imperiale*. Prodenone: Edizioni Studio Tesi [1914].

- Von Salomon, Ernst. 1954. *The Answers of Ernst von Salomon. The 131 Questions in the Allied Military Government. 'Fragebogen'*. London: Putnam [1951].
- Von Salomon, Ernst. 1979. *I proscritti (Die Geächteten)*. Parma: Edizioni all'insegna de Iveltro [1930].
- Von Sebottendorff, Rudolf. 1987. *Prima che Hitler venisse. Storia della Società Thule (Bevor Hitler kam)*. Torino: Edizioni Delta-Arktos [1933].
- Walsh, Edmund A. 1948. *Total Power. A Footnote to History*. New York: Doubleday & Company, Inc.
- Wasserstein, Bernard. 1988. *The Secret Lives of Trebitsch-Lincoln*. New York: PenguinBooks.
- Weitz, John. 1997. *Hitler's Banker: Hjalmar Horace Greeley Schacht*. Boston: Little, Brown & Company.
- Wheatley, Dennis. 1938. *Red Eagle. The Story of the Russian Revolution*. London: The Book Club.
- Wheeler-Bennett, John. 1961. *The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918-1945*. London: Macmillan & Co.
- Williams, Francis. 1965. *A Pattern of Rulers*. London: Longman.
- Williamson, David G. 1991. *The British in Germany, 1918-1930. The Reluctant Occupiers*. New York: Berg Publishers.
- Winkler, Heinrich August. 1998. *La repubblica di Weimar, 1918-1933: storia della prima repubblica tedesca*. Roma: Donzelli Editore [1993].
- Wolff, Robert. 1943. *Économic et finances de la France, passe et avenir*. New York: Brentano's.
- Woodman, Dorothy. 1934. *Hitler Rearms. An Exposure of Germany's War Plans*. London: John Lane, Bodley Head Limited.
- Zeman, Z. A. B., and Scharlan, W. B. 1965. *The Merchant of Revolution. The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867-1924*. London: Oxford University Press.
- Zveteremich, Pietro. 1988. *17 grande Parvus*. Milano: Garzanti.

Благодарности

Прежде всего, я хочу поблагодарить мое родное учреждение, университет Вашингтона в Такоме – за непоколебимую поддержку, какую он оказал мне в проведении исследования на эту тему, и за помощь в дальнейшей переработке материалов в курс лекций, читанных мною на протяжении пяти лет. Особую признательность хочу выразить директору и профессору Биллу Ричардсону, профессору Энтони Д'Коста и профессору Майклу Аллену. В таком же неоплатном долгу нахожусь я и перед профессором Зарембкой за его неутомимую поддержку моего проекта, и перед Роджером ван Званебергом, сотрудником издательства «Плутто-Пресс», за то, что он рискнул принять мою рукопись, помог, как должно, ее оформить, очистив от наиболее едких метафор. Не менее важным было участие целого сонма ангелов-хранителей во главе с доктором Фаридом Мотамеди и профессором Джоном Эллиот том, которые неизменно прикрывали меня. Сердечная благодарность профессору Монике Суджян, которая открыла мне неисчерпаемую глубину германского мира, разделив, кроме того, со мной муки изгнанника. С благодарностью я всегда думаю о моей семье и друзьях в Италии, Франции и Такоме. Пользуясь случаем, хочу передать сердечный привет моему старому товарищу Андреа.

ГВИДО ДЖАКОМО ПРЕПАРАТА

ГИТЛЕР, Inc.

Как Британия и США создавали Третий рейх

Перевод с английского *А. Анваера*

Художник *Е. Амитон*
Редактор *Л. Миронова*
Корректор *О. Иванова*
Верстка *Е. Щербакова*

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

По вопросам оптовых закупок обращаться:
тел./факс (495)788-72-10;
e-mail: info@pokolenie.ru

ООО Издательство «Поколение»
127549, Москва, ул. Пришвина, 8/1. Тел./факс (495) 788-72-10
www.pokolenie.ru

Подписано в печать 25.01.2007 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «NewBaskerville»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28.
Тираж 3000 экз. Заказ № 518

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Нацистский режим для многих из наших соотечественников — это Вторая мировая война. Для Европы — эпоха. В коллективном представлении Запада не существует ничего худшего, нежели нацизм. Не было больших святотатств, большей жестокости, бесчеловечности, большего обмана, чем те, которые совершил невиданный режим, властвовавший в Центральной Европе на протяжении двенадцати лет. До сих пор не иссякает мощный поток книг, статей и фильмов, показывающих суть нацизма. Будучи профессиональным экономистом, **Гвидо Джакомо Препарата** почти 10 лет изучал нацистский режим. Как такое зло могло явиться на свет? Взгляды автора на историю Европы существенно отличаются от известных широкой публике.

Последовавшее за поражением нацизма воцарение **Rex Americana** («Мир американский») имело, по мнению Г. Препарата, подготовленную десятилетиями почву, ставило конкретные цели и очень дорого обошлось Европе. Нацисты ни при каких обстоятельствах не могли стать порождением слепого случая. Писатель показывает, что на протяжении 15 лет (1919-33) англо-саксонская элита активно вмешивалась в германскую политику, имея осознанное намерение создать движение, каковое можно было бы впоследствии использовать как пешку в большой геополитической интриге.

История, рассказанная в этой книге, — это, по сути, **история Британской империи**, которая, напуганная ростом могущества юного Германского рейха, начала разрабатывать и приводить в исполнение секретный план стратегического окружения Евразийского массива. Главная цель этого масштабного окружения — уничтожить то, что сможет угрожать самому существованию Британской империи в наступающем столетии. Придя к этому пониманию, Британия начала кампанию, имевшую целью **расчленение Евразии...**

ISBN 978-5-9763-0035-4

Эту книгу можно купить
в самом большом магазине
электронных книг

WWW.RUCARTA.RU

RUCARTA

ГИТЛЕР, Inc.

**Г В И Д О Д Ж А К О М О
ПРЕПАРАТА**

ПОКОЛЕНИЕ